

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ISSN 2412-6446

 СЛАВЯНСКИЙ МИР

2021 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Том 16

№ 3–4

Главный редактор журнала
Елена Семёновна Узеньва
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Ответственный секретарь
Лидия Юрьевна Пахомова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Научная редакция

Светлана Ивановна Данченко
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Ольга Сергеевна Каштанова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Анна Андреевна Леонтьева
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Наталья Александровна Лунькова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Ксения Валерьевна Мельчакова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Пётр Владимирович Мошечков
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Татьяна Ивановна Чепелевская
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Редакционная коллегия

Оксана Анатольевна Запека
РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия
Евгений Андреевич Колосков
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Константин Владимирович Никифоров
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Владимир Яковлевич Петрухин
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Анна Аркадьевна Плотникова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Андрей Николаевич Соболев
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
Ольга Александровна Туфанова
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
Москва, Россия
Артём Акопович Улуния
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Ольга Владимировна Хаванова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Евгений Александрович Яблоков
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Редакционный совет

Дёрдь Бебешти
Печский университет, Печ, Венгрия
Алеш Заржицкий
Остравский университет, Острава, Чехия
Наталья Корина
Венский университет, Вена, Австрия
Христина Марку
Фракийский университет имени Демокрита,
Комотини, Греция
Дорота Пазио-Влазловска
Институт славистики Польской академии наук,
Варшава, Польша
Пенка Пейковска
Институт истории Болгарской академии наук,
София, Болгария
Сузана Раич
Белградский университет, Белград, Сербия
Витторни Томеллери
Туринский университет, Турин, Италия
Штефан Трёбст
Лейпцигский университет, Лейпциг, Германия
Сандра Хаджихалилович
Задарский университет, Задар, Хорватия

Редакторы (русский язык)

Ирина Семёновна Пекунова
Валерия Станиславовна Кучко

Редактор-корректор (английский язык)

Кристофер Уолш

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES RAS

ISSN 2412-6446

SLAVIC WORLD

2021 IN THE THIRD
MILLENNIUM

Volume 16

Issue 3–4

Editor-in-Chief

Elena S. Uzeneva
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Executive Editor

Lidia Yu. Pakhomova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant Editors

Tatyana I. Chepelevskaya
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Svetlana I. Danchenko
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga S. Kashtanova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anna A. Leontyeva
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Natalia A. Lunkova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ksenia V. Melchakova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Petr V. Moshechkov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial Board

Olga V. Khavanova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Evgenii A. Koloskov
Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Konstantin V. Nikoforov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladimir Ya. Petrukhin
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anna A. Plotnikova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Andrey N. Sobolev
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg

Olga A. Tufanova
A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Artyom A. Ulunyan
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Evgeny A. Yablokov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Oksana A. Zapeka
Kosygin Russian State University, Moscow, Russia

Advisory Board

György Bebesi
University of Pécs, Pécs, Hungary

Sandra Hadžihalilović
University of Zadar, Zadar, Croatia

Natalia Korina
University of Vienna, Vienna, Austria

Christina Markou
University of Thrace, Komotini, Greece

Dorota Pazio-Wlazłowska
Institute of Slavic Studies,
Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Penka Peykovska
Institute for Historical Studies,
Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Suzana Rajić
University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Vittorio S. Tomelleri
University of Turin, Turin, Italy

Stefan Troebst
Leipzig University, Leipzig, Germany

Aleš Zářický
Ostrava University, Ostrava, Czech Republic

Russian Language Copy-Editors

Irina S. Pekunova
Valeria S. Kuchko

English Language Copy-Editor

Christopher Walsh

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Николай Николаевич Наумов*
К проблеме чешско-немецких противоречий в Гуситских войнах 9
- Лариса Михайловна Аржакова*
«Живописная Россия» (1878/1881–1901) как способ
конструирования российской имперской идентичности
(на примере поляков) 17
- Михаил Михайлович Кондратенко*
Лексико-семантические особенности обозначения времени
в украинских говорах Карпат 37
- Мартина Боцанова*
Образы социальной реальности жизни женщин в любовных песнях 53
- Инна Вениаминовна Вернер*
Супин в чешских библейских переводах
эпохи национального возрождения (вторая половина XIX в.) 83
- Дарья Юрьевна Ващенко*
Опыт виртуального обследования народной культуры
градишанскохорватского села Кольноф (западная Венгрия) 93
- Ксения Викторовна Осипова*
Чай в культурно-языковой традиции Русского Севера 104
- Алла Олеговна Бурцева*
Стратегии перевода туркменской поэзии
из советских альманахов 1930-х гг. на русский язык:
предварительные наблюдения 125

Из истории славяноведения

- Войцех Мондры*
Взгляд на «Словарь славянских древностей»
спустя четверть века с момента издания 149

Славистика без границ

- Штефан Трёбст*
«О попытках стать историком Восточной Европы»:
промежуточный итог с миграционными осложнениями. Часть 2 165

О времени и о себе

- «Надо, чтобы наука стала жизнью...»
Интервью с Альбиной Фёдоровной Носковой 189
- «Институт стал большой удачей моей жизни, мне очень повезло».
Интервью с Викторией Валентиновной Мочаловой. 26 июля 2021 г.
Москва, Нескучный сад 246

Рецензии и обзоры

Ирина Сергеевна Пуяткина

Todorova M. The Lost World of Socialists at Europe's Margins: Imagining Utopia, 1870s – 1920s. London; New York: Bloomsbury, 2020. 384 p.
ISBN 978-1-3501-5033-1 289

Никита Сергеевич Гусев

Кожухаров А. Личните академични документи на българската морска образователна система (1892–1946). Варна: ВВМУ «Н. Й. Вапцаров», 2021. 203 с.
ISBN 978-619-7428-55-1 301

Александра Николаевна Красовец

Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. Maribor: Univerzitetna založba univerze, 2017. 172 str.
ISBN-13 978-961-286-093-61 307

Дискуссионная платформа

Евгений Андреевич Колосков

Третьякова М. Македония-2001. Новый виток кризиса: Исторические предпосылки и политические последствия. М.: Индрик, 2021. 376 с. ISBN 978-5-91674-633-4 321

Юбилеи

Ирина Александровна Седакова

К юбилею Тодора Бояджиева 327

Людмила Норайровна Будагова

Институт победителей (Из истории и в честь юбилея Института славяноведения Российской академии наук) 333

CONTENTS

Articles

Nikolay N. Naumov

On the Problem of the Czech-German Opposition in the Hussite Wars 9

Larisa M. Arzhakova

“Picturesque Russia” (1878/1881–1901) As a Method of Constructing
the Russian Imperial Identity (On the Example of the Poles) 17

Mikhail M. Kondratenko

Lexical and Semantic Features of the Designation of Time
in the Ukrainian Dialects of the Carpathians 37

Martina Bocánová

The Image of the Social Reality of Women’s Lives in Love Songs 53

Inna V. Verner

The Supine in Czech Biblical Translations of the National Revival Period
(Second Half of the Nineteenth Century) 83

Daria Yu. Vashchenko

The Experience of the Virtual Investigation of the National Culture
of the Burgenland Croatian Village of Koljnof (Western Hungary) 93

Ksenia V. Osipova

Tea in the Cultural and Linguistic Tradition of the Russian North 104

Alla O. Burtseva

Strategies of Translation of Turkmen Poetry from the Almanacs
of the 1930s into Russian: Preliminary Observation 125

From the history of Slavic Studies

Wojciech Mądry

A Look at The Dictionary of Slavic Antiquities a Quarter of a Century
since Its Publication 149

Slavistics without boundaries

Stefan Troebst

“On Trying To Be a Historian of Eastern Europe”:
A Migratory Interim Balance. Part 2 165

Looking back on the past and the profession

“We need for scientific work to become life...”

Interview with Albina F. Noskova 189

“Joining the Institute turned out to be the luckiest choice of my life:
I consider myself very fortunate”. Interview with Victoria V. Mochalova.
26 July 2021, Moscow, Neskuchny Garden 246

Reviews

Irina S. Putyatina

Todorova M. *The Lost World of Socialists at Europe's Margins: Imagining Utopia, 1870s – 1920s*. London; New York: Bloomsbury, 2020. 384 p.
ISBN 978-1-3501-5033-1 289

Nikita S. Gusev

Kozhukharov A. *Lichnite akademichni dokumenti na bulgarskata morska obrazovatelna sistema (1892–1946)*. Varna: VVMU “N. I. Vaptsarov”, 2021. 203 s. ISBN 978-619-7428-55-1
[Kozhukharov A. *Personal Academic Documents of the Bulgarian Maritime Education System (1892–1946)*. Varna: VVMU “N. I. Vaptsarov”, 2021. 203 p.] 301

Aleksandra N. Krasovec

Borovnik S. *Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti*. Maribor: Univerzitetna založba univerze, 2017. 172 str.
ISBN-13 978-961-286-093-6
[Borovnik S. *Multiculturalism and Interculturality in Slovenian Literature*. Maribor: University Press, 2017. 172 p.] 307

Discussions

Evgenii A. Koloskov

Tretyakova M. *Makedonija-2001. Novyi vitok krizisa: Istoricheskie predposylki i politicheskie posledstviia*. M.: Indrik, 2021. 376 s.
ISBN 978-5-91674-633-4
[Tretyakova M. *Macedonia-2001. A New Round of the Crisis: Historical Background and Political Consequences*. Moscow: Indrik, 2021. 376 p.] 321

Jubilees

Irina A. Sedakova

Towards the Jubilee of Todor Boiadzhiev 327

Ljudmila N. Budagova

The Institute of Victors (From the History and in Honour of the Anniversary of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences) 333

К ПРОБЛЕМЕ ЧЕШСКО-НЕМЕЦКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ГУСИТСКИХ ВОЙНАХ

Николай Николаевич Наумов

Кандидат исторических наук,
научный сотрудник,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Почтовый адрес: Ломоносовский проспект, д. 27,
корп. 4, Москва, 119192, Россия
Электронный адрес: nn-naumov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6587-1681

Аннотация

Со времени научно-политической полемики между Ф. Палацким и К. Хёфлером в середине XIX в. в определении характера Гуситских войн 1420–1436 гг. чешская историография использует термин «национальный». Казнь Яна Гуса в Констанце и провозглашение крестового похода против гуситов определяются как «оскорбление национальной чести» (Ф. Палацкий), таборитское движение — как «национально-чешская крестьянская война религиозного характера против немецкого дворянства и верховной власти германского императора» (Ф. Энгельс / Й. Мацек). Франтишек Шмагель говорит о «национализме обороны», который был пробужден военным вторжением и охватил все слои общества. В какой мере данный термин и его производные можно применить при исследовании чешско-немецких противоречий, которые существовали в Чешском королевстве того времени? Автор доказывает, что своими «природными врагами» пражские гуситы считали не богемских немцев, а крестоносцев, прибывших из Немецких земель вместе с королем Сигизмундом; в силу этого в отношении немцев у пражских гуситов имела место не культурная, а политическая ксенофобия — ненависть к чужакам.

Ключевые слова

XV век, Священная Римская империя, Чехия, Немецкие земли, Гуситские войны, Сигизмунд Люксембургский, пражские гуситы, богемские немцы, старочешская и средневерхненемецкая терминология, конфессиональные и этнические конфликты

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2021 г.

Цитирование: *Наумов Н. Н.* К проблеме чешско-немецких противоречий в Гуситских войнах // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 9–16. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.01>

ON THE PROBLEM OF THE CZECH-GERMAN OPPOSITION IN THE HUSSITE WARS

Nikolay N. Naumov

Ph. D., Researcher,
Lomonosov Moscow State University
Postal address: Lomonosovsky Prospect, 27, bldg. 4,
Moscow, 119192, Russia
E-mail: nn-naumov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6587-1681

Abstract

Since the time of the historico-political polemics between František Palacký and Constantin von Höfler in the middle of nineteenth century, the term “national” has been used by Czech historians to identify the character of the Hussite wars. The execution of Jan Hus in Constance as well as the proclamations of the crusades against the Hussites in Bohemia are defined as “an insult to national honor” (František Palacký), and they produced the Taborite movement as “a national peasant war of the Czech under the flag of religion against the German nobility and the supremacy of the German Emperor” (Friedrich Engels / Josef Macek), while the military invasion released a “national” which spread among the whole society (František Šmahel). To what extent does the term “nationalism of defense” and its derivatives befit the study of the contradictions that existed between the Czechs and the Germans in the Bohemian kingdom of that period? This paper proves that the Prague Hussites did not consider the Bohemian Germans their “natural foes” but did so of the crusaders who came from the German lands along with King Sigismund. The author argues that the Prague Hussites had not a cultural, but a political xenophobia focused on the foreign German invaders.

Keywords

Fifteenth century, the Holy Roman Empire, Czech and German lands, the Hussite wars, Sigismund Luxemburg, the Prague Hussites, the Bohemian Germans, the Old-Czech and Middle High German terms and notions, confessional and ethnic conflicts

Received 6 September 2021

How to cite: Naumov, N. N., 2021. К проблеме чешско-немских противоречий в Гуситских войнах [On the Problem of the Czech-German Opposition in the Hussite Wars]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 9–16. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.01>

В формулировке характера Гуситских войн и в изучении идеологических позиций враждующих сторон чешские и немецкие медиевисты XIX–XXI вв. помимо прочих пользуются и термином «национальный» — вне зависимости от того, к какому методологическому направлению они принадлежат. Фридрих Энгельс определяет таборитское движение как «национально-чешскую крестьянскую войну религиозного характера»¹. Одна-

¹ Энгельс Ф. Борьба в Венгрии // Сочинения Маркса и Энгельса. 2-е издание / ред. Е. А. Степанова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 6. С. 180.

ко такая формулировка никак не подразумевает и не объясняет военного противостояния между Табором и Прагой — силой, в не меньшей степени чешской и гуситской («национальной»), чем табориты, — в частности, битву у Малешова, состоявшуюся 7 июня 1424 г. между таборским гетманом Яном Жижкой из Троцнова и пражским гетманом Дивишем Боржеком из Милетинка². Интересно, что чехословацкий марксист Йозеф Мацек ссылается на определение Энгельса в историографическом обзоре своей монографии о Таборе, но нигде с ним не соглашается и никак не использует его в основном тексте³. Более естественно термин «национальный» звучит у основателя чешской романтической школы Франтишка Палацкого, который в духе Георга Гегеля представлял себе европейскую историю как процесс становления народов и их борьбы между собой: «борьбы славянского элемента с германским» в гегельянском лексиконе Палацкого⁴. В качестве доказательства Палацкий цитирует манифест пражских гуситов 1420 г., называющих немцев «своими природными врагами» (ст.-чеш. *naši přirození nepřátelé*), то есть врагами исконными, «врагами отродясь» — по аналогии с тем стереотипом XIX в., что немцы находятся в состоянии «наследной вражды» (нем. *Erbfeindschaft*) с французами. И «природную вражду» чехов с немцами Палацкий аргументирует словами самих пражских гуситов: «немцы без всякой причины и из постоянной злобы на наш народ прогнали его с Рейна, из Мейсена, из Пруссии — так и с нами поступить хотят и города изгнанных заселить». Так пражане воспринимали осаду столицы, которую предприняло войско чешского наследного монарха, венгерского и римского короля Сигизмунда летом 1420 г. На Палацкого этот манифест произвел такое сильное впечатление, что он записал на полях своей «Истории чешского народа»: «Какой чех, услышав об этом зле, не сотрясется во гневе?»⁵. Палацкий видел в пражских манифестах отражение чешско-немецких противоречий, свойственных его собственному времени. Они коренились в том, что в побелогорский период Чехия превратилась в австрийскую провинцию: согласно основному закону страны, «Обновленному земскому устройству» 1627 г., чешский король из рода Габсбургов был вправе самостоятельно распоряжаться землями, конфискованными у чешских повстанцев (в частности, жаловать их по своему усмотрению, в том

² Bartoš F. M. Husitská revoluce. Praha: nakladatelství Československé Akademie věd, 1966. D. 1. S. 190–192; Mezník J. Tábor a Staré Město Pražské // Československý časopis historický. 1971. Sv. 19. S. 45–52; Urban J. Vyšehradská bitva a první krize ve vztazích husitské Prahy a Tábora // Pražský sborník historický. 1985. Č. 18. S. 38–64.

³ Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. Т. 1. С. 57.

⁴ Palacký F. Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. Constantin Höfler. Kritische Studien. Prag: von Friedrich Tempsky, 1868. S. 161.

⁵ Idem. Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě. Praha: nákladem knihkupectví J. G. Kalve a pomocí Českého Museum, 1850. D. 3. Č. 1. S. 306.

числе и иностранцам). Так, в среде швабского дворянства после Тридцатилетней войны Чешское королевство образно именовалось «раем знати» (нем. *Paradies des Adels*)⁶.

Но в 1420 г. чешско-немецкие противоречия заметно усложняются в силу следующих обстоятельств. Во-первых, до XIX в. в немецком языке не существовало термина, который бы обозначал четко и недвусмысленно «чеха в этническом смысле»: политико-географический термин *der Böhme* (досл. «богемец») определял совокупность жителей Чешского королевства (лат. *regnum Bohemiae*; нем. *Königreich Böhmen*) и был применим как к местному славянскому населению (чехам и моравам), так и к пришлым элементам — в частности к немцам, с XII в. активно заселявшим земли короны Св. Вацлава⁷. Во-вторых, римский папа Мартин V, римский и венгерский король Сигизмунд, а также имперские князья декларировали в своих грамотах, что идут на войну с «виклефистами и гуситами» (лат. *adversus Wiclefistas Hussitasque*) / «с еретиками в Чехии» (ср.-в.-нем. *wider die keczer zu Behem*)⁸. Придворный хронист Сигизмунда Эберхард Виндеке из Майнца отличал «богемских гуситов и еретиков» от «благочестивых (католических. — Н. Н.) богемцев» (ср.-в.-нем. *die Behemschen Hussen und ketzer / die fromen Behem*)⁹. Стремление к расширению немецкого влияния на восток, которое Палацкий вслед за пражанами приписывает Сигизмунду и имперским князьям, в действительности напрочь отсутствовало: крестовые походы в Чехию были призваны восстановить порядок и защитить христианский мир от ереси, что являлось долгом благородного сословия и прямой обязанностью римского короля и будущего императора, который по праву считал себя его светским главой. Употребление термина «немецкий» в королевских и княжеских грамотах ограничивается констатацией, что грабительские походы пражских гуситов, таборитов и сирот «в немецкие земли» (ср.-в.-нем. *gen Deutschen landen*) причинили немалый ущерб. См., например, грамоту Сигизмунда от 28 августа 1431 г., которой он созвал своих имперских вассалов во Франкфурт-на-Майне к 16 октября¹⁰.

Невозможно обойти стороной вопрос о том, возникла ли к началу Гуситских войн немецкая самоидентичность (и если да, то насколько она была распространена). Уже наличие «нации саксонской» и «нации бавар-

⁶ Volher P. Soziale Folgen des Dreißigjährigen Krieges // Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität / hrsg. von Winfried Schulze. München: Oldenbourg, 1988. S. 249.

⁷ Seibt F. Hussitica. Zur Struktur einer Revolution. Köln; Graz: Böhlau, 1965. S. 12.

⁸ Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an / hrsg. von F. Palacký. Prag: bei Friedrich Temsky, 1873. Bd. 1. S. 18; Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund / hrsg. von Dietrich Kerler. Gotha: Friedrich Andreas Perthes, 1883. Abt. 2: 1421-1426. S. 258.

⁹ Windecke E. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / hrsg. von W. Altmann. Berlin: R. Gaertners Verlagsbuchhandlung, 1893. S. 121, 417.

¹⁰ Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund. Abt. 3: 1427-1431. S. 632.

ской» в числе наций Пражского университета свидетельствует о том, что сами выходцы из немецких земель в начале XV в. осознавали себя баварцами, саксонцами, рейнскими людьми, швабами, но никак не «немцами». *Natio Germanica*, фигурировавшая на церковных соборах в Констанце и Базеле (1414–1418; 1431–1449) наравне с французской, английской, испанской и итальянской «нациями», была в большей степени понятием географическим. Она включала в себя народы, проживавшие к востоку от Рейна: не только носителей немецких диалектов и скандинавских языков (датчан, шведов и норвежцев), но и венгров, поляков и даже самих чехов¹¹. Культурной и политической единицей «германская нация» стала лишь тогда, когда на Вормском рейхстаге 1495 г. имперские собрания приобрели регулярный и публично-правовой характер — когда более-менее определилась совокупность вассалов и подданных Империи, а наследные земли Габсбургов были отделены от остальных немецких земель, которые впоследствии получили научное обозначение «Германии рейхстага» (нем. *Reichstagsdeutschland*)¹². Петер Морав подчеркивает, что важнейшим фактором формирования единой нации в немецких землях XV в. выступили внешние и внутренние конфликты прежде невиданного масштаба, в том числе Гуситские войны, впервые поставившие вопрос о целостности Империи. Под воздействием ответных гуситских нападений 1430-х гг. как в нормативных документах, так и в текстах хроник возник топоним «нации немецкой» / «немецкого христианского народа» (лат. *nacio Theutonica* / ср.-в.-нем. *das Dutsche cristliche volg*), которому гуситы причинили большой вред¹³.

Очевидно, что этому первому выражению немецкой самоидентичности способствовали именно затяжные и неудачные Гуситские войны, к концу которых не только чешские, но уже сами восточные немецкие земли (Франкония, Саксония и Австрия) пострадали от походов таборитского гетмана Прокопа Голого (1428–1434), в то время как в начале 1420-х гг. перед «немецкой стороной» конфликт рисовался в чисто религиозном свете.

Каким образом войну со своими противниками представляли себе сами гуситы? Обратимся к тем манифестам пражских городов, которые рассматривает Палацкий. Один из них был издан 5 ноября 1420 г., через четыре дня после битвы под Вышеградом, в результате которой чешская и моравская шляхта, находившаяся на службе Сигизмунда, неожиданным образом потерпела поражение от пражских горожан. В манифесте пражские гуситы высказали сожаление, что в битве пало пять сотен панов, рыцарей и паношей, принадлежащих к «чешскому языку» (ст.-чеш. *pány, rytíře a panoše*

¹¹ *Rosenstock-Huessy E.* Die europäischen Revolutionen. Jena: Eugen Diederichs Verlag, 1931. S. 58.

¹² *Морав П.* Вормский рейхстаг 1495 г. // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 221–222.

¹³ *Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund. Abt. 4. 1431–1433. S. 647; Windecke E.* Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / hrsg. von W. Altmann. Berlin: R. Gaertners Verlagsbuchhandlung, 1893. S. 120.

jazyka Českého)¹⁴. В каком смысле употреблен выделенный термин? Немецкий историк середины XIX в. Константин Хёфлер предложил в качестве перевода немецкое слово *Sprache*, которое обозначает язык как речь. Чешский ученый Франтишек Шмагель обнаружил в документах чешского сейма, относящихся к более позднему времени — правлению короля Владислава Ягеллона (1471–1516), что термин *jazyk* употреблялся в синонимической связке с термином *národ* (народ/нация) — *jazyk neb národ* в качестве типичного средневекового плеоназма, повторяющего взаимозаменяемые слова. Исходя из этого, Ф. Шмагель выдвинул тезис, что термин «язык» в гуситскую эпоху означал «нацию» в культурном смысле, включающую в себя всех тех, кто имеет чешские корни (чеш. *čejství*). Разработку гуситской национальной программы он приписывал Иерониму Пражскому, который утверждал, что только «чистый чех» (лат. *purus Bohemus*), чех как по языку, так и по крови, сохранил в себе чистую веру и любовь к родине¹⁵. Немецкий ученый Фердинанд Зайбт согласился с тем, что старочешский термин обозначал общность языковую (нем. *sprachnationale Gemeinsamkeit*), однако высказал мнение, что он имел и важную социально-политическую функцию. Существующее политическое понятие «чешская земля» (ст.-чеш. *země Česká*) выступало в качестве коллективной идентичности только для чешской шляхты, обладавшей наследуемой земельной собственностью; в то же время понятие «чешский язык» (ст.-чеш. *jazyk Český*) охватывало всю сословную структуру Чешского королевства, в том числе и города. Именно Прага в условиях нелегитимного мятежа против короля Сигизмунда претендовала на лидерство среди политических сил королевства и нуждалась в том, чтобы разработать подходящую коллективную идентичность.

Трактовка К. Хёфлером, Ф. Шмагелем и Ф. Зайбтом «чешского языка» как «языковой» общности выглядит весьма убедительно; тем не менее с ней нельзя согласиться. Рассмотрение старочешского термина *jazyk* в качестве «чешской речи» и «совокупного чешства» не объясняет того факта, что манифест от 5 ноября 1420 г. был продублирован на старонемецком языке и адресован бургомистру, совету и общине западночешского города Кадань (нем. *Kaaden*), недвусмысленно причислив их к «богемским языкам» (ср.-в.-нем. *die Behimischen züngen*). Немецкое слово *Zung* (в отличие от *Sprache*) обозначает язык как орган речи и употреблено здесь во множественном числе. Этот немецкий манифест (точно так же, как и чешский оригинал) содержит жалобу «на немцев и венгров, которые являются страшнейшими врагами наших богемских языков» (ср.-в.-нем. *über die Deütschen und Ungern, die unser Behimischen züngen sein die heftigisten veinde*); более того, призывает жаловаться «над самими собой и над собственными языками сво-

¹⁴ Archív český, čili staré písemné památky české a morawské / Vydal F. Palacký. Praha: w komissj u Kronbergra i w Říwnáče, 1844. D. 3. S. 218.

¹⁵ *Šmahel F. Idea národa v husitských Čechách*. Praha: Argo, 2000. S. 46.

ими» (ср.-в.-нем. *das ir üch über üch selbe erbarmet und über uwer eigen zünge, die üch angeboren ist*)¹⁶. Поскольку к «богемским языкам» принадлежит и немецкоязычная община Кадани, можно заключить, что «чешский язык» в старочешском оригинале — категория не языковая и не культурная, а политическая, которая обозначает простую принадлежность к богемцам — жителям Чешского королевства, без всякой отсылки на то, говорит ли по-немецки или по-чешски та община, к которой было направлено послание.

В этом манифесте пражане утверждают, что немцы и венгры являются заклятыми врагами всех богемцев. Под немцами они, безусловно, понимают крестоносцев из немецких земель, а никоим образом не своих компатриотов. В июне 1421 г. Чаславский сейм под председательством бургомистров, консулов и общин Старого и Нового Пражских городов объявил короля Сигизмунда низложенным с чешского трона. Одной из причин неподчинения королю, законному и коронованному 28 июля 1420 г., был назван крестовый поход, направленный Сигизмундом против Чешского королевства. Утверждалось, что по этой причине «князя и чужеземцы сознательно и по вине Твоей Милости (то есть Сигизмунда. — Н. Н.) чешскую землю жгли, губили и грабили, правоверных чехов, духовных и светских лиц, мужчин, женщин и детей жгли, женщин и девушек насиловали»¹⁷. «Природными врагами» чехов-гуситов считались и объявлялись только немцы из окрестных земель вкупе с венграми, и основанием для этого являлась ксенофобия не этническая, а политическая — ненависть к чужакам.

Таким образом, в 1420 г., когда Сигизмунд и имперские князья вели борьбу за искоренение гуситского учения, пражские гуситы стремились мобилизовать всех богемцев — как чехов, так и немцев — против внешнего противника. Следовательно, взгляд на начало Гуситских войн сквозь призму устоявшихся представлений о чешско-немецких противоречиях (Ф. Палацкий, Ф. Энгельс / Й. Мацек, Ф. Шмагель) упрощает и даже искажает историческую действительность.

Литература

- Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. Т. 1.
- Морав П. Вормский рейхстаг 1495 г. // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 202–222.
- Энгельс Ф. Борьба в Венгрии // Сочинения Маркса и Энгельса. 2-е изд. / ред. Е. А. Степанова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 6. С. 175–186.
- Bartoš F. M. Husitská revoluce. Praha: nakladatelství Československé Akademie věd, 1966. D. 1.

¹⁶ Нюрнберг. Государственный архив. Staatsarchiv Nürnberg. Ansbacher Kriegsakten. Karton I. № 6.

¹⁷ Archiv český... D. 3. S. 230.

- Mezník J.* Tábor a Staré Město Pražské // *Československý časopis historický*. 1971. Sv. 19. S. 45–52.
- Palacký F.* Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě. Praha: nákladem knihkupectví J. G. Kalve a pomocí Českého Museum, 1850. D. 3. Č. 1.
- Palacký F.* Die Geschichte des Hussitentums und Prof. Constantin Höfler. Kritische Studien. Prag: von Friedrich Tempsky, 1868.
- Palacký F.* Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an. Prague: bei Friedrich Tempsky, 1873. Bd. 1.
- Rosenstock-Huussy E.* Die europäischen Revolutionen. Jena: Eugen Diederichs Verlag, 1931.
- Seibt F.* Hussitica. Zur Struktur einer Revolution. Köln; Graz: Böhlau, 1965.
- Šmahel F.* Idea národa v husitských Čechách. Praha: Argo, 2000.
- Urban J.* Vyšehradská bitva a první krize ve vztazích husitské Prahy a Tábora // *Pražský sborník historický*. 1985. Č. 18. S. 38–64.
- Volker P.* Soziale Folgen des Dreißigjährigen Krieges // *Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität* / hrsg. v. Winfried Schulze. München: Oldenbourg, 1988. S. 239–268.

References

- Bartoš, F. M., 1966. *Husitská revoluce*. Prague: nakladatelství Československé Akademie věd. Vol. 1.
- Engels, F., 1957. Bor'ba v Vengrii [The Fight in Hungary]. In: E. A. Stepanova, ed, 1957. *Sochineniia Marksa i Engel'sa* [The Works of Marx and Engels]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 175–186.
- Macek, J., 1956. *Tabor v gusitskom revoliutsionnom dvizhenii* [Tabor in the Hussite Revolutionary Movement]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury.
- Mezník, J., 1971. Tábor a Staré Město Pražské. *Československý časopis historický*, 19, pp. 45–52.
- Moraw, P., 1997. Vormskii reikhstag 1495 g. [The Imperial Diet of Worms of 1495]. *Srednie veka*, 60, pp. 202–222.
- Palacký, F., 1850. *Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě*. Prague: nákladem knihkupectví J. G. Kalve a pomocí Českého Museum. Vol. 3. P. 1.
- Palacký, F., 1868. *Die Geschichte des Hussitentums und Prof. Constantin Höfler. Kritische Studien*. Prague: von Friedrich Tempsky.
- Palacký, F., 1873. *Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an*. Prague: bei Friedrich Tempsky. Bd. 1.
- Rosenstock-Huussy, E., 1931. *Die europäischen Revolutionen*. Jena: Eugen Diederichs Verlag.
- Seibt, F., 1965. *Hussitica. Zur Struktur einer Revolution*. Cologne; Graz: Böhlau.
- Šmahel, F., 2000. *Idea národa v husitských Čechách*. Prague: Argo.
- Urban, J., 1985. Vyšehradská bitva a první krize ve vztazích husitské Prahy a Tábora. *Pražský sborník historický*, 18, pp. 38–64.
- Volker, P., 1988. Soziale Folgen des Dreißigjährigen Krieges. In: W. Schulze, ed, 1988. *Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität*. Munich: Oldenbourg, pp. 239–268.

«ЖИВОПИСНАЯ РОССИЯ» (1878/1881–1901) КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЯКОВ)

Лариса Михайловна Аржакова

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: larjak@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8260-4101

Аннотация

Статья посвящена фундаментальному изданию «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (1879/1881–1901), которое представляло собой первый и единственный для своего времени пример подробного и всестороннего описания России в научно-популярной форме, но со строгой опорой на научную литературу. Инициатором и первым издателем выступил М. О. Вольф, один из самых успешных книгоиздателей и книготорговцев России. В подготовке 19-томного выпуска принимали участие многие видные представители науки и культуры. Среди них, в частности, Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин, Д. И. Иловайский, П. А. Кулиш, В. В. Чуйко и др. Главным редактором серии был П. П. Семенов (с 1906 г. — П. П. Семенов-Тянь-Шанский). Тома «Живописной России» состояли из посвященных всем регионам Российской империи очерков — в основном этнографического, географо-статистического характера. Специфика томов о Царстве Польском заключалась в том, что они в большей степени, чем другие тома издания, содержали исторические сведения. Особый интерес представляют очерки, где в центре внимания автора В. В. Чуйко были периоды польской истории до разделов Речи Посполитой, во время разделов и после них. Именно очерки по государственно-политической истории есть основания анализировать с точки зрения их места и роли в контексте российской исторической полонистики и польского вопроса, а также как способ конструирования имперской идентичности, которая должна была первенствовать над национальной идентичностью в новейшей истории Российской империи или заменить ее. Автор статьи приходит к выводу, что «Живописная Россия», и особенно польские исторические очерки, представляют собой богатый материал, содержание которого целесообразно рассматривать в рамках распространенных (либо только появившихся) в империи технологий власти.

Ключевые слова

Царство Польское, национальная идентичность, полонистика, польский вопрос, Живописная Россия, М. О. Вольф, издательский проект, Российская империя, образ империи, имперская идентичность

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2021 г.

Цитирование: *Аржакова Л. М.* «Живописная Россия» (1878/1881–1901) как способ конструирования российской имперской идентичности (на примере поляков) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 17–36. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.02>

“PICTURESQUE RUSSIA” (1878/1881–1901) AS A METHOD OF CONSTRUCTING THE RUSSIAN IMPERIAL IDENTITY (ON THE EXAMPLE OF THE POLES)

Larisa M. Arzhakova

D. Sc., Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: larjak@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8260-4101

Abstract

The article is devoted to the landmark publication *Picturesque Russia. Our Fatherland* in its geographical, historical, tribal, economic and everyday significance (1879/1881–1901), which was the first and only example of its time of a detailed and comprehensive description of Russia in a popular scientific form, but with strict reliance on scientific literature. The initiator and first publisher was M. O. Wolf, one of the most successful book publishers and booksellers in Russia. Many prominent representatives of science and culture took part in the preparation of the 19-volume edition. Particularly significant amongst them were N. I. Kostomarov, I. E. Zabelin, D. I. Ilovaisky, P. A. Kulish, and V. V. Chuiko. The editor-in-chief of the publication was P. P. Semenov (from 1906, P. P. Semenov-Tyan-Shansky). Volumes of *Picturesque Russia* consisted of essays devoted to all regions of the Russian Empire and were mainly of an ethnographic, geographical, and statistical nature. The importance of the volumes about the Kingdom of Poland is that they contain historical information to a greater extent than other volumes of the publication. From the point of view of the stated topic, essays of particular interest are those of author V. V. Chuiko focusing on the periods of Polish history before, during, and after the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The essays on state and political history allows us to analyse, from the point of view of the authors, their place and role in the context of Russian historical Polonistics and the Polish question. In addition, the work was an attempt to construct imperial identity, which was supposed to supersede — or replace — national identity in the modern history of the Russian Empire. The author of the article comes to the conclusion that *Picturesque Russia*, especially the Polish historical essays, is fertile material, the content of which it is advisable to analyse from the point of view of widespread (or just emerging) technologies of power in the empire.

Keywords

The Kingdom of Poland, national identity, Polonistics, the Polish question, *Picturesque Russia*, M. O. Wolf, publishing project, Russian Empire, image of empire, imperial identity

Received 1 December 2021

How to cite: Arzhakova, L. M., 2021. “Zhivopisnaia Rossiia” (1878/1881–1901) kak sposob konstruirovaniia rossiiskoi imperskoi identichnosti (na primere poliakov) “*Picturesque Russia*” (1878/1881–1901) As a Method of Constructing the Russian Imperial Identity (On the Example of the Poles)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 17–36. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.02>

При всей своей известности монументальное, богато декорированное, одно из самых дорогостоящих в полиграфическом плане изданий, когда-либо предпринимавшихся в Российской империи, 19-томный труд «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (1878/1881–1901) в современной отечественной историографии присутствует лишь фрагментарно, хотя в последние годы оно стало привлекать более пристальное внимание исследователей¹.

Правда, этот издательский проект, реализованный в «Типографии товарищества М. О. Вольфа», располагавшейся в комплексе зданий по 16-й линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге, дома № 5–7², и являвшейся в техническом плане едва ли не самой передовой для своего времени, порой квалифицируют как «популярное географическое сочинение»³.

Инициатор и вдохновитель «Живописной России» Маврикий Осипович Вольф (1825–1883)⁴, положивший шесть лет жизни на организацию сбора и последующей обработки всего, «что было писано о России, <...> что где-либо и когда-либо было занесено в альбом русским и иностранным ху-

¹ См., например: *Лескинен М. В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010. С. 165, 170, 175–178, 180–181, 186–187, 196, 202–205, 303; *Она же.* Великоросс / Великорус. Из истории конструирования этничности. XIX век. М.: Индрик, 2016. С. 116–117, 384, 400, 408–409, 458, 661; *Горизонтов Л. Е.* Дискуссия конца XIX века о томе «Живописной России», посвященном литовским и белорусским губерниям // *Славяноведение.* 2017. № 1. С. 62–72; *Абашев В. В.* Урал в монументальной геопанораме (очерк М. В. Малахова в «Живописной России») // *География искусства: расширение горизонтов. Сборник статей / отв. ред. и сост. О. А. Лавренова.* М.: ГИТР, 2019. С. 337–355; *Ср. Абашев В. В.* Урал в монументальной геопанораме (очерк М. В. Малахова в «Живописной России») // *Уральский исторический вестник.* 2018. № 2 (59). С. 59–67.

² Список фабрик и заводов Российской империи. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1912. С. 125.

³ *Мининкова Л. В.* «Живописная Россия» как популярное географическое сочинение эпохи модерна и его читатель // *Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии, Витебск, 25–27 апреля 2019 г. / отв. ред. А. Н. Дулов, М. Ф. Румянцева.* Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2019. С. 71–73; *Попов А. С., Попова Т. И.* Знакомство будущих педагогов с изданием «Живописная Россия» // *Преподаватель высшей школы: Традиции, проблемы, перспективы: материалы X Всероссийской научно-практической Internet-конференции (с международным участием) / отв. ред. Л. Н. Макарова.* Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 85–89.

⁴ См., например: *Головка С. И. М. О. Вольф: жизнь для книги и среди книг // Библиография и книговедение.* 2015. № 4. С. 104–111; *Кузьмина Н. Г.* Издательская деятельность М. О. Вольфа и «История книги в России» С. Ф. Либровича // *Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития. Материалы VI Международного научного семинара / под ред. Д. Н. Бакун.* М.: Наука, 2016. С. 87–89; *Ромашина Е. Ю.* Извне и изнутри: европейские образцы на страницах российских азбук, букварей, книг для чтения второй половины XIX — начала XX вв. // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого.* 2018. № 2 (26). С. 127–141; *Гессен В. Ю.* Жизнь и деятельность петербургского книгопродавца и издателя М. О. Вольфа // *Клио.* 2021. № 10 (178). С. 108–117.

дожником»⁵, застал выход только первых трех томов. Судя по предисловию к первому тому (датировано октябрем 1880 г.), будущее своего проекта он воспринимал оптимистично, выражая надежду, что «“Живописная Россия” должна найти сочувствие в русских людях, которые оценят по достоинству то, что сделано нами для изучения России, а главное — поймут наше личное отношение к издаваемому нами труду»⁶.

Что касается цели, задач, программы масштабного проекта, о них Вольф сказал кратко, зато его соратники уделили этим сюжетам немало места в замыкавшем издание Заключительном очерке, содержащем историю «Живописной России» как первого опыта полного и всестороннего отчизноведения⁷.

О том, какое значение сам Вольф, уроженец Варшавы, придавал работе над «Живописной Россией», воспринимавшейся им и его единомышленниками как дорогое детище, «с которым мы <...> привыкли носиться и нянчиться, не жалея на него ни забот, ни трудов»⁸, в полной мере свидетельствуют его слова в предисловии.

Дав волю чувствам, Вольф признавался, что редакция и авторы издания были настолько увлечены, что «привыкли видеть в этом труде памятник, который думаем по себе оставить России»⁹. Так что, учитывая грандиозность исходного замысла Вольфа, трудно согласиться с характеристикой проекта лишь как «популярного географического сочинения». Кроме того, вряд ли можно делать акцент на особой популярности этой серии, которая пополнила категорию книг «для немногих»¹⁰, так как ее стоимость большинству желающих оказалась недоступной¹¹. Как недоступно простому смертному и репринтное издание «Живописной России» (2007), которое, как и оригинал (1881–1901), скорее, следует отнести к разряду «роскошных»¹².

⁵ Вольф М. От издателя // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова. СПб.; М.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1881. Т. 1. Ч. 2. С. V–VI.

⁶ Там же. С. VII.

⁷ Заключительный очерк. История «Живописной России» // Живописная Россия... СПб.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1901. Т. 8. Ч. 2. С. 310.

⁸ Вольф М. От издателя... С. VII.

⁹ Там же.

¹⁰ Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. С. 424–453.

¹¹ Подробнее об этом: Заключительный очерк... // Живописная Россия... Т. 8. Ч. 2. С. 308.

¹² Рыжанок М. В. Переплеты коронационных альбомов XIX века Императорской России // Научные труды. 2015. № 32. С. 100–117; Головки С. И. Элитные издания: modern era // Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. № 45. С. 98; Она же. «Роскошные» издания как феномен книжного наследия // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2015. № 6 (401). С. 77–87; Она же. Первое русское роскошное издание // Библиография и книговедение. 2020. № 3 (428). С. 144–151. По мнению И. Д. Сытина, роскошными должны быть издания, приуроченные к значимым в истории России датам, каким стали юбилейные издания по случаю 50-летия (1911) отмены крепостного права и

Нередкий в современном исследовательском восприятии «Живописной России» перевес географической составляющей, даже когда отмечается свойственное изданию взвешенное соотношение между историческим, этнографическим и географическим материалом¹³, может иметь следующее объяснение: «Живописная Россия» выходила под общей редакцией вице-председателя Императорского Русского географического общества П. П. Семенова (позднее П. П. Семенова-Тян-Шанского), подобно тому как другое фундаментальное издание рубежа XIX–XX вв. (оставшееся незавершенным) — «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей» (1899–1914) — также готовилось под его патронатом. Вероятно, свою роль в восприятии «Живописной России» как географического свода сыграло и то, что непосредственный редактор «России...» В. П. Семенов в предисловии к изданию акцентировал успехи именно «всестороннего географического изучения» страны, обнаруживая при этом намерение «дать в одной, строго-научной, общедоступно изложенной и недорогой книжке <...> общие, по возможности широко представленные географические понятия о каждой части России»¹⁴.

Правда, такая формулировка, в которой автор объединяет строгую научность, простоту изложения и доступную цену издательского проекта, изначально вызывает сомнения в реалистичности замысла уже по причине противоречия каждого последующего элемента предыдущему. Зато можно предположить, что в определенной мере «Россия. Полное географическое описание...» была задумана в противовес «Живописной России», не совсем оправдавшей надежды создателей с точки зрения доступности и популярности в широкой читательской среде.

Однако судьба издания «Россия. Полное географическое описание...» сложилась не совсем гладко. Когда в 1899 г. вышел первый том «Московская промышленная область и Верхнее Поволжье», посвященный памяти А. С. Пушкина (уроженца Москвы), В. П. Семенов, не сомневаясь, что начатое дело будет завершено, перечислил наименования всех 22 томов, которые должны были его составить. За истекшие с тех пор 15 лет (1899–1914) не было напечатано и половины запланированных книг. Не дошел черед в том числе до польских томов (по замыслу — тт. 11 и 12), где ожидалось «составление всестороннего географического описания» Литвы и Привислинского края¹⁵.

столетия Отечественной войны (1912). См.: *Сытин И. Д.* Жизнь для книги. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1962. С. 94–97.

¹³ *Мининкова Л. В.* «Живописная Россия»... С. 72.

¹⁴ *Семенов В. П.* Предисловие ко всему изданию // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова. СПб.: Издание А. Ф. Девриена, Типография Императорской Академии наук, 1899. Т. 1. С. V, VI, VIII.

¹⁵ Там же. С. VI, VIII.

В скобках отмечу, что если авторы «Живописной России» польские земли под властью Петербурга четко именовали «Царство Польское», то создатели «России...» предпочли иное определение — «Привислинский край», тем самым с завидной легкостью решив проблему, которая подчас вызывает трудности у современных историков, — так Царство Польское или Привислинский край¹⁶?

Если учесть, что последний из томов «России...» вышел в 1914 г., становится ясно, что участь польских томов была предreshена настолько, насколько в начале Первой мировой войны изменилось положение земель бывшей Речи Посполитой в пределах Российской империи. В этом смысле судьба «Живописной России» сложилась удачнее: задуманный проект, как известно, в 1901 г. был завершен.

Что касается изучения уникального коллективного труда, каким является «Живописная Россия», то этот процесс, как уже было отмечено, протекает с переменным успехом. Вот лишь один пример. Для того чтобы передать своеобразие «Живописной России», И. Е. Баренбауму и И. А. Шомраковой хватило пяти строк¹⁷, да и то в контексте характеристики деятельности такого энтузиаста и мастера издательского искусства, каким был вдохновитель проекта М. О. Вольф. Впрочем, по-своему это справедливо: все-таки своим появлением и долгой жизнью «Живописная Россия» была обязана Вольфу, высочайшую оценку культурной миссии которого дал в свое время Н. С. Лесков, мимоходом обронивший ставшую крылатой фразу: «Маврикий Единственный — царь русской книги, его армия разбросана от Якутска до Варшавы, от Риги до Ташкента, в его руках судьба литературы»¹⁸.

Именно так: «Маврикий Единственный», а не «Маврикий — единственный царь», как нередко можно встретить в современной литературе. Этот приведенный С. Ф. Либровичем вариант написания, скорее всего, более точно передает идею Лескова, желавшего подчеркнуть абсолютную неповторимость Вольфа и потому не допускавшего мысли, что после Маврикия Осиповича мог быть иной Маврикий, Второй или Третий...

Как нереально было в одиночку осуществить проект, подобный «Живописной России», так в тесных рамках статьи не удастся проследить заложенную в этом капитальном издании (пусть подспудно) технологию, направленную на укрепление пошатнувшихся позиций империи. Равным образом не удастся проанализировать весь неподъемный материал, даже при условии его бесспорной важности с точки зрения заявленной темы и необходимости определения степени эффективности того инструментария,

¹⁶ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М.: НЛО, 2020. С. 125–170, 198–242, 490–537.

¹⁷ Баренбаум И. Е., Шомракова И. А. Всеобщая история книги. СПб.: Профессия, 2005. С. 150–151.

¹⁸ Цит. по: Либрович С. Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг.; М.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1916. С. 6.

какой привлекался властью в социально-культурном пространстве для сохранения или формирования облика империи. Преимущественно это обстоятельство обусловило избранное в статье ограничение только польским материалом, даже точнее — его сугубо исторической составляющей.

Вообще польские очерки «Живописной России» нельзя рассматривать вне контекста проблемы, не теряющей актуальности в интеллектуальной сфере¹⁹, а именно трактовки причин гибели Речи Посполитой и польского вопроса, который, вне зависимости от частоты употребления этого термина в литературе, не был вполне ясен современникам и во многом остается таковым в наше время.

Все это вместе взятое определяет комплекс разнородных задач при подходе к «Живописной России» как к многосложному и многоликому источнику (несмотря на декларируемую обращенность к широкому читателю), предлагавшему свое видение, свой образ империи. Перефразируя Р. Козеллека, можно сказать, что здесь мы имеем дело с превращенными в источник остатками, исследование которых предусматривает использование как понятий, «унаследованных от языка источника», так и научных категорий, «которые применяются к источнику, но отсутствуют в нем»²⁰.

Что касается историко-политической составляющей польских очерков «Живописной России», то они практически не становились предметом специального исследования. Отрадное исключение составляют наблюдения М. В. Лескинен, которая, не ограничиваясь интересовавшими ее сюжетами этнографическо-географического свойства, предприняла плодотворную попытку охарактеризовать собственно историческую часть польских очерков²¹.

С точки зрения заявленной темы заслуживает внимания статья Л. Е. Горизнтова, демонстрирующая панораму интеллектуальной полемики, вызванной белорусско-литовским томом «Живописной России». Подробно остановившись на критических откликах, среди которых первенство принадлежало М. О. Кояловичу и солидарному с ним Анониму (скрывавшемуся под псевдонимом Белорус), усмотревшим пропольскую направленность текста²², автор статьи не прошел мимо польских очерков. Опираясь на сви-

¹⁹ См., например: *Соловьев С. М. История падения Польши // Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. М.: Мысль, 1995. Кн. 16: Работы разных лет. С. 406–628; Кареев Н. И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1888; Serejski M. H. Europa a rozbiory Polski. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970; Cegielski T., Kądziała Ł. Rozbiory Polski: 1772–1793–1795. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1990; Topolski J. Analizy dyskusji historiograficznej dotyczącej wyjaśnienia rozbiorów // Topolski J. Jak się pisze i rozumie historię. Tajemnice narracji historycznej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2008; Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М.: Международные отношения, 2002.*

²⁰ Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–150.

²¹ Лескинен М. В. Поляки и финны... С. 178–181.

²² Горизнтов Л. Е. Дискуссия... С. 64.

детельства С. Ф. Либровича, соратника М. О. Вольфа и бессменного секретаря издания, Л. Е. Горизонтов коснулся обстоятельств, связанных с подготовкой томов, посвященных Царству Польскому, получив тем самым основание оспорить мнение своего люблинского коллеги Януша Дунина, утверждавшего, что «польские авторы не желали сотрудничать в издании, где Царство выступало провинцией империи Романовых»²³.

Не принимая ни ту, ни другую сторону, отмечу лишь очевидное отличие двух томов о Царстве Польском²⁴ от остальных томов «Живописной России», а именно присутствие в них очерков сугубо историко-политического характера²⁵. Причем именно эта историко-политическая составляющая очерков представляет особый интерес, и главным образом по двум причинам.

Во-первых, эта часть польских очерков позволяет определить их место и роль в общем немалом объеме отечественных научных (не будем забывать, что создатели «Живописной России» настаивали на «полном и строго-научном» содержании, на серьезности и самостоятельности вклада каждого из авторов²⁶) и научно-популярных полонистических сочинений. Во-вторых, издательский проект «Живописная Россия» в целом, но особенно его польские очерки (исторического, этнографического, географического характера — ввиду специфики изначального положения польского общества внутри империи) есть основание рассматривать как способ конструирования имперской идентичности, потребность в которой российское самодержавие особенно остро начинает ощущать в 1880–1890-е гг.²⁷

Особое положение исторической части польских очерков было обусловлено, прежде всего, тем обстоятельством, что в них повествовалось о прошлом и настоящем народа, лишенного сто лет назад своей государственной независимости.

То, что принципиально важно в подходе к польским очеркам «Живописной России», находим отчасти у М. В. Лескинен, которая, пусть по несколько иному поводу, пишет о невозможности адекватного понимания сущности Российской империи как полиэтничного государства без «вопроса о “русскости” и имперской идеи как национальной»²⁸.

²³ Горизонтов Л. Е. Дискуссия... С. 66.

²⁴ Живописная Россия... СПб.; М.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1896. Т. 4: Царство Польское: Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувальская и Седлецкая губернии. Ч. 1-2.

²⁵ Киркор А. Очерк I. Первобытные времена // Живописная Россия... Т. 4: Царство Польское... Ч. 1. С. 1-12; Чуйко В. Очерк II. Польша до раздела // Там же. С. 13-82; Он же. Очерк III. Польша во время раздела // Там же. С. 83-124; Он же. Очерк IV. Польша после раздела // Там же. С. 125-132.

²⁶ Заключительный очерк. История «Живописной России» // Живописная Россия... Т. 8. Ч. 2. С. 292, 296.

²⁷ Гросул В. Я. Власть и общественное мнение в России XVIII-XIX веков // Труды Института российской истории / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. Вып. 5. С. 154-156.

²⁸ Лескинен М. В. Поляки и финны... С. 316.

Для развития этого тезиса, справедливость которого не вызывает особых возражений, польские очерки способны послужить наиболее подходящей основой. При этом ключевое значение имеют три исторических очерка, вышедшие из-под пера В. В. Чуйко²⁹, воспринимать которые вне сферы, охватывающей одновременно полонистические студии и весь объем польского вопроса, вряд ли возможно. Остановимся вкратце на содержательной насыщенности очерков.

Если при изложении первобытных времен, занявших в общем тексте исторических очерков сравнительно немного места, А. К. Киркор не рисковал войти в противоречие с русской точкой зрения и навлечь на себя нападки, то три очерка В. В. Чуйко (акцент предпочла бы сделать на втором и третьем) способны были спровоцировать полемику. Перед автором очерков «Польша до раздела», «Польша во время раздела», «Польша после раздела», насколько можно судить, стояла следующая задача: дав характеристику особенностям государственно-политического устройства Польши как некогда беспокойного западного соседа Руси / Русского государства, соперника Москвы / России, показать спокойное течение жизни польских земель под сенью скипетра Романовых.

Чтобы решить ее, Чуйко предстояло либо следовать по стопам именитых предшественников, либо выступать новатором в сфере, большим специалистом в которой сам он, по-видимому, не являлся. Также ему было нельзя игнорировать пожелание (если не сказать — совокупное требование) редактора и издателя-вдохновителя проекта: «не допускать в “Живописной России” никаких перепечаток или статей беллетристического содержания, и <...> вносить в состав издания только то, что имеет значение серьезного, самостоятельного вклада в сокровищницу сведений о России»³⁰.

Не имея значительного опыта самостоятельных исторических изысканий, подобно С. М. Соловьеву, Н. И. Костомарову и другим историкам, включенным в когорту признанных отечественных полонистов³¹, добиться этого Чуйко было совсем непросто, несмотря на его известность как успешного корреспондента столичных газет и автора солидных журналов.

Противоречие общеизвестным фактам и, соответственно, сложившейся историографической традиции проявилось сразу: в названиях очерков использовано единственное число — «раздел Польши», не разделы. Остается лишь гадать, чем руководствовалась компетентная редакция, утверждая эту версию названия очерков, тем более что далее, в самом тексте, Чуйко не раз

²⁹ Чуйко В. Очерк II. Польша до раздела // Живописная Россия... Т. 4: Царство Польское... Ч. 1. С. 13–82; *Он же*. Очерк III. Польша во время раздела // Там же. С. 83–124; *Он же*. Очерк IV. Польша после раздела // Там же. С. 125–132.

³⁰ Заключительный очерк... С. 296.

³¹ Аржакова Л. М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.

использует множественное число — разделы³². Но, в конце концов, это всего лишь словесные придирки...

Зато вполне в духе российской традиции и буквально вторя Н. М. Карамзину, который в своей «Истории государства Российского» нередко писал о сообщениях Яна Длугоша — «сказка новейшего Длугоша», «Длугош, по своему обыкновению, вымыслил»³³, «Кромер, Стриковский и другие повторили сказку Длугоша»³⁴, Чуйко также аттестует исходившие от польского историка сведения как «сказочные предания»³⁵. Вольно перелагая средневековые и позднейшие источники, автор то более, то менее подробно повествует об огромном периоде польской истории — от князя Мешко I до «немого» сейма 1717 г., когда «Польша потеряла <...> свою независимость и [когда] начинается так называемый период разделов»³⁶.

Если Чуйко считал «немой» сейм отправной точкой эпохи разделов, то, входя в известное противоречие с мнением большинства коллег-соотечественников, здесь он отступал от сложившейся традиции, что свидетельствует о том, что он либо достаточно глубоко понимал, либо интуитивно улавливал суть процессов, происходивших в Речи Посполитой, начиная со второй половины XVII в.

Впрочем, не так важны детали, которые отмечает или о которых умалчивает Чуйко, большее значение имеет тот ракурс, какой избирает автор при изложении польской истории. Чем ближе он подступал непосредственно к разделам, тем чаще приходил к мысли о «гниющем строе бывлой Речи Посполитой»³⁷, тем охотнее цитировал Н. М. Костомарова, живописавшего о «первобытных свойствах поляков», которым был «противен голос холодного, здравого рассудка»³⁸.

Так, под воздействием колоритного образа поляков, созданного Костомаровым-художником, Чуйко не заметил, что у польской пословицы «мудрый поляк после беды»³⁹, которую воспроизвел автор монографии «Последние годы Речи Посполитой» в подтверждение того, что только «горький опыт, охлаждающий сердечные увлечения, заставляет их [поляков] увидеть истину», существует русский эквивалент — «русский задним умом крепок»...

Так или иначе, в польских очерках Чуйко не усмотреть особых притязаний на «самостоятельность вклада», на чем так настаивала редакция «Живописной России», но приходится учитывать, что излишняя самостоятельность мысли и отступление от традиции (как от буквы закона) вряд ли

³² Чуйко В. Очерк II. Польша до раздела // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 1. С. 79, 96, 101, 124.

³³ Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Наука, 1991. Т. 2–3. С. 548.

³⁴ Там же. С. 247, 299, 199.

³⁵ Чуйко В. Очерк II. Польша до раздела // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 1. С. 14.

³⁶ Там же. С. 79.

³⁷ Там же. С. 72.

³⁸ Там же. С. 80.

³⁹ Там же. С. 81.

приветствовались бы там, где дело касалось толкования польской истории. Сам того не подозревая, Чуйко во многом следовал заветам верного проводника русской политики в Царстве Польском Н. И. Павлищева, в свое время заявившего: «Польскую историю надобно создать, но создавая ее, писатель обязан <...> разрушать на каждом шагу старые здания, нагроможденные в течение нескольких сот лет руками разных почитателей польской были»⁴⁰.

Постижение польской истории убедило Чуйко в том, что спасением Польши могло стать «только перевоспитание народа, но такое перевоспитание, которое бы изменило с корнем весь народный характер, создало другого поляка: прежний уже никуда не годился»⁴¹. Эта идея, уязвимость которой внимательный автор, судя по всему, не ощущал, сделалась для Чуйко основополагающей. Под его легким пером свое логическое завершение получил образ польской шляхты, которая «в царствование Августа III дошла до последних пределов»⁴². В итоге автору оставалось лишь констатировать: «Получив польский престол благодаря Австрии и России, не будучи в состоянии удержаться на нем без их помощи, он [Август III] перешел окончательно, — а с ним и Польша, — под их зависимость»⁴³.

Что любопытно, в очерке «Польша во время раздела» сквозит едва ли не сочувствие к партии Чарторыжских, которые своими реформами, уверенно заявлял Чуйко, «заслужили благодарность отечества, потому что направили государство на путь внутреннего обновления», но в то же время «принуждены были считаться как с решениями России, так и с предрассудками шляхты»⁴⁴.

Вместе с тем обращает на себя внимание, что такие доводы, как возвращение «древнего нашего достояния», или выражение сострадания «мятежным и несчастным жителям»⁴⁵ Речи Посполитой, которые «утратив имя свое, нашли мир и спокойствие под державой трех союзных государств»⁴⁶, были оставлены Чуйко в стороне. Он вполне отдавал себе отчет в том, что «Екатерина желала Польшу сохранить для России единой и нераздельной и с этой целью старалась подавить слишком значительные порывы анар-

⁴⁰ Рукописный отдел Института Русской литературы (РО ИРЛИ). Архив Н. И. и Л. Н. Павлищевых. Ф. 221. Ед. хр. 31172. Л. 4 об.

⁴¹ Чуйко В. Очерк II. Польша до раздела... // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 1. С. 82.

⁴² Чуйко В. Очерк III. Польша во время раздела... // Там же. С. 85.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 89.

⁴⁵ О противопоставлении поляков русским («россиянам») у Н. М. Карамзина см.: Долбилов М. Д. Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода / науч. ред. А. И. Миллер и др. М.: НЛО, 2012. Т. 2. С. 297.

⁴⁶ Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 294.

хии»⁴⁷. Другими словами, такой рискованный тезис, нехарактерный для специальной литературы, был сформулирован в литературе научно-популярной, каковой, собственно, и задумывалась «Живописная Россия».

Что касается диссидентского вопроса как аргумента в пользу русско-го вмешательства в польские дела, то в изложении Чуйко, писавшего, что лишь «...вслед за тем Екатерина II подняла дело о не-католиках в Польше и требовала, чтобы им были возвращены политические права и свобода совести»⁴⁸, он выступал лишь как инструмент политической борьбы. В связи с этим можно сказать, что произошедшие за без малого столетие перемены были очевидны, ведь в начале века Н. М. Карамзин позволял себе с большой осторожностью (и не публично) выражать сомнение в легитимности разделов Польши⁴⁹.

Даже если нет особой уверенности в том, что, пусть самые слабые, но встречавшиеся в очерках В. В. Чуйко отступления от традиционного толкования польской политики Екатерины II стали результатом умозаключений исключительно самого автора, надо отметить проявляющуюся здесь известную широту взглядов. Обращает на себя внимание и доступный, по-своему увлекательный стиль изложения, разве что время от времени перенасыщенный датами и историческими персонажами, что могло отвлечь от дальнейшего чтения не самых взыскательных читателей, окажись у них в руках написанные Чуйко очерки. Нет сомнения, что польские очерки «Живописной России», где государственно-политическая история была органично дополнена рассказами о законодательстве и управлении, об экономическом развитии Польши, о быте польского народа и польском народном образовании, польской литературе, искусстве, музыке и театре⁵⁰, представляют собой благодатный материал для исследования многоликого образа империи. Но возникает вопрос: удалось ли Чуйко в должной мере осветить положение польских земель под властью империи Романовых, учитывая наличие специального очерка — «Польша после раздела»? Изложение в этом очерке событий только до решений Венского конгресса определяет единственно возможный вариант ответа: не удалось. Вообще в очерках В. В. Чуйко⁵¹, как и в очерках Е. В. Карновича⁵² и А. К. Киркора⁵³, русско-польские отношения

⁴⁷ Чуйко В. Очерк III. Польша во время раздела... // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 1. С. 91.

⁴⁸ Там же. С. 92.

⁴⁹ Карамзин Н. М. Мнение русского гражданина // Карамзин Н. М. О древней и новой России... С. 437.

⁵⁰ Живописная Россия... Т. 4: Царство Польское... Ч. 1. С. 133–500.

⁵¹ Включая его очерки из 2-й части польского тома: Чуйко В. Очерк XV. Варшава // Живописная Россия... Т. 4: Царство Польское... Ч. 2. С. 67–148; Он же. Очерк XVI. Города Царства Польского // Там же. С. 149–244.

⁵² Карнович Е. Очерк V. Законодательство и управление // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 1. С. 133–164.

⁵³ Киркор А. К. Очерк IX. Черты минувшей жизни // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 1. С. 229–376.

как специальный сюжет отсутствуют, особого внимания восстаниям 1830 г. и 1863 г. не уделяется. Лишь глухие отголоски.

Мимоходом сказано о введении «взамен прежней конституции» Органического статута⁵⁴, о постройке в Варшаве цитадели⁵⁵, о деревушке Грохов, месте, замечательном, «тем, что здесь происходило несколько сражений», и в том числе «известное Гроховское сражение 1831 года, в воспоминание которого по повелению императора Николая здесь поставлен чугунный памятник»⁵⁶.

Надо, однако, признать, что иные образчики сочинений, отчасти близкие по жанровым особенностям историческим очеркам В. В. Чуйко, но заметно уступавшие им по масштабу и уровню исполнения, и вовсе не предлагали изложения польской истории в сопоставимом с «Живописной Россией» ключе. Так, в этнографических очерках «Народы России», где перечень типов «русских народов» насчитывает 45 наименований, а поляки замыкают лидирующую в списке четверку славянской семьи (после великорусов, малороссов и белорусов⁵⁷), в миниатюрной по объему главке, посвященной полякам⁵⁸, богатая по содержанию и эмоционально насыщенная польская история изложена на нескольких страницах⁵⁹.

Так или иначе, в контексте «Живописной России» едва ли не ключевая роль в ходе трансформации *национального* в *имперское* отводилась именно польской истории, польскому прошлому, стесненному красочным переплетом томов «роскошного» издания. Не в последнюю очередь преобразование национального в имперское должно было происходить за счет непосредственного включения польской истории в единую историю России. В такой трансформации есть основание усматривать посягательство / покушение на национальное прошлое как неотъемлемую часть национальной идентичности, впрочем, ожидавшей (по собственной воле или нет) преобразования в идентичность имперскую.

Собрав, систематизировав, переработав огромный разнородный материал культурно-исторического характера, авторы проекта получили в свое распоряжение набор инструментов, позволяющих конструировать имперскую идентичность, ориентированную на новоявленный образ / конструкт Российской империи. Однако при этом открытым остается вопрос соот-

⁵⁴ Карнович Е. Очерк V. Законодательство... С. 156, 161–162.

⁵⁵ Чуйко В. Очерк XV. Варшава... С. 72.

⁵⁶ Там же. С. 118.

⁵⁷ Народы России. Этнографические очерки. СПб.: Типография Т-ва Общественная польза, 1878. С. II; Народы России. Этнографические очерки. Живописный альбом. СПб.: Издание картографического заведения А. Ильина, 1880. С. 2.

⁵⁸ Поляки // Народы России... С. 115–152. Ср.: Поляки // Народы России... Живописный альбом... С. 58–76.

⁵⁹ Поляки... Исторический очерк // Народы России... С. 147–152. Ср.: Поляки... Исторический очерк // Народы России. Живописный альбом... С. 73–76.

ношения прошлого, настоящего и будущего (как «трех фаз времени»⁶⁰) в созданном «Живописной Россией» образе империи. Вряд ли можно утверждать, что имперская идентичность, формировавшаяся при посредничестве «Живописной России» и поглощавшая национальную идентичность, оказалась достаточно устойчивой. Во всяком случае, известный нам ход событий позволяет отчасти усомниться в стабильности подобного конструкта, в абсолютной приверженности имперской идентичности как отдельных обитателей империи, так и регионов, поспешивших отказаться от идентичности национальной. Иначе говоря, трансформация национальной идентичности в имперскую часто оказывалась процессом сугубо внешним, даже поверхностным, не затрагивавшим тонкие струны глубинного национального чувства.

Создатели «Живописной России», видевшие цель своего проекта в том, чтобы «живым словом и рисунком <...> дать яркое изображение разнообразных картин природы нашего необъятного отечества, а равно — и типов, населяющих его разноплеменных народностей; описать их нравы, одежды, жилища; очертить их быт, промышленность, торговлю и <...> экономическое положение»⁶¹, были, скорее всего, далеки от стремления в буквальном смысле слова работать на идею империи, хотя, по сути, они как раз этим и занимались, акцентируя исходный патриотический (читай — имперский) посыл⁶².

Исходное стремление осветить всё перечисленное непременно «исторически» диктовало практическую задачу, а именно создание «картин жизни нашего отечества настоящей и прошлой»⁶³. Таким образом, польское прошлое также было отнесено к прошлой жизни «нашего отечества». Авторам, похоже, казалось вполне достаточным ограничиться напоминанием о том, что «Границы Царства Польского в том виде, в каком Польша вошла в состав России после наполеоновских войн, были окончательно определены Венским конгрессом 1815 года», а затем без каких-либо комментариев следовала констатация: «Царство Польское, определяемое этими границами, получило административное название Привислинского края»⁶⁴.

Это чем-то напоминает методику сербских учителей, предусматривавшую обучение детей «географии не только Старой Сербии, “но всех сербских земель, ради их воссоединения”»⁶⁵. Разница была в том, что если

⁶⁰ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: НЛО, 2017. С. 60.

⁶¹ Заключительный очерк... С. 293.

⁶² Там же. С. 307.

⁶³ Там же. С. 298.

⁶⁴ Чуйко В. Очерк XIII. Географический очерк Польши // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 2. С. 1.

⁶⁵ Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017. С. 214–215.

сербы сохраняли полноту границ в исторической памяти, то «Живописная Россия» фиксировала нынешние пределы населенной разными народами империи, полагая, что тем самым обеспечивает их незыблемость.

Наблюдения над отдельными очерками «Живописной России» позволяют сделать ряд сугубо промежуточных выводов. Во всей своей полноте это издание должно было создавать у каждого «обитателя разноплеменной империи», — а не только «у каждого русского», как сами себя поправляли создатели проекта в Заключительном очерке⁶⁶, — впечатление (или хотя бы иллюзию) константности каждого региона за счет его включенности в общее имперское пространство. Отдавая себе отчет, что «Россия сегодняшняя не та же, что Россия вчерашняя, а Россия самого ближайшего будущего — будет уже не та, что Россия настоящего дня»⁶⁷, они чутко улавливали веяние «трех фаз времени».

Содержание польских очерков демонстрирует, что «Живописная Россия» — подобно роману, обладающему способностью «вместить поэзию и философию, не утратив своей идентичности»⁶⁸, — была призвана последовательно (и безраздельно) вобрать в себя специфику составляющих империю народов, включая, что следует подчеркнуть, их национальную историю, и это никак не грозило разрушить изнутри имперскую идентичность. Напротив, в уязвимом, подчиненном положении оказывалась скорее национальная идентичность, вторичная по отношению к имперской. На свой лад такую вторичность подтверждали популярные на рубеже столетий книги этнографического характера (как вариант — этнографическо-географического)⁶⁹, ориентированные на тех, кто «не может приобретать дорогих книг и не имеет досуга для чтения больших по объему сочинений»⁷⁰.

Неизбежно возникает вопрос, на который трудно дать определенный ответ: лишалась ли польская история, включенная в общий объем истории Российской империи, или, точнее, будто растворенная в общем потоке русской истории, права на независимое существование, как столетие назад лишилась государственности Речь Посполитая? Вне зависимости от варианта ответа можно предположить, что вхождение польской истории в контекст обширных сведений о разноплеменной Российской империи (дабы «снискивать расположение людей гордых, располагать к себе народонаселение,

⁶⁶ Заключительный очерк... С. 300.

⁶⁷ Там же. С. 310.

⁶⁸ Кундера М. Искусство романа. СПб.: Азбука, 2013. С. 97.

⁶⁹ Например: *Водовозова Е. Н.* Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки. Русины. СПб.: Типография Балашева и К°, 1897; *Луцковский Ф. Ф.* Поляки. М.: Издание книжного магазина П. В. Луковникова, 1898; *Терешкович Н.* Польша и поляки. М.: Труд и воля, 1906; *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Поляки: Антропологический очерк. М.: Типолиотография А. В. Васильева, 1901.

⁷⁰ *Водовозова Е. Н.* Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки... Б.п.

враждебное нам»⁷¹) должно было тем или иным образом отразиться на русско-польских отношениях.

Но есть ли основания ожидать от поглощения национальной истории (растворения в инородной среде) добрых последствий? С одной стороны, польские исторические очерки, являясь составной частью внушительного проекта, ориентированного на создание образа Российской империи для внутреннего и для внешнего употребления, свидетельствовали о постепенном превращении национальной идентичности в имперскую. С другой, они вносили посильный вклад в утверждение позиций империи внутри полиэтничного государства, играя немалую роль в русско-польском примирении, но — в русском его толковании.

Принимая во внимание своеобразие «Живописной России» как источника и одновременно исторического сочинения, следует отметить, что в основу дальнейшего изучения этого уникального историко-культурного свода, наверное, должен быть положен принцип: «Важно не Племя X <...>, но вопросы, обращенные к Племени X»⁷².

Литература

- Абашев В. В.* Урал в монументальной геопанораме (очерк М. В. Малахова в «Живописной России») // География искусства: расширение горизонтов. Сборник статей / отв. ред. и сост. О. А. Лавренова. М.: ГИТР, 2019. С. 337–355.
- Абашев В. В.* Урал в монументальной геопанораме (очерк М. В. Малахова в «Живописной России») // Уральский исторический вестник. 2018. № 2 (59). С. 59–67.
- Аржакова Л. М.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.
- Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: НЛЮ, 2017.
- Баренбаум И. Е., Шомракова И. А.* Всеобщая история книги. СПб.: Профессия, 2005.
- Гессен В. Ю.* Жизнь и деятельность петербургского книгопродавца и издателя М. О. Вольфа // Клио. 2021. № 10 (178). С. 108–117.
- Гинзбург К.* Деревянные глаза. Десять статей о дистанции. М.: Новое издательство, 2021.
- Головкин С. И.* М. О. Вольф: жизнь для книги и среди книг // Библиография и книговедение. 2015. № 4. С. 104–111.

⁷¹ Тайные наставления иезуитов // Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии / подгот. и ред. А. И. Цепков. Рязань: Александрия, 2010. С. 286.

⁷² *Гинзбург К.* Наши и их слова. Размышление о ремесле историка сегодня // *Гинзбург К.* Деревянные глаза. Десять статей о дистанции. М.: Новое издательство, 2021. С. 437.

- Головко С. И. Первое русское роскошное издание // Библиография и книговедение. 2020. № 3 (428). С. 144–151.
- Головко С. И. «Роскошные» издания как феномен книжного наследия // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2015. № 6 (401). С. 77–87.
- Головко С. И. Элитные издания: modern era // Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. № 45. С. 94–100.
- Горизонтов Л. Е. Дискуссия конца XIX века о томе «Живописной России», посвященном литовским и белорусским губерниям // Славяноведение. 2017. № 1. С. 62–72.
- Гросул В. Я. Власть и общественное мнение в России XVIII–XIX веков // Труды Института российской истории / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. Вып. 5. С. 118–172.
- Долбилов М. Д. Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода / науч. ред. А. И. Миллер и др. М.: НЛЮ, 2012. Т. 2. С. 292–339.
- Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Наука, 1991. Т. 2–3.
- Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002.
- Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.
- Кузьмина Н. Г. Издательская деятельность М. О. Вольфа и «История книги в России» С. Ф. Либровича // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития. Материалы VI Международного научного семинара / под ред. Д. Н. Бакун. М.: Наука, 2016. С. 87–89.
- Кундера М. Искусство романа. СПб.: Азбука, 2013.
- Лескинен М. В. Великоросс / Великорус. Из истории конструирования этничности. XIX век. М.: Индрик, 2016.
- Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010.
- Мининкова Л. В. «Живописная Россия» как популярное географическое сочинение эпохи модерна и его читатель // Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии, Витебск, 25–27 апреля 2019 г. / отв. ред. А. Н. Дулов, М. Ф. Румянцева. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2019. С. 71–73.
- Попов А. С., Попова Т. И. Знакомство будущих педагогов с изданием «Живописная Россия» // Преподаватель высшей школы: Традиции, проблемы, перспективы: материалы X Всероссийской научно-практической Internet-конференции (с международным участием) / отв. ред. Л. Н. Макарова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 85–89.
- Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М.: НЛЮ, 2020.

- Ромашина Е. Ю.* Извне и изнутри: европейские образцы на страницах российских азбук, букварей, книг для чтения второй половины XIX — начала XX вв. // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2018. № 2 (26). С. 127–141.
- Рыжанок М. В.* Переплеты коронационных альбомов XIX века Императорской России // Научные труды. 2015. № 32. С. 100–117.
- Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о книгах. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960.
- Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М.: Международные отношения, 2002.
- Соловьев С. М.* История падения Польши // *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. М.: Мысль, 1995. Кн. 16: Работы разных лет. С. 406–628.
- Cegielski T., Kądziela Ł.* Rozbiory Polski: 1772–1793–1795. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1990.
- Serejski M. H.* Europa a rozbiory Polski. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970.
- Topolski J.* Analizy dyskusji historiograficznej dotyczącej wyjaśnienia rozbiorów // *Topolski J.* Jak się pisze i rozumie historię. Tajemnice narracji historycznej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2008.

References

- Abashev, V. V., 2019. Ural v monumental'noi geopanorame (ocherk M. V. Malakhova v "Zhivopisnoi Rossii") [The Urals in a Monumental Geopanorama (An Essay by M. V. Malakhov in "Picturesque Russia")]. In: O. A. Lavrenova, ed., 2019. *Geografiia iskusstva: rasshirenie gorizontov* [The Geography of Art: The Widening of Horizons]. Moscow: GITR, pp. 337–355.
- Abashev, V. V., 2018. Ural v monumental'noi geopanorame (ocherk M. V. Malakhova v "Zhivopisnoi Rossii") [The Urals in a Monumental Geopanorama (An Essay by M. V. Malakhov in "Picturesque Russia")]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2 (59), pp. 59–67.
- Arzhakova, L. M., 2010. *Rossiiskaia istoricheskaia polonistika i polskii vopros v XIX veke* [Russian Historical Polonistics and the Polish Question in the Nineteenth Century]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Assman, A., 2017. *Raspalas' sviaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Has the Link of Times Broken Up? The Rise and Fall of the Temporal Mode of Modern]. Moscow: NLO.
- Barenbaum, I. E., Shomrakova, I. A., 2005. *Vseobshchaia istoriia knigi* [General history of the book]. Saint Petersburg: Professiia.
- Cegielski, T., Kądziela, Ł., 1990. *Rozbiory Polski: 1772–1793–1795*. Warsaw: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne.
- Dolbilov, M. D., 2012. *Poliak v imperskom politicheskom leksikone* [A Pole in the Imperial Political Area]. In: A. I. Miller, et al., eds, 2012. "Poniatii o Rossii". K istoricheskoj semantike imperskogo perioda ["Notions about Russia". To the Historical Semantics of the Imperial Period]. Moscow: NLO. Vol. II, pp. 292–339.

- Ezernik, B., 2017. *Dikaia Evropa. Balkany glazami zapadnykh puteshestvennikov* [Wild Europe. The Balkans through the Eyes of Western Travelers]. Moscow: Lingvistika.
- Gessen, V. Iu., 2021. Zhizn' i deiatel'nost' peterburgskogo knigoprodavtsa i izdatelia M. O. Vol'fa [The Life and Works of the St. Petersburg Bookseller and Publisher M. O. Wolf]. *Klio*, 10 (178), pp. 108–117.
- Ginzburg, K., 2021. *Dereviannye glaza. Desiat' statei o distantsii* [Wooden Eyes. Ten Articles about Distance]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Golovko, S. I., 2015. M. O. Vol'f: zhizn' dlia knigi i sredi knig [M. O. Wolf: Life for a Book and among Books]. *Bibliografiia i knigovedenie*, 4, pp. 104–111.
- Golovko, S. I., 2006. Elitnye izdaniia: modern era [Elite Editions: Modern Era]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 45, pp. 94–100.
- Golovko, S. I., 2020. Pervoe russkoe roskoshnoe izdanie [The First Russian Luxury Edition]. *Bibliografiia i knigovedenie*, 3 (428), pp. 144–151.
- Golovko, S. I., 2015. “Roskoshnye” izdaniia kak fenomen knizhnogo naslediiia [“Luxury” Publications As a Phenomenon of book heritage]. *Bibliografiia. Nauchnyi zhurnal po bibliografovedeniiu, knigovedeniiu i bibliotekovedeniiu*, 6 (401), pp. 77–87.
- Gorizontov, L. E., 2017. Diskussiia kontsa XIX veka o tome “Zhivopisnoi Rossii”, posviashchennom litovskim i belorusskim guberniiam [Discussion of the End of the Nineteenth Century about the Volume of “Picturesque Russia” Dedicated to the Lithuanian and Belarusian Provinces]. *Slavianovedenie*, 1, pp. 62–72.
- Grosul, V. Ia., 2005. Vlast' i obshchestvennoe mnenie v Rossii XVIII–XIX vekov [Power and Public Opinion in Russia of the Eighteenth–Nineteenth Centuries]. In: A. N. Sakharov, ed., 2005. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii* [Studies of the Institute of Russian History]. Moscow: Nauka. Issue 5, pp. 118–172.
- Karamzin, N. M., 1991. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [History of Russian State]. Moscow: Nauka. Vol. II–III.
- Karamzin, N. M., 2002. *O drevnei i novoi Rossii. Izbrannaia proza i publitsistika* [On Ancient and Contemporary Russia. Selected Prose and Journalism]. Moscow: Zhizn' i mysl', pp. 284–332.
- Kozellek, R., 2016. “Prostranstvo opyta” i “gorizont ozhidaniia” — dve istoricheskie kategorii [“The Space of Experience” and “the Horizon of Expectations” Are Two Historical Categories]. *Sotsiologiya vlasti*, 28 (2), pp. 149–173.
- Kundera, M., 2013. *Iskusstvo romana* [The Art of the Novel]. Saint Petersburg: Azbuka.
- Kuz'mina, N. G., 2016. Izdatel'skaia deiatel'nost' M. O. Vol'fa i “Istoriia knigi v Rossii” S. F. Librovicha [Publishing Activity of M. O. Wolf and “The History of Books in Russia” by S. F. Librovich]. *Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury*. Moscow: Nauka, pp. 87–89.
- Leskinen, M. V., 2010. *Poliaki i finny v rossiiskoi nauke vtoroi poloviny XIX v.: “dru-goi” skvoz' prizmu identichnosti* [Poles and Finns in Russian Science of the Second Half of the Nineteenth Century: “The Other” through the Prism of Identity]. Moscow: Indrik.
- Leskinen, M. V., 2016. *Velikoross / velikorus. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. XIX vek* [Velikoross / Velikorus. From the History of the Construction of Ethnicity. Nineteenth Century]. Moscow: Indrik.

- Mininkova, L. V., 2019. “Zhivopisnaia Rossiia” kak populiarnoe geograficheskoe sochinenie epokhi moderna i ego chitatel’ [“Picturesque Russia” As a Popular Geographical Composition of the Modern Era and Its Reader]. In: A. N. Dulov, M. F. Rumiantseva, eds, 2019. *Aktual’nye problemy istochnikovedeniia: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 110-letiiu Vitebskoi uchenoi arkhivnoi komissii, Vitebsk, 25–27 apreliia 2019 g.* [Actual Problems of Source Study: Proceedings of the V International Conference Devoted to the 110th Anniversary of the Vitebsk Archival Commission, Vitebsk, 25–27 of April 2019]. Vitebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P. M. Masherova, pp. 71–73.
- Popov, A. S., Popova, T. I., 2019. Znakomstvo budushchikh pedagogov s izdaniem “Zhivopisnaia Rossiia” [Acquaintance of Future Teachers with the Publication “Picturesque Russia”]. In: L. N. Makarova, ed., 2019. *Prepodavatel’ vysshei shkoly: Traditsii, problemy, perspektivy: materialy X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)* [Professor of the Higher School: Traditions, Problems, Perspectives: Materials of the X All-Russian Internet-conference (with international participation)]. Tambov: Izdatel’skii dom “Derzhavinskii”, pp. 85–89.
- Rolf, M., 2020. *Pol’skie zemli pod vlast’iu Peterburga. Ot Venskogo kongressa do Pervoi mirovoi* [Polish Lands under the Rule of St. Petersburg. From the Congress of Vienna to the First World War]. Moscow: NLO.
- Romashina, E. Iu., 2018. Izvne i iznutri: evropeiskie obraztsy na stranitsakh rossiiskikh azbuk, bukvarai, knig dlia chteniia vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv. [Outside and Inside: European Images on the Pages of Russian Alphabets, Abc Books, Books for Reading, the Second Half of the Nineteenth — Early Twentieth Centuries]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 2 (26), pp. 127–141.
- Ryzhanok, M. V., 2015. Pereplety koronatsionnykh al’bomov XIX veka Imperatorskoi Rossii [The Bindings of the Nineteenth Century’s Coronation Albums of the Imperial Russia]. *Nauchnye trudy*, 32, pp. 100–117.
- Serejski, M. H., 1970. *Europa a rozbiory Polski*. Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe.
- Smirnov-Sokol’skii, N. P., 1960. *Rasskazy o knigakh* [Stories about Books]. Moscow: Izd-vo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty.
- Solov’ev, S. M., 1995. *Sochineniia. V 18 kn.* [Works. In 18 books.] Moscow: Mysl’. Book 16: Raboty raznykh let [Works of Different Years], pp. 406–628.
- Stegnii, P. V., 2002. *Razdely Pol’shi i diplomatiia Ekateriny II: 1772, 1793, 1795* [Partitions of Poland and Catherine II’s Diplomacy: 1772, 1793, 1795]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Topolski, J., 2008. Jak się pisze i rozumie historię. Tajemnice narracji historycznej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ КАРПАТ

Михаил Михайлович Кондратенко

Кандидат филологических наук, доцент,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К. Д. Ушинского
Почтовый адрес: ул. Республиканская, 108/1,
Ярославль, 150000, Россия
Электронный адрес: mmkondratenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8777-541X

Аннотация

В статье исследуются особенности обозначения некоторых периодов времени в ряде украинских карпатских говоров (бойковских, буковинских, гуцульских, закарпатских), а также поднестровских говоров, главным образом с точки зрения специфики диалектной сегментации данной семантической сферы и принципов номинации. Лексический материал карпатоукраинских диалектов позволяет выделить в рамках статьи отдельные семантические модели и сдвиги, наблюдаемые в обозначениях времени: перенос пространственных параметров для номинации временных характеристик и наоборот; ориентация в наименованиях месяцев на фенологические и хозяйственные циклы, а не на деление астрономического года на отрезки, содержащие определенное количество дней; отображаемое лексикой восприятие самого понятия «время» как благоприятной или неблагоприятной поры для какой-либо деятельности или жизни вообще; номинация утра как появления дневного света или периода времени, несколько удаленного в прошлое от момента речи; отмечены также отдельные заимствования как составная часть лексики, обозначающей время в разных его проявлениях. На основе анализа материала диалектных словарей карпатоукраинских говоров сделан вывод о том, что эта лексика репрезентирует ряд семантических моделей наименований периодов времени, обладающих параллелями в других славянских и некоторых неславянских языках. С учетом лингвогеографического аспекта, а именно достаточно широкого распространения на языковой территории Славии, а также за ее пределами, можно предположить статус этих моделей как семантических архетипов, представленных в их совокупности в карпатской диалектной зоне.

Ключевые слова

Диалектные обозначения времени, украинские карпатские говоры, поднестровские говоры, принципы номинации, семантические сдвиги

Статья поступила в редакцию 28 сентября 2021 г.

Цитирование: Кондратенко М. М. Лексико-семантические особенности обозначения времени в украинских говорах Карпат // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 37–52. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.03>

LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE DESIGNATION OF TIME IN THE UKRAINIAN DIALECTS OF THE CARPATHIANS

Mikhail M. Kondratenko

Ph. D., Associate Professor,
K. D. Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogical University
Postal address: Respublikanskaya str., 108/1,
Yaroslavl, 150000, Russia
E-mail: mmkondratenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8777-541X

Abstract

This article examines the peculiarities of the designation of certain time periods in a number of Ukrainian dialects of the Carpathian region; in particular from the perspective of the specifics of dialect segmentation of this semantic sphere and of the principles of nomination. The lexical material of the Carpathian-Ukrainian dialects allows us to distinguish certain semantic models and shifts observed in time designations: the transfer of spatial parameters for the nomination of time and vice versa; the orientation in the names of months to phenological and economic cycles, and not to the division of the astronomical year into segments containing a certain number of days; the perception of the concept of “time” itself displayed by the vocabulary as a favourable or unfavourable time for any activity or life in general; the nomination of morning as the appearance of daylight or a period of time somewhat removed in the past from the moment of speech; and some borrowings are also noted as an integral part of the vocabulary denoting time in its various manifestations. On the basis of the analysis of material from Carpatho-Ukrainian dialect dictionaries, it is concluded that this vocabulary represents a number of semantic models of names of time periods that have parallels in other Slavic and some non-Slavic languages. Taking into account the linguistic and geographical aspect, namely, a fairly wide distribution in the language territory of Slavia, as well as beyond its borders, we can assume the status of these models as semantic archetypes represented collectively in the dialect zone of the Carpathians.

Keywords

Dialect time designations, Ukrainian Carpathian dialects, Transnistrian dialects, nomination principles, semantic shifts

Received 28 September 2021

How to cite: Kondratenko, M. M., 2021. Leksiko-semanticheskie osobennosti oboznacheniiia vremeni v ukrainskikh govorakh Karpat [Lexical and Semantic Features of the Designation of Time in the Ukrainian Dialects of the Carpathians]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 37–52. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.03>

Лексический материал Карпат представляет большую ценность как для синхронных, так и для диахронных славистических исследований. В понятие «карпатизм» обычно включаются языковые единицы славянских и неславянских языков данного региона; кроме того, нередко дискутируется вопрос о необходимости привлечения балканизмов для полноценного изучения карпатской лексики¹.

Во многом такой статус карпатизмов объясняется их важной ролью в плоттогенезе Карпатского бассейна и в лингвистических свидетельствах этногенеза народов, исторические судьбы которых связаны с Карпатами. За последние десятилетия карпатоукраинской лексике было посвящено немало фундаментальных трудов, начиная со сборника «Карпатская диалектология и ономастика»², книги Г. П. Клепикова о пастушеской терминологии³, а также лингвистических атласов Карпат⁴. На важность учета влияния славянских говоров Карпат (если рассматривать работы последних лет) на румынский язык указывала К. Лешбер⁵, о заимствованиях в венгерский писали А. Золтан, Я. Шаболч⁶. Объектом изучения являлись также заимствования из венгерского и румынского языков в славянские карпатские⁷.

¹ *Stachowski M.* Karpatyzm leksykalny // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze.* 2004. Z. 122. S. 180.

² Карпатская диалектология и ономастика / отв. ред. Г. П. Клепикова. М.: Наука, 1972.

³ *Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М.: Наука, 1974.

⁴ *Дзэндзелівський Й. О.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика). Ужгород: Ужгородський державний університет, 1958. Ч. 1. (Ужгородський державний університет. Наукові записки. Т. 34: Діалектологічний збірник. Випуск 3); *Бернштейн С. Б., Иллич-Свитыч В. М., Клепикова Г. П. и др.* Карпатский диалектологический атлас. М.: Институт славяноведения АН СССР, 1967; *Общекарпатский диалектологический атлас* / отв. ред. С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. М.: Наука, 1988–2003.

⁵ *Leschber C.* Urslavische Lexik im Rumänischen // *Wort- und Formenvielfalt. Festschrift für Christoph Koch zum 80. Geburtstag* / eds A. Jouravel, A. Mathys; unter Mitarbeit von D. Petit. Berlin: Peter Lang, 2021. S. 207–218.

⁶ *Zoltán A., Szabolcs J.* Entlehnungen und Kalkierungen im Ungarischen // *Kalkierungs- und Entlehnungssprachen in der Slavia: Boris Unbegaun zum 120. Geburtstag* / Hg. K. Witzlack-Makarevich. Berlin: Frank & Timme, 2018. S. 325–338.

⁷ *Клепикова Г. П.* Румынизмы славянского происхождения в карпатославянских диалектах // *Исследования по славянской диалектологии.* М.: Индрик, 1995. Вып. 4: Сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна / отв. ред. Г. П. Клепикова. С. 100–112; *Она же.* Изоглоссы румынских заимствований в славянских диалектах карпатского ареала — типологический аспект // *Исследования по славянской диалектологии.* М.: Институт славяноведения РАН, 1998. Вып. 5: Актуальные проблемы славянской лингвогеографии / отв. ред. Г. П. Клепикова. С. 168–265; *Она же.* К проблеме стратификации венгерских заимствований в карпатоукраинских диалектах // *Исследования по славянской диалектологии.* М.: Институт славяноведения РАН, 2008. Вып. 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем) / отв. ред. Л. Э. Калнынь. С. 203–212; *Лизанець П. М.* Атлас лексичних мадяризмів та їх відповідників в українських говорах Закарпатської обл. УРСР. Ужгород: Ужгородський держ. ун-т, 1976.

Нельзя не отметить роль карпатской лексики как источника для исследований в области фольклористики и этнолингвистики⁸.

В данной статье используется лексический материал нескольких карпатоукраинских говоров (бойковских, буковинских, гуцульских, закарпатских), а также поднестровских (как смежных в географическом отношении и представляющих сходные семантические явления). Описываемые лексико-семантические феномены не всегда обладают исключительным карпатоукраинским ареалом распространения и известны также другим языкам Славии, однако их фиксация важна, поскольку они могут представлять семантические архетипы, отмеченные в других славянских и неславянских языках. Об этом говорят примеры украинских лексем из говоров Карпат, имеющие лексические параллели в южно- и западнославянских языках (например, *джерга* 'одеяло из грубой шерсти'⁹, *запорток* 'яйцо, из которого насадка не высидела цыплят'¹⁰; *запудити* 'загнать, закинуть'¹¹; *зарзуля* 'абрикос'¹²) и представляющие тем самым информацию для рассуждения о языковых контактах народов и путях миграции слов.

В рамках данного исследования языковой материал был ограничен некоторыми семантическими особенностями лексики, обозначающей периоды времени. Выбор именно этого пласта слов связан с наличием манифестируемых ими значений во многих близких или удаленных в генетическом отношении языках, что позволяет в дальнейшем использовать представленные наименования для сопоставительных штудий.

Среди различных аспектов исследования лексики Карпат интерес вызывает анализ как выбора объектов номинации, так и ее способов и принципов, а также закономерностей, констатируемых в трансформациях, которые претерпевает семантика лексики с временным значением.

Одним из наиболее частотных феноменов в этом отношении является интерференция понятийной сферы «время» с другими понятийными сферами. Так, в гуцульских говорах лексема *відполуднар*, производная от наименования полдня, обозначает человека, а именно помощника пастуха, который пасет скот после обеда¹³. Пожалуй, наиболее часто фиксируемым

⁸ Валенцова М. М., Виноградова Л. Н. Карпатоукраинская народная демонология: мотивно-функциональный метод исследования // *Revista de etnologie și culturologie*. 2021. Vol. 29. С. 44–52. <https://doi.org/10.52603/rec.2021.29.06>; Хобзей Н. Гуцульська міфологія: етнолінгвістичний словник. Львів: Ін-т українознав. ім. І. Крип'якевича, 2002; Хобзей Н., Ястремська Т., Сімович О., Дидик-Меуш Г. Гуцульські світи. Лексикон. Львів: Ін-т українознав. ім. І. Крип'якевича, 2013.

⁹ Гуцульські говірки. Короткий словник / відп. ред. Я. Закревська. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 1997. С. 58.

¹⁰ Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці: Червона рута, 2005. С. 139.

¹¹ Там же. С. 140.

¹² Там же. С. 141.

¹³ Гуцульські говірки... С. 37.

семантическим сдвигом, свойственным обозначениям времени, является перенос на них пространственных, экзистенциальных и других параметров и наоборот. Примерами подобных семантических трансформаций являются в гуцульских говорах *за(в)годи* ‘заранее, заблаговременно’ и ‘перед вечером, засветло’¹⁴, *днина* ‘день’ и ‘мера земли’ (*майу на днину ріл’я, шо мож за днину віорати*)¹⁵; в закарпатских говорах *десь-не-десь* ‘где-то’ и ‘иногда, временами’ (*Петро дис’-ни-дис’приходить до вуц’:а*)¹⁶, в буковинских *дес-ни-дес* ‘кое-где’ и ‘кое-когда, изредка’ (*сніг ростопивси, лиш дес-ни-дес на поли ше є и мож дес-ни-дес заверну до вас*)¹⁷.

Подобные варианты полисемии с переносом значения с временных параметров на пространственные широко распространены на славянской территории, в частности гуцульское *хід* ‘единица меры расстояния’ (*дві години ходу від нас до Кут*)¹⁸ и *row ureхода* ‘полчаса ходьбы’ в резьянских словенских говорах¹⁹; гуцул. *літа* ‘годовые кольца на срезе дерева’²⁰ находит параллель в родопских говорах Болгарии: *лѣто* — ‘лето’ и ‘расстояние между стеблями, по которым измеряют возраст растения’²¹.

В карпатоукраинских говорах отмечено немало семантических феноменов, свидетельствующих о некоторых семантических закономерностях процессов славянской номинации в далеком прошлом.

К ним можно отнести несовпадение или частичное совпадение астрономических месяцев и соответствующих им периодов времени в народном календаре. Последние в большей степени ориентируются на фенологические сезоны и хозяйственные циклы, а не на деление астрономического года на точное количество дней. Так, в карпатоукраинских говорах одна и та же мотивация присуща наименованиям периода времени, который ассоциируется с разными месяцами официального календаря: гуцул. *падолист* ‘октябрь’ и ‘ноябрь’²², *марот* ‘апрельская смена погоды, март’²³, *березень*

¹⁴ Гуцульські говірки... С. 73

¹⁵ Там же. С. 60.

¹⁶ *Сабадош І.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008. С. 63.

¹⁷ Словник буковинських говірок. С. 91.

¹⁸ Гуцульські говірки... С. 201.

¹⁹ Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии = Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie / собрал и издал И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1904. II: Образцы языка на говорах терских славян в северо-восточной Италии = Sprachproben in den Mundarten der Slaven von Torre in Nordost-Italien. С. 306.

²⁰ Гуцульські говірки... С. 113.

²¹ *Стойчев Т.* Родопски речник // Българска диалектология: проучвания и материали / отв. ред. Ст. Стойков. София: Институт за български език БАН, 1965. Кн. 2. С. 199.

²² Гуцульські говірки... С. 143.

²³ *Піпаш Ю., Галас Б.* Матеріали до словника гуцульських говірок. Ужгород: б.в., 2005. С. 99.

‘апрель’²⁴, *жовтень* ‘сентябрь’²⁵, *казибрід, казібер* ‘февраль’²⁶ (в последнем примере, согласно Этимологическому словарю украинского языка²⁷, название мотивировано изменчивостью погоды, что выражается в плохом состоянии путей); на наступление очередной поры года указывает повышение температуры: *ми’ико* ‘тепло; пора оттепели’²⁸.

К этой же группе наименований можно отнести обозначения периодов времени, равных месяцу, по типичному поведению животных, например насекомых, досаждающих скоту: гуцул. *бедзень* (*бидзень*), *білень* ‘июль’²⁹; буковин. *липень бедзень тому, що в цьому місці бедз (овод) крепко корови кусає*³⁰. Аналогичные принципы мотивации отмечены не только в говорах Славии, но и за пределами славянской языковой территории: в силезских немецких говорах *Fliegenmond* ‘август’ (буквально «месяц мух») ³¹.

Карпатоукраинские примеры свидетельствуют о таком славянском семантическом архетипе, как восприятие времени главным образом в качестве поры, благоприятной или неблагоприятной для разных аспектов жизнедеятельности человека, а также о феномене отсутствия, исчезновения времени как проявления невозможности делать что-то или вообще существовать в земном мире.

Об этом свидетельствуют, в частности, случаи употребления лексемы *час* (рефлекс праславянского **časъ*) в гуцульских говорах: в значении ‘пора’ (*як зазуля кукає по часови на хаки, то хтось у ці хаки умре*³²); *чэсовий, чісний* ‘тот, кому пришла пора умирать’ (*бисти соб’і знали, шо умирайе не молодий, не старий, а чісний*)³³. Отсутствие времени или расположенность действия до нужной точки на временной оси расценивается в лексике этих говоров как предшествование и потому несоответствие нужной поре: *бесчісу* ‘преждевременно’³⁴, *дочасний* ‘преждевременный’³⁵. Значение необходимости соответствия подходящей временной точке как соблюдения положенной поры представлено в закарпат. *дочасу* ‘своевременно’ (*прийшлам на гостину дочасу*)³⁶, буковин. *бесчасу, бесчісу* ‘сразу, немедленно’

²⁴ Гуцульські говірки... С. 23.

²⁵ Там же. С. 71.

²⁶ Там же. С. 89.

²⁷ Етимологічний словник української мови / голов. ред. О. С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1982–2012. Т. 2. С. 342.

²⁸ Піпаш, Ю., Галас Б. Матеріали... С. 103.

²⁹ Гуцульські говірки... С. 22.

³⁰ Словник буковинських говірок. С. 28.

³¹ *Mitzka W. Schlesisches Wörterbuch*. Berlin: De Gruyter, 1963–1965. В. 1–3. S. 548.

³² Гуцульські говірки... С. 209.

³³ Там же. С. 212.

³⁴ Гуцульські говірки... С. 24.

³⁵ Піпаш Ю., Галас Б. Матеріали... С. 50.

³⁶ *Сабадош І. Словник закарпатської говірки села Сокирниця... С. 77.*

(він бесчїсу прибіг, як вона заслабла³⁷), збанок до часу воду носи³⁸; еколи («есть когда») ‘есть время’ (прийди до н’а, куй ми ме май йеколи)³⁹.

Учитывая устойчивое восприятие времени как чего-то бегущего, текущего, движущегося, к этой же группе примеров можно отнести гуцул. *збіглий* ‘преждевременно родившийся (о ребенке)’: *збігла дитина*⁴⁰.

Во времени могут вычленяться периоды, соответствующие этапам и видам сельскохозяйственных работ, что подтверждает его восприятие как подходящей поры. Одним из них является пора косьбы, сенокоса, ср.: поднестр. *кїзьба* ‘пора косьбы’ (*зач `елас `ї к `їзьба*)⁴¹, гуцул. и поднестр. *сінокос*, *сінокоси* ‘пора и место сенокоса’⁴² (*того року дощ падав на с`їнокоси*)⁴³, гуцул. *сіянка* (*сиэнка*) ‘время и процесс высевания зерновых’⁴⁴. О важности результатов сельскохозяйственных работ говорит наличие обозначения неурожайного, голодного года как одной из разновидностей периодов времени: *тугий рік* («тугой, скупой год»)⁴⁵.

С интерпретацией этой группы лексики существует проблема с точки зрения ее отнесенности к исследуемой тематической группе, а именно: является ли языковая единица номинацией периода времени или вида работ. Аналогичные вопросы возникают и в отношении наименований праздников, поскольку они могут представлять собой не только хрононимы, но и геортонимы. В такой ситуации необходимо учитывать толкование, предлагаемое носителем диалекта. На основании подтверждения «временного» характера лексики ее необходимо включать в исследование, так как она также содержит некоторые семантические модели, например модель ‘основной праздник — второй (малый) праздник’, представленная в парах *перша богородиця / перша матка* ‘Успение Пресвятой Богородицы (28.08)’; *друга богородиця / друга матка* ‘Рождество Пресвятой Богородицы (21.09)’⁴⁶.

Одной из важнейших характеристик времени в карпатоукраинских говорах является его деление на рабочее и нерабочее: в гуцульских говорах фиксируются лексемы *бугдень*, *будень* ‘рабочий день’⁴⁷, *денька* ‘рабочий день, ежедневная работа’ (*йак хочеш молотити — на міру, ци на деньку*),

³⁷ Словник буковинських говірок. С. 29.

³⁸ Там же. С. 152

³⁹ *Сабадош І.* Словник закарпатської говірки села Сокириця... С. 77; Словник буковинських говірок. С. 83.

⁴⁰ *Піпаш Ю., Галас Б.* Матеріали... С. 66.

⁴¹ *Шило Г.* Надністрянський регіональний словник. Львів; Нью-Йорк: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2008. С. 141.

⁴² *Піпаш Ю., Галас Б.* Матеріали... С. 174.

⁴³ *Шило Г.* Надністрянський регіональний словник. С. 239.

⁴⁴ Гуцульські говірки... С. 171.

⁴⁵ Там же. С. 180.

⁴⁶ Гуцульські говірки... С. 27.

⁴⁷ *Піпаш Ю., Галас Б.* Матеріали... С. 18.

денькувати ‘работать ежедневно’⁴⁸; с другой стороны — номинации нерабочего времени: *отпуст* (*отпуск*), *храм* ‘праздник’⁴⁹.

Лексика карпатоукраинских говоров является важным источником для интерпретации славянского восприятия такого периода времени, как утро. Здесь фиксируется несколько принципов номинации.

Одним из них является мотивация наименования наступления утра белым или серым цветом. Очевидно, тем самым по-разному определяется статус утра либо как начала дня, либо как окончания ночи.

В поднестривских говорах фиксируются обозначения, мотивированные серым цветом: *сіріти* ‘светать’ (*шчойно зач’ело с’ір’ітит, а кусар’і н’ішли на с’інож’ета*)⁵⁰, *шарітися* ‘рассветать’ и ‘прорасти’ (*постойав’ім дес’з годину, і зачало с’а шар’іти*)⁵¹. Для болгарской и русской языковой территории более характерна мотивация наступления этого времени суток белым цветом (*бело* ‘рассвет, раннее утро’⁵² в севернорусских ярославских говорах); в белорусском представлена и «серая» мотивация, например: *шарая* / *шэрая гадзіна*, *шаранька* (*шчэ шаранька*), *шараць* (*пара ўставаць, ужо шарэе*)⁵³; в нижнелужицких говорах *žeń se šeri* ‘светает’ (буквально «день становится серым») ⁵⁴; отмечена такая семантическая мотивация и в немецких говорах — *grau* (букв. перевод ‘серый’) ‘светло’, *grauen* (‘делаться серым’) ‘рассветать’⁵⁵.

Распространенным принципом номинации утра является его обозначение как ранней поры суток: гуцул. *відраня* (*відрань*) ‘с утра’ (*ходили по плонинах відран’и и доў вечера*)⁵⁶, *відран’и* ‘утром’⁵⁷; *заран’и* ‘рано утром’⁵⁸; вост.-бойк. *ранен’(j)ko*; *ránkom* ‘утром’, *ráno* ‘рано, утром’ (*u trí časoo ráno, do s’v’ita*)⁵⁹; буковин. *відранку*, *відраня* ‘с утра’ (*я відранку ни була в хати*)⁶⁰.

⁴⁸ Гуцульські говірки... С. 56.

⁴⁹ Там же. С. 42.

⁵⁰ Шило Г. Надністрянський регіональний словник. С. 239.

⁵¹ Там же. С. 278.

⁵² Ярославский областной словарь. В 10 вып. Учебное пособие / научн. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ, 1981-1991. Вып. 1. С. 49.

⁵³ Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / рэдакцыйная калегія: Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч, А. І. Чабарук, Ф. Д. Клімчук. Мінск: Навука і тэхніка, 1979-1986. Т. 5. С. 462.

⁵⁴ Miła A. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. 2 Bände. Budyšin: Ludowe Nakladnistwo Domowina, 1966. B. 2. S. 630.

⁵⁵ Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken / zsgest. von G. Schunk. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000. S. 80.

⁵⁶ Гуцульські говірки... С. 37.

⁵⁷ Піпаш Ю., Галас Б. Матеріали... С. 24.

⁵⁸ Там же. С. 63.

⁵⁹ Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. С. 157.

⁶⁰ Словник буковинських говірок. С. 54.

Помимо этих типов семантической мотивации обозначений наступления утра можно выделить еще несколько. Один из них связан с рефлексамии праслав. *zārjā: поднестров. *зара* ‘рассвет’, *за`рїти* ‘рассветать’ (*вже зор`їе*)⁶¹, *зор б`э на день* ‘рассветает’⁶²; гуцул. *назорїх* ‘до рассвета’⁶³, *ззаря* ‘засветло’⁶⁴, *ззор`їти* ‘рассветать’⁶⁵.

Следующая семантическая модель представляет утро как время дня, когда становится видно, наступает светлое время суток: гуцул. *розвідати(си)* ‘светать, развидняться’ (*перший раз зорїє, а потому розвідай(си)*)⁶⁶, *досвіта* ‘очень рано’, *досвіток* ‘рассвет’⁶⁷, *обвіднюватис`и* ‘наступать утру, рассветать’⁶⁸; буковин. *виткоси* ‘видно’ (*скоро буде день, бо вже виткоси стає*)⁶⁹; поднестров. *досв`їта* (*друга година досв`їта, ми вже на поли*)⁷⁰.

Кроме того, утро может выглядеть как наступление дня и выражаться производным от *dьнь: гуцул. *днина, день, до дн(,)и* ‘с рассветом, поутру’⁷¹; поднестров. *вдодня* (*мама встає вдод`н`а*)⁷², *дидня* (*дїдни, дїдня; надидни`ї*)⁷³; буковин. *доднини, додня* ‘с рассветом’ (*доднини траба встати*)⁷⁴.

Утро как процесс наступления дня встречается также в ярославских говорах, например, *ободнясь* ‘рано утром’, *ободневать* ‘рассветать’⁷⁵; у лужичан зафиксировано выражение *do dńa* в значении ‘рано утром’⁷⁶; в южнонемецких говорах в значении ‘рассветать’ выступают *tagern, Tag werden* (производные от *Tag* ‘день’)⁷⁷. Вечер в такой системе обозначений может быть мотивационно связан с ночью: гуцул. *перетснїчний* ‘позавчерашний’⁷⁸, *снїчний* ‘со вчерашнего вечера’ (*снїчна зима не ростала*), *сночі* (*сноче*) ‘вчера вечером’⁷⁹; вост.-бойк. *сноці* ‘вчера вечером’⁸⁰.

⁶¹ Шило Г. Надністрянський регіональний словник. С. 124.

⁶² Там же. С. 130.

⁶³ Гуцульські говірки... С. 129.

⁶⁴ Там же. С. 82.

⁶⁵ Піпаш Ю., Галас Б. Матеріали... С. 60.

⁶⁶ Гуцульські говірки... С. 164.

⁶⁷ Там же. С. 62.

⁶⁸ Піпаш Ю., Галас Б. Матеріали... С. 115.

⁶⁹ Словник буковинських говірок. С. 51.

⁷⁰ Шило Г. Надністрянський регіональний словник. С. 185.

⁷¹ Піпаш Ю., Галас Б. Матеріали... С. 49.

⁷² Шило Г. Надністрянський регіональний словник. С. 68.

⁷³ Там же. С. 182.

⁷⁴ Словник буковинських говірок. С. 98.

⁷⁵ Ярославский областной словарь. Вып. 7. С. 16.

⁷⁶ Миша А. Słownik dolnosербскеje rěcy a jeje narěcow. В. 1. S. 173.

⁷⁷ Wörterbuch von Mittelfranken... S. 165.

⁷⁸ Гуцульські говірки... С. 146.

⁷⁹ Там же. С. 174.

⁸⁰ Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора... С. 131.

В карпатоукраинской лексике для обозначения утра отмечены случаи метонимического переноса с наименования смежного времени суток: *обід* (*убід*), *обідня* ‘обеденная пора, первая половина дня, утренняя пора’ (*у обіди дес 10 година рано*)⁸¹ при наличии лексемы *обід* со значением ‘еда в середине дня’ и ‘время этой еды, обычно полдень’ (*Павло приїхав у самий обід*)⁸².

Утро может также быть представлено как нечто удаленное во времени в недалеком прошлом: закарпат. *даві* ‘сегодня утром’⁸³, гуцул. *даві* (*давить*) / *здавішня* ‘очень рано’, *давішний* ‘утренний’, при том что *давничко* имеет значение ‘достаточно давно’⁸⁴. Подобное наименование утра текущего дня встречается также в словенском языке: *davi*⁸⁵ соотносимо с нижнелуж. *dawetko* ‘недавно, только что’, болг. *одеве* ‘недавно’, рус. *давеча*.

Семантические особенности характеризуют в исследуемых говорах также выражение представлений о прошлом и будущем. Прошлое может быть манифестировано лексемой со значением ‘первый’: закарпат. *перш*, *перше* ‘ранее, прежде, некогда, когда-то’ и ‘сначала’⁸⁶, гуцул. *первовічний* ‘исконный, первоизданный’ (*век* ‘давность’)⁸⁷; *спервовіку* ‘искони, издревле’⁸⁸.

Прошлое предстает чем-то отдаленным, как и далеко расположенные материальные предметы. Ушедший год может именоваться с помощью местоимения *тот*, а текущий, представляющий собой точку временного отсчета, — *тот*: гуцул. *тог`іт` було гогадзіў* (*брусники*), *а сигороку хот` ш`іром покоти*⁸⁹ при *тогідний*, *тогінний* ‘прошлогодний’; *на тих часах* ‘перед рождением, перед смертью’⁹⁰, буковин. *того року шишица мала добрий видаток, а як цього року буде, то побачимо*⁹¹.

В номинации утра, как и прошедшего времени, используется в целях усиления значения удвоение или повтор наименования. В гуцульских говорах фиксируются такие наименования, как *здавен-здавна* ‘издавна’⁹²; *рано* и *рано-вранці* ‘в утреннюю пору, поутру’ (*вранці, рано-вранці була велика роса, але скоро спала*) со семантически смежными значениями ‘в начале жизни, в молодости, детстве’, ‘преждевременно, ранее обычного, нужного

⁸¹ Гуцульські говірки... С. 135.

⁸² Дзендзелівський Й. О. Практичний словник семантичних діалектизмів Закарпаття. Ужгород: Закарпатський ОБВНО, Ін-т удосконалення кваліфікації вчителів, 1958. С. 30.

⁸³ Сабадош І. Словник закарпатської говірки села Сокирниця... С. 59.

⁸⁴ Гуцульські говірки... С. 55.

⁸⁵ Етимологічний словник української мови... Т. 2. С. 8.

⁸⁶ Дзендзелівський Й. О. Практичний словник... С. 33.

⁸⁷ Гуцульські говірки. С. 146.

⁸⁸ Там же. С. 175.

⁸⁹ Там же. С. 42.

⁹⁰ Піпаш Ю., Галас Б. Матеріали... С. 107.

⁹¹ Словник буковинських говірок. С. 52.

⁹² Гуцульські говірки... С. 82.

времени⁹³. Такой же способ номинации применяется и в других тематических группах слов: *задурно-запусто* ‘абсолютно даром’⁹⁴.

Следует отметить и обозначение начала очередного периода времени как окончания предыдущего: *зніділі* ‘после воскресенья в начале следующей недели’⁹⁵, *східний* ‘первый день недели после полного месяца’ (*східний понедівнок, східний четверь, східна субота*)⁹⁶.

Одним из способов номинации времени в карпатоукраинских говорах являются заимствования, в значительной своей части из венгерского: гуцул. *файрант* (*файронт*) ‘конец рабочего дня’⁹⁷, *фурт* ‘всегда’⁹⁸ (здесь, с учетом данных Этимологического словаря венгерского языка⁹⁹, возможно, напрямую из немецкого); в буковинских *вілят* ‘век, возраст’, ‘жизнь’ (*с таким ніяком вілят свій будиш коротати*)¹⁰⁰ из венг. *élet* ‘жизнь’, *in* ‘постоянно, все время’ (*він сидит in над цев роботом*)¹⁰¹.

Можно также отметить семантические параллели в удаленных в генетическом отношении языках. В частности, это образ мартовского персонажа как молодого, неопытного, незрелого человека: в поднестриевских говорах *марцівка* ‘девушка-подросток, ранний цыпленок’¹⁰² и *Märzenhäuschen* (мартовский зайчик) ‘юная девушка, наивный молодой человек’ в восточно-франконских немецких говорах.

Таким образом, карпатоукраинская лексика представляет ряд семантических моделей наименований периодов времени, обладающих параллелями в других славянских и некоторых неславянских языках. С учетом лингвогеографического аспекта, а именно достаточно широкого распространения на языковой территории Славии, а также за ее пределами, можно предположить их статус как семантических архетипов, представленных в совокупности в диалектной зоне Карпат.

⁹³ Дзєндзелівський Й. О. Практичний словник... С. 37.

⁹⁴ Словник буковинських говірок. С. 130.

⁹⁵ Гуцульські говірки... С. 83.

⁹⁶ Там же. С. 180.

⁹⁷ Гуцульські говірки... С. 194.

⁹⁸ Піпаш Ю., Галас Б. Матеріали... С. 209; Шило Г. Надністрянський регіональний словник. С. 264.

⁹⁹ *Benkő L.* Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993. S. 430.

¹⁰⁰ Словник буковинських говірок. С. 57.

¹⁰¹ Там же. С. 177.

¹⁰² Шило Г. Надністрянський регіональний словник. С. 170.

Литература

- Бернштейн С. Б., Илич-Свитыч В. М., Клепикова Г. П. и др. Карпатский диалектологический атлас. М.: Институт славяноведения АН СССР, 1967.
- Валенцова М. М., Виноградова Л. Н. Карпатоукраинская народная демонология: мотивно-функциональный метод исследования // *Revista de etnologie și culturologie*. 2021. Vol. 29. С. 44–52. <https://doi.org/10.52603/rec.2021.29.06>.
- Гуцульські говірки. Короткий словник / відп. ред. Я. Закревська. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 1997.
- Дзендзелівський Й. О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика). Ужгород: Ужгородський державний університет, 1958. Ч. 1. (Ужгородський державний університет. Наукові записки. Т. 34: Діалектологічний збірник. Випуск 3).
- Дзендзелівський Й. О. Практичний словник семантичних діалектизмів Закарпаття. Ужгород: Закарпатський ОБВНО, Ін-т удосконалення кваліфікації вчителів, 1958.
- Етимологічний словник української мови / голов. ред. О. С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1982–2012. Т. 1–6.
- Карпатская диалектология и ономастика / отв. ред. Г. П. Клепикова. М.: Наука, 1972.
- Клепикова Г. П. Изоглоссы румынских заимствований в славянских диалектах карпатского ареала — типологический аспект // *Исследования по славянской диалектологии*. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. Вып. 5: Актуальные проблемы славянской лингвогеографии / отв. ред. Г. П. Клепикова. С. 168–265.
- Клепикова Г. П. К проблеме стратификации венгерских заимствований в карпатоукраинских диалектах // *Исследования по славянской диалектологии*. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. Вып. 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем) / отв. ред. Л. Э. Калынь. С. 203–212.
- Клепикова Г. П. Румынизмы славянского происхождения в карпатославянских диалектах // *Исследования по славянской диалектологии*. М.: Индик, 1995. Вып. 4. Сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна / отв. ред. Г. П. Клепикова. С. 100–112.
- Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М.: Наука, 1974.
- Лизанець П. М. Атлас лексичних мадяризмів та їх відповідників в українських говорах Закарпатської обл. УРСР. Ужгород: Ужгородський держ. ун-т, 1976.
- Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии = *Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie* / собрал и издал И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1904. II: Образцы языка на говорах терских славян в Северо-Восточной Италии = *Sprachproben in den Mundarten der Slaven von Torre in Nordost-Italien*.
- Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М.: Институт славяноведения РАН, 2001.

- Общекарпатский диалектологический атлас / отв. ред. С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. М.: Наука, 1988–2003.
- Піпаши Ю., Галас Б.* Матеріали до словника гуцульських говірок. Ужгород: б. в., 2005.
- Сабодош І.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008.
- Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці: Червона рута, 2005.
- Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / рэдакцыйная калегія: Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч, А. І. Чабарук, Ф. Д. Клімчук. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.
- Стойчев Т.* Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали / отв. ред. Ст. Стойков. София: Институт за български език БАН, 1965. Кн. 2.
- Хобзей Н.* Гуцульська міфологія: етнолінгвістичний словник. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2002.
- Хобзей Н., Ястремська Т., Сімович О., Дидик-Меуш Г.* Гуцульські світи. Лексикон. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2013.
- Шило Г.* Надністрянський регіональний словник. Львів; Нью-Йорк: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2008.
- Ярославский областной словарь. В 10 вып. Учебное пособие / научн. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ, 1981–1991.
- Benkő L.* Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.
- Leschber C.* Urslavische Lexik im Rumänischen // Wort- und Formenvielfalt. Festschrift für Christoph Koch zum 80. Geburtstag / eds A. Jouravel, A. Mathys; unter Mitarbeit von D. Petit. Berlin: Peter Lang, 2021. S. 207–218.
- Mitzka W.* Schlesisches Wörterbuch. Berlin: De Gruyter, 1963–1965. B. 1–3.
- Muka A.* Słownik dolnosербскеje rěcy a jeje narěcow. 2 Bände. Budyšin: Ludowe Nakladnistwo Domowina, 1966.
- Stachowski M.* Karpatyzm leksykalny // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze. 2004. Z. 122. S. 179–188.
- Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken / zsgest. von G. Schunk. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000.
- Zoltán A., Szabolcs J.* Entlehnungen und Kalkierungen im Ungarischen // Kalkierungs- und Entlehnungssprachen in der Slavia: Boris Unbegaun zum 120. Geburtstag / Hg. K. Witzlack-Makarevich. Berlin: Frank & Timme, 2018. S. 325–338.

References

- Baudouin de Courtenay, J., ed., 1904. *Materialy dlia iuzhnoslavianskoj dialektologii i etnografii* [Materials on Dialectology and Ethnography of Southern Slavs] = *Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie*. II: Obraztsy iazyka na govorakh terskikh slavian v Severo-Vostochnoi Italii [The Samples of Lan-

- guage by the Example of Dialects of Slavs of the Ter Valley in North-Eastern Italy] = *Sprachproben in den Mundarten der Slaven von Torre in Nordost-Italien*. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk.
- Benkő, L., 1993. *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Bernstein, S. B., Illich-Svitych, V. M., Klepikova, G. P., et al., 1967. *Karpatskii dialektologicheskii atlas* [The Carpathian Dialectological Atlas]. Moscow: Institut slavianovedeniia AN SSSR.
- Bernstein, S. B., Klepikova, G. P., eds, 1988–2003. *Obshchekarpatskii dialektologicheskii atlas* [The Pan-Carpathian Dialectological Atlas]. Moscow: Nauka.
- Dzdznelivsky, J., 1958. *Praktychnyi slovnyk semantychnykh dialektizmiv Zakarpattia* [Practical Dictionary of Semantic Dialectisms of Transcarpathia]. Uzhhorod: Zakarpats'kyi OBVNO, In-t udoskonalennia kvalifikatsii vchyteliv.
- Dzdznelivsky, J., 1958. *Lingvistychnyi atlas ukrains'kykh narodnykh govovoriv Zakarpats'koï oblasti URSR (leksika)*. [Linguistic Atlas of Ukrainian Folk Dialects of the Transcarpathian Region of the Ukrainian SSR (Vocabulary)]. Uzhhorod: Uzhhorods'kyi derzhavnyi universytet. Part I. (*Uzhhorods'kyi derzhavnyi universytet. Naukovi zapysky* [Uzhhorod State University. Proceedings]. Vol. XXXIV: *Dialektolohichni zbirnyk* [Dialectological Collection of Studies]. Issue 3)
- Guivaniuk, N. V., ed., 2005. *Slovnyk bukovinskih hovirok* [Dictionary of Bukovina Dialects]. Chernivtsi: Chervona ruta.
- Mel'nichenko, G. G., ed., 1981–1991. *Iaroslavskii oblastnoi slovar'. V 10 vyp. Uchebnoe posobie*. [Yaroslavl Regional Dictionary. In 10 vol. Training manual]. Yaroslavl: IaGPI.
- Mel'nychuk, O. S., ed., 1982–2012. *Etymologichnyi slovnyk ukrainskoi movy* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka. Vol. 1–6.
- Khobzej, N., 2002. *Gutsul's'ka mifolohia: etnolingvistychnyi slovnyk* [Hutsul Mythology: An Ethnolinguistic Dictionary]. Lviv: Instytut ukraïnoznavstva im. I. Kryp'iakevycha.
- Khobzej, N., Nastrems'ka T., Simovych, O., Dydyk-Meush, G., 2013. *Gutsul's'ki svity. Leksykon* [Hutsul Worlds. Lexicon]. Lviv: Instytut ukraïnoznavstva im. I. Kryp'iakevycha NAN.
- Klepikova, G. P., 1998. Isoglossy rumynskikh zaimstvovaniï v slavianskikh dialektakh karpatskogo areala — tipologicheskii aspekt [Isoglosses of Romanian Borrowings in Slavic Dialects of the Carpathian Area — Typological Aspect]. In: G. P. Klepikova, ed., 1998. *Issledovania po slavianskoi dialektologii* [Slavic Dialectology Studies]. Moscow: Institut slavianovedeniia. Issue 5: *Aktualnye problemy slavianskoi lingvogeografii* [Actual Problems of Slavic Language Geography], pp. 168–265.
- Klepikova, G. P., 2008. K probleme stratifikatsii vengerskikh zaimstvovaniï v karpatokrainskikh dialektakh [On the Problem of Stratification of Hungarian Borrowings in the Carpathian-Ukrainian Dialects]. In: L. E. Kalyn', ed., 2008. *Issledovania po slavianskoi dialektologii* [Slavic Dialectology Studies]. Issue 13: *Slavianskie dialekty v situatsii iazykovogo kontakta (v proshlom i nastoiashchem)* [Slavic Dialects in the Context of Language Contact]. Moscow: Institut slavianovedeniia, pp. 203–212.

- Klepikova, G.P., ed., 1972. *Karpatskaia dialektologija i onomastika* [Carpathian Dialectology and Onomastics]. Moscow: Nauka.
- Klepikova, G. P., 1995. Rumynizmy slavianskogo proiskhozhdenia v karpatoslavianskikh dialektakh [Romanianisms of Slavic Origin in Carpatho-Slavic Dialects]. In: G. P. Klepikova, ed., 1995. *Issledovania po slavianskoj dialektologii* [Slavic Dialectology Studies]. Moscow: Indrik. Issue 4: *Sbornik k 85-letiiu S. B. Bernshteina* [Collection of Studies Devoted to the Jubilee of S. B. Bernstein], pp. 100–112.
- Klepikova, G. P., 1974. *Slavianskaia pastusheskaia terminologija. Ee genesis i rasprostraneniie v iazykakh karpatskogo areala* [Slavic Terminology of Shepherds. Its Genesis and Distribution in the Languages of the Carpathian Area]. Moscow: Nauka.
- Leschber, C., 2021. Urslavische Lexik im Rumänischen. In: A. Jouravel, A. Mathys, D. Petit, eds, 2021. *Wort- und Formenvielfalt. Festschrift für Christoph Koch zum 80. Geburtstag*. Berlin: Peter Lang, pp. 207–218.
- Lyzanets', P. M., 1976. *Atlas leksychnykh madiarizmiv ta ikh vidpovidnykiv v ukraïns'kykh govorakh Zakarpats'koi obl. URSR* [Atlas of Lexical Magyarisms and their correspondences in Ukrainian Dialects of the Transcarpathian Region of the Ukrainian SSR]. Uzhhorod: Uzhhorods'kyi derzh. un-t.
- Matskevich, Iu. F., Hrynavetskene, A. I., Ramanovich, Ia. M., Chabaruk, A. I., Klimchuk, F. D., eds, 1979–1986. *Slounik belaruskikh gavorak paunochna-zakhodniai Belarusi i iae pagranichcha: u 5 t.* [Dictionary of Belarusian Dialects of North-Western Belarus and Its Borderlands: in 5 vol.]. Minsk: Navuka i tehkhnika.
- Mitzka, W., 1963–1965. *Schlesisches Wörterbuch*. Berlin: De Gruyter. B.1–3.
- Muka, A., 1966. *Słownik dołnoserbjskeje rěcy a jeje narěcow*. 2 Bände. Bautzen: Ludove Nakladnictwo Domowina.
- Nikolaev, S. L., Tolstaia, M. N., 2001. *Slovar' karpatoukrainskogo torunskogo govora s grammaticheskim ocherkom i obraczami tekstov* [Dictionary of the Carpathian-Ukrainian Torun Dialect with a Grammatical Essay and Sample Texts]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Pipash, Iu., Galas, B., 2005. *Materialy do slovnika gutsul's'kikh govirok* [Materials for the Dictionary of Hutsul Dialect]. Uzhhorod: s.n.
- Sabadosh, I., 2008. *Slovyk zakarpats'koï govirky sela Sokyrnytsia Khust'skogo raionu* [Dictionary of the Transcarpathian Dialect of the Village of Sokirnytsa of the Khust District]. Uzhhorod: Lira.
- Schunk, G., ed., 2000. *Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Shylo, G., 2008. *Nadnistriians'kyi regional'nyi slovyk* [Transnistrian Regional Dictionary]. Lviv; New York: In-t ukraïnoznavstva im. I. Kryp'iakevycha NANU.
- Stachowski, M., 2004. Karpатызм лексыкалы. *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze*, 122, pp. 179–188.
- Stoichev, T., 1965. Rodopski rechnik [The Rhodopian Dictionary]. In: St. Stoikov, ed., 1965. *Bulgarska dialektologia. Prouchvaniia i materialy* [Bulgarian Dialectology: Studies and Materials]. Sofia: Institut za bulgarski ezik BAN. Book 2.

-
- Valentsova, M. M., Vinogradova, L. N., 2021. Karpatoukrainskaia narodnaia demonologia: motivno-funkcional'nyi metod issledovaniia [Carpatho-Ukrainian Folk Demonology: A Motivational and Functional Method of Research]. *Revista de etnologie și culturologie*, 29, pp. 44–52. <https://doi.org/10.52603/rec.2021.29.06>.
- Zakrevs'ka, Ia., ed., 1997. *Gutsul's'ki govirky. Korotkyi slovnyk* [Hutsul Dialects. Short Dictionary]. Lviv: Institut ukrainoznavstva im. I. Kryp'iakevicha NAN Ukraïny.
- Zoltán, A., Szabolcs, J., 2018. Entlehnungen und Kalkierungen im Ungarischen. In: K. Witzlack-Makarevich, ed., 2018. *Kalkierungs- und Entlehnungssprachen in der Slavia: Boris Unbegaun zum 120. Geburtstag*. Berlin: Frank & Timme, pp. 325–338.

ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН В ЛЮБОВНЫХ ПЕСНЯХ

Мартина Боцанова

Доктор философии,
ученый секретарь,
философский факультет,
Университет Святых Кирилла
и Мефодия в Трнаве
Почтовый адрес: Площадь Й. Герды, д. 2,
Трнава, 917 01, Словакия
Электронный адрес: martina.bocanova@ucm.sk

Аннотация

Любовные песни — один из наиболее популярных песенных жанров в Словакии. Они и сегодня являются частью актуального исполняемого певческого репертуара и составляют самую многочисленную группу песен на территории нашего государства. Среди общего числа любовных песен можно выделить достаточное количество произведений, в которых различные виды отношений между молодыми людьми развиваются на фоне определенных социальных ситуаций. Таким образом, у нас есть возможность не только познакомиться с тем, как был передан пережитый эмоциональный опыт отдельных этапов любви, будь то влюбленность, счастливая или же несчастная любовь, но и проанализировать социальный контекст, отраженный в данном типе песен, пускай и не на первом плане. И хотя в любовных песнях основная тема — любовь, мы находим и другие мотивы, повествующие о жизни в патриархальном обществе, его системе ценностей, предпочтениях и авторитетах, повлиявших на выбор пары. Песни такого типа не лишены и негативных деталей: насилие в браке, алкоголизм у мужчин; у женщин, как правило, измены или потеря девственности. Народная песня не только эмоционально описывает подобные ситуации, но и дает оценку происходящему в соответствии с установками и законами общества, в котором эти песни возникли. Потому мы видим не только счастье и несчастье, но вместе с тем покорность и примирение с ситуацией, которая закладывается и поддерживается системой. Цель данной статьи — обозначить возможные тематические области в общей группе любовных песен, а также определить методы, которыми песни поддерживали и одобряли систему, в которой создавались.

Ключевые слова

Любовная песня, социальная поэзия, иерархия, авторитет, патриархальный строй

Статья поступила в редакцию 18 октября 2021 г.

Цитирование: *Боцанова М.* Образы социальной реальности жизни женщин в любовных песнях // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2021. Т. 16. № 3–4. С. 53–82. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.04>

THE IMAGE OF THE SOCIAL REALITY OF WOMEN'S LIVES IN LOVE SONGS

Martina Bocánová

Ph. D., Academic Secretary,
Faculty of Arts, University of Ss. Cyril
and Methodius in Trnava
Postal address: Nám. J. Herdu, 2,
Trnava, 917 01, Slovak Republic
E-mail: martina.bocanova@ucm.sk

Abstract

Love songs in Slovakia have always been among the most popular and remain part of the live vocal repertoire even today. In love songs, we can distinguish several themes that accentuate the various phases of love from first love, to dating, to fulfilled or disappointed love. In this type of song, where the central theme is love, other motifs are also expressed that testify to the patriarchal society and its system of values, preferences, and the power of the authorities that influenced the life of the partner and the choice of the spouse. Songs of this type do not avoid the negative elements either — they include themes such as the struggle of marriage or alcoholism for men, whereas for women the most common themes are infidelity or the loss of virginity. Folk songs not only describe these situations in emotional, characteristic ways, but also take an attitude towards them that is consistent with the attitudes and laws of the society from which they originate. Therefore, we feel in them not only happiness and unhappiness, but also resignation and reconciliation with the situation, which is set up and supported by the system. The traditional patriarchal society in Slovakia, in which the songs originated and survived, has left its mark on love songs in an unmistakable way. Although indirect naming, euphemism, and aestheticization of negative phenomena are often used in accordance with the poetics of a love song, the informative value of the songs is obvious. While the understanding of the content of the lyrics of existing songs cannot be left unnoticed, the fact that songs about conjugal love in the Slovak environment are only recorded to a minimal extent is also significant. The content analysis of the songs, taking into account the wider social and historical context, provides insight not only about the reality of life, but also about the emotional attitude of the people who lived in the system that determined their fundamental life decisions.

Keywords

Love song, social poetry, hierarchy, authority, patriarchal system

Received 18 October 2021

How to cite: Bocánová, M., 2021. Obrazy sotsial'noi real'nosti zhizni zhenshchin v liubovnykh pesniakh [The Image of the Social Reality of Women's Lives in Love Songs]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 53–82. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.04>

В прежние времена, да и в немалой степени в наши дни, выбор супруга являлся одним из наиболее важных решений человека, которое до недавнего времени рассматривалось как выбор на всю жизнь¹. В традиционной патриархальной семье выбор пары подчинялся практическим потребностям обеих семей в гораздо большей степени, чем позднее, во второй половине XX в., когда образование и изменившиеся социально-экономические факторы столь сильно повлияли на социальную ситуацию, что восприятие брака как договора, обеспечивающего выживание и стабильность новой семьи, постепенно отошло на второй план.

После сватовства (смотрин)², на которых выяснялись имущественные и иные возможности другой семьи, а также готовность молодых людей создать союз³, делали публичные объявления, что означало официальное подтверждение выбора будущей пары. Сватовство обычно проводилось тайно, и сваты, как правило, в первый раз не получали ответа⁴. Помолвка проходила не только в кругу семьи, но и публично объявлялась в приходской канцелярии, что придавало всему акту надлежащую серьезность и обязательную силу для обеих сторон. В домашнем кругу помолвка традиционно подтверждалась пропоем, рукобитием, ритуальными речами, скреплявшими клятву, и подарками⁵. В отличие от смотрин, помолвка носила более официальный характер. Особое значение имели символические действия: жених и невеста подавали друг другу руки, иногда обменивались кольцами. В некоторых славянских областях⁶ сватовство и помолвка слились в один акт, в котором важную роль играли взаимный обмен подарками и символическое значение происходящего. Данные действия мы понимаем как обрядовые правовые акты с высокой степенью директивности⁷.

¹ Svatební rituály u nás a ve světě / ed. J. Jiroušková. Praha: NLN, 2012. S. 21–26.

² Сватовство — обряд, цель которого — получение согласия на свадьбу. Сватовство проходило в доме родителей девушки. На нем присутствовали сам юноша (который оставался пассивным), его крестный отец и родители девушки. Во время сватовства пользовались аллегорической речью и общались знаками. Важно было получить согласие семьи девушки. Положительный ответ выражался подарками, угощениями и тостами. Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska / ved. red. kol. J. Botík. Bratislava: Veda, 1995. S. 99–100.

³ Более подробно о новых формах и сохранившихся традициях можно прочесть здесь: *Leščák M.* Pramene k obyčajovej tradícii a sviatkovaniu na Slovensku na konci 20. storočia. Bratislava: Prebudená pieseň, 2006.

⁴ Целью было выяснить, готовы ли родители отдать девушку в новую семью и согласна ли она. Исходя из этого принималось решение, должны ли явиться следом официальные сваты. *Komorovský J.* Tradičná svadba u Slovanov. S. 73.

⁵ *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin: Matica slovenská, 2006. S. 139–143.

⁶ *Komorovský J.* Tradičná svadba u Slovanov. S. 87–89.

⁷ Если данные обещания опирались на сакральные представления (например, священный обряд с хлебом) или нормы обычного права, они имели достаточную

В прежние времена выбор жены или мужа не мог быть случайным, и уж точно он не был проявлением воли и личных симпатий юношей и девушек. Само собой, молодые люди пытались повлиять на выбор будущего супруга или хотя бы заранее узнать, кто это будет. В основном они использовали для этого магические ритуалы⁸. Но на практике их голос не был решающим. Брак был важным шагом не только для отдельного человека, но и для всей его семьи, ведь один из ее членов символически навсегда покидал родную семью и переходил в семью новую. Выбор пары определял судьбу молодых людей на протяжении всей последующей жизни⁹, поскольку брак считался нерасторжимым, скрепленным как законом человеческим, так и Божьим благословением, а также взаимными обязательствами обеих семей.

В народных песнях нашли свое отражение самые разные формы любви: счастливой и несчастной, осуществившейся и несбывшейся. Словацкие любовные песни раскрывают тему любви широко, описывая не только человеческие чувства, но и обстоятельства, которые помогли им расцвести. При этом нет недостатка и в изображении тех, кто эти чувства подавил. В песнях мы находим множество символов, сравнений и метафор, связанных с любовной тематикой. Для нашего исследования крайне важно, чтобы песня формировалась и развивалась не изолированно, но в прямой связи с жизнью людей, отвечала их потребностям, передавала жизненные ситуации, с которыми люди столкнулись и частью которых стали. Любовная, социальная и семейная темы сплелись и взаимно обогатили друг друга, что помогло рельефно отобразить опыт часто сложных ситуаций и судьбоносных решений, которые повлияли на судьбу человека и целых семейств.

Песни, описывающие эмоциональную жизнь человека, составляют важную категорию в рамках словесной народной культуры. Любовная тема часто не только служит источником вдохновения при создании песен, но и составляет основу многих прозаических жанров, даже если поначалу это не акцентируется. В любовных песнях переработано немало сюжетов. Наиболее часто мы фиксируем образ желания любви и неисполнение этого желания, поскольку молодые люди не имели возможности самостоятельно решать вопросы, связанные с браком, так как это право принадлежало их родителям. Несчастливая любовь, ожидание возлюбленного, ушедшего на войну, разлука, когда девушку выдают замуж или женят юношу, являются благодатными сюжетами, которые ярко в эмоциональном плане рас-

юридическую силу. Если обычное право и священные обряды не имели надлежащего веса, помолвка нуждалась в официальном подтверждении светской или церковной власти, см.: *Komorovský J. Tradičná svadba u Slovanov. Bratislava: Univerzita Komenského, 1978. S. 89.*

⁸ *Bocánová M. Lúbostná mágia — magické predmety a mágia slova v archívnych materiáloch z Vošáckej doliny z druhej polovice 19. storočia // Slovácko 2020. 2021. Roč. 62. S. 47–63.*

⁹ *Jakubíková K. Pohlavná a veková diferenciácia v svadobných obyčajoch na Slovensku // Slovenský národopis. 1990. Roč. 38. Č. 1–2. S. 9–29.*

крывают тему чувств. В общем объеме песен данного типа мы можем обнаружить песни о препятствиях, ставших помехой в любви, потере зеленого венка — символа девственности, печали из-за бедности, которая стала причиной расставания и вступления в брак с человеком, равным по социальному статусу. В текстах мы также находим страх перед браком и переходом в новую семью — в таких песнях поется о жестокости свекра и свекрови и насилии, которое учиняет муж над молодой женой.

Положение женщины во многом зависело от положения в обществе и признания этим обществом ее родной семьи, а также от ее новой семьи и поведения самой молодой женщины, которое в идеале должно было быть безупречным. «Общим в подходе к нравственному воспитанию детей, вне зависимости от социального слоя, было соблюдение традиционных культурных стереотипов, связанных с полом. В рамках различных моделей социализации до определенной степени допускались сексуальные выходы мальчиков-подростков, в то время как девочки должны были проявлять застенчивость, целомудрие и сдержанность в данном отношении»¹⁰.

Само собой, в прозаических видах и жанрах фольклора мы также обнаруживаем описания образа жизни людей, их реакций на зачастую острые ситуации, тяжелых времен, поданные реалистично или с разной степенью фантазии. Народная песня, однако, позволяет существенно повлиять на эмоциональную сферу человека. Она обращается к реципиенту не только через слова, полный смысл которых нередко скрыт за метафорами, олицетворениями и символикой, но и через мелодию¹¹. Лирические песни о любви вовлекают слушателя в свое повествование, используя поэтические средства выражения, драматический заряд и саму роковую природу описываемого предмета. Они не только передают эмоции, но и являются ярким высказыванием о жизни, счастье или личной трагедии человека. Стремление к свободе, соблюдение прав человека, песнь о любви и боли в результате разлуки переданы посредством символов.

На первом месте в ценностной шкале патриархального общества находилась семья, здоровая и любящая, которую могут создать лишь любящие и уважающие друг друга партнеры. И здесь любовные песни не единожды преподносят нам образы реальной жизни, в особенности жизни женщин. В них говорится о большой любви и желании сохранить полноценную семейную жизнь, ради чего жены готовы терпеть грубость и насилие со стороны мужа и его родственников.

Женщина и ее чувства составляют большую часть всех сюжетов лирических любовных песен, хоть нет недостатка и в отвергнутых молодых людях, которые решают пойти в солдаты. В лирических песнях женщина

¹⁰ *Návrátlová A. Erotika v konceptu tradičného rodinného života // Erotika v lidové kultúre / ed. P Číhal. Uherské Hradiště: Slovákcké muzeum v Uherském Hradišti, 2017. S. 13.*

¹¹ *Veselovskij A. N. Historická poetika. Bratislava: Tatran, 1992. S. 52–81.*

выступает во всех своих проявлениях: как жена, мать, невеста, брошенная возлюбленная, как женщина, потерявшая девственность и вместе с тем уважение общества. Желание любить, даже после свадьбы, вписывается в систему ценностей существующего общества, поскольку в отношении женщины на первое место ставится фертильность и послушание, что приводит к зарождению новой жизни в семье.

Словацкая любовная лирика использует для изъяснения интимных чувств особые способы выражения. Мы не найдем в ней чувств, высказанных прямо. Следует отметить, что и в быту, уже в XX веке, люди довольно долго продолжали говорить о любви застенчиво и намеками¹². В народной песне «Звездочкам на небе нет числа» (словац. *Moc hviezdíček l'igoce sa na ňebi*) любовь воспевается неявно, важную роль здесь играет язык символов.

*Звездочкам на небе нет числа,
а мне один лишь люб.
Один лишь юноша пригожий,
но любима ли я, не знаю.
Хотела бы я знать,
любовь ему показать,
были бы мы тогда вместе.
Кабы я любовь свою открыла,
что бы от стыда я делала?
Сердце мое должно быть
каменным,
А щеки — холодны.
Но от любви мне горячо,
а что, ежели он меня не любит.*

*Moc hviezdíček l'igoce sa na ňebi,
mňa sa ľem jeden šuhajček ľubi.
Páči sa mi šuhajček ľem jeden,
aľe či sa mu ja páčim, to ňeviem.
Rada bi ja zvedela,
jemu lásku zjavila,
či by sme sa ňezobrali dovena.
Kebi mu ja tú lásku zjavila,
ďe bi som sa od tej hambe poďela?
Misela bi som mať srce
kamené
a mé ľička prevelice studenie.
Aľe sa mi horúce, na miluvaňia súce,
aľe čože, ket ma vom ňemiluje¹³.*

Большинство песен такого типа используют символические средства выражения, что вовсе не означает, будто в словацком песенном репертуаре нет текстов, в которых используется более прямой язык, даже с элементами

¹² «К чести наших предков, мне ни разу не приходилось слышать от них вульгарных выражений при разговоре об эротике и сексе. Когда можно было не говорить, они не говорили. А когда говорить приходилось, говорили нежно, поэтично, иносказательно. Я спрашивал об этом одного старого жителя горной деревушки. Он рассказал мне о своих родителях, которые с детства вместе пасли скот. Он — овец, она — коров. Он сказал: “Когда было необходимо, они могли полежать раза два за день. Раз у него под елочкой, раз у нее под елями”. Нельзя было сказать “я с ней переспал” или еще более грубо. В Кисуцах люди говорили “мы занимались своими делами” или “когда все было кончено”. Несмотря ни на что, люди были весьма застенчивы и стеснительны». См.: *Marec J. Tradičné ľudové liečiteľstvo a ľudová mágia na horných Kysuciach*. Martin: Matica slovenská, 2011. S. 171.

¹³ *Naprostred Hrušova. Spevník ľudových piesní / zost. A. Brložová. Hrušov: Obecný úrad, 2010. S. 47.*

эротики. Однако эти песни тематически и семантически выделяются в особый тип и потому требует отдельного изучения¹⁴.

В песнях четко зафиксированы условия жизни феодального общества при патриархальном строе. Человек сам по себе и внутри группы (мужчины, женщины, дети, пожилые люди, ремесленники, богатые, бедные...) жил в системе, управляемой разного рода авторитетами, организованными в строгую иерархию. Личность, семья и общество подчинялись правилам, которые воспринимались как естественные, и нарушение этих правил сурово наказывалось. И хотя о любви пелось немало песен, в реальной жизни предпочтение отдавалось практическим аспектам жизни. Например, А. Мелихерчик хлестко пишет: «Женщина, попавшая в чужую семью не по любви, но для работы и рождения детей, не имевшая никаких прав, угнеталась мужчиной, дети страдали от тирании родителей, но и те, в свою очередь, в большей или меньшей степени подчинялись воле старейшего патриарха в семье. И всех их без разбору угнетал и эксплуатировал феодал или помещик»¹⁵.

Строгие правила сосуществования в патриархальном обществе придавали особый шарм тайной любви, остававшейся для всех секретом. Это позволяло стереть социальные различия, и молодые люди могли встречаться не только на общественно приемлемых мероприятиях, таких как танцы или вышивание, но и наедине, без ведома родителей. В случае раскрытия тайны следовало наказание. Родители не желали, чтобы их дети проводили время подобным образом, без их контроля, дабы девушка не потеряла девственность и не оказалась в социально неприемлемой ситуации, которая помешала бы ей удачно выйти замуж и занять более высокое положение в обществе. Символом девственности был зеленый розмарин — неотъемлемый атрибут словацких любовных песен. В песнях, в которых поется об утраченной любви, также поется о засохшем, потерянном или увядшем розмарине. Там, где изображена тайная любовь, поется о розмарине, поливаемом слезами или выращиваемом тайно.

*Как в саду нашем, в садочке,
розмарин я посадила,
каждый вечер я его, я его
поливать ходила.
От того ль с него листва сухая
опала,
что мы с милым другом
распроцались.*

*A v tej našej záhrade, záhrade,
rozmarín som sad'ila,
každý večer som ho ja, som ho ja,
pol'ievaťi choďila.
A preca mi suchej ľisti z neho spadali,
ket sme sa mi s mojím najmilejším
rozlučovaťi maľi.*

¹⁴ Hatar J. Karnevalizované obrazy v ľudovej piesni // Slovenský národopis. 2017. Roč. 65. Č. 3. s. 277–279; *Idem*. Komické a erotické v ľudovej piesni. Kandidátska dizertačná práca. Bratislava, 1998.

¹⁵ V širom poli studienečka / zost. J. Melicherčík. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1961.

*Матушка выспрашивает,
выспрашивает, дочка, что с тобою,
отчего грустна я,
всё по розмарину печалюсь.
Ташлась я, но теперь откроюсь,
из-за одного бедового, хитреца
одного, свет я покину.*

*Третьего дня, третьего дня,
шла я с милым другом на прогулку,
подошел ко мне мой милый, милый
мой,
и прошептал.
Схватил меня, прижал к себе,
должен ли я, моя милая, душа моя,
должен ли я ходить к тебе.*

*Mamka sa ma spituje, spituje,
cérka moja, čo ti je,
čo tak smutne pozeráš,
po svojom rozmaríne.
Tajila som, ale teraz šetko vijavím,
pre edního huncúta, be'ára,
z toho sveta sa zmárňim.*

*Keť som išla prevčerom, zavčerom,
na špacírku s frajerom,
prišov ku mňe môj milí, môj milí
a takto mi pošepov.
On ma chiťiv a priťisov šehaj ku sebe,
či mám chod'it' milá má, duša má,
či mám chod'it' ku tebe¹⁶.*

Тайная любовь приводила к браку в исключительных случаях. Личные предпочтения уступали место приоритетам семьи. В любовных песнях, где поется о несбывшейся любви, часто упоминается, что она закончилась с уходом лета или наступлением зимы. В летние месяцы молодежь в основном проводила время вне дома: пасла скот или гуляла в лугах и в лесу. С наступлением зимних месяцев, когда жизнь перемещалась в помещения, возможностей для неформальных встреч без присмотра родителей или других взрослых становилось меньше.

*Боже, Боже, как же шумно,
коли тайно любитя,
коль ни батюшка, ни матушка,
ни одна подруженька не ведают.
Боже, Боже, куда он делся,
прошлым вечером у нас сидел —
хорош-хорошенек:
доломán да сапожки.
Боже, Боже, как же это,
вместе провели мы лето,
но зиму не будем,
всё, конечно, позабудем.*

*Bože, bože, jak to šumne,
keď sa ľúbi potajme,
keď to nezná otec matka,
ani žiadna kamarátka.
Bože, bože, kde sa podel,
včera večer u nás sedel,
taký pekný, peknuštičký,
mal dolomán i čižmičky.
Bože, bože, ako je to,
strávilí sme spolu leto,
ale zimu nebudeme,
akože sa zabudneme¹⁷.*

¹⁶ Naprostred Hrušova. S. 25.

¹⁷ V šírom poli studienečka. S. 33.

Выбор пары не входил в личную компетенцию молодых людей, хотя среди беднейших слоев населения личные симпатии до определенной степени принимались во внимание. Куда больше, чем когда в результате брака экономическую ситуацию можно было не только улучшить, но и ухудшить. Это было так важно потому, что неправильно выбранный супруг, который не мог обеспечить свою жену, или женщина, которая не могла позаботиться о хозяйстве, ухудшали положение всей семьи.

ВЫБОР СУПРУГА, СУПРУГИ

Для женщины важнее было то, в какую семью она попадала, чем то, кто становился ее мужем¹⁸. Это было актуально и для другой стороны. Не всегда оказывался решающим имущественный аспект. Семья, которая была более стабильной в экономическом отношении, в результате свадьбы могла себе обеспечить и иные выгоды, не только финансовые¹⁹. Песни, в которых поется о принятии решения о выборе супругов, выборе всей жизни, составляют немалую долю любовных песен.

*В поле широком стоит груша,
зеленая верхушка,
под ней стоит моя милая,
ох, вся заплаканная.
О чем ты плачешь, что с тобою,
душенька моя дорогая,
возьми платок и утри слезы,
возьми платок и утри слезы,
ох, моя милая.
Как же мне не плакать, буду еще
более,
по тебе, мой миленький,
ох, что твоей не буду я.
Коль моей не будешь, моя милая,
будешь братовой,
всё же будешь ты в моей семье,
всё же будешь ты в моей семье,
ох, моя милая.*

*V širom poli, hruška stojí,
vrštek sa jej zelená,
pod ňou stojí moja milá,
ej, celá vyplakaná.
Čože plačeš, čože ti je,
drahá dušička moja,
vezmi ručník a utri sa,
vezmi ručník a utri sa,
ej, milenôčka moja.
Akoby ja neplakala, ešte viac plakat'
budem,
to pre teba môj milenký,
ej že tvoja nebudem.
Keď nebudeš, moja milá,
ale budeš bratova,
predsa budeš v mojom rode,
predsa budeš v mojom rode,
ej milenôčka moja²⁰.*

¹⁸ Tradície slovenskej rodiny / zost. M. Botíková. Bratislava: Veda, 1997. S. 178.

¹⁹ «Треклятое было время. У Крестины не было большого приданого, она не была богата, но Диешковцам (Dieškuouci) хотелось почитания, поскольку ее отец был старостой. И я сказал своему деду: «Дедушка, ведь эти люди бедны, что они могут нам дать?» Я хотел деда испытать, что он, а он и говорит: «Хорошо, хорошо, Янко, но чего бы я не отдал, чтобы, когда поеду в Долны Кубин, сказать, что у меня дочка длганского старосты в невестках ходит?»» См.: *Habovštjak* A. Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin: Matica slovenská, 2006. S. 140.

²⁰ V širom poli studienečka. S. 85.

В вопросах воспитания и нравственного контроля в семье, а также при выборе будущей пары учитывалось мнение матери — хозяйки. Она выбирала не только невесту своему сыну, но и рабочую силу в хозяйство, и девушка должна была соответствовать ее представлениям. В песнях именно матери юношей обозначены как те, кто принимает окончательное решение в подобных вопросах, и их мнение крайне важно.

*Даже не касайся ты меня,
даже не касайся ты меня —
попроси у матушки!
Коль позволит матушка,
и я соглашуся.*

*Ani sa ma netýkaj,
ani sa ma netýkaj,
matera sa opýtaj!
Ak ti matka dovoli
i ja budem po vôli²¹.*

В подавляющем большинстве случаев молодая невеста переезжала в дом родителей своего мужа. Нами зафиксировано гораздо меньше примеров, когда происходило наоборот. Предполагалось, что девушка будет уважать свою свекровь. Свекровь нуждалась в невестке, которая была бы послушной и соответствовала ее требованиям не только как супруга для сына, но и как полноценная помощница по дому — в физическом и экономическом смысле. Потому именно родители или мать жениха часто изображались как самые большие препятствия на пути отношений молодых людей.

*От косогора до долины,
от пригорка до горы,
покуда не увижу девушку,
ничто мне не по сердцу.
Ты мне по сердцу, моим
глазам серым,
но ты не по сердцу моим родителям.
Я тебе по сердцу, тобою любим,
но я не по сердцу твоей матери.*

*Z grúňa do doliny,
a z vršku do hory,
kým diovča nevidím,
nič mi nie je kvôli.
Kvôli si ty, kvôli mojim
sivým očom,
ale si nie kvôli tým mojim rodičom.
Kvôli som ja, kvôli, tvojmu srdcu kvôli,
ale som nie kvôli tej tvojej materi²².*

И в другом месте аналогично:

*Долина, долина, а в долине дятел,
эх, должен я оставить,
эх, подругу ради матери.*

*Dolina, dolina, na doline d'ateľ,
ej, keď musím nechať,
ej, frajerku pre mater²³.*

В любовных песнях часто описывается любовь, на пути которой стоят родители, которые были высшим авторитетом, и потому их мнение могло

²¹ Kollár J. Národné spievanky. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1953. I. diel. S. 450.

²² V šírom poli studienečka. S. 39.

²³ Ibid. S. 86.

стать непреодолимым препятствием. В патриархальной семье уважение к авторитетам было важным элементом исправного функционирования семьи как внутри, так и снаружи. Несоблюдение иерархии строго наказывалось. И хотя большинство любовных песен на эту тему описывают горечь вследствие отказа родителей, мы также находим примеры, в которых мать позволяет дочери выйти замуж по любви. Например, в песне «Посреди Грушова» (словац. *Naprostred Hrušova*).

*Посреди Грушова гуси дерутся,
но ежели любовь настоящая,
против воли не отдадут.
Ежели любовь настоящая,
ей не будет препятствий,
защитят батюшка, матушка
и вся семья.*

*Ох, матушка моя,
не запрещайте мне,
ведь это прекрасно,
когда кто-то влюблен.
Ведь это прекрасно: девушка,
юноша,
когда сохраняют свой зеленый веноч.
Зеленый веноч украшает голову,
и не один юноша просит листочек.
Ты не спрашивай, не спрашивай
у меня,
а спроси у моей матушки.
Ох, доченька моя,
поступай по своей воле,
чтобы не винить потом матушку.*

*Naprostred Hrušova, husički sa perú,
ďe je verná láska,
tam sa ňezoberú.*

*Ďe je verná láska,
tam je aj prekážka,
bráni otec, maťi,
aj domáci šeci.
Jaj, mamička moja,
ňebráňte mi toho,
vet je to pekná vec,
kto miluje koho.
Vet je to pekná vec, panenka,
mláďeňec,
ket si zachovajú svoj zeľený veňec.
Svoj zeľený veňec na hlave prekvítá,
ňi edom mláďeňec pierko z neho píta.
Ňepítaj, ňepítaj
odo mňa od samej,
aľe si ho pítaj od mamičky mojej.
Jaj, céruška moja,
aká tvoja vôľa,
abi ňezostala na mamičky vina²⁴.*

Примером отказа родителей является песня из сборника Я. Коллара «Народные песни» (словац. *Národné spievanky*).

*Горит, горит огонь в верхнем конце,
знаю, не найду своим щечкам
равного.
Ведь уже нашла я
посреди деревни,
но не приглянулся он моей семье.*

*Horí, da mi horí, v horňom konci oheň,
ver si ja nenajdem mojím líčkam
roveň.
Veď som si ja našla
v prostriedku v dedine,
ale sa nepáči tej mojej rodine²⁵.*

²⁴ *Naprostred Hrušova*. S. 48.

²⁵ *Kollár J. Národné spievanky*. I. diel. S. 213–214.

Следующий пример изображения социальной реальности в словацкой любовной песне — редкий текст такого типа, поскольку в нем молодой человек защищает своих родителей, говоря, что решение расстаться с девушкой не их вина, а его собственный выбор.

*Яничко, молодец, чудо, как хорош,
умойся по весне — найдешь себе
подругу.*

*Я столько умывался,
а подругу так и не встретил,
больше не буду, пропади оно.
Тебя, видно, черти рисовали,
раз такую красоту тебе дали?
Не черти, не черти,
но Господь Бог небесный,
ведь он знал,
что красота мне понадобится.
Писанный красавец,
из хорошей семьи,
кабы матушка твоя
невесткой видела меня.
Кабы я тебя хотел,
и мать бы захотела,
И вся семья бы согласилась.*

*Janičko, mladý si, obluda, švárny si,
umy sa na jarku, budeš mať
frajerku.*

*Dost' som sa umýval,
predsa som jej nemal,
nebudem sa více, zodral bych si líce.
Vari ťa, šuhajček, čerti maľovali,
keď do tvojich líčok takú krásu dali?
Nie čerti, nie čerti,
ale Pán Boh s neba,
veď on dobre vedeu,
že mne krása treba.
Šuhajik, šuhajik,
pekného si mena,
keby ma tvoja mať
za nevestu chcela.
Keby som ťa ja chceu,
i mať by ťa chcela,
I šetka rodina pristat' by musela²⁶.*

Наиболее сильными в эмоциональном плане являются песни, которые поются от лица девушки или юноши, возлюбленный или возлюбленная которых вступают в брак по воле своих родителей. В песнях такого типа мы отмечаем принятие фатальности ситуации, ведь это решение невозможно отменить. Мы также фиксируем глубокую печаль, которая выражена не напрямую, а посредством символов, когда поется о свадьбе.

*Вот, он женится, женится,
радость моя,
эх, не позвал меня, не позвал меня
на свою свадьбу.
Эх, вот и я пойду замуж,
эх, на второе воскресенье.
Эх, и я его не позову, эх, и я
не позову,
эх, и жену его молодую.*

*Ej, žení sa mi žení,
moje potešení,
ej ani ma nevolá, ej ani ma nevolá,
na jeho veselí.
Ej a ja sa tiež vydám,
ej na druhú nedeľu.
Ej aj ja nezavolám, ej aj ja
nezavolám,
ej jeho mladú ženu²⁷.*

²⁶ Kollár J. Národné spievanky. I. diel. S. 222.

²⁷ Slovenské spevy / red. K. Ruppeltd. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1882. Zošit 3. S. 72.

Одна из наиболее распространенных и трагических тем, которые изображаются в народных песнях, — имущественное неравенство и его влияние на личную жизнь отдельного человека. Трагедия не была завязана на одном лишь личном решении молодых людей. Имущественный вопрос становился ограничивающим фактором и для родителей, которые старались подобрать для своих детей такую пару, чтобы их будущая жизнь в материальном плане была обеспечена наилучшим образом²⁸. Родители могли выбирать будущего мужа для дочери или невесту для сына только среди семей своего социального круга. Неравные браки в крестьянской среде были не в почете. Оба супруга должны были принести равную пользу обеим семьям. Жестокие слова звучат не только из уст свекрови, которая в патриархальной среде яро осуществляла свою власть хотя бы над домочадцами, невестками и детьми, но и из уст надменного молодого человека, прямо заявляющего, что девушка — не подходящая для него пара. В Гемере в песне «Сухой тополь» (словац. *Suchý topol'*) поется следующее:

*Посмотри-ка, милая,
на тополь на сухой.*

*Когда он зацветет, тогда и я буду
твоей...*

*Pozriže ty, milá,
na tot suchý topol'.*

*Keď sa tot rozvinie vtedy ja budem
tvoj...²⁹*

В других типах песен девушка не вступает в спор из-за своей бедности, а наоборот, подчеркивает свое прилежание и трудолюбие.

*Вот летит гусыня, хороша, пестра,
и сказал мне милый,
что не богата я.
что я не богата, хорошо я знаю,
но зато умелая,
что семеро богатых.*

*Vyletela húska, pekná jarabatá,
povedal mi milý,
že nie som bohatá,
že som ni bohatá, ja o tom dobre vjam,
ale si ja vedem,
jak bohatých sedem³⁰.*

Именно на примерах отдельных судеб народная песня эмоционально описывает социальное или имущественное неравенство, акцентируя внимание на его влиянии на конкретного человека. Бедная невеста, не принесшая

²⁸ Девушкам из бедных семей было тяжело выйти замуж, даже если они были работящими или безупречными с точки зрения морали. И хотя эти качества в обществе ценились, финансовая поддержка часто оказывалось более важным и решающим фактором при выборе супруги. См.: *Vocánová M., Slobodová Nováková K. Kostolianska dolina (Teoreticko-metodologické a praktické aspekty terénneho výskumu)* Trnava: UCM, 2015. S. 80.

²⁹ *Sborník slovenských národných piesní, povestí, prísloví, porekadiel, hádok, hier, obyčajov a povier / red. P. Dobšinský. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1874. Sväzok 2. Sošit 1. S. 43.*

³⁰ *Elscheková A. Slovenské ľudové spevy = Slowakische volksgesänge. Bratislava: Ústav hudobnej vedy SAV, 1995. I. diel. S. 58.*

новой семье богатого приданого, становилась объектом упреков со стороны не только родственников мужа, но и его самого. Брак считался выгодным для молодой женщины уже потому, что она получала в лице мужчины защитника и покровителя, что должно было уравниваться, например, приданым, которое матери начинали готовить дочерям, когда те были еще маленькими. Упреки мужа своей жене из-за приданого, которое не соответствовало ожиданиям его семьи, мы также находим в следующей песне.

*Что ж ты замуж выходила,
коль мало у тебя перин?
Наступит лютая зима —
околеем ты да я.*

*Načo si sa vydávala,
keď si málo perín mala?
Trafi byť ti veľká zima,
zamrzeme obidvaja³¹.*

Несмотря на изображенную тяжелую долю бедных девушек или, реже, юношей, подчеркивается упорство и трудолюбие людей из беднейших слоев, которые умеют взяться за любую работу. В реальной жизни, однако, предпочтение отдавалось соответствию партнеров в экономическом плане, а не трудолюбию и хорошим личным качествам. Люди взращивались системой и затем эту же систему принимали. Нарушение ее правил наказывалось. Люди знали свое место в иерархии общества, и даже если в юности возникали какие-то отношения между неравными в экономическом отношении молодыми людьми, они все же осознавали, что имущественное неравенство является ключевой проблемой, которая может оказаться непреодолимой при заключении брака. Примером тому служат песни, которые поют как девушки, так и юноши.

*Кабы я знала, что будешь моим,
отдала бы тебе свой платок!
Но я знаю, моим ты не будешь,
лишь напрасно его замараешь.
Истинно, душа моя,
ты говоришь правду,
из-за моих родителей
я не буду твоим.
Мои родители таковы,
что хотят богатую невесту...*

*Keby sem vedela, že budeš moj
dala bych ti nosiť ručníček svoj!
Ale ja dobre vím, že nebudeš,
darmo moj ručníček špiniť budeš.
Veru, ty duša má,
mluvíš pravdu,
pre mojich rodičú
tvoj nebudu.
Moji rodičové takoví sú
že oni nevestu bohatú chcú...³²*

В другой песне юноша утешает девушку, на которой не может жениться, потому что он беден. Символом бедности является тонкая простыня, которой, по словам юноши, им бы пришлось укрываться.

³¹ Sborník slovenských národných piesní... Sväzok 2. Sošit 1. S. 20.

³² Kollár J. Národné spievanky. I. diel. S. 447.

Когда я к вам приходил,
ты всегда плакала,
красным платком слезы утирала.
Не жалея, Катенька,
что не взял тебя в жены,
ведь я бы тебя
лишь тонкой простыней смог
укрыть.
С какой бы взял,
под той бы и спала,
пусть так,
лишь бы твоею женой я была.

*Keď som k vám chodieval,
vždycky si plakala,
červeným ručníčkom, slzy utierala.
Nebamij Kačenko,
že som si ťa nevzal,
lebo by ťa
iba riedkou plachtou
odzal.
S jakou bys 'ma odzal,
pod takou by spala,
nech by len,
šuhajko, tvoja žena bola³³.*

В словацких любовных песнях мы также встречаем, пусть и реже, другой тип жалоб, когда молодая женщина сетует на жизнь без любви, даже если при этом она материально обеспечена.

Что мне, парень, твое богатство,
коль я не люблю
тебя совсем?
Что мне, парень, жизнь
в достатке,
коль с тобой ни ночи
сладкой.

*Čože mi je šuhaj, z toho tvojho mania,
keď ja s tebou nemám žiadno
milovania?
Čože mi je, šuhaj, po tom tvojom
statku,
Keď ja s tebou nemám jednu nuocku
sladkú³⁴.*

Песни, имеющие характер жалоб и сетований, приведенные выше, перемежаются с песнями, в которых молодые люди спокойно принимают свое положение в обществе. Примером тому — песня из деревни Страняны «Течет вода поперек воды» (словац. *Idze voda proci vodze*).

... Потому я не хочу быть
с кавалером,
а лишь с таким, как я.
С бедным да шумным —
за такого я пойду.

... Bo ja nescim
gavalíra,
lem takoho ako ja.
Chudobneho, šumnoho,
ta ja pujdu za ňoho³⁵.

В категории песен, где напрямую говорится об имущественном неравенстве партнеров и упоминается бедность одного из них, мы также фиксируем песни, в которых воспевается гордость бедной девушки. В среде народной культуры мы также отмечаем тот факт, что это были девушки

³³ Kollár J. *Národné spievanky*. I. diel. S. 108.

³⁴ *Ibid.* S. 237.

³⁵ *Elscheková A. Slovenské ľudové spevy*. I. diel. S. 56.

из беднейших слоев, которые могли поддаться уговорам юношей и позволить им больше, чем позволялось обществом. В песне «В Грушове растет зеленая липка» (словац. *V Hrušove rastie lípka zelená*) с предостережением поется о девушках, которые могут поддаться посулам богатых молодых людей.

*Ни один богач не хочет
бедную невесту,
выберет ту,
у которой тысячи, миллионы,
та глупа,
что поддастся на его уговоры.*

*Žiadon boháč ňekce
chudobnú d'iovku,
Ľem viberá
na tisícce, mil'ióni,
každá blázna,
kerá sa mu podvoľí³⁶.*

Такие девушки рисковали тем, что забеременеют до замужества и станут матерями-одиночками; это, пожалуй, было худшим, что могло случиться с молодой женщиной. Юноша, который в конце концов подчинился воле своих родителей, не имел обязательств перед девушкой и не был обязан на ней жениться, и общество приписывало вину за произошедшее девушке, хотя часто было известно, кто являлся отцом ребенка³⁷. Во многих песнях, однако, подчеркивается хорошая репутация и гордость бедных семей. В таких песнях поется, что, хоть девушка и бедна, абы за кого ее не отдадут.

Брак не по собственной воле, а по принуждению был обычным явлением как среди более богатых, так и среди бедных девушек. Эмоционально об этом поется в песне из Ревуцы.

*...Девушка в сад пошла,
присела среди клумб.
Гвоздики и розы полола
и горько плакала.
Гвоздики, гвоздики, желтые
гвоздики,
вы не нужны для моего венка.
Вы можете цвести желтым
цветом,
а я должна от вас отвыкнуть.
Можете и вы, розочки,
а я стану невестою.
Можете и вы, тюльпаны,
а я уже буду с молодым паном.*

*...Išlo dievča do záhradky,
K'kleklo ono medzi hrádky.
Klince, ruže preplievalo,
a tak horko zaplakalo.
Klince, klince, žoltia
klince,
netreba ste mi na vence.
Možete vy žlto
kvitnôť,
ja musím od vás odvyknúť.
Možete vy, aj ružisko,
ja už budem nevestisko.
Možete vy tulipánom,
už ja budem s mladým pánom³⁸.*

³⁶ Naprostred Hrušova. S. 76.

³⁷ Подробнее и в более широком контексте см., например: Komorovský J. Tradičná svadba u Slovanov. S. 60–61.

³⁸ Elscheková A. Slovenské ľudové spevy. I. diel. S. 69.

Схожим образом печаль из-за брака против воли передана в следующей песне.

*Не хотела за него, да меня
заставили.
Лишь головушку мою загубили.
Не вяжите мне петлю, ничего
не надобно.
Выкопайте яму — сама в нее лягу.
Выкопайте яму, да в красной глине.
Сама в нее лягу, будто на перину.*

*Nechcela som zaň ist', len ma
prisilili.
Tú moju hlavičku len zakosili.
Nerobte mi jarmo, nič vám
neutiahnem.
Vykopte mi jamu, sama do nej ľahnem.
Vykopte mi jamu, do červenej hliny.
Sama do nej ľahnem ako do periny³⁹.*

Для молодой женщины жизнь в новой семье не всегда оказывалась легкой. Она должна была приспособиться не только к требованиям мужа, но и к требованиям его семьи. Положение молодой невестки было довольно тяжелым, поскольку в иерархии семьи она находилась на нижней ступени вплоть до рождения первого здорового ребенка — в идеале мальчика. Договорные браки, особенно поначалу, являли собой скорее трудовые отношения, чем любовный союз. Считалось, что симпатия придет со временем и молодые люди привыкнут друг к другу. Конечно, так происходило не всегда. В Словакии равноправие женщин и разрушение строгого патриархального семейного уклада стало возможным только после Второй мировой войны под влиянием социально-политических изменений и доступного образования. От женщины ждали, что она во всем будет подчиняться своему мужу, но она также подчинялась и другим членам семьи, особенно свекрови, которая пыталась воспитать ее в соответствии со своими представлениями.

*... Дары ей приносят,
эх, еще и упрашивают.
Боже, благослови меня,
эх, где бы я была сама,
если бы свекровь моя,
эх, меня не вразумляла.*

*...Darov jej nanosia,
hej ešte sa jej prosia.
Ta ma Bože, ta ma,
hej, kde ja budem sama,
žeby mi svokruša,
hej, nerozkazovala⁴⁰.*

Молодая женщина понимала, будет ли она желанной невесткой или ей придется многое вынести, уже по тому, как семья будущего мужа относилась к ней до свадьбы. Символично, что именно свекровь могла выразить свое недовольство девушкой уже во время свадьбы⁴¹. Такое поведение

³⁹ Sborník slovenských národných piesní... Sväzok II. Sošit I. S. 67.

⁴⁰ *Elscheková A. Slovenské ľudové spevy. I. diel. S. 70.*

⁴¹ Если невеста родителям жениха не нравилась, ей сразу же давали это понять, как только она приходила в дом. Ее заставляли ждать за дверью дольше обычного или во время приветствия ей не говорили ни слова. Подобное нарушение этикета было редкостью и практически всегда осуждалось общественным мнением. См.: *Tradície slovenskej rodiny. S. 179.*

общество осуждало, но недовольство в самом браке терпело. В народной песне мы находим тексты, в которых говорится о словесных нападках свекрови, которая будит свою невестку, чтобы та подоила коров, которых не привела с собой в качестве приданого.

*Вставай, невестка,
ты уже выспалась,
иди доить коров,
что с собой не привела.*

*Staň, nevesta hore,
už si sa vyspala,
chod' podojit' kravy,
ktorés 'nedostala*⁴².

Недовольство могло выражаться не только словесно, но и физически. Избиение женщин воспринималось как часть жизни, как что-то, что могло случиться с молодой женщиной очень и очень легко. Алкоголизм, тяжелая работа и бедность не способствовали спокойной жизни, и, поскольку сообщество принимало иерархию, в которой мужчина является главным авторитетом в семье, женщины были вынуждены терпеть физическое насилие⁴³. Насилие такого рода воспринималось как часть реальности, с которой было нужно считаться. Примером тому — песня «Что на свете происходит» (словац. *Čo sa v sveťe d'jeje*).

*Хорошо мне говорила матушка,
чтобы не хотела я быть с Яником,
что Яник будет мне плохим мужем,
что будет меня бить — вот и бьет.
А еще она говорила,
чтобы Яника я не боялась.
Коли будет бить — убегай,
и помни мои слова.*

*Dobre mñe mamička vravela,
žeby som Jaňík nehcela,
že mi Jaňík bude mrcha muž,
že ma bude b'jať — aj ma už.
Ešte mi aj takto vravela,
žebi sa Jaňík nebála.
Ket 'ta bude biťi u'ekaj
a na moje reči pamätaj*⁴⁴.

В следующей песне, где мы наблюдаем диалог матери и дочери, данная тема передана еще более явно.

*...Я бы тебе, я бы тебе, двери
открыла,
кабы мне, кабы мне
матушка позволила.
Но матушка мне не позволяет,
не по сердцу ты ей, не по сердцу.*

*...A ja bi ti, a ja bi ti, dvere
otvorila,
kebi mi to, kebi mi to,
mamka dovoľila.
Aľe mñe to mamka ňedovoľi,
že si ti ňi, že si ti ňi šuhaj po jej völi.*

⁴² Chudoba, chudoba, však si mi moc vina... / zost. Ľ. Droppová-Markovičová. Bratislava: Tatran, 1988. S. 54.

⁴³ *Lábadyová N.* „Žena je len vtedy dobrá, keď je bitá“, alebo bitie ženy v reálnom živote a vo folklóre // *Žena z pohľadu etnológie* / ed. H. Hlôšková, M. Leščák. Bratislava: Katedra etnológie FF UK, SNS pri SAV, Prebudená pieseň, 1998. S. 98–107.

⁴⁴ Naprostred Hrušova. S. 27.

Ой, матушка, матушка моя,
ведь он мне обещает,
что с ним мне, с ним мне,
будет очень хорошо,
что по дому
ничего делать не надобно,
Только шелковые платочки,
шелковые платочки вышивать.

Ох, доченька, доченька моя,
ведь он обещает,
покуда тебя, покуда тебя
в руки не получит.
А как окажешься ты в его руках,
будет бить тебя, будет бить тебя,
покуда не устанет.

Ох, матушка, мамушка, ведь и Вас
били,
А Вы все равно, все равно
батюшку любили.
Как Вы любили, так и я любить
буду.
И ежели захочу, ежели захочу,
его женою буду.

*Jaj mamička, mamka moja,
vet mi on sľubuje,
že mi pri ňom, že mi pri ňom,
veľmo dobre bude,
že nemisím doma
nič robiť,
Ľem hodvábné,
Ľen hodvábné šatôčke višovať.*

*Jaj, dcéruška, dcérka moja,
vet ti vom sľubuje,
pokím ťa vom, pokím ťa vom
do rúk ňedostaňe.
A ket ťa vom do ruki dostaňe,
buďe ťa biť, buďe ťa biť,
pokím ňeustaňe.*

*Jaj, mamička, mamka moja, vet aj vás
bijaľi
A preca s'te, a preca s'te
tatka raďi maľi.
Ľúbili ste, aj ja ľúbit
buďem.
a ket ja kcem, a ket ja kcem,
jeho žena buďem⁴⁵.*

В другой песне аналогично поется, что насилие в браке — обыденное явление, с которым нужно смириться.

Будешь ты, Ганичка, будешь ты
плакать,
как год пройдет, два пройдет
по свадьбе.
Пойдешь ты, Ганичка,
пойдешь вся в слезах,
как пойдет Йеня из корчмы,
чертыхаясь.
Будешь ты, Ганичка,
из-за угла выглядывать,
когда Йеня бить тебя по спине
будет.

*Budzeš ti, Haničko, budzeš ti
plakala,
jak prejdze roček — dva,
že ši še vidala.
Pojdeš ti, Haničko,
pojdeš ti plačuci,
jak ci pojdze Jeňa z karčmi
bohujuci.
Budzeš ti, Haničko,
poza uhli kukac,
jak ce bude Jeňa po cherbecce
buchac⁴⁶.*

⁴⁵ Naprostred Hrušova. S. 67.

⁴⁶ Guzová J. Janka Guzová spieva. 100 východoslovenských piesní. Bratislava: Slovenské hudobné vydavateľstvo, 1951. S. 82.

В контексте фатальности и неизбежности брака также представлены песни в форме диалога между молодыми людьми, которые еще не стали окончательно мужем и женой: девушкой, готовой дать и выполнить клятву, и юношей, который не скрывает своего типичного представления о браке. Явным положительным моментом становится окончание песни, когда насилие не происходит благодаря красоте девушки.

*Ты сказал, что меня возьмешь,
как на горе рожь пожнешь.
И собрал ты ее, и связал,
но меня пока не взял.*

*Как возьму тебя, так побью тебя,
не буду тебя я в карете возить,
ни в карете, ни в телеге,
со мной тебе не будет хорошо.
Куплю я кнут толщиною в руку
и побью тебя как суку.*

*Кнут ты уже купил, но меня не бил,
душа моя, ты меня бережешь.*

*Как мне тебя не беречь,
тебя будто художник рисовал.
Художники тебя рисовали,
Резчики вырезали.*

*Povedal si, že ma vezmeš,
keď na hore žitko zožneš.
Už si zožal i poviazel,
predsa si ma ešte nevzal.*

*Keď ťa vezmem, budem ťa biť,
nebudem ťa v koči vozit',
ani v koči, ani v korbe,
nebude ti pri mne dobre.
Kúpim korbáč jako ruku,
budem ťa biť ako suku.*

*Už si kúpil nebiješ ma,
duša moja, šanuješ ma.*

*Jako bych ťa nešanoval,
keď ťa maliar vymaľoval.
Maliari ťa maľovali,
kresáči ťa vykresali⁴⁷.*

Авторитет мужа в патриархальном обществе был неоспорим. Он был главой семьи, представлял ее при контактах с властями и в торговле, принимал решения о ведении хозяйства и деятельности семьи и слуг, его голос был решающим во всех важных вопросах. Он считался кормильцем и отвечал за экономическое процветание семьи. Потому его действия, часто жестокие и решительные, воспринимались как вполне естественные. Напротив, женщины, чьими положительными качествами считались покорность, послушание и смирение, должны были терпеливо переносить жизненные невзгоды, которые были вызваны не только бедностью или лишениями, но и жестоким обращением со стороны человека, который должен был стать для них самым близким.

ПРОЩАНИЕ С ДОМОМ, СВАДЬБА

Разлука с родной семьей являлась сильным эмоциональным моментом любой свадьбы и часто описывалась в песнях. После свадьбы жизнь в родной семье для невесты заканчивалась, что обязательно подчеркива-

⁴⁷ Kollár J. *Národné spievanky*. I. diel. S. 61.

лось во время свадебной церемонии⁴⁸. Отлучение невесты от стола, дома и родителей является одним из наиболее печальных моментов свадьбы, что сохранилось до наших дней в лирических песнях, в которых отображена не только грусть молодой женщины, но и позиция матери, которая решительно отговаривает свою дочь приходить к ним и поддерживать отношения.

*Отдала мать дочку, отдала дочку,
да на чужую сторону.
Запретила ей, запретила ей
домой приходить.
И через семь лет,
и через семь недель,
и через семь часов.
Ох, матушка, как же это долго,
столько я не вынесу.*

*Vydala mamka, vydala dcéru
do cudzej krajiny.
Zakázala jej, zakázala jej,
aby prišla k nej.
Za sedem rôčkov,
za sedem týždňov,
aj za sedem hodín.
Jaj mamko moja, to je za veľa,
ja vám to nezdržím⁴⁹.*

Несмотря на то что брак повышал социальный статус молодых людей и они продвигались вверх в иерархии авторитарной системы, среди песен мы также находим и те, в которых брак воспринимается как потеря свободы, радости и веселья не только девушками, но и юношами.

*Издали видать, кто холостяк,
ходит по полю, что розовый цвет.
Издали видать, кто женат,
ходит по деревне, что пес
лохматый.
Издали видать,
кто олень горделивый,
по тому, как он шапку на бок
сдвигает.
Издали видать, кто праведен,
Ибо сей юноша очень скромн.*

*Poznať to zďaleka, ktorý je mládenec,
chodí si po poli jak ružový veniec.
Poznať to zďaleka, ktorý je ženatý,
chodí po dedine ako pes
chlpatý.
Poznať to zďaleka
hrdého roháča,
lebo si klohubčík nakrivo
zatláča.
Poznať to zďaleka, kto je spravedlivý,
lebo je mládenec veľmi hanebný⁵⁰.*

На семейное положение как на бремя указывает также следующий отрывок.

*Жалко мне, жалко
и дома, и тут,
что на шею свою
повязал я путы.*

*Lúto mi je lúto
i doma i tuto,
že som si založil
na hrdielce puto⁵¹.*

⁴⁸ *Elscheková A. Typy svadobných piesní // Slovenský národopis. 1997. Roč. 45. Č. 4. S. 382–391.*

⁴⁹ *V šírom poli studienečka. S. 79.*

⁵⁰ *Kollár J. Národné spievanky I. diel. S. 230.*

⁵¹ *Slovenské spevy / red. K. Ruppeldt. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1881. Sošit 2. S. 83.*

Л. Дроппова, известный знаток словацких народных песен, неоднократно указывала на значительную разницу в количестве песен, описывающих отношения между мужчиной и женщиной до и после заключения брака⁵². Несмотря на то что во многих словацких народных песнях поется о любви до брака и отношения между двумя людьми описаны в самых разных ее проявлениях, после свадьбы эта тема утихает. Не только само любовное чувство, но и физическая привлекательность и красота женщины перестают быть публичной темой после свадьбы, о чем свидетельствует отрывок из песни «Зеленая горка» (словац. *Horička zelená*).

<p><i>Красоту, девица, береги до времени, будет тебе надобна, когда пойдешь ты замуж. Будет тебе надобна в тот день последний, когда ты снимешь венок свой зеленый.</i></p>	<p><i>Krásu, dievča, krásu, šanuj si do času, buďe ti potrebná, ket pôjdeš k sobášu. Buďe ti potrebná na ten deň posledný, ket budeš skladat' svoj vienok zeleň⁵³.</i></p>
---	---

Считалось, что любовь должна была прийти в браке, ведь она имела первостепенное значение для обеспечения выживания следующего поколения на соответствующем уровне. Брак воспринимался скорее как договорное соглашение на экономической основе, чем как личное решение человека, основанное на чувствах и симпатиях. Важным компонентом в жизни людей была мораль, которая воспринималась как набор условностей и общепринятых мнений, неписаных нравственных и социальных норм, с которыми был знаком каждый член общества и которым в идеале следовал или хотя бы принимал их, дабы не оказаться в положении порицаемого. Народная песня поэтически описывает изменение статуса незамужней девушки, которая имела определенную степень свободы и возможности для проявления радости, и ее переход в положение супруги, у которой был иной статус, что проявлялось на всех уровнях жизни женщины.

<p><i>Песни мои, песни, у меня вас немало, но как выйду замуж, в сундуке вас спрячу.</i></p>	<p><i>Piesne moje, piesne, však vás ja veľa mám, keď ja za muž pôjdem, do truhly vás schovám⁵⁴.</i></p>
--	--

В данном типе песен мы фиксируем следы меланхолии из-за окончания жизненного этапа, когда молодая девушка еще имела некоторую свободу под покровительством родной семьи. В свадебных песнях внимание акцен-

⁵² Droppová L. K podobám ženy v slovenskej ľudovej piesni // Žena z pohľadu etnológie. S. 140.

⁵³ Naprostred Hrušova. S. 32.

⁵⁴ Droppová L. Slovenská ľudová pieseň — texty a kontexty. Bratislava: Univerzita Komenského, 2000. S. 52.

тировалось на изменении статуса девушки. Невеста оплакивала не только свой дом и родителей, с которыми навсегда просталась, но и жизнь незамужней девушки, свое исключение из круга подруг, как, например, поется в свадебной песне из Дубравки близ Братиславы.

*Прощай, белый свет,
прощай,
ни рая, ни наслаждений не будет
боле.*

*Прощайте, молодцы и девицы,
под венком, под зеленым,
с вами боле не буду.*

*Братья и сестры меня прогоняют,
в доме родном жить
запрещают.*

*Zbohem ti už, márnny svete,
zbohem ti už dávam,
do raja a do rozkoše, chodiť už
prestávam.*

*Lúčim sa ja s vami, mládenci aj pany,
pod vínečkom, pod zeleným,
nebudem viac s vami.*

*Bratia sestry moje, tí ma vystrájajú,
kde som sa ja narodila bývať mi
nedajú⁵⁵.*

Поскольку браки в основном имели договорной характер, было очевидно, что молодые люди опасались последующей совместной жизни. Браки были нерасторжимыми, и о расставании не могло быть и речи, и бесповоротность данного обстоятельства могла послужить спусковым крючком для озлобленности, жесткости и отвращения по отношению к другому человеку. Согласно полевым исследованиям, после долгих лет совместной жизни, когда люди смирялись с ситуацией, которая оставалась неизменной, они начинали воспринимать ее как естественную и, само собой, испытывали опасения в случае изменений. В песне из Ламача невеста поет:

*...Расскажите мне, женщины,
вы ведь знаете,
каково с плохим мужем жить
на свете.
С плохим мужем
жить на свете без любви —
это будет длиться целую вечность.
Уж никто тебе никогда
не поможет,
коли вы друг с другом,
что кошка с собакой.*

*...Povjedzte mi aj vy ženy,
šak vy víte,
jako je to s mrcha mužom žit
na svjece.
S mrcha mužom
žit na svjece bez libosci
to ti bude vždicki trvat do vječnosci.
Už ti z teho jakživ nigdo
nеспотоže,
ked budete proci sebje
jak dva nože⁵⁶.*

Сложно говорить о проявлениях супружеской привязанности в традиционной сельской среде. Как правило, таким проявлениям не было места в повседневной жизни. «Играли свою роль обещанное постоянство в отно-

⁵⁵ *Elscheková* A. Funkcia a typu svadobných piesní // Slovenský národopis. 1997. Roč. 45. Č. 4. S. 75.

⁵⁶ *Ibid.* s. 81.

шениях перед Богом и людьми, приверженность ценностям веры и провозглашение взаимной верности»⁵⁷. Песни о счастливом браке редко встречаются в сборниках, зато присутствует «множество песен с иными мотивами: избитая жена, несчастная женщина, пьяный мужчина, а также песни об имущественном и возрастном неравенстве супругов»⁵⁸.

Под пристальным вниманием старших находился не только выбор будущей пары, но и публичные проявления любви. Традиционный деревенский этикет⁵⁹ диктовал, чтобы любовь была скромна и неприхотлива и не проявлялась публично, даже наедине не выражалась словами. Фактически в Словакии не существовало фразеологизмов о любви в контексте бытового общения. Вместо слов использовались иные знаки внимания, в первую очередь любовные подарки: разукрашенные стиральные доски, пряничные сердечки, нарядное майское дерево, любовные песни. Считалось, что любовь можно сохранить, заполнить и даже помешать ей при помощи магических средств. Для семей, которые владели крупным хозяйством, выбор будущей невесты был крайне важен, и предпочтения молодого человека не принимались во внимание. В первую очередь невеста должна была быть здоровой, сильной, способной без особых проблем выполнять работу по хозяйству. Именно в песнях можно зафиксировать мышление людей, их представления о мире, тайные мечты и желания, пускай они и ощутимо ограничивались социальными правилами, обладавшими высокой степенью обязательности для каждого человека. Страх социальной изоляции и исключения из общества помогал поддерживать и соблюдать правила этого общества, в данном случае — патриархальную систему. Однако были случаи, когда любовь между молодыми людьми имела серьезные последствия для тех, кто не соблюдал ее правила.

В традиционной словацкой семье большое внимание уделялось чистоте девочек и девушек как в физическом, так и в духовном смысле. Оценивалась чистота жилища, которое было визитной карточкой женщины, одежда ее семьи и, самое важное, чистота самой девушки. Благочестие, скромность и целомудрие ставились во главу угла, было важно, чтобы девушка вступала в брак, будучи девственницей⁶⁰. Представления о нечистоте в тради-

⁵⁷ Navrátilová A. Erotika v konceptu tradičného rodinného života // Erotika v lidové kultúre. S. 14–15.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Leščák M. Ethische Prinzipien des Familienlebens in slowakischen Marchen // Slovenský národopis. 1993. Roč. 41. Č. 4. S. 448–452.

⁶⁰ Нечистота ассоциировалась с естественными проявлениями женского организма: менструацией, беременностью, родами, послеродовым периодом. Фертильность, однако, высоко ценилась и, имея в своей основе принцип симпатической и контактиозной магии, широко применялась в качестве магического средства в сферах, где было необходимо обеспечить плодородие. Общество негативно относилось к тому, что женщина оставалась старой девой, а мужчина — холостяком, поскольку была упущена возможность рождения детей.

ционном патриархальном обществе еще более укрепились под влиянием христианства и его отношения к телесности и сексуальности⁶¹.

В народной среде существовала более-менее устойчивая система норм морали, которую должен был принимать каждый человек, если он хотел адекватно функционировать в обществе, которое при нарушении этих норм могло и должно было вытолкнуть его на обочину. Этические стандарты носили императивный характер, и общество посредством механизмов социального контроля следило за их соблюдением и принятием. Ослабление социально-регулирующих функций, поддерживаемых традициями, фиксируется на протяжении всего XX в., когда их незыблемость и сила были нарушены многими факторами⁶². Девушка должна была быть застенчивой и сдержанной в отношениях с противоположным полом. Родители, особенно матери, опасались, как бы она не лишилась девственности до свадьбы, не утратила свой зеленый веночек, как об этом символично пелось в народных песнях.

*Веет ветер над колосьями,
парень узнает подругу по голосу.
Та, что весело поет,
найдет себе друга по сердцу.
С которой встречаются молодцы,
та не пойдет замуж в венце,
а будет в шелковом платке,
и всё это ради большой любви.*

*Veje vetrik po ovsenom klase,
pozná frajer frajerku po hlase.
Kerá si tak preveseľe spieva,
tá má každá po vôľi frajera.
U kerej sa schádzajú mláďenci,
tá ňebude sobášená v venci,
aľe bude v hod'babnom ručníku
a to šetko pre ľúbosť veľikú⁶³.*

Положение матерей-одиночек и их детей было очень тяжелым. Вина полностью ложилась на них. Общество относилось более благосклонно к мужчинам, чем к женщинам, когда дело касалось сексуального поведения. В следующем примере поется о потере зеленого венка, который юноша обещает заменить золотым, что символически означает обручальное кольцо.

*В поле широком стоит груша,
зеленая верхушка,
под ней стоит моя милая,
вся заплаканная.
Не плачь, моя милая, не сетуй,
за веночек твой зеленый,
не плачь, моя милая, не сетуй,
я куплю тебе золотой.*

*Šírém poli hruška stojí
a vrch sa jej zeleňá,
pod ňov stojí moja milá,
velmi je viplakaná.
Ňepladž, milá, ňenaríkaj,
tvoj víneček zelení,
ňepladž, milá, ňenaríkaj,
kúpim ti já zlát 'eni⁶⁴.*

⁶¹ Navrátilová A. Role ženy v obřadní kultuře // Žena z pohľadu etnológie. S. 22.

⁶² Например, промышленная революция, урбанизация, работа за границей, трудоустроенность женщин, Первая и Вторая мировые войны и др.

⁶³ Naprostred Hrušova. S. 73.

⁶⁴ VI. Prespanky // URL: https://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszagi_nemzetisegek/szlovakok/stefan_lami_ked_si_ja_zaspievam/pages/007_prespanky.htm (дата обращения: 18.10.2021)

В большинстве случаев хороший брак был гарантией выживания, важным событием в жизни молодой женщины. Если она сохраняла ребенка, шансы выйти замуж сводились к нулю. Женщину преследовала не только сельская община, дабы ее история послужила сдерживающим фактором для других, она также подвергалась суровым санкциям со стороны церкви. Оуждалась не только она сама, но и вся ее семья, особенно мать, которая, по мнению общества, плохо воспитала девушку и не следила за ее нравственностью. Впоследствии это переносилось на родившегося ребенка⁶⁵. Потому нередко девушки пытались прервать нежелательную беременность. В результате собственных вмешательств или помощи женщин, которые делали незаконные аборты, многие лишались жизни.

*Девица слагала,
жалобно плакала,
Боже мой, Боже мой,
что же я наделала?*

...

*Что же я наделала?
в моем-то юном возрасте?
Не могу рассказать об этом
ни одному человеку.*

...

*Мой сынок, мой сынок,
что я могу для тебя сделать?
Бросить тебя в воду
или вырастить тебя?*

*Ďeŕčina skladala,
žalosne plakala,
bože mój, bože mój,
čo sem urobila?*

...

*Čo sem urobila
v mojem mladém veku?
Ňesmím sa oznámit
žádnému človeku.*

...

*Sinu mój, sinu mój,
čo ti urobid mám?
Do vodi ťa hod'it,
či ťa vichovad mám⁶⁶?*

Общество постулировало необходимость сделать конкретные этические ценности, этический порядок и категории морали более видимыми и настаивало на соблюдении общепринятых обязательств. Если индивид неприемлемым образом отклонялся от принятого коллективом порядка, коллектив его определенным образом наказывал. Нам известно множество способов, как это осуществлялось. В патриархальном обществе от человека требовалось вести себя в соответствии с ожиданиями большинства. Степень свободы действий в обществе, если только человек не хотел быть исключенным из него, была ограничена, поведение людей в значительной степени определялось консенсусом и традициями.

⁶⁵ Tradície slovenskej rodiny. Bratislava: Veda, 1997. S. 83–84.

⁶⁶ VI. Prespanky // *Lami š. Keď si ja zaspievam*. Zbierka slovenských ľudových piesní v Maďarsku. Budapešť: Tankönyvkiadó, 1988. URL: https://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszagi_nemzetisegek/szlovakok/stefan_lami_ked_si_ja_zaspievam/pages/007_prespanky.htm (дата обращения: 18.10.2021).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Народное творчество естественным образом отражает разнообразие окружающего мира и внутренней жизни человека, обращаясь к темам из приведенных выше областей сразу на нескольких уровнях и самыми разнообразными способами. Изменения, в нашем случае, взглядов на любовь, вмешательство авторитетов в свободное решение человека и моральный контекст времени могут быть упомянуты в произведениях как незначительно и несущественно, так и весьма выразительно. В динамическом отношении между исполнителем и реципиентом внимание слушателей переносится на те детали композиции, что соответствовали временному периоду и географическим предпочтениям общества. Восприятие идеи текста подчиняется представлениям о мире и общепринятым нормам жизни согласно эпохе. В тексте также сохранена информация о мировом порядке в данной культуре в определенный исторический период. В то же время, благодаря вневременности темы, он может быть актуален и в иное время, а не только тогда, когда был создан. Народное творчество колеблется в своем отношении к общепринятым моделям и нормам, через личную историю изображая ситуации, в которых нормы как нарушаются, так и выполняются. Оно является, таким образом, отражением жизни людей в определенном времени и пространстве, их потребностей, желаний, а также законов и традиций, которые необходимо было неукоснительно соблюдать, как мы и продемонстрировали в нашей статье, сосредоточившись на основных моментах, отражающих важные периоды в жизни девушек и женщин.

Удачный брак был самым важным событием в жизни девушки в словацком патриархальном обществе даже в XX в. В иерархической системе, которая до недавнего времени сохранялась в полной мере, женщины всегда оказывались во власти мужчин, будь то отец, муж или брат. Женщина не имела права самостоятельно принимать решения. Вопрос о выборе будущего супруга решала семья или, в зависимости от обстоятельств, родители. Девушки пытались узнать, кто станет их мужем, или даже повлиять на выбор в основном с помощью магических ритуалов, о чем свидетельствует богатый и разнообразный материал о любовной магии.

Любовные песни представляют собой подходящий простор для исследования отношений между мужчинами и женщинами в описанной социальной системе, будь то отношения до заключения брака или после. В статье мы указали на диспропорцию в количестве песен, в которых поется об этих отношениях. Любовь в браке перестает представлять интерес для словацкой любовной лирики, как и женская красота, изображение которой в позитивном ключе представляет собой исключение.

Словацкие любовные песни не показывают любовь исключительно в позитивной и романтической форме. Часто изображается тайная любовь — разновидность свободной любви. Она не учитывала имущественные и иные ограничивающие факторы, которые играли важную роль при выборе

партнера на всю жизнь. Такая любовь, как поется в песнях, в большинстве случаев была непродолжительной. Несмотря на центральную тему, которой посвящены любовные песни, они не теряют чувства реальности происходящего. Потому в них мы также находим упоминания опасений из-за договорного брака, домашнего насилия, избиения женщин и страха перед жизнью в новых условиях. Особую категорию составляют песни, изображающие тяжелую судьбу матерей-одиночек, лишившихся девственности до замужества и пострадавших из-за беременности. Словацкая любовная песня описывает отношения между мужчинами и женщинами не только в контексте интимной лирики и выражения глубоких чувств, но также и в более широком — семейном и социальном контексте, не утаивая при этом негативных проявлений, которые переданы эмоционально ярко, правдиво и без прикрас. Благодаря данному типу песен сохранились не только способы описания любви, но и, в более широком контексте, описание социальной жизни женщин в системе, которая определяла их жизнь от рождения до смерти.

Перевод со словацкого А. В. Быриной

Литература

- Bocánová M.* Lúboštná mágia — magické predmety a mágia slova v archívnych materiáloch z Bošáckej doliny z druhej polovice 19. storočia // Slovácko 2020. 2021. Roč. 62. S. 47–63.
- Bocánová M., Slobodová Nováková K.* Kostolianska dolina (Teoreticko-metodologické a praktické aspekty terénneho výskumu) Trnava: UCM, 2015.
- Droppová E.* Slovenská ľudová pieseň — texty a kontexty. Bratislava: Univerzita Komenského, 2000. S. 52.
- Elscheková A.* Slovenské ľudové spevy = Slowakische volksgesänge. Bratislava: Ústav hudobnej vedy SAV, 1995. I. diel.
- Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska / ved. red. kol. J. Botík. Bratislava: Veda, 1995.
- Elscheková A.* Typy svadobných piesní // Slovenský národopis. 1997. Roč. 45. Č. 4. S. 382–391.
- Guzová J.* Janka Guzová spieva. 100 východoslovenských piesní. Bratislava: Slovenské hudobné vydavateľstvo, 1951.
- Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin: Matica slovenská, 2006.
- Hamar J.* Karnevalizované obrazy v ľudovej piesni // Slovenský národopis. 2017. Roč. 65. Č. 3. S. 277–279.
- Hamar J.* Komické a erotické v ľudovej piesni. Kandidátska dizertačná práca. Bratislava, 1998.
- Chudoba, chudoba, však si mi moc vina... / zost. E. Droppová-Markovičová. Bratislava: Tatran, 1988.
- Jakubíková K.* Pohlavná a veková diferenciacia v svadobných obyčajoch na Slovensku // Slovenský národopis. 1990. Roč. 38. Č. 1–2. S. 9–29.
- Kollár J.* Národné spievanky. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1953. I. diel.

- Komorovský J.* Tradičná svadba u Slovanov. Bratislava: Univerzita Komenského, 1976.
- Lábadyová N.* „Žena je len vtedy dobrá, keď je bitá“, alebo bitie ženy v reálnom živote a vo folklóre // *Žena z pohľadu etnológie* / ed. H. Hlôšková, M. Leščák. Bratislava: Katedra etnológie FF UK, SNS pri SAV, Prebudená pieseň, 1998. S. 98–107.
- Lami Š.* Keď si ja zaspievam. Zbierka slovenských ľudových piesní v Maďarsku. Budapešť: Tankönyvkiadó, 1988.
- Leščák M.* Ethische Prinzipien des Familienlebens in slowakischen Marchen // *Slovenský národopis*. 1993. Roč. 41. Č. 4. S. 448–452.
- Leščák M.* Pramene k obyčajovej tradícii a sviatkovaniu na Slovensku na konci 20. storočia. Bratislava: Prebudená pieseň, 2006.
- Marec J.* Tradičné ľudové liečiteľstvo a ľudová mágia na horných Kysuciach. Martin: Matica slovenská, 2011.
- Naprostred Hrušova. Spevník ľudových piesní / zost. A. Brložová. Hrušov: Obecný úrad, 2010.
- Návrátilová A.* Erotika v konceptu tradičného rodinného života // *Erotika v lidové kultúre* / ed. P. Číhal. Uherské Hradišče: Slovákcké muzeum v Uherském Hradišti, 2017. S. 9–19.
- Sborník slovenských národných piesní, povestí, prísloví, porekadiel, hádok, hier, obyčajov a povier / red. P. Dobšinský. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1874. Sväzok 2. Sošit 1.
- Slovenské spevy / red. K. Ruppeldt. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1881. Sošit 2.
- Slovenské spevy / red. K. Ruppeldt. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1882. Sošit 3.
- Svatební rituály u nás a ve světě / ed. J. Jiroušková. Praha: NLN, 2012.
- Tradicie slovenskej rodiny / zost. M. Botíková. Bratislava: Veda, 1997.
- V širom poli studienečka / zost. J. Melicherčík. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1961.
- Veselovskij A. N.* Historická poetika. Bratislava: Tatran, 1992.
- Žena z pohľadu etnológie* / ed. H. Hlôšková, M. Leščák. Bratislava: Katedra etnológie FF UK, SNS pri SAV, Prebudená pieseň, 1998.

References

- Bocánová, M., 2021. Lúboštná mágia — magické predmety a mágia slova v archívnych materiáloch z Bošackej doliny z druhej polovice 19. storočia. *Slovácko 2020*, 62, pp. 47–63.
- Bocánová, M., Slobodová Nováková, K., 2015. *Kostolianska dolina (Teoreticko-metodologické a praktické aspekty terénneho výskumu)*. Trnava: UCM.
- Botík, J., ed., 1995. *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska*. Bratislava: Veda.
- Botíková, M., ed., 1997. *Tradicie slovenskej rodiny*. Bratislava: Veda.
- Brložová, A., ed., 2010. *Naprostred Hrušova. Spevník ľudových piesní*. Hrušov: Obecný úrad.
- Dobšinský, P., ed., 1874. *Sborník slovenských národných piesní, povestí, prísloví, porekadiel, hádok, hier, obyčajov a povier*. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská. Vol. 2. Issue 1.

- Droppová E., 2000. *Slovenská ľudová pieseň — texty a kontexty*. Bratislava: Univerzita Komenského.
- Droppová-Markovičová, E., ed., 1988. *Chudoba, chudoba, však si mi moc vina...* Bratislava: Tatran.
- Elscheková, A., 1995. *Slovenské ľudové spevy=Slowakische volksgesänge*. Bratislava: Ústav hudobnej vedy SAV. Vol. I.
- Elscheková, A., 1997. Typy svadobných piesní. *Slovenský národopis*, 45 (4), pp. 382–391.
- Guzová, J., 1951. *Janka Guzová spieva. 100 východoslovenských piesní*. Bratislava: Slovenské hudobné vydavateľstvo.
- Habovštiak, A., 2006. *Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu*. Martin: Matica slovenská.
- Hamar, J., 2017. Karnevalizované obrazy v ľudovej piesni. *Slovenský národopis*, 65 (3), pp. 277–279.
- Hamar, J., 1998. *Komické a erotické v ľudovej piesni*. Kandidátska dizertačná práca. Bratislava.
- Hlôšková, H., Leščák, M., ed., 1998. *Žena z pohľadu etnológie*. Bratislava: Katedra etnológie FF UK, SNS pri SAV, Prebudená pieseň.
- Jakubíková, K., 1990. Pohlavná a veková diferenciacia v svadobných obyčajoch na Slovensku. *Slovenský národopis*, 38 (1–2), pp. 9–29.
- Jiroušková, J., ed., 2012. *Svatební rituály u nás a ve světě*. Praha: NLN.
- Kollár, J., 1953. *Národné spievanky*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. Vol. I.
- Komorovský, J., 1976. *Tradičná svadba u Slovanov*. Bratislava: Univerzita Komenského.
- Lábadyová N., „Žena je len vtedy dobrá, keď je bitá“, alebo bitie ženy v reálnom živote a vo folklóre. In: H. Hlôšková, M. Leščák, eds, 1998. *Žena z pohľadu etnológie*. Bratislava: Katedra etnológie FF UK, SNS pri SAV, Prebudená pieseň, 1998. S. 98–107.
- Lami Š., 1988. *Keď si ja zaspievam. Zbierka slovenských ľudových piesní v Maďarsku*. Budapešť: Tankönyvkiadó.
- Leščák, M., 1993. Ethische Prinzipien des Familienlebens in slowakischen Marchen. *Slovenský národopis*, 41 (4), pp. 448–452.
- Leščák, M., 2006. *Pramene k obyčajovej tradícii a sviatkovaniu na Slovensku na konci 20. storočia*. Bratislava: Prebudená pieseň.
- Marec, J., 2011. *Tradičné ľudové liečiteľstvo a ľudová mágia na horných Kysuciach*. Martin: Matica slovenská.
- Melicherčík, J., ed., 1961. *V šírom poli studienečka*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry.
- Návratilová, A., 2017. Erotika v konceptu tradičného rodinného života. In: P. Číhal, ed., 2017. *Erotika v ľudovej kultúre*. Uherské Hradišče: Slovácké muzeum v Uherském Hradišti, pp. 9–19.
- Ruppeldt, K., ed., 1881. *Slovenské spevy*. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská. Issue 2.
- Ruppeldt, K., ed., 1882. *Slovenské spevy*. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská. Issue 3.
- Veselovskij, A. N., 1992. *Historická poetika*. Bratislava: Tatran.

СУПИН В ЧЕШСКИХ БИБЛЕЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Инна Вениаминовна Вернер

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: inna.verner@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8385-3599

Аннотация

Статья посвящена употреблению супина в католических библейских переводах эпохи чешского национального возрождения в целях архаизации высокого библейского стиля. Проанализировано употребление супина в Новом Завете в переводе Ф. Новотного, Ф. Сушила и Н. П. Апраксина, а также в Библии под редакцией Ф. Ф. Прохазки 1804 г. и Библии под редакцией И. А. Френцла и Я. Н. Ф. Десолды 1864 г. В максимальном объеме формы супина присутствуют в Библии Френцла — Десолды и особенно в Новом Завете Сушила. В последнем издании супин содержится только в библейском тексте, но не в толкованиях. Эти два текста объединяет переводческая и языковая стратегия их редакторов. Будучи подготовленными к юбилею моравской миссии, они апеллируют к общеславянскому кирилло-мефодиевскому наследию и опираются на широкий круг источников, в числе которых не только Вульгата, но и греческий, еврейский, старшие чешские тексты, а также церковнославянский. Использование супина в этих текстах не зависит от церковнославянских источников, но инспирировано древнечешскими библейскими переводами и стилистическими предпочтениями католических переводчиков и редакторов Библии второй половины XIX в. Уподобленный древнечешским формам супин выступает одной из особенностей формирующегося функционального стиля чешского литературного языка — библейского или священно-письменного, который на протяжении XIX в. являлся объектом приложения экспериментальной языковой нормализации.

Ключевые слова

Супин, чешская Библия, Ф. Сушил, Ф. Новотный, Н. П. Апраксин, И. А. Френцл, Я. Н. Ф. Десолда, Ф. Ф. Прохазка

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2021 г.

Цитирование: *Вернер И. В.* Супин в чешских библейских переводах эпохи национального возрождения (вторая половина XIX в.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 83–92. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.05>

THE SUPINE IN CZECH BIBLICAL TRANSLATIONS OF THE NATIONAL REVIVAL PERIOD (SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY)

Inna V. Verner

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: inna.verner@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8385-3599

Abstract

The paper deals with the use of the supine in the Catholic biblical translations of the Czech National Revival as a means to archaize the high biblical style. The usage of the supine in the New Testament translations by F. Novotný, F. Sušil, and N. P. Apraksin is analysed, as well as in the Bible edited by F. F. Procházka in 1804 and the Bible edited by I. A. Frencl and J. N. F. Desolda in 1864. The highest concentration of supine forms are in the Bible by Frencl-Desolda and in the New Testament by Sušil. In the latest edition, the supine is contained in the biblical text, but not in the interpretation. These two texts are united by the translation and linguistic strategy of their editors; were prepared for the anniversary of the Moravian mission; appeal to the common Slavic Cyril and Methodian legacy; and rely on a wide range of sources, including not only the Vulgate, but also Greek, Hebrew, and Old Czech texts, as well as Church Slavonic. The use of the supine in these texts does not depend on Church Slavonic but is inspired by Old Czech translations and the stylistic preferences of the Catholic translators and editors of the second half of the nineteenth century. The supine, similar to Old Czech forms, is one of the features of the emerging functional style of the Czech literary language – biblical or Holy Scripture style — which throughout the nineteenth century was the object of experimental linguistic normalisation.

Keywords

Supine, Czech Bible, F. Sušil, F. Novotný, N. P. Apraksin, I. A. Frencl, J. N. F. Desolda, F. F. Procházka

Received 15 November 2021

How to cite: Verner, I. V., 2021. Supin v cheshskikh bibleiskikh perevodakh epokhi natsional'nogo vozrozhdeniia (vtoraia polovina XIX v.) [The Supine in Czech Biblical Translations of the National Revival Period (Second Half of the Nineteenth Century)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 83–92. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.05>

Древнечешский супин, унаследованный от праславянского образования на *-ть, имел в отличие от последнего некоторые особенности формообразования и синтаксического функционирования¹. Прежде всего, для древнечешского языка были характерны формы супина только от глаголов несовершенного вида, тогда как старославянские памятники располагают формами от несовершенных и совершенных глаголов. Древнечешский супин отличался от инфинитива на *-ti* краткостью корневого гласного у односложных глаголов (*brat, spat, dat* vs. *bráti, spáti, dáti*) и отсутствием перегласовки 'a в ě перед твердым согласным (*žat, ležat, večerāt* vs. *žieti, ležěti, večerěti*). Так же как и в старославянском, чешский супин, в отличие от инфинитива, управлял родительным падежом, а не винительным (*jdu lovít ryb — lovítí ryby*).

Конкуренция супина и инфинитива в целевых глагольных конструкциях, поддержанная сокращением синтаксических функций родительного падежа и его заменой винительным, отмечается уже в письменных памятниках XIV в.² Этому способствовало и формальное совпадение супина с инфинитивом, утратившим конечный гласный и пережившим отвердение *-t*. На протяжении XIV–XV вв. в письменных памятниках встречаются контаминированные конструкции, в которых с инфинитивом употребляется генетив зависимого имени (типа *jdu plniti zákona, půjdu ryb loviti*). К XVI в. чешский супин становится редким архаизмом и исчезает из письменных текстов. Однако в диалектах его присутствие отмечается вплоть до XX в.³

В эпоху чешского национального возрождения супин снова появляется в литературном языке и сразу же получает характеристику искусственного и во многом ошибочного уподобления древним формам, используемого без всякой необходимости⁴. Однако масштаб распространения этой формы во второй половине XIX в. довольно значителен и показателен в свете представлений о норме литературного языка, а особенно одного из его функциональных стилей — языка Библии и Священного Писания.

Для католических чешских библейских переводов XIX в. характерны две основные тенденции. Во-первых, дословное следование Вульгате, что влекло за собой проникновение в чешский текст большого количества синтаксических латинизмов. Во-вторых, продолжение традиции чешских библейских переводов XVI в., а в некоторых случаях и древнечешских,

¹ Sukač R., Šefčík O., Duřková K. K původu a fungování staročeského supina // *Linguistica Brunensia*. 2014. Roč. 62. Č. 2. S. 6–7.

² Gebauer J. *Historická mluvnice jazyka českého*. Praha: F. Tempský, 1909. Díl 3. Sv. 2: Tvarosloví. Časování. S. 80.

³ Trávníček F. *Historická mluvnice československá: úvod, hláskosloví a tvarosloví*. Praha: Melantrich, 1935. S. 384–385.

⁴ Gebauer J. *České supinum* // *Listy filologické*. 1888. Roč. 15. Č. 2. S. 104.

способствовало архаизации библейского языка XIX в. и сохранению в нем устаревших лексических и синтаксических языковых средств⁵.

В эпоху национального возрождения на протяжении всего XIX в. чешский библейский язык был объектом приложения переводческих и лингвистических усилий католического духовенства: в отличие от некатолических изданий (начиная со второго издания Кралицкой Библии 1596 г. носивших название *Bibli svatá*), имевших широкое распространение, католические переводы (в XVII — начале XX в. имевшие титул *Bibli / Bible česká*) гораздо позднее входят в обиход домашнего чтения, тогда как в служебном церковном обиходе, за исключением проповедей, используется латынь⁶. Поэтому естественно, что «устройство» чешского библейского языка выступало одной из филологических составляющих национального возрождения середины — второй половины XIX в.

Большинство католических библейских изданий XIX в. основывалось на версии текста Библии, опубликованного в 1804 г. Франтишеком Фердинандом Прохазкой⁷, который, в свою очередь, при редактировании исходил из перевода католической Святовацлавской Библии (1677–1715), но также привлекал некатолическую Кралицкую Библию, греческий и еврейский тексты⁸. Издание Прохазки было положено в основу Консistorной Библии под редакцией Яна Крбца 1851 и 1857 г., Библии 1860–1864 гг. под редакцией Иннокентия Антонина Френцла и Яна Непомука Франтишека Десолды, Библии св. Иоанна 1888–1889 гг. под редакцией Вацлава Штульца и Антонина Ленца, Золотой Библии 1884–1894 гг. под редакцией Клемента Борового, Яна Дрозда и Йозефа Киселки. Изданная в 1862–1865 гг. Библия под редакцией Франтишека Бездеки представляла собой редакцию Кралицкой Библии с незначительными изменениями⁹.

Особняком от так называемой «главной линии» чешских библейских изданий XIX в. стоят переводы Нового Завета, выполненные с привлечением церковнославянского текста: Новый Завет Франтишека Новотного 1810 г.¹⁰

⁵ Komárek K. České katolické bible 2. pol. 19. století: poslední fáze před zlomem v tradici // Bohemica Olomucensia. 2017. Roč. 9. Č. 2. S. 77–79.

⁶ Ibid. S. 75.

⁷ Komárek K. České katolické bible v 18. a 19. století aneb Dědictví svatováclavské // Historie — otázky — problémy. 2013. № 5. Č. 2. S. 200.

⁸ Biblj Česká, to gest, celé Swaté Pjsmo starého y nowého Zákona podlé starého obecného Latinského od Swaté Řjmské katolické Cýrkwe schwáleného výkladu, opět s obzwlásstnj pilnostj přehlédnuté, ponaprawené, wyswětlené a znouwu ydané, léta Páně 1804. W Praze, nákladem cýs. král. normálnj sskoly. URL: <https://ndk.cz/view/uuid:06067510-0ec9-11e5-b269-5ef3fc9bb22f?page=uuid:4ea8cf90-1593-11e5-9192-001018b5eb5c> (дата обращения: 15.11.2021).

⁹ Dittmann R. Dynamika textu Kralické bible v české překladatelské tradici. Olomouc: Refugium Velehrad-Roma, 2012. S. 315–330.

¹⁰ В настоящее время издан только текст Евангелия от Иоанна: Bartoň J., Dittmann R. Český obrozenec překládá Písmo: překladatelské dílo Františka Novotného z Luže — edice Janova evangelia. Praha: Scriptorium, 2018.

(Nov), Новый Завет Франтишека Сушила с толкованиями 1864–1872 гг.¹¹ (Suš) и Новый Завет Николая Петровича Апраксина 1892–1897 гг.¹² (Apr). Объектами настоящего исследования являются последние три текста, а также Библия Ф. Ф. Прохазки 1804 г. (Pro) и Библия И. А. Френцла — Я. Н. Ф. Десолды 1860–1864 гг.¹³ (Des). Последняя отличается от остальных изданий «главной линии» католических переводов наибольшим объемом исправлений и обращением к старшим библейским текстам, начиная с Венецианской Библии 1506 г.

Супин присутствует во всех перечисленных текстах, однако распространенность его форм и их статус существенно различны, как показывает сравнение всех переводов в объеме Евангелия от Иоанна (единственного на сегодняшний день изданного текста Nov). Так, в Pro супин встречается лишь sporadически как остаточный архаизм и употребляется всего дважды: 21:3 *jdu (půjdu) ryb lovit*; 4:7 *přišla žena z Samaří vážit vody*. В Des супин встречается, помимо этих случаев, также еще в следующих трех стихах: 21:3 *jdu lovit ryb*; 4:7 *přišla žena Samaritánka vážit vody*; 1:33 *poslal mne křtít*; 4:15 *aniž chodila sem vážit*; 4:33 *zdali mu kdo přinesl jíst*; 4:38 *Jáť jsem vás poslal žít*. В Suš присутствуют все перечисленные формы супина (лексемы в некоторых случаях отличаются), а также форма в 14:2 *jdu připravit vám místa*. Последний пример является одной из двух форм супина в Евангелии от Иоанна в переводе Nov: 14:2 *jduť připravit místo vám*; 4:7 *přišla žena ze Samaří nabírat vody*. В Apr присутствуют пять примеров из шести, встречающихся в издании Des, что еще раз подтверждает ориентацию переводчика чешского текста в двуязычном Новом Завете на Библию И. А. Френцла и Я. Н. Ф. Десолды¹⁴.

¹¹ Евангельские книги в переводе и с комментариями Ф. Сушила выходили отдельными изданиями: *Evangelium svatého Matouše*. Praha: Dědictví sv. Prokopa, 1864; *Evangelium svatého Marka*. Praha: Dědictví sv. Prokopa, 1865; *Evangelium svatého Lukáše*. Praha: Dědictví sv. Prokopa, 1865; *Evangelium svatého Jana*. Praha: Dědictví sv. Prokopa, 1867. Уже после смерти Ф. Сушила были изданы остальные новозаветные книги, также с толкованиями: *Skutky apoštolské*. Praha: Dědictví sv. Prokopa, 1869; *Listové sv. Pavla apoštola*. Praha: Dědictví sv. Prokopa, 1870. Díl 1; *Listové sv. Pavla apoštola*. Praha: Dědictví sv. Prokopa, 1871. Díl 2; *Písmo svaté Nového zákona*. Praha: Dědictví sv. Prokopa, 1872.

¹² Новый Заветъ Господа нашего Исуса Христа на церковно-славянскомъ и чешскомъ языкахъ = *Nový Zákon Pána našeho Ježíše Krista na církevně-slovanském i českém jazyce*. С.-Петербург: Синодальная типография, 1892. Выпускъ I: Св. Евангеліе = *Svazek 1: Sv. Evangelium*; Новый Заветъ Господа нашего Исуса Христа на церковно-славянскомъ и чешскомъ языкахъ = *Nový Zákon Pána našeho Ježíše Krista na církevně-slovanském i českém jazyce*. С.-Петербург: Синодальная типография, 1897. Выпускъ 2: Дѣянїя и посланїя св. Апостоловъ съ Апокалипсисомъ = *Svazek 2: Skutkové a Epištoly sv. Apoštolů se Zjevením sv. Jana*.

¹³ *Bibli česká čili písmo svaté starého i nového zákona podle obecného latinského, od sv. římské katolické církve schváleného výkladu přeložené a od nejdůstojnější kníž. arcib. pražské konsistoře vydané; nyní pak poznovu s mnohou pilností přehlednuté, poopravené a příslušným výkladem opatřené prací Innocencia Ant. Frencla*. V Praze: Nákladem Karla Bellmanna, 1864.

¹⁴ *Вернер И. В. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности и vice versa: чешско-церковнославянский Новый Завет Н. П. Апраксина 1892–1897 гг. // Славяноведение. 2018. № 2. С. 98, 106.*

Таким образом, в объеме Евангелия от Иоанна Suš насчитывает максимальное относительно остальных изданий число употреблений супина; всего на одну форму меньше встречается супин в Des. Тексты Nov и Apr, несмотря на использование церковнославянских источников, ненамного превосходят Pro в употреблении супина; его присутствие в этих переводах не мотивировано непосредственно церковнославянскими текстами¹⁵.

Более частотны формы супина в Евангелии от Матфея. Так же как и в тексте Евангелия от Иоанна, чаще всего супин употребляется в Suš, а также в Des: 2:2 *přijeli jsme poklonit (=Des) se jemu*; 5:17 *že jsem přišel zrušit (Des rušit) zákona anebo proroků, nepřišel jsem zrušit (Des rušit), nébrž naplnit (=Des)*; 8:29 *přišel jsem před časem trápit (=Des) nás*; 10:34 *pokoj přišel pustit (Des poslat) na zem*; 10:35 *přišel jsem zajisté rozloučit (Des rozdělít) člověka proti otci jeho*; 27:49 *přijde-li Eliáš vysvobodit (=Des) Ho*; 9:13 *nepřišel jsem povolát (=Des) spravedlivých*; 18:11 *přišel Syn člověka spasit (=Des)*; 18:12 *zdaliž ... nejde hledat (=Des) zbloudilé*.

Меньшая часть форм супина в Suš соответствует целевым конструкциям с формами кондиционала в Des: 28:8 *běžíce zvěstovat (Des aby ... zvěstovaly) učeníkům*; 12:42 *přijela ... uslyšet (Des aby slyšela)*; 14:23 *vstoupil na horu sám pomodlit se (Des aby se modlil)*; 24:18 *nevrat' se zpět vzít roucha svého (Des aby vzal)*; 26:55 *vyšli jste s meči a kyjmi pojit mne (Des abyste mne jali)*; 22:3 *poslal služebníky své povolát (Des aby povolali) pozvaných na svatbu*; 20:1 *vyšel ... najmout dělníků (Des aby najal)*.

Сравнение с изданиями начала и конца XIX в. демонстрирует иную ситуацию: в Евангелии от Матфея по тексту Библии Ф. Ф. Прохазки 1804 г. супин отсутствует, а в Евангелии от Матфея в чешско-церковнославянском Новом Завете Н. П. Апраксина 1892–1897 гг. супин встречается всего пять раз: 2:2 *přišli jsme poklonit se Jemu*; 5:17 *že jsem přišel rušit zákona, aneb proroků: nepřišel' jsem rušit, ale naplnit*; 8:29 *přišel jsi jsem před časem trápit nás*; 10:34 *jsem přišel pokoj uvest na zemi*; 26:55 *vyšli jste s meči a s kyji jati Mne*.

В двух оставшихся евангелиях употребление супина в рассмотренных переводах сопоставимо с уже описанной ситуацией: в Евангелиях от Марка и от Луки в Pro супин отсутствует, в Apr используется меньше, чем в Des, а в Des — меньше, чем в Suš. Во всех случаях сокращение присутствия форм супина в текстах по сравнению с Suš происходит за счет использования инфинитива или целевых конструкций с *aby*. Ср. в тексте Евангелия от Марка в Suš: 1:24 *přišel jsi zatratit nás (Des zkazit, Apr zahubit)*; 2:17 *nepřišel jsem zajisté volat spravedlivých (=Apr, Des povolát)*; 3:14 *aby*

¹⁵ Бартонь Й. Церковнославянское языковое наследие как источник чешского библейского стиля в эпоху национального возрождения (Уникальный опыт Франтишека Новотного из Лужи) // Slověne = Словѣне. 2018. Vol. 7. № 2. С. 190. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.2.7>; Вернер И. В. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности и vice versa: чешско-церковнославянский Новый Завет Н. П. Апраксина 1892–1897 гг. // Славяноведение. 2018. № 2. С. 106–107.

posýlal je kázat (=Des, =Apr); 3:21 vyšli uchopit ho (Des aby ho jali, Apr aby Ho vzali); 4:3 vyšel rozsevač rozset (Des, Apr aby rozsíval); 6:46 odešel na horu pomodlit se (Des aby se modlil, Apr aby se pomodlil); 13:15 aniž vejdi co vzít z domu (Des aby co vzal, Apr abys co vzal); 13:16 nevrát se zpátky vzít roucho své (Des aby vzal, Apr abys vzal); 14:48 vyšli jste s meči a s kyji uchopit mne (Des, Apr abyste mne jali); 15:36 přijdeli Eliáš sejmout ho (Des aby jej složil, Apr aby Jej sňal). Ср. в тексте Евангелия от Луки в Suš: 1:76–77 předejdeš ... připravit cesty jeho, dat poznání spásy lidu (Des připravovat cest jeho, aby dáno bylo umění, Apr připravovat cest Jeho, dát poznat lidem Jeho spasení); 4:18–19 blahověstít chudým poslal mne, uzdravit potřebné srdcem, hlásat zajatým propust ... pustit utištěné na svobodu, hlásat léto Páně (Des poslal mne kázat ... uzdravovat ... zvěstovat ... propustit ... zvěstovat, Apr pomazal Mne, abych kázal ... poslal Mne uzdravovat ... zvěstovat ... propustit); 4:34 přišel jsi zahubit nás (Des, Apr zatratit); 6:12 vyšel na horu pomodlit se (Des modlit se, Apr aby se pomodlil); 7:24 vyšli na poušť spatřit (Des, Apr vidět); 9:2 poslal je hlásat ... a lečit nemocné (Des, Apr aby kázali ... a uzdravovali); 9:28 vstoupil na horu pomodlit se (Des aby se modlil, Apr aby se pomodlil); 9:56 nepřišel duše zahubit ale spasit (=Apr, Des zatratit, ale spasit); 12:49 oheň jsem přišel pustit na zemi (=Des, Apr); 14:19 jdu zkusit jich (=Des, Apr abych jich zkusil).

Супин в Suš образуется от глаголов как несовершенного, так и совершенного вида, причем последних форм существенно больше: *poklonit se, zrušit, pustit, rozloučit, pomodlit se, vzít, pojit, vysvobodit, povolat, uslyšet, naplnit, zvěstovat, trápit, hledat*. Des использует формы от глаголов совершенного вида несущественно меньше, однако значительно уступает Suš в количестве супина за счет синонимичных конструкций с кондиционалом. Из всех рассмотренных текстов ни один строго не выдерживает правила образования древнечешского супина от глаголов несовершенного вида. Во всех текстах супин употребляется при широком круге глаголов движения, супин от переходных глаголов — преимущественно с генетивом зависимого имени (однако исключения не единичны: Suš Lk 1:76, Suš Mk 13:16, Nov J 14:2, Apr Mt 10:34 и др.).

Использование супина в Des и особенно в Suš имеет, несомненно, маркированный характер. Оба текста, опубликованные почти одновременно в 1860-х гг., объединяют также переводческая и языковая стратегии их редакторов. И Des, и Suš опираются на широкий круг источников, среди которых не только Вульгата, но и греческий, еврейский, старшие чешские переводы, а также церковнославянский. Оба издания были подготовлены под знаком возвращения к общеславянскому кирилло-мефодиевскому наследию и приурочены к широко отмечавшемуся в 1863 г. тысячелетнему юбилею моравской миссии. Активным сторонником и пропагандистом кирилло-мефодиевской идеи был священник и богослов Ф. Сушил, один из организаторов журнала «Кирилл и Мефодий» в Оломоуце и общества «Наследие свв. Кирилла и Мефодия» в Брно, знаток древнечешской биб-

лейской письменности и церковнославянского языка¹⁶. В языковом отношении эти тексты руководствуются, с одной стороны, принципом *ad fontes* в целях максимальной точности перевода с латыни, с другой — пиететом по отношению к синтаксическим и лексическим формам чешского библейского языка XVI в., а в некоторых случаях и более ранних чешских переводов. Сочетание буквализма перевода и архаичных языковых средств делает язык этих библейских изданий значительно дистанцированным от живого чешского языка XIX в. и иногда не вполне доступным для рядового читателя¹⁷.

Некоторую дистанцию от общелитературного чешского языка демонстрирует перевод Ф. Сушила и в отношении супина: при пересказе евангельских стихов в своих толкованиях Сушил нередко заменяет формы супина на иные конструкции. Ср. евангельский текст и комментарий к нему: Mt 2:2 *přijeli jsme poklonit se jemu — přišli jsme, praví, abychom se poklonili Jemu*; Mt 14:23 *vstoupil na horu sám pomodlit se — dí, aby se na hore modlil o samotě*; Mt 9:13 *nepřišel jsem povolát spravedlivých — přišel pro hříšné, aby je ku pokání uvedl*; J 4:33 *Zdali kdo přinesl Mu jíst? — Zda Mu někdo jídla přinesl*; J 14:2 *nebo jdu připravit vám místa — an dí: Nebo jdu, abych vám připravil místo*. Примечателен тот факт, что несмотря на присущую языку толкований Сушила сложность вследствие «тяжелого» синтаксиса и обилия окказиональных лексем, затруднявших читателю середины XIX в. понимание текста¹⁸, сам переводчик считает необходимым все же по возможности не использовать в комментариях формы супина или использовать их ограниченно. Ср. показательный пример комментария к Lk 1:76–77, в котором сначала приведена выделенная курсивом точная цитата этих стихов, содержащих супин (*Nebo předejdeš přede Pánem připravit cesty jeho, dat poznání spásy lidu na odpuštění hříchů jejich pro srdečné milosrdenství Boha našeho, v němžto navštívil nás východ s hůry*), а затем дано толкование, в котором одна форма супина заменена инфинитивом, а вторая варьируется с кондиционалом: *Předcházení Janovo mělo účel připravit cesty Pánu <...> V čem ona příprava záležiti a kam směřovati měla, líčí Zachariáš: dat či abys dal poznání spásy lidu jeho*. Таким образом, формы супина преимущественно выступают принадлежностью именно библейского языка и стиля.

Присутствующий в библейских текстах супин образован по правилам древних форм, исключение составляет лишь их распространение на глаголы совершенного вида в Suš. Однако для знатока старославянского языка Ф. Сушила такое формобразование могло быть оправдано большей древностью и исконностью старославянского супина, допускаявшего образо-

¹⁶ *Vychodil P. J. František Sušil: životopisný nástin*. Brno: Papežská knihtiskárna benediktinů rajhradských, 1898. S. 201–225.

¹⁷ *Komárek K. České katolické bible 2. pol. 19. století...* S. 76–79.

¹⁸ *Janalík J. Provázání jazyka a teologie Františka Sušila v jeho komentáři a překladu Nového zákona // Studia theologica*. 2020. 22. № 3. S. 94–96. <https://doi.org/10.5507/sth.2020.029>.

вание от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида. Супин в проанализированных библейских текстах не был непосредственным текстовым заимствованием ни из старших чешских, ни из церковнославянских источников, но средством намеренной искусственной архаизации высокого библейского стиля, инспирированным старочешскими переводами и стилистическими предпочтениями католических переводчиков и редакторов второй половины XIX в. Уподобленный древнечешским формам супин выступает одной из особенностей формирующегося функционального стиля чешского литературного языка — библейского или священно-письменного, который на протяжении XIX в. являлся объектом приложения экспериментальной языковой нормализации и поисков варианта лингвистически престижного высокого стиля.

Литература

- Бартоň Й.* Церковнославянское языковое наследие как источник чешского библейского стиля в эпоху национального возрождения (Уникальный опыт Франтишека Новотного из Лужи) // *Slověne = Словѣне*. 2018. Vol. 7. № 2. С. 179–198. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.2.7>.
- Вернер И. В.* Чешская Библия в истории русской культуры и письменности и vice versa: чешско-церковнославянский Новый Завет Н. П. Апраксина 1892–1897 гг. // *Славяноведение*. 2018. № 2. С. 94–109.
- Bartoň J., Dittmann R.* Český obrozenec překládá Písmo: překladatelské dílo Františka Novotného z Luže — edice Janova evangelia. Praha: Scriptorium, 2018.
- Dittmann R.* Dynamika textu Kralické bible v české překladatelské tradici. Olomouc: Refugium Velehrad-Roma, 2012.
- Gebauer J.* České supinum // *Listy filologické*. 1888. Roč. 15. Č. 2. S. 100–105.
- Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. Praha: F. Tempský, 1909. Díl 3. Sv. 2: Tvarosloví. Časování.
- Janalík J.* Provázání jazyka a teologie Františka Sušila v jeho komentáři a překladu Nového zákona // *Studia theologica*. 2020. 22. № 3. S. 89–109. <https://doi.org/10.5507/sth.2020.029>.
- Komárek K.* České katolické bible v 18. a 19. století aneb Dědictví svatováclavské // *Historie — otázky — problémy*. 2013. № 5. Č. 2. S. 195–206.
- Komárek K.* České katolické bible 2. pol. 19. století: poslední fáze před zlomem v tradici // *Bohemica Olomucensia*. 2017. Roč. 9. Č. 2. S. 72–87.
- Sukač R., Šeřčík O., Dufková K.* K původu a fungování staročeského supina // *Linguistica Brunensia*. 2014. Roč. 62. Č. 2. S. 5–15.
- Trávníček F.* Historická mluvnice československá: úvod, hláskosloví a tvarosloví. Praha: Melantrich, 1935.
- Vychodil P. J.* František Sušil: životopisný nástin. Brno: Papežská knihtiskárna benediktinů rajhradských, 1898.

References

- Bartoň, J., 2018. Tserkovnoslavianskoe iazykovoe nasledie kak istochnik cheshskogo bibleiskogo stilia v epokhu natsional'nogo vozrozhdeniia (Unikal'nyi opyt Františeka Novotnogo iz Luži) [Church Slavonic Elements As a Source of the Czech Biblical Style in the Period of the Czech National Revival (Unique Attempt of František Novotný from Luže)]. *Slověne*, 7 (2), pp. 179–198. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.2.7>.
- Bartoň, J., Dittmann, R., 2018. *Český obrozenec překládá Pismo: překladatelské dílo Františka Novotného z Luže — edice Janova evangelia*. Prague: Scriptorium.
- Dittmann, R., 2012. *Dynamika textu Kralické bible v české překladatelské tradici*. Olomouc: Refugium Velehrad-Roma.
- Gebauer, J., 1888. České supinum. *Listy filologické*, 15(2), pp. 100–105.
- Gebauer, J., 1909. *Historická mluvnice jazyka českého*. Prague: F. Tempský. Vol. 3. Part 2: *Tvarosloví. Časování*.
- Janalík, J., 2020. Provázání jazyka a teologie Františka Sušila v jeho komentáři a překladu Nového zákona. *Studia theologica*, 22 (3), pp. 89–109. <https://doi.org/10.5507/sth.2020.029>.
- Komárek, K., 2013. České katolické bible v 18. a 19. století aneb Dědictví svatováclavské. *Historie — otázky — problémy*, 5 (2), pp. 195–206.
- Komárek, K., 2017. České katolické bible 2. pol. 19. století: poslední fáze před zlomem v tradici. *Bohemica Olomucensia*, 9 (2), pp. 72–87.
- Sukač, R., Šefčík, O., Dufková, K., 2014. K původu a fungování staročeského supina. *Linguistica Brunensia*, 62 (2), pp. 5–15.
- Trávníček, F., 1935. *Historická mluvnice československá: úvod, hláskosloví a tvarosloví*. Prague: Melantrich.
- Verner, I. V., 2018. Cheshskaia Bibliia v istorii russkoi kul'tury i pis'mennosti i vice versa: cheshsko-tserkovnoslavianskii Novyi Zavet N. P. Apraksina 1892–1897 gg. [Czech Bible in the History of Russian Culture and Writing and Vice Versa: The N. P. Apraksin's Czech-Church Slavonic New Testament of 1892–1897]. *Slaviano-vedenie*, 2, pp. 94–109.
- Východil, P. J., 1898. *František Sušil: životopisný nástin*. Brno: Papežská knihtiskárna benediktnů rajhradských.

ОПЫТ ВИРТУАЛЬНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАДИЩАНСКОХОРВАТСКОГО СЕЛА КОЛЬНОФ (ЗАПАДНАЯ ВЕНГРИЯ)*

Дарья Юрьевна Вашенко

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: daranis@mail.ru

Аннотация

В статье дается обзор обследования градищанскохорватского села Кольноф (венг. Копхаза), расположенного в западной Венгрии в 6 км к югу от г. Шопрон. Обследование проводилось дистанционно, посредством электронного мессенджера Skype, и проходило в два этапа — в августе и в сентябре 2021 г. Приводится краткий очерк истории села, описываются основные сложности, возникающие при опосредованном дистанционном опросе. К таковым относятся быстрая утомляемость информантов, активная роль «проводника» в процессе проведения интервью, а также сложности с беседами на темы, которые так или иначе связаны с организацией пространства в селе. После этого рассматриваются собранные в ходе обследования явления традиционной духовной культуры с. Кольноф из области календарной и семейной обрядности, а также народной мифологии; наиболее полно здесь представлена календарная обрядность, в сфере семейной обрядности зафиксирован ряд важных терминов, в сфере народной мифологии несколько быличек. В целом дистанционный опрос, несмотря на свою редуцированность, является одним из возможных способов предварительного изучения традиционной народной духовной культуры того или иного села. Собранные данные показывают, что с. Кольноф по ряду признаков включается в Северное Градище. Кроме того, материал позволяет верифицировать некоторые фрагменты традиции соседнего с Кольнофом градищанского села Унда как результат венгерского влияния. К ним относятся обходы мальчиков на День св. Люции, а также обходы девушек на Троицу.

Ключевые слова

Этнолингвистика, календарная обрядность, семейная обрядность, народная мифология, островные ареалы

Статья поступила в редакцию 23 ноября 2021 г.

Цитирование: *Вашенко Д. Ю.* Опыт виртуального обследования народной культуры градищанскохорватского села Кольноф (западная Венгрия) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 93–103. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.06>

* Работа выполнена по проекту РНФ 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» (рук. акад. С. М. Толстая).

THE EXPERIENCE OF THE VIRTUAL INVESTIGATION OF THE NATIONAL CULTURE OF THE BURGENLAND CROATIAN VILLAGE OF KOLJNOF (WESTERN HUNGARY)

Daria Yu. Vashchenko

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: daranis@mail.ru

Abstract

This article provides an overview of the survey of the Burgenland Croatian village of Koljnof (hung. Kophaza), located in western Hungary, six kilometres south of Sopron. The survey was conducted remotely via Skype and took place in two stages in August and September 2021. A brief outline of the history of the village is given, and the main difficulties arising from conducting a remote survey are described. These include the rapid fatigue of informants, the active role of the “guide” in the process of conducting interviews, and the difficulties with conversations on topics that are related in some way to the organization of space in the village. After that, the phenomena of the traditional spiritual culture of Koljnof collected during the survey from the field of calendar and family rites, as well as folk mythology, are considered. Calendar rites are most fully represented here, with a number of important terms in the field of family rites and several epics in the field of folk mythology being recorded. In general, the remote survey, despite its limitations, is a viable method of preliminary study of the traditional folk spiritual culture of a particular village. The collected data show that the village of Koljnof is part of Northern Burgenland for a number of reasons. In addition, the collected material allows us to verify some fragments of the tradition of the nearby Koljnof Croatian village of Unda resulting from Hungarian influence, including the rounds of boys on St. Lucia’s Day and the rounds of girls on Trinity.

Keywords

Ethnolinguistics, calendar rites, family rites, folk mythology, island areas

Received 23 November 2021

How to cite: Vashchenko, D. Yu., 2021. Opyt virtual'nogo obsledovaniia narodnoi kul'tury gradishchanskokhorvatskogo sela Kol'nof (zapadnaia Vengriia) [The Experience of the Virtual Investigation of the National Culture of the Burgenland Croatian Village of Koljnof (Western Hungary)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 93–103. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.06>

Летом и осенью 2021 г. автором данного обзора по вопроснику А. А. Плотниковой¹ было проведено полевое обследование градищанскохорватского села Кольноф (венг. Копхаза), расположенного в западной Венгрии. Пандемия внесла свои коррективы в полевую работу, в условиях закрытых границ исследователи все чаще начинают обращаться к опосредованному опросу по видеосвязи через электронный мессенджер (в нашем случае Skype). Нами было проведено два подобных интервью длительностью около часа каждое, объем записанных текстов составляет 120 минут. Первый разговор состоялся 10 августа 2021 г., второй — 19 сентября 2021 г., в первом принимало участие три информанта, во втором — два.

Село Кольноф (Копхаза) расположено в западной Венгрии, в 6 км к югу от г. Шопрон. Название села происходит от фамилии Петера Колба, которому поместье принадлежало около 1354 г., первоначально населенный пункт упоминается под немецким названием *Kolbenhof*: именно этот фонетически упрощенный вариант является хорватским названием села. В 1429 г. оно первый раз упоминается как *Kópháza* в венгерских источниках. После турецкого нашествия деревня опустела, и около 1530 г. здесь появляются первые хорватские поселенцы, которые со временем стали составлять в нем этническое большинство. Население Кольнофа, согласно переписи 2011 г., составляет 2081 человек, из них около 44 %, то есть примерно половина жителей, идентифицируют себя как хорваты. В селе находятся две церкви — храм св. Мартона и построенная во второй половине XVIII в. церковь Встречи Святой Девы Марии, главная для хорватского населения. Диалект села описан в нескольких работах, из которых здесь упомянем лишь одну — это статья П. Хаугзагера², где дается краткая характеристика фонетики Кольнофа: чакавский диалект, рефлекс *ǣ в виде *i* (так называемая икавица), наличие дифтонгов — все эти фонетические черты были представлены и в тех фрагментах интервью, где нам удалось зафиксировать хорватскую речь информантов.

Полевое обследование в условиях дистанционного опроса сопряжено с рядом трудностей, которые необходимо здесь оговорить не в последнюю очередь потому, что подобного рода опросы являются все более распространенными в новой реальности.

Во-первых, интервьюирование связано с работой электронных приборов, и пожилые информанты устают здесь гораздо быстрее, нежели в ситуа-

¹ Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.

² Houtzagers P. On the čakavian dialect of Koljnof near Sopron // Evidence and Counter-Evidence. Essays in honour of Frederik Kortlandt. Amsterdam, New York: Rodopi, 2008. Vol. 1: Balto-Slavic and Indo-European Linguistics / ed. by A. Lubotsky, J. Schaeken, J. Wiedenhof; with the assistance of R. Derksen and S. Siebinga. P. 247–264. (Studies in Slavic and General Linguistic; 32).

ции личного контакта, в связи с чем максимальный объем беседы не превышает 60 минут — как показывает наша практика, информанты пытаются прекратить беседу уже на сорок пятой минуте разговора. Во-вторых, к разговору неизбежно подключается «проводник» (человек, который договаривается с информантами и помогает осуществлять видеосвязь). Проводник здесь также интерпретирует реплики интервьюера, задает информантам наводящие вопросы, может что-то напомнить или подсказать своим односельчанам. В-третьих, в ситуации, когда интервьюер не присутствует лично в обследуемом пункте, крайне сложно собирать информацию, сопряженную с организацией пространства в селе или вокруг села. Так, к вынужденно сложным темам для беседы относятся обходы на Троицу и Праздник Тела Христова, а также «опасные» места в селе и вокруг села, с которыми связаны легенды, предания, былички о появлении там «нечистых» духов и т. п.

Языковая ситуация в обследованных селах в целом сходна с той, что представлена в других хорватских селах на территории Венгрии, обследованных в 2017 и 2019 г. Представители старшего и среднего поколения билингвально, хорватский язык функционирует чаще всего как средство внутрисемейного общения, а также для коммуникации внутри села — при этом старшее поколение со средним также может общаться по-венгерски. В нашем случае интервью проводилось на двух языках — хорватском и венгерском. Беседа касательно того, как проводился тот или иной обряд, велась на венгерском языке, так интервьюеру и информанту было проще сформулировать свои мысли, что особенно важно в ситуации опосредованного общения. Кроме того, венгерский язык позволял точнее провести некоторые важные сопоставления с местной венгерской традицией. Вместе с тем вопросы терминологического характера «как называлось у вас X» или «было ли у вас Y» задавались на хорватском, в ряде случаев информанты исполняли по-хорватски пасхальные или свадебные песни, приводили благопожелания и другие словесные клише.

Далее рассмотрим то, что удалось наиболее отчетливо зафиксировать в ходе интервью. Результаты мы будем соотносить с нашими предыдущими полевыми этнолингвистическими исследованиями хорватских сел Западной Венгрии, прежде всего расположенных ближе всех к Кольнофу, — Унда, Присика и Хрватски Жидан³, с результатами обследования южной части Градища — сел Нарда, Горни Четар, Хрватске Шице, Петрово Село в регионе Сомбатхея⁴, а также с нашими материалами из градищанских

³ Плотникова А. А. Этнолингвистическое обследование градищанских хорватов Венгрии // Славянский альманах 2017. № 3–4. С. 408–421.

⁴ Плотникова А. А., Ващенко Д. Ю. Этнолингвистическая экспедиция в градищанско-хорватские села Западной Венгрии (окрестности Сомбатхея) // Славяноведение. 2019. № 6. С. 88–98. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0006810-4>.

сел Яровце и Чуново, находящихся в южной Словакии⁵. Еще одним важным для нас источником является исследование И. Хорвата⁶, которое представляет собой развернутое описание фрагментов календарной обрядности хорватских сел Кольноф, Унда, Присика, Плайгор и Хрватски Жидан. Работа выполнена на венгерском языке, однако содержит целый ряд хорватских терминов народной духовной культуры; при сопоставлении для нас было важно проследить сохранность фрагментов традиции в Кольнофе спустя более чем сорок лет после выхода указанной работы.

В ходе интервью полнее всего удалось охватить календарную обрядность, наиболее подробно наши респонденты рассказывали о праздниках рождественского цикла, а также об апрельском освящении пшеницы в День св. Марка. Из семейной обрядности нами наиболее подробно зафиксирована свадебная обрядность, в меньшей степени похоронная, из сферы родинной обрядности участники интервью приводят крайне обрывочные сведения. Наконец, сравнительно невелик объем записей по народной мифологии, однако, возможно, это связано с тем, что соответствующие вопросы задавались уже в конце беседы, когда интервьюируемые уставали от работы с электронной техникой. Во всех случаях мы сначала просили информантов назвать по-хорватски ключевые для конкретного обряда термины и кратко его описать, а затем по-венгерски дать краткую характеристику самому обряду, иногда интервьюер переходил на хорватский язык, и информанты подхватывали.

Зимний цикл открывает важный для католической традиции День св. Николая (*Mikulje*). В этот день были распространены обходы переодетых парней, которые гремели цепями, с корзиной за спиной, «чтобы собирать плохих детей». У каждого дома они просили что-нибудь, и, если им давали нечто, они говорили: «Тогда мы не заберем ваших детей».

Следующим значимым для села праздником является День св. Люции, который в католической традиции, как правило, представлен целым комплексом ритуалов и поверий. В частности, в западной Венгрии в этот день практиковались обходы мальчиков, которые несли в руках солому, при входе в дом клали ее на порог, становились на эту солому на колени и произносили благопожелания. Сходные обходы практиковались и в ближайшем к Кольнофу градищанском селе Унда — в других градищанских селах День св. Люции представлен, в первую очередь, обрядом высевания в тарелку пшеницы, которую надо было прорастивать до Рождества. Повсеместно в регионе — как у венгров, так и у хорватов — в этот день распространены запреты на домашние работы и на изготовление от Дня св. Люции

⁵ Плотникова А. А. «Водные хорваты» и специфика их традиции: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2018. № 2. С. 344–357. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2018.3-4.5.01>.

⁶ Horváth I. A naptári ünnepekhez fűződő szokások és hiedelmek a nyugatmagyarországi horvátoknál. Budapest: MTA Néprajzi Kutató csoport, 1978. (Folklór archívum. 1978. 10).

до Рождества специального стула, так называемого «стульчика Люции», обладающего магическими свойствами (тот, кто садился на него во время рождественского богослужения, получал способность распознать ведьму). В народной традиции с. Кольноф в этот день в тарелку насыпали пшеницу, в центр ставили свечу, каждый день с 13 по 24 декабря пшеницу надо было поливать. Обходы на День св. Люции, распространенные в соседней Унде, в Кольнофе не практиковались, и в целом обходы в этот день информанты считают венгерским влиянием: «Обходы с соломой как в Унде, они были только у венгров» [ТJ, GM]⁷. Также информанты упоминают запреты, связанные с Днем св. Люции: в этот день запрещалось шить, считалось, что в таком случае куры не будут нестись. Касательно стульчика Люции информанты говорили, что он им знаком, однако его изготавливали к Рождеству только венгры, проживающие в селе, а хорваты в Кольнофе подобного не практиковали.

На рождественский стол ставили пирог, клали яблоки, пшеницу в маленьком мешочке, также мелкие монеты. 25 декабря были обходы детей, которые приносили благопожелания на хорватском языке и получали за это вознаграждение. Во втором интервью упоминается, что на Рождество в селе были обходы мальчиков, переодетых в пастухов. Также на Рождество отмечаются некоторые запреты: нельзя было стирать с 24 по 26 декабря, считалось, что это приносит несчастье. Пол первого приходящего отмечался только на Новый год, если приходил мужчина или мальчик, это сулило удачу в следующем году.

В День невинных младенцев (*Mladjenci*) был распространен отмеченный в других обследованных хорватских селах Западной Венгрии обычай *friškanje*: парни с плетеными ивовыми хлыстами ходили к домам девушек и говорили «*Frišison, frišison, daj jabuku, daj orih*» (Фришисон, фришисон, дай яблоко, дай орех), слегка ударяли своих односельчанок и получали взамен яблоко или орех⁸.

На Масленицу были обходы ряженных с корзинами, они собирали пончики, которые в этот день пекли в каждом доме, эти пончики относили в корчму, где их делили на всех, после чего устраивали вечер с танцами и угощением⁹. В нашем виртуальном интервью информанты название участников обхода уже не указывают. Ритуал волочения колодки информанты также не отмечают, хотя говорят, что в соседних венгерских селах подобное было распространено.

⁷ Ср. о сходстве обходов на Луцу в Унде и в окрестных венгерских селах в: Ващенко Д. Ю. День св. Люции в традиции градищанскохорватских и венгерских сел в Западной Венгрии // Живая старина. 2018. № 4. С. 9–13.

⁸ Сходный текст благопожелания зафиксирован в: Horváth I. A naptári ünnepekhez fűződő szokások... 48. old. для хорватского с. Плайгор (Олмод) в Среднем Градище.

⁹ Масленичный обход участников под названием *mesopustni djedi* со сбором пончиков отмечается и в: Horváth I. A naptári ünnepekhez fűződő szokások... 56. old.

На Пасху в субботу утром был распространен обход *škrebacanje*, парни ходили с трещотками и собирали пасхальные яйца, крашеное яйцо называлось в Кольнофе *črleno jaje*. В воскресенье дети выходили на луг, расставляли яйца и бросали в них монетки, тот, кто попадал, забирал себе и яйцо, и монетку¹⁰.

В качестве значимых для Кольнофа дат назывался День св. Марка — *na Markovu* (то есть 25 апреля) освящают пшеницу. Священник обходит вокруг церкви и благословляет пшеницу на четыре стороны света. Раньше обычай выглядел несколько иначе: под предводительством священника выходили в поле, на луг и крестили его на четыре стороны света. Также информанты упоминают, что в этот день венгры плели венки из пшеницы, которые вешали на кресты на окраине села, однако у хорватов в Кольнофе обычай с венками не был распространен.

Майское дерево *majpat* упоминается всеми, его ставили парни для девушек, за которыми они ухаживали, украшали лентами, 31 мая дерево убирала и парней принимали в том доме, к которому они ставили дерево.

На Троицу (*Duhe*) информанты не могут назвать каких-то обходов или обычаев, однако отмечают, что обходы в этот день практиковались в Унде, что также связывается респондентами с влиянием венгерской традиции.

На праздник Тела Господня (*Tjelova*) в селе ставили четыре шатра из веточек, украшенные цветами. Процессия шла через все село от одной церкви, «маленькой», к другой, «большой». Ветки, обычно дубовые или березовые, под названием *kitje*, уносили домой и во время грозы бросали их в огонь, чтобы не было града¹¹.

Большая и Малая Богородица называются *Vjelika mrša* и *Mala mrša*. Отмечается, что на Малую Богородицу улетают ласточки.

Храмовый праздник *kiritof* празднуется в селе дважды, в соответствии с двумя сельскими церквями — один отмечают 25 августа на «Большую Богородицу», второй — 11 ноября в День св. Мартина.

Кратко осветим здесь собранные фрагменты семейной обрядности. Свадьба в Кольнофе называется *pir*, лексему *veselje* информанты знают, однако говорят, что она была распространена в хорватских селах к югу, например, в Унде¹². Жених называется *zaručnjak*, а невеста — *zaručnja, zaručnica*. В обоих интервью подчеркивался цвет платья, в котором девуш-

¹⁰ Пасхальная игра с яйцами упоминается в: *Horváth I. A. naprári ünnepekhez fúzódó szokások... 67. old.* для Кольнофа, Унды и Плайгора, однако в статье не указывается, в чем она состояла.

¹¹ Ср. *hute, hutice* в: *Плотникова А. А. Этнолингвистическое обследование градищанских хорватов Венгрии... С. 414*, также *kuće, hižice* в: *Плотникова А. А., Ващенко Д. Ю. Этнолингвистическая экспедиция в градищанскохорватские села Западной Венгрии... С. 93.*

¹² О противопоставлении северного и среднего Градища в плане распространения терминов *pir — veselje* см. в: *Плотникова А. А. Этнолингвистическое обследование градищанских хорватов Венгрии... С. 410.*

ка выходила замуж: белый цвет квалифицируется как позднейшая инновация, традиционными для свадебного наряда хорватов в селе считаются темные цвета: «Еще моя мама выходила в темном», — а в начале прошлого века все невесты в Кольнофе выходили замуж в темном платье.

Термины для дружки жениха и для подружки невесты объединяют Кольноф с селами северного Градища. Так, в селе различали дружку, который назывался *statilo*, и старшего свата *babac*, игравшего на свадьбе центральную роль, его неизменным атрибутом служила большая палка — термин *babac* распространен в хорватских селах северного Градища¹³. Далее, часть информантов говорит, что подружка невесты обозначалась термином *puaprnja* [TJ, GM], а не *posnašnica*, как в соседней Унде. Термин *puotprnja* для обозначения подружки невесты представлен также в хорватских селах южной Словакии¹⁴ и в хорватском селе Трайштоф, расположенном в Австрии, также в северной части Градища¹⁵. Другие информанты вообще отрицали подружек невесты как обязательных участников свадебного обряда, невесту в Кольнофе, по их словам, сопровождали маленькие дети [FM, KI].

Свадебный пирог *vrtanj* (огромный и с дыркой в центре) выносили, когда жених в сопровождении десяти парней с песней *Srce zdravo, pinez malo, hvuala nam se polamualo* приходил за невестой в ее дом, у предводителя процессии в руках был большой шест. Предводитель говорил, что они ехали за невестой, но у них сломалось колесо и надо бы его починить, после этого на шест надевали *vrtanj*, делая это в несколько приемов с репликами «Идет?» — «Пока не очень, надо еще выпить». Родственники невесты с приговорами «не уходи, не уходи» прощались с невестой, пирог при этом постепенно сползал по шесту, потом этот пирог выносили на палке на улицу, делили на кусочки и угощали им всех, кто был на улице.

Терминологическая лексика похоронной обрядности в целом сходна с той, что была зафиксирована нами в остальных хорватских селах западной Венгрии. Так, похороны назывались *puakap*, гроб обозначался термином *ljes*, могила — *gruab*, бодрствование при покойнике называлось терминами *dvoriti*, *dvorenje*, а унгаризма *verestovati* и германизма *boktati*, *boftati*, распространенных в южных хорватских селах западной Венгрии, в Кольнофе представлено не было, равно как в Среднем и Северном Градище.

Наконец, коснемся народной мифологии. Название *viška* ‘ведьма’ информантам известно, в детстве их пугали: «*Viške idu vas odprimit*» («Ведьмы идут вас забрать»). По местным поверьям, ведьмы могут превращаться в кошку или лягушку, наводить порчу на детей, поэтому новорожденным во избежание сглаза родственники завязывали красную нитку или ленточку на запястье. Также рассказывалось, что однажды давно «ведьмы прилетели

¹³ Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: ИСЛ РАН, 2016. С. 132.

¹⁴ Плотникова А. А. «Водные хорваты» и специфика их традиции... С. 349.

¹⁵ Плотникова А. А. Славянские островные ареалы... С. 132.

к нам в дом ночью, их была целая толпа, в руках у них были кнуты, и когда мы вошли в детскую комнату, один из детей был весь в ранах и синяках, и папа говорил, это точно сделали ведьмы» [FM]. Информанты говорили о том, что *viške* забирают молоко у коров: «У нас на улице жил один старичок, он говорил, если у его коровы не было молока, “а, это *viška* села на мою корову и забрала у нее все молоко”» [GM]. Вредоносные действия ведьм назывались глаголом *zaviškariti*. Если ночью человеку было трудно дышать, то это означало, что *viška gnjavi*, то есть ведьма давит на грудь. Также считалось, что в доме необходимо затыкать замочные скважины, поскольку через них по ночам может прокрасться ведьма. Однажды в замочную скважину вставили вилку зубцами наружу, ведьма пыталась пробраться, однако наткнулась на зубья вилки, и так не попала в дом, и не причинила вреда.

Термин *bjele vile* информантам известен, упоминалось, что, когда парень провожал девушку, он часто говорил ей: «Idem te sprohodit, ne da te bjele vile odnesu» («Пойду провожу тебя, чтобы тебя не забрали *bjele vile*») [TJ], однако кто были эти *bjele vile* и как они выглядели, в селе уже не помнят. Также *bjele vile* могли быть причиной красного зарева на небе: «Моя бабушка говорила, если вечером красное небо — это, значит, *bjele vile* пекут пирожное, чаще всего она это говорила перед Рождеством» [TJ]. Подобный факт был описан А. А. Плотниковой для пограничного градищанского села Филеж, расположенного в Австрии недалеко от с. Унда, ближайшего к Кольнофу. В нарративе из Филежа говорится о том, что «если небо <...> было красным от солнца — опять говорили: здесь вилы хлеб пекли!»¹⁶. Тем самым формируется достаточно компактный ареал, в котором бытует представление о выпечке хлеба вилами, которое связывается с красками заката солнца, см. также подборку выражений о красном вечернем небе из близкого Кольнофу села Климпух в Северном Градище (территория Австрии), где уже наблюдаются периферийные варианты выражения, обозначающего красное зарево на небе: «Бабы на небе хлеб пекут» или «Богоматерь / Мария (на небе) хлеб печет»¹⁷.

Проведенное обследование, хотя и является вынужденно редуцированным и сопряжено с различными сложностями интервьюирования, позволяет сделать некоторые выводы касательно корреляции традиции народной духовной культуры Кольнофа с другими хорватскими селами региона. Термины, прежде всего, семейной обрядности, такие как *pir*, *babac*, *puaprna*, объединяют Кольноф с селами северного Градища. Вместе с тем обходы на День невинных младенцев и на праздник Тела Господня по своей структуре и

¹⁶ Плотникова А. А. Славянские островные ареалы... С. 152.

¹⁷ Плотникова А. А. Антропоцентризм в языке и традиции градищанских хорватов Австрии // Антропоцентризм в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2017. С. 203–204.

Благодарю за наблюдения над этнолингвистическими особенностями региона в лингвогеографическом аспекте А. А. Плотникову.

используемой терминологии объединяют Кольноф с другими хорватскими селами венгерской части Градища, это же в целом касается и лексики похоронной обрядности. Кроме того, собранные материалы подтверждают нашу гипотезу о том, что некоторые феномены народной духовной культуры в соседней Унде, в частности обходы мальчиков на День св. Люции, а также обходы девушек на Троицу, возникли под влиянием соседней венгерской традиции. Сам же опыт виртуальной экспедиции представляется полезным и интересным, показывая возможности пилотного обследования традиционной народной культуры села в условиях дистанционного общения.

Информанты

- TJ — Taschner Jánosné, 76 лет, среднее образование.
 GM — Grubicsné Egresits Mária, 67 лет, среднее образование.
 EM — Egresitsné Taschner Mónika, 56 лет, высшее образование.
 FM — Fabiánkovits Mátyásné Mária, 86 лет, среднее образование.
 KI — Klemensits Ingrid, 46 лет, высшее образование.

Литература

- Ващенко Д. Ю.* День св. Люции в традиции градишанскохорватских и венгерских сел в Западной Венгрии // Живая старина. 2018. № 4. С. 9–13.
- Плотникова А. А.* Антропоцентризм в языке и традиции градишанских хорватов Австрии // Антропоцентризм в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2017. С. 197–210.
- Плотникова А. А.* «Водные хорваты» и специфика их традиции: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2018. № 2. С. 344–357. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2018.3-4.5.01>.
- Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.
- Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: ИСЛ РАН, 2016.
- Плотникова А. А.* Этнолингвистическое обследование градишанских хорватов Венгрии // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 408–421.
- Плотникова А. А., Ващенко Д. Ю.* Этнолингвистическая экспедиция в градишанскохорватские села Западной Венгрии (окрестности Сомбатхья) // Славяноведение. 2019. № 6. С. 88–98. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0006810-4>.
- Horváth I.* A naptári ünnepekhez fűződő szokások és hiedelmek a nyugatmagyarországi horvátoknál. Budapest: MTA Néprajzi Kutató csoport, 1978. (Folklór archívum. 1978. 10).
- Houtzagers P.* On the čakavian dialect of Koljnof near Sopron // Evidence and Counter-Evidence. Essays in honour of Frederik Kortlandt. Amsterdam, New York: Rodopi, 2008. Vol. 1: Balto-Slavic and Indo-European Linguistics / ed. by A. Lubotsky, J. Schaecken, J. Wiedenhofer; with the assistance of R. Derksen and S. Siebinga. P. 247–264. (Studies in Slavic and General Linguistic; 32).

References

- Horváth, I., 1978. *A naptári ünnepekhez fűződő szokások és hiedelmek a nyugat-magyarországi horvátoknál*. Budapest: MTA Néprajzi Kutató csoport. (Folklór archívum. 1978. 10).
- Houtzagers, P., 2008. On the čakavian dialect of Koljnof near Sopron. In: A. Lubot-sky, J. Schaeken, J. Wiedenhof, R. Derksen, S. Siebinga, eds, 2008. *Evidence and Counter-Evidence. Essays in honour of Frederik Kortlandt*. Amsterdam, New York: Rodopi. Vol. 1: *Balto-Slavic and Indo-European Linguistics*, pp. 247–264. (Studies in Slavic and General Linguistic; 32).
- Plotnikova, A. A., Antropotsentrizm v iazyke i traditsii gradishchanskikh khorvatov Avstrii [Anthropocentrism in the Language and Tradition of the Burgenland Croats of Austria]. In: S. M. Tolstaia, ed., 2017. *Antropotsentrizm v iazyke i kul'ture* [Anthropocentrism in Language and Culture]. Moscow: Indrik, pp. 197–210.
- Plotnikova, A. A., 2017. Etnolingvisticheskoe obsledovanie gradishchanskikh khorvatov Vengrii [An Ethnolinguistic Study of Burgenland Croats of Hungary]. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 408–421.
- Plotnikova, A. A., 2009. *Materialy dlia etnolingvisticheskogo izucheniiia balkanoslavianskogo areala* [Materials for Ethno-Linguistic Investigation of the Balkan-Slavic Area]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Plotnikova, A. A., 2016. *Slavianskie ostrovnye arealy: arkhaika i innovatsii* [Slavic Insular Areas: Archaism and Innovations]. Moscow: ISI RAN.
- Plotnikova, A. A., 2018. “Vodnye khorvaty” i spetsifika ikh traditsii: obzor etnolingvisticheskoi ekspeditsii [“Water Croats” and the Specifics of Their Tradition: A Review of an Ethnolinguistic Expedition]. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 344–357. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2018.3-4.5.01>.
- Plotnikova, A. A., Vashchenko, D. Iu., 2019. Etnolingvisticheskaiia ekspeditsiia v gradishchanskokhorvatskie sela Zapadnoi Vengrii (okrestnosti Sombatkheia) [Ethnolinguistic Expedition to the Burgenland Croats' Villages of Western Hungary (around Szombathely)]. *Slavianovedenie*, 6, pp. 88–98. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0006810-4>.
- Vashchenko, D. Iu., 2018. Den' sv. Liutsii v traditsii gradishchanskokhorvatskikh i vengerskikh sel v Zapadnoi Vengrii [St. Lucia's Day in the Tradition of the Burgenland Croats' and Hungarian Villages in Western Hungary]. *Zhivaia starina*, 4, pp. 9–13.

ЧАЙ В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА*

Ксения Викторовна Осипова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации;
старший научный сотрудник
Топонимической лаборатории
кафедры русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации,
Уральский федеральный университет
имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина;
научный сотрудник, Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: проспект Ленина, 51, к. 306,
Екатеринбург, 620000, Россия;
Ленинский проспект, 32-А, Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: osipova.ks.v@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2285-6112

Аннотация

В статье рассматриваются диалектная лексика, этнографические сведения, фольклор и обрядовые практики, связанные с чаем и чаепитием. Исследуемый ареал охватывает территорию Архангельской, Вологодской областей и северо-востока Костромской области. Основным источником материала послужили лексические картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета, а также диалектные словари и работы этнографов XIX в. Проведенный этнолингвистический анализ включает семантико-мотивационную характеристику лексики, а также выявление символических функций чая в традиционной культуре. На примере лексики чаепития прослеживается, как «чужой» продукт и традиция его употребления становятся частью народной культуры и берут на себя символические функции, ранее характерные для других продуктов и напитков. В статье определяется место чая в рационе крестьян, специфика организации чаепития, а также выявляются основные идеограммы, оценивающие качество чая (слабозаваренный, крепкий чай, холодный чай, чай без сахара или десерта и пр.). Устанавливается, что в XIX веке на большей части Русского Севера чай был не повседневным, но праздничным напитком. Дорогой и непитательный чай противопоставляется простым и сытным блюдам: будучи знаком роскоши, чай в то же время начинает ассоциироваться с неумеренностью и расточительством, воспринимается как пагубная привычка, пустое удовольствие. Чаепитие на Русском Севере становится обязательным элементом приема гостей и важным звеном в организации социальных отношений, а ритуалы общения за чаем вписываются в народную этическую систему. Чай получает некоторые ритуальные функции, присущие вину и пиву (чаем встречают, чествуют гостей, скрепляют договоренности), а также образует пару «чай — сахар», функционально близкую хлебу и соли.

* Авторская работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

Ключевые слова

Чай, напитки, русский язык, диалектная лексика, этнолингвистика, Русский Север
Статья поступила в редакцию 8 ноября 2021 г.

Цитирование: *Осипова К. В.* Чай в культурно-языковой традиции Русского Севера // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 104–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.07>

TEA IN THE CULTURAL AND LINGUISTIC TRADITION OF THE RUSSIAN NORTH

Ksenia V. Osipova

Ph. D., Associate Professor;
Senior Researcher, Ural Federal University;
Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Lenin Avenue, 51, office 306,
Yekaterinburg, 620000 Russia;
Leninsky Prospect, 32-A, Moscow, 119334 Russia
E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2285-6112

Abstract

The article deals with dialectal vocabulary, ethnographic information, folklore, and ritual practices associated with tea and tea drinking. The studied area covers the territory of the Arkhangelsk and Vologda regions and the north-east of the Kostroma region. The main source of material was the lexicological card-index of the Ural Federal University Toponymic Expedition, as well as dialect dictionaries and works of ethnographers from the 19th century. The ethnolinguistic analysis includes the semantic and motivational characteristics of the vocabulary, as well as the identification of the symbolic functions of tea in traditional culture. Using the lexicon of tea drinking as an example, one can trace how a foreign product and the tradition of its use is mastered by folk culture and takes on symbolic functions that were previously characteristic of other products and drinks. The article determines the place of tea in the diet of peasants, the specifics of organizing tea drinking, and identifies the main ideograms that assess the quality of tea (weakly brewed, strong, cooled, without sugar or sweetener, etc.). It is established that in the nineteenth century, in most of the Russian North, tea was not an everyday drink, but a festive one. Expensive and non-nutritious tea was contrasted with simple and hearty dishes: being a sign of luxury, tea at the same time began to be associated with excess and waste, and perceived as an addiction; an empty pleasure. Nevertheless, tea drinking in the Russian North became an obligatory element of receiving guests and an important link in the organization of social relations, and the rituals of communication over tea fit into the traditional ethical system. Tea shares some of the ritual functions inherent with wine and beer (meet with tea, honor guests, seal agreements), and it also forms the pair “tea-sugar”, which is functionally close to “bread-salt”.

Keywords

Tea, drinks, Russian language, dialect vocabulary, ethnolinguistics, Russian North

Received 8 November 2021

How to cite: Osipova, K. V., 2021. Chai v kul'turno-iazykovoi traditsii Russkogo Severa [Tea in the Cultural and Linguistic Tradition of the Russian North]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 104–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.07>

Представление о системе питания составляет важную часть культурного стереотипа как отдельной социальной или территориальной группы, так и целой нации. Если рассматривать напиток как дифференциальный признак народной кухни, то условно славянские культуры можно разделить, например, на «кофейные» и «чайные», «пивные» и «винные»: считается, что русские пьют преимущественно чай, квас и водку, чехи — пиво, украинцы — горилку, сербы и болгары — кофе, вино и ракию и пр. Пристрастие славян к тому или иному напитку в большинстве случаев было не исконным, а «благоприобретенным»: южные славяне начинают пить кофе под влиянием турецкой культуры, русские знакомятся с чаем благодаря торгово-экономическим связям с Китаем. По всей видимости, способность напитка дифференцировать различные народные культуры связана с его особыми ритуальными функциями, в том числе при социальных контактах: напитком встречают или провожают гостя и путника, угощают и благодарят, чествуют «виновника торжества» и пр.

На примере употребления чая и связанной с ним русской диалектной лексикой интересно проследить, как «чужой» продукт и традиция его употребления осваивается народной культурой и берет на себя символические функции, ранее характерные для других продуктов и напитков. Обращаясь к говорам Русского Севера — а это, прежде всего, Архангельская, Вологодская области и северо-восток Костромской, — мы видим, что на этой территории с чаем связана обширная группа лексики, текстов фольклора, элементов обрядов, верований, запретов, предписаний, этикетных формул и пр. Соответствующие сведения широко представлены в материалах Топонимической экспедиции Уральского университета, а кроме того, в диалектных словарях и этнографических источниках. Широта этих данных позволяет охарактеризовать народное отношение к чаю: представить локальные особенности его употребления, определить этикетные и социальные функции и пр.

Историко-этимологические источники говорят о том, что слово *чай* пришло в русский язык из северно-китайского *chā* (возможно, через тюркские языки) в середине XVII в.¹ Вероятно, что и культурная история чаепития начинается примерно в это время². По наблюдениям П. Я. Черных, на первых порах слово *чай* употреблялось как название лекарственного растения³.

¹ Багриновский Г. Ю. Большой этимологический словарь русского языка. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. С. 1029; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: б. и., 2002. Т. 2. С. 373.

² Об истории чая в России см.: Похлебкин В. В. Чай. Его типы, свойства, употребление. М.: Эксмо-Пресс, 2019; Соколов И. А. Чай и чайная торговля в России: 1790–1919 гг. М.: Спутник+, 2012; Он же. Чай и чайная торговля в Российской Империи в XIX — начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

³ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь... Т. 2. С. 373.

До сих пор в говорах *чаем* называют растения, заваренные листья которых придают напитку желто-коричневый оттенок, например, волог. *чай полевой* ‘растение *Hypericum maculatum*, зверобой пятнистый’ (В-Уст)⁴, арх., волог. *чайная трава*, арх. *чайница* (Уст) ‘то же’: «Когда чаю не было, зверобой все пили и чайной травой называли» (Лен; Уст, Тот), волог. *чай-пай* ‘иванчай’⁵. Имеющиеся в нашем распоряжении наблюдения этнографов показывают, что в середине XIX в. на Русском Севере чай знали практически повсеместно, однако если в городах его употребляли ежедневно, то в деревне пили лишь по праздникам⁶. В XX в. питье чая стало частью повседневной крестьянской жизни — это подтверждает связанная с *чаем* группа предметно-бытовой лексики, ср. арх. *вода чайная* ‘питьевая вода’ (Мез)⁷, волог. *чайная прорубь* ‘прорубь, из которой брали питьевую воду’ (У-Куб, Сок), арх. *чайная* ‘средняя комната в доме, где пили чай’ (Он), волог. *чайное полотенце* ‘полотенце для посуды’ (Бел, Вологод), волог. *чайное дерево* ‘комнатное декоративное растение’ (Гряз)⁸.

До появления чая основными напитками (без учета алкогольных) на Русском Севере были квас, различные ягодные настои (арх., волог. *чеж*, *цеж* ‘напиток из ягод (морозка, брусника, малина и пр.)’ (Уст; Кад, Сямж)⁹), заваренные травяные сборы (волог. *заваруха* ‘чай из листьев смородины’ (Сок)¹⁰, *дэвьёй мёд* ‘растение с круглым гладким стеблем и сладковатыми на вкус стручками, которые пригодны для заваривания напитка наподобие чая’: «Дивьёй мёд пили, любили дивьёго меду»¹¹), березовый сок (арх., волог. *берёзовица* ‘березовый сок; квас из березового сока’: «Собирают берёзовый сок, сливают в лагуны и ставят в погреба на холод. Хлеба бросят ржаного, дрожжей не ложат, это берёзовица» (Лен; В-Т, Котл, Межд,

⁴ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2007. Вып. 12. С. 14.

⁵ Картоотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург). Далее — КСГРС.

⁶ Дурасов Г. П. Народная пища Каргополья (по материалам XIX–XX вв.) // Советская этнография. 1986. № 6. С. 89; Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. С. 667, 768; Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. С. 204.

⁷ Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 1985. Вып. 4. С. 152.

⁸ КСГРС.

⁹ Там же.

¹⁰ Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 4. С. 25.

¹¹ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, 1985. Вып. 2. С. 15.

Сольвычегодский у.)¹², волог. *берёзовые слёзы* (Вологод)¹³, волог. *суровец* (Баб)¹⁴, заварные мучные или хлебные настои (арх., волог. *кисель*, волог. *ботон*: «Раньше серпами жали, ложили в туесок муку ржаную и заливали холодной водой, это и пили и называли ботоном; ботон — набатывали муку дак» (В-Важ)¹⁵; в Каргополе пили кипяток, подкрашенный пережженным и распаренным ржаным хлебом¹⁶), напитки из чаги (волог. *натёка* ‘чага’: «Натёку-то вместо чаю пили. Да как и лекарство» (Хар)¹⁷, арх. *федоровцевский кофей*: «Береза лопнет — сок натекает, наростат, он вкусный — федоровцевский кофей» (Холм)¹⁸), а также молоко и его жидкие производные (простокваша, сыворотка, разбавленное топлёное молоко и пр.).

Если говорить о настоящем кофе, то с ним крестьяне были знакомы гораздо меньше, чем с чаем. Традиции употребления кофе известны только на Мезени, и то «о кофе в деревнях более говорят с оттенком отвращения, относя потребление его к необузданной роскоши комфортабельных людей»¹⁹. На других северных территориях встречаются единичные свидетельства того, что крестьяне употребляли «худой кофе» (Никольский у.)²⁰.

Главное, что отличает чай от прочих безалкогольных напитков, не собственно его вкусовые качества или питательные свойства, но особая ритуальность, которой окружается питье чая как в элитарной, так и в народной культуре. Пожалуй, ни один другой напиток не становится в той же мере, как и чай, элементом народной этики, не обладает сходным набором социальных функций и параметров для оценки. «Церемониальность» чая осознавалась и самими крестьянами — об этом говорит, например, один из народных анекдотов: «Вот как-то раз посадили мужичка пить чай у моего отца священника. Мужичок сел вдали от других, выпил чашки три и подходит к самовару с чашкой, просит разливательницу чая еще налить чашечку, говоря: “Ну, я пил все еще без церемонии, теперь выпью с церемонией”, и взявши небольшой кусок сахара» (Сольвычегодский у.)²¹.

¹² Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2001. Т. 1. С. 103; КСГРС; Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, 1983. Вып. 1. С. 29; Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 616.

¹³ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2005. Вып. 10. С. 48.

¹⁴ КСГРС.

¹⁵ Словарь говоров Русского Севера... Т. 1. С. 172.

¹⁶ Дурасов Г. П. Народная пища Каргополья... С. 89.

¹⁷ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, 1990. Вып. 5. С. 78.

¹⁸ КСГРС.

¹⁹ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1877. Ч. 1. Описание внешнего и внутреннего быта. С. 139.

²⁰ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 113.

²¹ Там же. С. 499.

Поскольку чай необходимо было покупать и стоил он достаточно дорого, его пили преимущественно жители экономически благополучных районов, а также городов и сел, расположенных на торговых путях (например, в Каргополе и Мезени). По свидетельствам Т. А. Бернштам, «чай и кофе со второй половины XIX в. довольно широко употреблялись жителями тех берегов, откуда поморы ходили торговать в Норвегию, или в местностях, расположенных по соседству с торговыми центрами — Архангельском, Мезенью»²². Сведения об употреблении чая в Вологодской губернии разнятся даже в границах одного уезда. Например, корреспонденты архива кн. В. Н. Тенишева сообщают: «Чай между нашими крестьянами еще не вошел в употребление. В очень редком доме пьют его каждый день, а обыкновенно более через день, а некоторые пьют только в воскресенья и праздничные дни»²³. Чуть далее читаем: «Чай и квас вошли во всеобщее и обычное употребление»²⁴. Это позволяет сделать вывод, что употребление чая действительно очень зависело от крестьянского достатка. Чай был признаком высокого материального статуса, зажиточности (Никольский у., Сольвычегодский у.)²⁵, воспринимался как роскошь (Никольский у.)²⁶ и самое почетное угощение²⁷.

В результате возникает интересная коллизия: будучи знаком роскоши, чай в то же время начинает ассоциироваться с неумеренностью и расточительством и воспринимается как пагубная привычка, пустое удовольствие, на которое уходят последние крестьянские деньги, ср. «Напиться чаю два раза в день считается делом каждого крестьянина, хотя он и по миру ходит. Чай он ставит выше даже хлеба» (Грязовецкий у.)²⁸. Употребление чая даже называлось в качестве одной из причин крестьянской бедности: «Прежде, говорят, чаю-то и не знали, а теперь вся гольтепа-нищие заводит самовар и редкий день не попьет чаю» (Вологодский у.)²⁹. Обманом нередко сопровождалась и покупка чая: по свидетельствам из Никольского уезда, «татары зимой привозят подкрашенных выварков и продают крестьянам под видом “подмоченного чая”»³⁰. Все это поддерживало, с одной стороны, связанные

²² Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: этнографические очерки. Л.: Наука: Ленинград. отд-ние, 1983. С. 71.

²³ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 667.

²⁴ Там же. С. 768.

²⁵ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 113, 499.

²⁶ Там же. С. 204.

²⁷ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 16; Ефименко П. С. Материалы по этнографии... Ч. 1. С. 139.

²⁸ Там же. С. 37.

²⁹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. С. 310.

³⁰ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 113.

с чаем мотивы богатства, прибыли, с другой — ее отсутствия: так, на Пинеге верили, если в стакане с чаем плавает пенка, это сулит прибыль³¹ (здесь, конечно, важна и семантическая корреляция «пенка» — «прибыль, “навар”»); на Онеге пеной-пузырьками из чая смачивали голову, чтобы жить богато³²; в Сольвычегодском у., когда пьют чай, не полощут чашек, иначе деньги будут уходить в чужие руки³³ (вероятно, работает семантическая ассоциация: *чай — богатство и вода — бедность*).

Представление о чае как о пищевом излишестве определило его место в народной классификации блюд. В некоторых локальных традициях в посты и постные дни крестьяне отказывались и от чая, поскольку «пить чай есть большой грех» (Кадниковский у.)³⁴. Негативная оценка чая была связана не только с его дороговизной, но и с непитательностью. Считалось, что, потратив деньги на чай, крестьяне лишали себя сытной пищи: «Вся сытость питания, продукты и средства уходят на чай и водку» (Кадниковский у.)³⁵. За любовь к чаю — пустому и непитательному напитку — жителей Русского Севера называли *водохлебы*: «Тимошенцы — водохлебы, они чаю много пили»; «Нам уж обязательно надо чай — мы ведь водохлебы» (В-Т; Мез, Уст)³⁶.

Дорогой и «пустой» чай противопоставлялся простым и сытным блюдам: например, «косари по опыту знают, что один чай только жажду утоляет, и он не прочен, скоро есть захочешь, поэтому они пьют чай с хлебом»³⁷. Представление о чае как о пустом блюде отражено во многих присловьях, ср. *Чаем сыт не будешь* (Никольский у.)³⁸, арх. *Чай пить — только кутьку* (пенis) *гноить* (Лен)³⁹, арх. *чай горячий пил, а брюхо холодное* ‘о бесполезном действии’: «Вон, внучек мой год в городе прожил, чай горячий пил, а брюхо холодное» (Вин)⁴⁰. Распространены также оппозиции *чай — хлеб*: *Чай да чай — из сусека хлеб остальной качай* (видимо, речь о дороговизне) (Гряз)⁴¹ и *чай — сахар*: арх. *чай пить, а на сахар смотреть* ‘о тяжелой, бедной жизни’ (Котл)⁴².

³¹ Ефименко П. С. Материалы по этнографии... Ч. 1. С. 177.

³² КСГРС.

³³ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 486.

³⁴ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 658, 242.

³⁵ Там же. С. 768.

³⁶ Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М.: Изд-во МГУ, 1987. Вып. 5. С. 9.

³⁷ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2009. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд. С. 92.

³⁸ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 24.

³⁹ Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. Т. 6. С. 320.

⁴⁰ КСГРС.

⁴¹ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 85.

⁴² КСГРС.

Организация чаепития. Несмотря на случаи настороженного отношения к чаю, чаепитие на Русском Севере становится важным звеном в организации социальных отношений, а ритуалы общения за чаем вписываются в народную этическую систему. Об этом свидетельствует словообразовательная активность слова *чай* в севернорусских говорах и подробная семантическая детализация лексики, связанной с чаем и чаепитием. Чаепитие в народной культуре выделяется как отдельная церемония, не совмещенная с трапезой, которая соединяет питье чая и беседу, отдых после работы, ср. волог. *почайничать* (Кир), *почаевать* ‘попить чаю’: «Съездят, почаюют да и поехали расписываться» (Тот)⁴³, костром. *чайничать* (Вохом)⁴⁴, арх., волог. *чаевать* ‘пить чай, чаевничать’ (В-Т; Бабуш, В-Важ)⁴⁵, арх. шир. распр. *гонять чай (чаю, чай)* ‘сидеть за чаепитием’: «Сено скошоно — только чай и гонять» (Карг)⁴⁶. Практически везде чай пили после тяжелой работы (волог.)⁴⁷.

Особенно спаянно семантика чаепития и пустых разговоров представлена в значении глагола *бочерничать* ‘пить чай, разговаривать’, известного костромским и вологодским говорам: «Давай бочерничать! Вот сидят люди, угощаются, чай пьют, вкусное чего едят, разговор ведут» (Вохом); «Мы вот с тобой сидим бочерничаем, пьем чай и едим. Бочерничество у нас» (Окт). Мотивационно глагол может быть связан с костром. *бочерничать* ‘делать бочки’⁴⁸, или, что более вероятно, он мог появиться в результате семантического сдвига: *бочерничать* ‘разливать вино из бочки на свадьбе’ > ‘быть распорядителем на свадьбе’ (в этом значении глагол встречается в пермских говорах⁴⁹) > ‘много и долго пить’ > ‘пить, беседовать’⁵⁰. Существенной для диалекта оказывается идеограмма ‘любитель(ница) пить чай (в гостях)’, поскольку визит такого гостя грозил хозяину дополнительными тратами, ср. арх. *чаёвник* ‘любитель чая’⁵¹, *чаевые гости* ‘любящие пить чай’: «Эки чаевые гости, только чай и жуют, ничего не едят» (В-Уст),

⁴³ КСГРС; Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 1999. Вып. 8. С. 25.

⁴⁴ Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург). Далее — ЛКТЭ.

⁴⁵ КСГРС.

⁴⁶ Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовской. М.: Изд-во МГУ, 1996. Вып. 9. С. 314.

⁴⁷ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 768; Т. 5. Ч. 3. С. 24.

⁴⁸ ЛКТЭ.

⁴⁹ Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. М.; Л.: Наука, 1966. Вып. 2. С. 140.

⁵⁰ Возможно, семантическая ассоциация «чай — пустая беседа», «чай — рот» определила значение арх. *чай* ‘рот’: «Чё ты свой чай-то раскрыл?» (Он) (КСГРС).

⁵¹ Картотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).

волог. *чайница* ‘любительница пить чай’ (Хар, Шексн)⁵², арх. *чайная гостья* ‘о женщине, пьющей много чая в гостях’ (В-Т)⁵³.

Чаепитие обязательно было неспешным и продолжительным и даже предполагало перерыв на отдых, позволяющий выпить еще больше чая, ср. *проседочка* ‘перерыв, отдых во время чаепития’: «Мы, бывало, самовар скипятим, а он большой, полсамовара выпьем — всё, больше не можем! Марью позовем, и та, пока до капли всё не выпьет, не встанет. По пять проседочек делала и по пять чашек выпивала» (Кир; Вологод, Межд)⁵⁴. Действительно, крестьянская «норма» чая была крайне высока: «в обыкновенное время, сидя дома за самоваром, пьют чаю очень много: стаканов 8, 10 и 12. А на такой работе, как покос, когда солнце жжет и пот льется ручьями, норма чаю — стаканов 15»⁵⁵, ср. также архангельское присловье *Не слышать, чтобы мужик какой чаем подавился*⁵⁶. Мотив отдыха, сопряженного с чаепитием, трансформируется в мотив безделья: ср. костром. *бочерничать* ‘бездельничать’: «Нам никто денег не давал, некогда было бочерничать» (Вохом)⁵⁷, а также арх., волог. *чай пить — не дрова рубить* (Карг, Пин, Шенк; Гряз)⁵⁸.

С чаем связаны многие элементы застольного этикета. Если обедающих приветствовали формулой *хлеб да соль!*, то пьющих чай — словами *чай-сахар!* (Кир, Вож)⁵⁹, волог., костром. *чай да сахар!* (Гряз, Кир, Кадниковский у.)⁶⁰. На что хозяин отвечал *чаю пить!* (Вож, Хар)⁶¹, *Спасибо, с нами чаю кушать!*⁶². Приведенные примеры благопожеланий говорят о том, что чай, иногда в паре «чай-сахар», взял на себя ритуальные функции хлеба (хлеба и соли). Сходство в функциях чая и сахара с хлебом-солью подтверждают и другие примеры. Так, на свадьбе в Никольском уезде крестьяне победнее угощали сватов хлебом и солью, побогаче — чаем⁶³; в вологодской свадеб-

⁵² Словарь вологодских говоров... Вып. 12. С. 14.

⁵³ КСГРС.

⁵⁴ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 1999. Вып. 8. С. 93.

⁵⁵ Русские крестьяне... Т. 7. Ч. 2. С. 92.

⁵⁶ *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1878. Ч. 2: Народная словесность. С. 247.

⁵⁷ ЛКТЭ.

⁵⁸ Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 2004. Вып. 12. С. 265; КСГРС.

⁵⁹ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2007. Вып. 12. С. 14.

⁶⁰ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2002. Вып. 9. С. 94; Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 422.

⁶¹ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2007. Вып. 12. С. 14.

⁶² Русские крестьяне... Т. 7. Ч. 2. С. 499.

⁶³ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 389.

ной песне невеста обращалась к матери: «Ты упой да употчивай дорогого нашего гостюшка / Ты пивом пьяным да вином зеленым, / *Чаем-сахаром, хлебом-солею*» (Кадниковский у.)⁶⁴.

Ритуальное угощение чаем нередко строилось подобно угощению спиртными напитками. Так, в Грязовецком у. разливать чай другим гостям хозяин доверял самому почетному гостю, что считалось знаком его близости хозяину⁶⁵. При чаепитии каждая выпитая чашка могла носить особое название: первая — *со свиданием!*, вторая — *гостиная*, третья — *почетная*, четвертая — *навальная*, пятая — *прощальная*. Питье каждой чашки сопровождалось обменом ритуальными формулами: хозяин, подавая первую чашку, говорит: «Доброго здоровья дорогому гостю!», гость: «Со свиданием!», хозяин: «Кушай на доброе здоровье!», гость: «Ладно, не беспокойся, кушаем, кушаем!» (Кадниковский у.)⁶⁶. Ритуальные формулы-приглашения выпить следующую рюмку напоминают уговоры выпить вино, ср. «Выпей на вторую ногу — хромать не будешь» (У-Куб)⁶⁷. Правила этикета предполагали, что чашка с чаем, как и рюмка вина, выпивалась до конца, ср. волог. *пей-пей, да и жопку покажи* ‘призыв допить до дна и перевернуть чашку вверх дном’ (К-Г)⁶⁸. Однако нередко чай рассматривали как неравноценную замену вина, ср. арх. *чай без вина пей сама* (Он), волог. *Чай без водки хуже чахотки* (К-Г)⁶⁹.

Регламентации касались объема наполнения чашки и предписывали наливать чай до краев, иначе жених или невеста будут толстогубыми (видимо, чтобы губами тянуться к чаю) (Шар; Пин)⁷⁰. Неполная чашка чая говорила о скупости хозяина («Не долъешь, так скуп, перельешь, так глуп» (Он)⁷¹), полная же сулила богатство⁷². О наполненной до краев чашке говорили *чай с клиньём* (Кад) или *с калошами*⁷³. По мнению А. В. Тихомировой, выражение *с калошами* объясняется тем, что галоши надевались поверх другой обуви, а чай наливался «с верхом»⁷⁴. Через код одежды интерпретируется и выражение *чай с клиньём*, которое можно сопоставить с севернорус. *кли-*

⁶⁴ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 455.

⁶⁵ Там же. С. 26.

⁶⁶ Там же. С. 554.

⁶⁷ Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. Т. 2. С. 204.

⁶⁸ КСГРС.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Ефименко П. С. Материалы по этнографии... Ч. 1. С. 174; ЛКТЭ.

⁷¹ КСГРС.

⁷² Там же.

⁷³ Архангельский областной словарь... Вып. 9. С. 34; КСГРС.

⁷⁴ Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. С. 73.

ные 'части одежды клиновидной формы', среднерусское и севернорусское *клинник* 'сарафан с косыми клиньями'⁷⁵: одежда с клиньями была более широкой, с ярко выраженной округлой формой, сопоставимой с чаем, налитым «с верхом».

Основные идеограммы, оценивающие качество чая. Среди семантических идеограмм, определяющих качество чая, в севернорусских говорах встречаются «холодный чай», «слишком жидкий чай», «слишком крепкий чай», «чай без сахара / без закуски». В семантико-мотивационном отношении эти лексические группы близки наименованиям некачественной, неудачно приготовленной пищи — подгоревшей, подкисшей пищи, пустых похлебок, неподнявшегося хлеба, пирогов без начинки и пр. На первый взгляд, данные идеограммы кажутся маргинальными, но при близком рассмотрении оказываются разработанными семантическими областями. Поскольку эти явления оцениваются как аномальные, нарушающие кулинарные и вкусовые нормы, их диалектные наименования наделяются высоким уровнем экспрессии и яркой образностью.

Слабозаваренный чай. Употребление слабозаваренного чая было достаточно типичным для крестьян, которые в целях экономии пили жидкий, спитой чай: «Пьют мужики чай жидкий, иные пьют “выварки” из чаю (спитой и высушенный чай), пьют стаканов по десяти, а иногда и более “до девятого поту”» (Сольвычегодский у.)⁷⁶. Типология наименований некрепкого чая выявляет несколько мотивов номинации⁷⁷:

- ♦ цвет жидкого чая сопоставляется с мочой⁷⁸ (ср. волог. *моча дохлого поросенка* (Кад), арх. *моча Кузьмича* (В-Т)⁷⁹, волог. *кобылий ссец* (У-Куб)⁸⁰, волог. *как моча тигра* (Ник), арх. *как заячья ссечь* (Лен)⁸¹) или с водой, в которой мыли ноги (ср. волог. *поп (батюшка) ноги мыл* (Тот)⁸²);

- ♦ некрепкий чай по вкусу и цвету сравнивается с речной водой, ср. арх. *уфтюга* 'некрепкий чай, напоминающий воду в р. Уфтюга': «Уфтюгу какую-то пьем, желтенькая водичка» (К-Г)⁸³;

⁷⁵ Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина М.; Л.: Наука, 1977. Вып. 13. С. 298, 297.

⁷⁶ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 614.

⁷⁷ О названиях пустых супов и жидкого чая в русских говорах см. подробнее: *Березович Е. Л., Осипова К. В.* «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 218–239.

⁷⁸ Этот же мотив характерен для наименований некрепкого самогона, ср. волог. *комиссар (председатель) поссал* (У-Куб) (Словарь говоров Русского Севера... Т. 5. С. 290).

⁷⁹ Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Т. 7. С. 347.

⁸⁰ Там же. С. 338.

⁸¹ КСГРС.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

♦ через чай виден какой-либо субъект или объект, арх. *свет виден*, волог. *сам себя видишь* (Кад), *родителей видно* (Кад)⁸⁴. Чаще всего эта модель получает географическое преломление: в качестве видимого объекта выступают удаленные города — *Вологда, Ленинград, Москва, Питер, Шенкурск*⁸⁵, ср. костром. *Москву видать* (Пав)⁸⁶, арх. *Москва видать* (Вин)⁸⁷, волог. *Москва видно* (Тот)⁸⁸, *Москва и Вологда видать (видно)* (В-Т)⁸⁹, волог., костром. *Москва и Ленинград (видко)* (Окт; К-Г)⁹⁰, костром. *Москву и Питер видно* (Окт)⁹¹, арх. *Шенкурск видать* (Вин)⁹²; реже — ближайшие населенные пункты, ср. арх. *Вонга видна* <Вонга — деревня на Пинеге, находящаяся недалеко от деревни Валдокурье, где записано данное выражение>⁹³;

♦ «эталоном» слабо заваренного чая становится некачественная пища или еда для животных, ср. костром. *баландá* (Вохом)⁹⁴, волог. *буртомá* (Ник), волог. *телячье пойло* ‘о слабозаваренном или остывшем чае’ (К-Г, Ник)⁹⁵. Некачественный чай сравнивается с зерновыми отходами, ср. костром. *пелёва* ‘о безвкусном кофе или чае’, *пелёвный чай* ‘чай в пакетиках’: «Ране-то был фамильный чай, а теперь пелёвный» (Окт) при костром. *пелёва* ‘шелуха, оставшаяся после обмолота зерна’⁹⁶;

♦ употребление жидкого чая соотносится со стереотипными представлениями о характере народа, ср. *евре́й* ‘слабо заваренный чай’: «Лейте наголо, больше, а то у вас еврей» (В-Т)⁹⁷ — вероятно, наименование *евре́й* возникло по ассоциации с омонимичными формами *жидок* (краткое прил. от *жидкий*) — *жидо́к* (уменьш. форма сущ. *жид*) и пр.

Крепкий чай. Несмотря на то что крестьяне привыкли употреблять жидкий чай, крепкий чай считался более вкусным, а хозяин, который не скупится на заварку, признавался щедрым и радушным, ср. контексты «Пейте, девки, чай жирной; поболе чайку положишь, так пожирнее будет,

⁸⁴ КСГРС.

⁸⁵ Аналогичный мотив можно встретить в наименованиях тонко отрезанных кусков хлеба.

⁸⁶ ЛКТЭ.

⁸⁷ Словарь говоров Русского Севера... Т. 7. С. 338.

⁸⁸ КСГРС

⁸⁹ Словарь говоров Русского Севера... Т. 7. С. 338.

⁹⁰ КСГРС; ЛКТЭ.

⁹¹ ЛКТЭ.

⁹² КСГРС.

⁹³ Архангельский областной словарь... Вып. 5. С. 79.

⁹⁴ ЛКТЭ.

⁹⁵ КСГРС.

⁹⁶ ЛКТЭ.

⁹⁷ Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 2010. Вып. 13. С. 18.

а пожирнее, так повкуснее»; «Пей жирный чай-от, а то налила себе — Москва видно» (У-Куб)⁹⁸. Значение ‘крепкий, хорошо заваренный’ характерно для гнезд прилагательных с доминантной семантикой ‘густой, насыщенный, крепкий’, ср. литер. *крепкий* ‘хорошо заваренный чай’, арх. волог., костром. шир. распр. *жирной, жирный* ‘то же’: «Чай-от жирный, а пирог уж воложный» (Сок)⁹⁹, костром. *зустый* (Пав)¹⁰⁰, онеж. *пóрной чай* при *пóрной* ‘прочный, годный, доброкачественный’ (Холм)¹⁰¹.

Отмечается красно-черный цвет крепкого чая, ср. волог. *румяный* (Баб, К-Г, Ник), *красный* ‘крепкий (о чае, кофе, спиртном)’ (Ник), *краснинá* ‘крепость, насыщенность (о чае)’ (Ник), *красно́* ‘крепко (о заварке)’: «Не чайно, не красно, не заварно у тебя в чашке» (К-Г, Тот); *черно́* ‘крепость, насыщенность (о чае)’ (В-Уст); арх. *как смóльница* (В-Т), волог. *как дёготь* ‘о крепко заваренном чае’¹⁰². Образ хорошо заваренного чая регулярно встречается в метафорических номинациях цвета воды в природных источниках: волог. *чай*: «Вода здесь застойная, темная, как чай», *чай заварен* ‘о темной, красной воде’, «Вода в нем холодная, красная, как чай заварён», *заваренный чай*: «Вода как заваренный чай, красная она, из болота течет», арх. *заварной чай*: «У Клавдии Васильевны за домом рада, вот и вода в колодце как заварной чай»¹⁰³.

Название чая *зимогóрский чай* ‘хороший чай’ (Кир)¹⁰⁴ связано с оттопимическим прозвищем *зимогóр* ‘житель села Зимогоры Новгородской области’, жители которого занимались отхожими промыслами, ср. вятское, пермское, ярославское *зимогóр* ‘сезонный рабочий на отхожих промыслах’¹⁰⁵ (об истории и семантике слова *зимогор* написано достаточно много, см., например, статьи Л. Ю. Зориной и Е. Е. Королевой¹⁰⁶). Происхождение выражения *зимогорский чай* может объясняться тем, что чай обязательно входил в состав трапезы наемных рабочих — это проговаривалось при

⁹⁸ Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Т. 3. С. 372.

⁹⁹ Словарь говоров Русского Севера... Т. 3. С. 372; КСГРС; ЛКТЭ.

¹⁰⁰ ЛКТЭ.

¹⁰¹ *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. С. 133.

¹⁰² КСГРС.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Словарь вологодских говоров... Вып. 12. С. 14.

¹⁰⁵ Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. М.; Л.: Наука, 1976. Вып. 11. С. 280.

¹⁰⁶ *Зорина Л. Ю.* Зимогоры и зимогорки в традиционной и современной культуре Вологодского края // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов / отв. ред. Г. В. Судаков. Вологда: Легия, 2010. Ч. 5. С. 50-56; *Королева Е. Е.* К этимологии гнезда ЗИМОГОР в старообрядческих говорах Прибалтики // Этимологические исследования: сб. науч. тр. / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. Вып. 8. С. 8-18.

наиме на работу: чай обыкновенно предоставлял хозяин, а хлеб мог быть у работников своим (если крестьяне в целях экономии пили чай редко или сильно разбавленный, то наемные рабочие требовали чай ежедневно и, без сомнения, крепкий). Иная версия высказывается Л. Ю. Зориной: поскольку *зимогорами* со временем стали называть бродяг и даже беглых каторжников, «в семантическом ряду *асоциальное поведение — тюрьма — каторжник* так назван *чифирь*», то есть напиток заключенных¹⁰⁷. Действительно, некоторые наименования крепкого чай могут быть заимствованы из уголовного жаргона, ср. *адвокат* ‘о крепко заваренном чае’¹⁰⁸.

Пустой чай. Нетривиальное наполнение получает идеограмма «пустой чай», то есть чай без сахара или закуски-угощения — кускового сахара, хлеба, печенья, конфет и пр., которые были атрибутом настоящего чаепития (ср. об этом архангельскую присказку *Пейте чай, мочите калачи, пенку волокчи* (Он)¹⁰⁹ и в более полном варианте скороговорки *Пей чай, моци колаци, пеноцьку из крыноцьки волоци*¹¹⁰). Крестьянский бюджет и нормы поведения предполагали крайне экономное отношение к сахару, поэтому нередко за чаепитием крестьянин только «отхватит зубами “кусочек с кобылий носочек” и запивает из своей чашки»¹¹¹. Особым искусством было умение выпить как можно больше чая вприкуску с самым небольшим кусочком сахара; заканчивать чаепитие так, чтобы не осталось сахара, считалось крайне невежливым: «остается у него иногда кусочек величиною с зерно, он и тот не издержит попусту, а положит обратно в сахарницу или бумажный кошелек»¹¹².

Для обозначений пустого чая используется группа каритивных прилагательных и наречий, ср. *простой* (костром. *простой чай* ‘чай без сахара; вода без заварки’ (Окт, Пав)¹¹³, волог. *впросто́* ‘без ничего (без сахара и пр.)’ (Ник)¹¹⁴, *пустой* (волог. *пустой чай* ‘чай, выпиваемый без пирога, конфеты, сахара и др.’ (Кир)¹¹⁵, *голый* (волог. *голая вода* ‘чай без сахара’, *наголо* ‘без сахара и печенья (о чае)’¹¹⁶, арх. *(с) голью пить* ‘пить пустой чай (без конфет, печенья)’ (Он)¹¹⁷).

¹⁰⁷ Зорина Л. Ю. Зимогоры и зимогорки... С. 52.

¹⁰⁸ КСГРС.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Как говорят поморы. URL: https://vk.com/wall-236094_160482 (дата обращения: 07.11.2021).

¹¹¹ Русские крестьяне... Т. 7. Ч. 2. С. 92.

¹¹² Там же.

¹¹³ ЛКТЭ.

¹¹⁴ КСГРС.

¹¹⁵ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 1999. Вып. 8. С. 110.

¹¹⁶ КСГРС.

¹¹⁷ Там же.

При осмыслении семантики пустоты, недостатка ищется «заместитель» отсутствующего предмета, а отсутствие закуски скрашивается застольными шутками и ироничностью наименований. Если в норме чай пьют *вприкуску* (литер.) или *вприхлёбку* (волог.)¹¹⁸, то в отсутствие сахара чай пили *вприглядку* (Сольвычегодский у.)¹¹⁹, а кроме того, *с дуем, с языком*, ср. волог., костром. *чай с языком*: «Чай с языком-от не пьют у нас. Чай с языком — только своим языком приправляешь» (Сок)¹²⁰, арх. *с дуем*: «Чего с дуем чай пьешь? Возьми конфетку, печенье»; «В войну пили с дуем» (Он; Прим, Холм)¹²¹. В Онежском районе выражение *с дуем* стало употребляться и в расширительном значении — пустым, «без всего», не только применительно к пище: например, без улова, ср. арх. *прийти с дуем* ‘о неудачной рыбалке’: «Пришел с дуем — ничё нету, только подуй, да и всё» (Он)¹²².

Семантику пустоты могут передавать местоимения и местоименные наречия, ср. волог. *с таком* ‘без ничего (пить чай)’: «Чё с таком-то пьешь, бери чего-нибудь»¹²³ (этот же образ пустоты встречается в наименованиях пирогов без начинки). Интересно образование стяженной формы *с вотчем-то* на основе выражения *с вот чем-то*, используемой как наименования всякой закуски, ср. *пить с вотчем-то* ‘пить чай с закуской’: «Ты пей с вотчем-то, не пей без вотчего-то» (Он)¹²⁴.

Холодный чай. Наименования остывшего чая иронически обыгрывают образ «мертвого — холодного», который отражается и в семантике арх. *мертвый* ‘о холодной, остывшей пище’: «Что ты мертвый чай-то налил?» (Вин)¹²⁵, и во фразеологизмах *мертвеца целовать* ‘пить холодный чай’: «Бабушка наша всегда говорила: чай холодный пить, что мертвеца целовать» (арх.: Вин)¹²⁶, *как покойника целуешь* ‘об остывшем супе или чае’ (волог.)¹²⁷.

Чай в обрядах. Чай подавался на многих семейных застольях. На свадьбе чай входил в основное ритуальное угощение наряду с хлебом-солью и вином. После того как родители невесты и сваты договаривались о свадьбе, на стол выставляли чай и различные сладости, орехи, пряники и пр.¹²⁸

¹¹⁸ КСГРС.

¹¹⁹ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 614.

¹²⁰ ЛКТЭ; Словарь вологодских говоров... Вып. 12. С. 129.

¹²¹ Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М.: Изд-во МГУ, 2004. Вып. 12. С. 347; КСГРС.

¹²² КСГРС.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Словарь говоров Русского Севера... Т. 7. С. 287.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ КСГРС.

¹²⁸ *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии... Ч. 1. С. 129; Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 38.

За чаем начинался разговор о приданом (Грязовецкий у.)¹²⁹. По умению невесты разливать чай и угощать гостей — *чаиничать* (Никольский у.)¹³⁰ — на смотринах судили о ее социальных и хозяйственных навыках: «Сваха говорит невесте: “Марья Федоровна, сядь-ко за стол да поразливай нам чайку — умеешь ли разливать чай-то!” Марья встала из-за работы, села за стол и стала чай разливать. Наши свахоньки смеются, говорят: “Чай-от умеет разливать, да кто ноне не сумеет разлить!”» (Кадниковский у.)¹³¹. В случае, если сватам отказывали, их угощали чаем, но невеста не показывалась¹³².

Чаем невеста потчевала гостей на девичнике, а чай, сахар и другие сладкие лакомства в качестве гостинца привозил жених, которого приглашали словами: «...Привози-ко добрый молодец / Уж ты чаю и сахару, / Уж ты пивушка пьяного / И вина да зеленого» (Вологодский у.)¹³³. В день свадьбы жених угощал дружек чаем, кофе, водкой (Мез)¹³⁴. Жених и невеста пили чай после венчания и утром после свадьбы¹³⁵. В свадебном обряде чай взял на себя некоторые символические функции спиртных напитков: как и пивом и вином, чаем встречали, чествовали гостей, скрепляли договоренности: символический параллелизм «чай — вино» закрепился, например, в обрядовом термине чайник — виначерпий на свадьбе (Устюж)¹³⁶. Обычно совместное употребление чая и спиртных напитков в рамках одного обряда: чай и водку подавали роженице после родов; чаем и водкой угощали священника после крестин (Грязовецкий, Сольвычегодский у.)¹³⁷; чай, пиво и водку зажиточные крестьяне подавали «помочанам» — участникам обряда взаимной помощи (Никольский у.)¹³⁸.

В фольклоре неудачное, бедное чаепитие символизирует неудачу в любви, ср. «Чай пила, чашку разбила, / Сахарочик подмочила. / Сахарочек подлитой, — / Мой-от милой занятой» (то есть дружит с другой); «Самовар-от оловянной, Вся посуда деревянна. Цею, сахару на грош, Выбирай, ково ты хошь» (Никольский у.)¹³⁹.

* * *

¹²⁹ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 107.

¹³⁰ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 398.

¹³¹ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 464, 557.

¹³² Русские крестьяне... Т. 7. Ч. 2. С. 330.

¹³³ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 1. С. 152, 412, 577.

¹³⁴ Ефименко П. С. Материалы по этнографии... Ч. 1. С. 130.

¹³⁵ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 1. С. 410, 366; Т. 5. Ч. 2. С. 118, 649; Т. 5. Ч. 3. С. 418.

¹³⁶ КСГРС.

¹³⁷ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 361; Т. 5. Ч. 3. С. 505.

¹³⁸ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 381.

¹³⁹ Там же. С. 277, 218.

На большей части Русского Севера в XIX в. чай был не повседневным, но праздничным напитком, угощение чаем входило в этикетный минимум приема гостей. По сравнению с другими напитками, чай выделяла особая церемониальность употребления, которая отмечалась и крестьянами. Чай приобрел функции социальной регуляции: служил знаком согласия, договоренности, за чаепитием проверялись социальные навыки и отношения. Чай взял на себя ритуальные функции некоторых напитков (преимущественно спиртных, например вина, пива), а также отдельные символические функции хлеба и хлеба-соли, образовав функционально близкую пару «чай — сахар». Нередко чай противопоставлялся хлебу как пустой и несытный продукт, символ роскоши и излишества.

Сокращения в названиях диалектов

арх. — архангельское
 волог. — вологодское
 костром. — костромское
 онеж. — онежское

Сокращения в названиях районов

Баб — Бабаевский район Вологодской обл.
 Бабуш — Бабушкинский район Вологодской обл.
 Бел — Белозерский район Вологодской обл.
 В-Важ — Верховажский район Вологодской обл.
 Вин — Виноградовский район Архангельской обл.
 Вож — Вожегодский район Вологодской обл.
 Вологод — Вологодский район Вологодской обл.
 Вохом — Вохомский район Костромской обл.
 В-Т — Верхнетоемский район Архангельской обл.
 В-Уст — Великоустюгский район Вологодской обл.
 Гряз — Грязовецкий район Вологодской обл.
 Кад — Кадуйский район Вологодской обл.
 Карг — Каргопольский район Архангельской обл.
 К-Г — Кичменгско-Городецкий район Вологодской обл.
 Кир — Кирилловский район Вологодской обл.
 Котл — Котласский район Архангельской обл.
 Лен — Ленский район Архангельской обл.
 Межд — Междуреченский район Вологодской обл.
 Мез — Мезенский район Архангельской обл.
 Ник — Никольский район Вологодской обл.

Окт — Октябрьский район Костромской обл.
 Он — Онежский район Архангельской обл.
 Пав — Павинский район Костромской обл.
 Пин — Пинежский район Архангельской обл.
 Прим — Приморский район Архангельской обл.
 Сок — Сокольский район Вологодской обл.
 Сямж — Сямженский район Вологодской обл.
 Тот — Тотемский район Вологодской обл.
 У-Куб — Усть-Кубинский район Вологодской обл.
 Уст — Устьянский район Архангельской обл.
 Устюж — Устюженский район Вологодской обл.
 Хар — Харовский район Вологодской обл.
 Холм — Холмогорский район Архангельской обл.
 Шар — Шарьинский район Костромской обл.
 Шексн — Шекснинский район Вологодской обл.
 Шенк — Шенкурский район Архангельской обл.

Литература

- Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 1980–2018–. Вып. 1–.
- Багриновский Г. Ю.* Большой этимологический словарь русского языка. М.: Ко-Либри, Азбука-Аттикус, 2020.
- Березович Е. Л., Осипова К. В.* «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 218–239.
- Бернишам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: этнографические очерки. Л.: Наука: Ленинград. отд-ние, 1983.
- Дурасов Г. П.* Народная пища Каргополья (по материалам XIX–XX вв.) // Советская этнография. 1986. № 6. С. 78–93.
- Зорина Л. Ю.* Зимогоры и зимогорки в традиционной и современной культуре Вологодского края // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов / отв. ред. Г. В. Судаков. Вологда: Легия, 2010. Ч. 5. С. 50–56.
- Королева Е. Е.* К этимологии гнезда ЗИМОГОР в старообрядческих говорах Прибалтики // Этимологические исследования: сб. науч. тр. / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 8. С. 8–18.
- Похлебкин В. В.* Чай. Его типы, свойства, употребление. М.: Эксмо-Пресс, 2019.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды.

- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2009. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд.
- Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 1983–2007. Вып. 1–12.
- Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Соколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–50–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2017. Вып. 1–50; издание продолжается.
- Соколов И. А. Чай и чайная торговля в России: 1790–1919 гг. М.: Спутник+, 2012.
- Соколов И. А. Чай и чайная торговля в Российской Империи в XIX — начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: дис. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 2013.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: б. и., 2002.

References

- Bagrinovskii, G. Iu., 2020. *Bol'shoi etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Large Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.
- Baranov, D. A., Kononov, A. V., eds, 2007. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nravny: Materialy "Etnograficheskogo biuro" kniazia V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Life. Daily Routine. Morals: Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafia. Vol. 5: *Vologodskaia guberniia* [Vologda Province]. Part 1: *Vel'skii i Vologodskii uezdy* [Velsk and Vologda Districts].
- Baranov, D. A., Kononov, A. V., eds, 2007. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nravny: Materialy "Etnograficheskogo biuro" kniazia V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Life. Daily Routine. Morals: Materials of the «Ethnographic Bureau» of Prince V. N. Tenishev]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafia. Vol. 5: *Vologodskaia guberniia* [Vologda Province]. Part 2: *Griazovetskii i Kadnikovskii uezdy* [Gryazovetsky and Kadnikovsky Districts].
- Baranov, D. A., Kononov, A. V., eds, 2007. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nravny: Materialy "Etnograficheskogo biuro" kniazia V. N. Tenisheva* [Russian Peasants.

- Life. Daily Routine. Morals: Materials of the “Ethnographic Bureau” of Prince V. N. Tenishev]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafia. Vol. 5.: *Vologodskaia guberniia* [Vologda Province]. Part 3: *Nikol'skii i Sol'vychegodskii uезdy* [Nikolsky and Solvychegodsky Districts].
- Baranov, D. A., Konovalov, A. V., eds, 2009. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy: Materialy “Etnograficheskogo biuro” kniazia V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Life. Daily Routine. Morals: Materials of the “Ethnographic Bureau” of Prince V. N. Tenishev]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafia. Vol. 7: *Novgorodskaia guberniia* [Novgorod Province]. Part 2: *Cherepovetskii uезд* [Cherepovets District].
- Berezovich, E. L., Osipova, K. V., 2014. “Chto edim, tak i zhist' zhivem”: pustoі sup i nekrepii chai v zerkale iazyka [“We Live as We Eat”: Thin Soup and Weak Tea in Linguistic Aspect]. *Antropologicheskii forum*, 20, pp. 218–239.
- Bernshtam, T. A., 1983. *Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX — nachale XX v.: etnograficheskie ocherki* [Russian Folk Culture of Pomorie in the Nineteenth — Early Twentieth Century: Ethnographic Essays]. Leningrad: Nauka: Leningradskoe otdelenie.
- Chernykh, P. Ia., 2002. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow: s. n. Vol. 1–2.
- Durasov, G. P., 1986. Narodnaia pishcha Kargopol'ia (po materialam XIX–XX vv.) [Folk Food of Kargopol Region (Based on Materials of the 19–20 Centuries.]. *Sovetskaia etnografiia*, 6, pp. 78–93.
- Filin, F. P. (1965–1987), Sorokoletov, F. P. (1987–2010), Myznikov, S. A. (2010–2017), eds, 1965–2017. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka. Vol. 1–50; edition continues.
- Getsova, O. G., ed., 1980–2018–. *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow: Izd-vo MGU.
- Koroleva, E. E., 2003. K etimologii gnezda ZIMOGOR v staroobriadcheskikh govorakh Pribaltiki [On the Etymology of the ZIMOGOR Nest in the Old Believer dialects of the Baltic]. In: E. L. Berezovich, ed., 2003. *Etimologicheskie issledovaniia: sb. nauch. tr.* [Etymological Studies: Collection of Scientific Works]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. Issue 8, pp. 8–18.
- Matveev, A. K., ed., 2001–. *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of Dialects of the Russian North]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. Vol. 1–.
- Panikarovskaia, T. G., ed., 1983–2007. *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vologda: VGPU, Izd-vo “Rus’”. Vol. 1–12.
- Pokhlebin, V. V., 2019. *Chai. Ego tipy, svoistva, upotreblenie* [Tea. Its types, properties, use]. Moscow: Eksmo-Press.
- Sokolov, I. A., 2012. *Chai i chainaia trgovlia v Rossii: 1790–1919 gg.* [Tea and Tea Trade in Russia: 1790–1919]. Moscow: Sputnik+.
- Sokolov, I. A., 2010. *Chai i chainaia trgovlia v Rossiiskoi Imperii v XIX — nachale XX vekov* [Tea and Tea Trade in the Russian Empire in the Nineteenth — Early Twentieth Centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow City Pedagogical University.

-
- Tikhomirova, A. V., 2013. *Assotsiativno-derivatsionnaia i frazeologicheskaia semantika naimenovanii odezhdy v russkoi iazykovoii traditsii* [Associative-Derivational and Phraseological Semantics of Clothing Names in the Russian Language Tradition]. Dis. ... kand. filol. nauk. Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
- Zorina, L. Iu., 2010. Zimogory i zimogorki v traditsionnoi i sovremennoi kul'ture Vologodskogo kraia [Zimogory and Zimogorki in the Traditional and Modern Culture of the Vologda Territory]. In: G. V. Sudakov, ed., 2010. *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi: sbornik nauchnykh trudov* [Word and Text in the Cultural Perception of the Epoch: Collection of Scientific Works]. Vologda: Legiia. Vol. 5, pp. 50–56.

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ТУРКМЕНСКОЙ ПОЭЗИИ ИЗ СОВЕТСКИХ АЛЬМАНАХОВ 1930-Х ГГ. НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ*

Алла Олеговна Бурцева

Независимый исследователь

Электронный адрес: alla.burtseva@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9168-6743

Аннотация

В 1930-е гг. практика переводов с туркменского языка на русский стала достаточно активно развиваться. Это было связано как с идеологическими причинами, так и с характером литературного процесса в 1930-е гг. Переводы с туркменского на русский выполнялись по подстрочнику, причем требовалось не только удачное переложение, но и соблюдение идеологических норм, которые реализовывались через литературную политику в республиках Центральной Азии. Очевидно, что необходимо разграничивать практику переводов туркменской литературы, которая считалась классикой, и поэзии 1930-х гг. Если во втором случае изначально выбирались авторы, охотно отвечавшие на государственный запрос, то в первом было необходимо приспособить классический текст под актуальные политические тенденции. Нельзя, однако, говорить, что переводы с туркменского на русский были полностью политизированы. Вместе с текстами, очевидно соответствующими идеологическим задачам государства, переводились и, например, пейзажные зарисовки. Следует, однако, отметить, что стихотворения современных авторов, в отличие от классики, редко переводились полностью. Как правило, переводчик имел дело с весьма крупным текстом, из которого выбирались наиболее удачные строфы. В настоящей статье анализируется несколько переводов 1930-х гг. в сравнении с более поздними вариантами (в частности, произведений Махтумкули, Кемине, Ата Ниязова, Амандурды Аламышева). Задачей становится попытка проследить изменения, которые происходили с текстами в зависимости от того, каким актуальным тенденциям должен был соответствовать перевод. Как кажется, стояла задача не только улучшить переводы и вписать их в советскую литературную традицию, но и сделать их более отвечающими текущей идеологической повестке.

Ключевые слова

Туркменская поэзия, советская литература 1930-х гг., перевод, национальные литературы СССР, Арсений Тарковский, Георгий Шенгели, Махтумкули, Кемине, Ата Ниязов, Амандурды Аламышев, Ораз Тачназаров

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2021 г.

Цитирование: *Бурцева А. О.* Стратегии перевода туркменской поэзии из советских альманахов 1930-х гг. на русский язык: предварительные наблюдения // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 125–148. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.08>

* Благодарю анонимного рецензента за ценные советы по поводу расширения проблематики дальнейших исследований, а также за указание на дополнительную литературу.

STRATEGIES OF TRANSLATION OF TURKMEN POETRY FROM THE ALMANACS OF THE 1930S INTO RUSSIAN: PRELIMINARY OBSERVATION

Alla O. Burtseva

Independent Researcher

E-mail: alla.burtseva@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9168-6743

Abstract

The 1930s marked a period of active development for Turkmen-Russian translations, both for ideological reasons and owing to the nature of the literary culture at that time. Translations from Turkmen into Russian were carried out using interlinear translations, and the requirement was not only to create a successful adaptation, but also to adhere to ideological norms which had been implemented in the republics of Central Asia through literary policy. It is clear that we need to distinguish between translations of classical Turkmen literature and translations of 1930s poetry. In the latter case, it was the authors who met the state ideological requirements that were, from the outset, selected to be translated; in the former case, a classical work had to be adapted to the prevailing political trends. Nevertheless, one would be wrong to assume that translations from Turkmen into Russian were completely politicized. Descriptions of nature were translated alongside works that evidently were to accomplish ideological tasks. It should, however, be noted that poems of contemporary authors, unlike the classics, were rarely translated in full. As a rule, the translator was working with lengthy texts and only the best stanzas were selected for translation. The present article analyzes several 1930s poetry translations in comparison with their later versions (in particular, the works of Magtymguly, Kemine, Ata Nyýazow, and Amandurdy Alamyşow). The article aims to track the changes made to poetic texts depending on the contemporary trends that the translation had to follow. We suggest that the aim was not only to improve the translations and make them fit the Soviet literary tradition, but also to make them more consistent with the contemporary ideological agenda.

Keywords

Turkmen poetry, Soviet literature of the 1930s, translation, national literatures of the USSR, Arseny Tarkovsky, Georgy Shengeli, Magtymguly, Kemine, Ata Nyýazow, Amandurdy Alamyşow, Oraz Taçnazarow

Received 30 September 2021

How to cite: Burtseva, A. O., 2021. Strategii perevoda turkmenskoi poezii iz sovetsskikh al'manakhov 1930-kh godov na russkii iazyk: predvaritel'nye nabljudeniia [Strategies of Translation of Turkmen Poetry from the Almanacs of the 1930s into Russian: Preliminary Observation]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 125–148. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.08>

В 1930-е гг. в СССР была выбрана установка на развитие национальных литератур. Показательны здесь, в первую очередь, материалы Первого съезда советских писателей, где присутствовало множество литераторов и литературных функционеров из республик Советского Союза¹. Речь шла одновременно о развитии культурной идентичности населения и о приобщении его к советским культурным практикам (а по мере свертывания политики коренизации — к пласту русской культуры)². Особенно остро эта проблема встала в республиках Центральной Азии, где требовался значительный идеологический контроль. Культуры этих стран представлялись как чужие, незнакомые, что неизбежно приводило к новому витку их ориентализации, хотя, как кажется, ситуация СССР принципиально отличалась от ситуации как Российской империи, так и от европейской в целом по ряду параметров³.

Одним из показательных случаев в этом отношении стала Туркменская ССР. Дело в том, что векторы литературной политики были направлены одновременно на развитие советской туркменской литературы и реконструкцию истории туркменской литературы прошлого, в которой существовала центральная фигура, ассоциирующаяся с туркменской идентичностью как таковой, — поэт XVIII в. Махтумкули Фраги. Однако литературную традицию Туркмении недостаточно было освоить, туркменскую советскую литературу недостаточно было «создать». Для решения идеологических задач была важна практика переводов с туркменского на русский язык, который должен был стать языком-посредником между разными культурами СССР⁴.

Переводческая практика стала мощно развиваться в 1930-е гг., и велась она часто через подстрочник. Работа по подстрочнику приводила к неизбежным искажениям, особенно когда речь шла о туркменской литературе прошлого⁵. Процесс перевода осложнялся не только опосредо-

¹ См.: Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934.

² См.: Скаков Н. Культура Полтора // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 104-123.

³ См.: Schimmelpennick van der Oye D. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven; London: Yale University Press, 2010. См. также: Абашиш С. Н. Советский кишлак: Между колониализмом и модернизацией. М.: НЛО, 2015.

⁴ Следует, однако, отметить, что в 1930-е гг. выполнялись переводы не только с русского или на русский, но и с одних национальных языков на другие. Таким образом развивались горизонтальные связи между культурами страны, которые должны были стать единым целым.

⁵ См.: Witt S. The Shorthand of Empire: *Podstrochnik* Practices and the Making of Soviet Literatures // *Ab Imperio*. 2013. № 3. P. 157-158. <https://doi.org/10.1353/imp.2013.0080>. Как замечает автор этой статьи, подстрочники были доминирующим вариантом переводческой практики как для переводов на русский, так и для переводов между национальными языками, что создает дополнительную инстанцию между литературным переводчиком и текстом, и это представляет собой отдельную эписте-

ванностью, но и тем, каким идеологическим критериям итоговый текст должен был соответствовать. Переводы из туркменской поэзии — как стихотворений, созданных в 1930-е гг., так и более ранних — позднее модифицировались. С одной стороны, ставилась цель уточнить перевод, сделанный по неидеальному подстрочнику, с другой — вместе с идеологическим фоном менялись и представления о допустимом. Роль могли сыграть и сугубо литературные факторы, изменяющиеся представления о переводческой практике. В настоящей статье мы уделим основное внимание идеологическим вопросам, которые, разумеется, не отменяют других аспектов проблемы.

Одними из первых изданий туркменской поэзии в 1930-е гг. стали альманахи, создававшиеся по материалам писательских поездок, — «Ай-динг-Гюнлер» (1934) и «Туркмения» (1936), а также сборник «Поэты советского Туркменистана» (1934). Затем выходили и сборники отдельных авторов. Из более поздних изданий нас интересует прежде всего антология 1949 г. как набор текстов, прошедших определенный фильтр и претендующих на канонизацию. Этот набор кажется наиболее показательным для понимания того, как создавались и менялись переводы с туркменского.

В Центральной Азии, относительно недавно прошедшей через размежевание, было необходимо, по выражению А. Бустанова, «создать нации»⁶. Советская политика противопоставлялась дореволюционной, которая оценивалась как колониальная. Вместе с тем, так как в такой литературной политике нужно было опираться на определенные предпосылки, по поводу Центральной Азии много говорили о важности обращения к дореволюционной традиции.

В случае с Туркменией ситуация была удобной в том смысле, что старая литература сохранилась в относительно малом объеме. История туркменской литературы в антологии туркменской поэзии 1949 г. ведется от общетюркских эпосов, затем упоминаются поэты XVIII и XIX в., творчество которых сохранилось в устной передаче и в более поздних списках. Основное внимание отводится Махтумкули, назначенному создателем туркменской поэзии.

Поэзия Махтумкули выходила в переводе разных авторов. Основной массив переводов принадлежит А. А. Тарковскому и Г. А. Шенгели, однако в 1930-е гг. переводчиками также выступали и местные туркменские литераторы. Показательной оказывается ситуация со стихотворением «Кто

миологическую проблему. См. также «Постановление Бюро национальных комиссий ССП СССР об упорядочении дела художественных переводов с языков народов СССР», опубликованное автором в приложении к статье и датированное 1940 г. (Ibid. P. 186-189). В настоящей статье, однако, мы коснемся и того случая, когда переводчики работали, по-видимому, непосредственно с туркменским оригиналом.

⁶ См.: *Bustanov A. Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations*. London; New York: Routledge, 2014.

не имеет ничего» (туркмен. *Dowleti-maly bolmasa*)⁷, или, в переводе Шенгели, «Если».

В 1930-е гг. стихотворение вышло в переводе Ораза Ташназарова⁸ (на тот момент — председателя туркменского союза писателей) и Г. Н. Веселкова (1899–1960; редактора журнала «Туркменоведение», переводчика и поэта, который активно занимался туркменской литературой⁹) в альманахе «Туркмения». В антологии 1949 г. опубликован перевод Шенгели¹⁰.

Содержание первой строфы в переводе практически одинаково. Ср.:

*Не спросят имени того,
Кто не имеет ничего*¹¹ (Ташназаров и Веселков).

*Коль нет богатства у джигита,
Безвестен он в родном краю*¹² (Шенгели).

⁷ Здесь и далее текст оригинала приводится в современной туркменской орфографии. При переводе отдельных слов с туркменского языка мы опирались на словарь под общей редакцией Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева и М. Я. Хамзаева (Туркменско-русский словарь / под общ. ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. М.: Советская энциклопедия, 1968), а также на словарь Х. Байлыева и Б. Каррыева под редакцией Ш. Батырова и М. Сакали (*Байлиев Х., Каррыев Б.* Туркмено-русский словарь. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1940). В затруднительных случаях мы также привлекали туркменско-английский словарь (*Allen F., Touch-Werner (Tachmouradova) J.* Turkmen-English Dictionary. Kensington, Maryland: Dunwoody Press, 1999). После туркменских цитат дан примерный перевод на русский язык без учета грамматических нюансов.

⁸ Именно в такой огласовке — Ташназаров, а не Тачназаров — его фамилия дается в альманахе и в стенограммах заседаний. Во избежание путаницы мы будем использовать ее в настоящей статье. В «Краткой литературной энциклопедии» указаны годы жизни с 1901/02 по 1942, однако в статье Р. Г. Мурадова (*Мурадов Р. Г.* Парадигма «Туркменоведения» // Культурные ценности: Международный ежегодник: 2000–2001 / отв. ред. Р. Г. Мурадов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 164–178) встречаем другие даты: 1904–1938 гг.

⁹ Следует отметить, что Веселков, в отличие от Арсения Тарковского, о котором речь пойдет ниже, мог работать с туркменским текстом без подстрочника. Их совместная с Ташназаровым деятельность требует дополнительного исследования и не исчерпывается приводимым здесь примером. Само наличие внелитературных факторов, повлиявших на создание переводов, вовсе не отменяет сугубо художественную их составляющую, связанную с дискуссиями о языке, формализме, буквализме и т. д. Перевод приведенного здесь стихотворения критиковался еще в 1930-е гг. См. об этом нашу статью: *Бурцева А. О.* Туркмения 1930-х годов глазами советского писателя: язык и перевод // Взгляд чужеземца: Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом / отв. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 269–286. <https://doi.org/10.31168/4469-1767-9.16>.

¹⁰ Перевод, по-видимому, был выполнен ранее, так как Шенгели работал с текстами Махтумкули еще в начале 1940-х гг. (см.: *Молодяков В.* Георгий Шенгели. Биография: 1894–1956. М.: Водолей, 2017. С. 447–452). Кроме того, под его «дирижерством», как выразился сам Шенгели, был организован проект по созданию словаря Махтумкули (см.: Там же. С. 447).

¹¹ *Махтум-Кули. Кто не имеет ничего* // Туркмения. М.: Советский писатель, 1936. С. 263.

¹² *Махтум-Кули (Фраги). Если* // Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 103.

*Goç ýigidiň ady çykmaz,
Döwleti-maly bolmasa*¹³.
(туркмен. «Имя удальца забыто,
Если у него нет богатства»)

У Шенгели, впрочем, появляется «джигит», которому в оригинале соответствует *goç ýigidiň* — букв. «добрый молодец, удалец» в падежной форме. Само слово *ýigit* в русской и советской традиции не переводится, однако сам факт его появления у Шенгели и отсутствия у Ташназарова и Веселкова может сигнализировать об отношении к ориентальным мотивам в поэзии. Вторая строфа у Шенгели ближе к оригиналу — речь идет о «мечте, подобной копьё»:

*Бесплоден дух, коль не взметнется
Мечта, подобная копьё*¹⁴.

*Tutaşmaz synanuy ody,
Başda hyýaly bolmasa*¹⁵.
(туркмен. «Не загорится огонь в сердце,
Если нет мечты в голове»)

У Ташназарова и Веселкова это упоминание попросту опущено, на месте этих строк читаем:

*Кто не был верен до конца,
Тот не достигнет ничего*¹⁶.

В целом Шенгели старается передать философские категории — мечта, бытие — характерные для поэзии Махтумкули, а переводчики 1930-х гг. их избегают.

Ср.:

*Тому в могиле хорошо,
С кем не случилось ничего!*¹⁷ (Ташназаров и Веселков).

*Но жизнь в безделье хуже пытки,
Должна быть воля к бытию*¹⁸ (Шенгели).

Надо сказать, что похожих строк в доступном нам оригинале мы не находим, возможно, переводчики использовали другой вариант текста.

¹³ *Magtymguly. Eserler ýygındysy. Aşgabat: MGI, 2012. S. 245.* Цитаты из оригинального текста даются после русских цитат с подстрочным переводом.

¹⁴ *Махтум-Кули (Фраги).* Если // Антология туркменской поэзии. С. 104.

¹⁵ *Magtymguly. Eserler ýygındysy. S. 245.*

¹⁶ *Махтум-Кули.* Кто не имеет ничего // Туркмения. С. 263.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Махтум-Кули (Фраги).* Если // Антология туркменской поэзии. С. 104.

Также новый перевод тяготеет к большей афористичности, Шенгели пытается сохранить отсылки к мусульманской культуре. Веселков и Ташназаров пытаются их нивелировать или вовсе убрать. Это приводит к еще одному показательному явлению. С одной стороны, Ташназаров и Веселков несколько искажают смысл, что мы видели выше. С другой стороны, Шенгели привносит в текст метафорическую образность, которой в нем не было. Ср.:

*Коль сына нет у молодца,
Умрет — не вспомнят как отца*¹⁹ (Ташназаров и Веселков).

*Нет сыновей — твой род прервется, —
И канет имя в глубь колодца*²⁰ (Шенгели).

*Bolmasa ýigdiň zürýady,
Ölende tutulmaz ady...*²¹
(туркмен. «Если у удалца нет детей,
Когда он умрет, его имя канет»)

В оригинале отсутствует метафора с колодцем, однако есть упоминание имени, которого нет у Ташназарова и Веселкова. В связи с переводами Шенгели необходимо также учитывать сугубо литературные аспекты. Установка на точность перевода, которой он последовательно придерживался, определенно сыграла роль при создании варианта, помещенного в антологию. Показателен, впрочем, сам факт публикации в подборке именно этого текста как, вероятно, одного из лучших, созданных туркменским поэтом.

При наличии переводов одного и того же автора, в частности Тарковского, также возникают расхождения, которые не обязательно вызваны попыткой уточнить подстрочник. Это касается стихотворения, которое в 1930-е гг. выходит под названием «Газель Кеминэ», а в антологии 1949 г. называется «Бедняк».

Можно выделить несколько показательных строк. Ср.:

*Скажешь баю: дай мне плату, — вспухнет кумом у дверей*²² (1936).

*Пуще кума заимодавец дуться будет: «Плати скорей»*²³ (1949).

*«Ber hakym!» diýp gyssasa, çişer otyr humdan beter*²⁴.
(туркмен. «“Отдавай долг!” — торопит, надуваясь пуще хума.)

¹⁹ Махтум-Кули. Кто не имеет ничего // Туркмения. С. 263.

²⁰ Махтум-Кули (Фраги). Если // Антология туркменской поэзии. С. 103.

²¹ *Magtymguly. Eserler ýygundysy*. S. 245.

²² Кеминэ. Газель Кеминэ // Туркмения. С. 290.

²³ Кеминэ. Бедняк // Антология туркменской поэзии. С. 106.

²⁴ *Мамметвели Кемине. Гүлениң галар: Сайланан эсерлер. Ашгабат: «Алтын гушак» туркмен филиалының Ашгабат бөлүми, 1991. С. 4.*

В первом случае бедняк просит у бая плату, во втором — обязан заплатить заимодавцу. В обеих ситуациях он максимально незащищен, однако в первой бай предстает эксплуататором, что более характерно для дискурса 1930-х гг., чем для конца 1940-х гг. Интересно употребление слова *hut*, в обоих случаях оно переведено как «кум» со сноской «песок», тогда как в действительности, скорее всего, обозначает крупный пузатый сосуд. Ср. далее:

Блудник подл и подл воришка...²⁵ (1936)

Гадок вор, низка потаскуха...²⁶ (1949)

Ogry şum, orramsy şum...²⁷

(туркмен. «Вор дурен, развратник дурен»)

Слово *orramsy* имеет достаточно широкое значение, однако действительно может переводиться как «распутный». Тарковский в 1949 г. заменяет м. р. «блудник» на ж. р. «потаскуха». Таким образом, в переводе появляется использование сниженной лексики и грубая отсылка к сексу, однако в итоге, как кажется, вариант 1930-х гг. к оригиналу ближе, в частности за счет повтора. Ср. далее:

Дочку у него отнимут — да останется чилим.

– *Кемине я, с голодухи все внутри огонь и дым²⁸* (1936).

Дочку нищего — хочет всякий, и она пойдет по рукам.

Кеминэ голодает, люди! В жилах дым с огнем пополам²⁹ (1949).

Göze görnen gyzy bolsa, hantamadyr her ýeten,

Hem garyplykdan Keminäň içleri otly tütin³⁰.

(туркмен. «Видят дочь — каждый надеется ее заполучить,

У бедного Кемине внутри дымится табак»)

Как и в случае с употреблением слова «потаскуха», здесь возникает сниженный контекст, причем Тарковский его создает, комбинируя точный и вольный переводы. В оригинале речь действительно идет о том, что дочку будет «желать всякий». В варианте 1936 г. сниженный контекст пропадает, о том, что сделают с дочерью, сказано обтекаемо. Одновременно рассыпается идиоматическое значение: бедняк в оригинале выжигает себе грудь табаком, упоминание которого в варианте 1936 г. перенесено в следующую строку: «Табакom чадить от горя у него заведено»³¹.

²⁵ *Кеминэ. Газель Кеминэ // Туркмения. С. 290.*

²⁶ *Кеминэ. Бедняк // Антология туркменской поэзии. С. 106.*

²⁷ *Мамметвели Кемине. Гүлениң галар... С. 4.*

²⁸ *Кеминэ. Газель Кеминэ // Туркмения. С. 290.*

²⁹ *Кеминэ. Бедняк // Антология туркменской поэзии. С. 106.*

³⁰ *Мамметвели Кемине. Гүлениң галар... С. 4.*

³¹ *Кеминэ. Газель Кеминэ // Туркмения. С. 290.*

Ср. далее:

*Поживиться ищут баи, нищий голодом томим*³² (1936).

*Баям только богатство мило, край отцовский мил беднякам*³³ (1949).

*Baýlar-a bähbidin arar, pukara — hubbulwatan...*³⁴

(туркмен. «Баи любят богатство, бедняк — свою родину»)

В переводе 1936 г. полностью отсутствует упоминание родины или отечества, которое было в оригинале (и восстановлено в варианте 1949 г.). Это может быть вызвано антинационалистическим дискурсом 1930-х гг., когда в Центральной Азии разворачивалась борьба с так называемыми «местным национализмом и пантюркизмом» (эти обозначения активно используются на Первом съезде, когда речь заходит о национальных литературах Центральной Азии)³⁵.

Таким образом, в 1930-е гг. было важно откреститься от ориентализма в поэзии, и это нашло отражение в переводах из старой туркменской литературы. Этот ориентализм, однако, отчасти возвращается в 1949 г., наравне с религиозными и философскими мотивами, при этом появляются и сниженные контексты.

Что касается работы с туркменскими писателями 1930-х гг., дело здесь было перепоручено сформированным писательским бригадам, которые выезжали в Туркмению³⁶. Некоторые тексты сохранились на языке оригинала в машинописи, которая, предположительно, была сделана для подготовки туркменского издания. Вслед за К. Холт мы считаем, что, несмотря на гомогенное восприятие национальной литературы, внимание заслуживает и рассмотрение фигур отдельных авторов, так как это помогает лучше понять писательскую стратегию того времени и включенность конкретных личностей в литературное поле³⁷.

³² *Кеминэ*. Газель Кеминэ // Туркмения. С. 290.

³³ *Кеминэ*. Бедняк // Антология туркменской поэзии. С. 106.

³⁴ *Мамметвели Кемине*. Гүлениң галар... С. 4.

³⁵ См.: Доклад О. Таш-Назарова о литературе Туркменской ССР // Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. С. 136-140.

³⁶ См.: *Holt K. Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // Russian Literature*. 2013. Vol. 73. Issue 1-2. P. 57-83. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2013.01.005>.

³⁷ См.: *Holt K. Performing as Soviet Central Asia's Source Texts: Lahuti and Džambul in Moscow, 1935-1936 // Cahiers d'Asie centrale*. 2015. № 24 P. 213-238. В несколько ином свете рассматривает развитие советских национальных литератур Е. А. Добренко (см., напр.: *Dobrenko E. Soviet Multinational Literature: Approaches, Problems, and Perspectives of Study // The Literary Field under Communist Rule / ed. by A. Jurgutiene, D. Satkauskyste*. Boston: Academic Studies Press, 2018. P. 3-17; в этой статье внимание сосредоточено на творчестве так называемых «народных певцов» Сулеймана Стальского и Джамбула Джамбаева как продукте эпохи сталинизма).

В 1934 г. в альманахе «Айдинг-Гюнлер» выходит стихотворение Ата Ниязова (1906–1943) «На колхозном поле» (туркмен. *Kolhoz meýdanynnda*). В материалах Туркменской комиссии Союза советских писателей о поэте говорится следующее: «Чл. ВКПб Проза стихи драма 1926 Пьеса для Кр. Армии и ряд рассказов в сборнике, поэма Туркмен. газ.»³⁸. 1926 — очевидно, год, когда Ниязов начал писать. Кроме того, он служил редактором в «Туркменгизе».

Оригинал стихотворения сохранился в РГАЛИ в составе машинописи, предназначенной для публикации в «туркменском сборнике», и датирован 1932 г. Вышел ли подобный сборник, нам неизвестно, но стихотворение было опубликовано и в антологии 1949 г. Цитаты из сборника приводим по машинописи, отдельные слова — в современной графике.

В оригинале стихотворение содержит 34 строфы, в варианте 1934 г. их 19, в антологии 1949 г. — 7. В обоих случаях переводчицей значится М. С. Петровых. Она переводит относительно близко к оригиналу, однако за счет несовпадения строфики вынуждена менять структуру предложений. Так, ср.:

*Я выбежал из комнаты моей*³⁹ (1934).

*Бегу стремглав из комнаты своей*⁴⁰ (1949).

В оригинале на этом месте, по сути, одно слово — *çykdym* (туркмен. «выбежал»)⁴¹.

В сравнении с переводом 1949 г. можно выявить ряд характерных переводческих стратегий, связанных с актуальной политической ситуацией. В 1934 г. стихотворение вышло под оригинальным названием — «На колхозном поле», однако в антологии 1949 г. оно получает заголовок «Как роза — мир». Сравнение мира с розой и в целом метафорическое упоминание «красного цветка» (туркмен. *guzyl güil*) действительно встречается в стихотворении⁴², однако не составляет его основной темы. Фактически в 1949 г. заголовок оказывается смещен в сторону большей ориентальности, тема «боев за урожай», необходимая в 1930-е гг., сглажена. Кроме того, ср.:

*Дыханье трав несет ко мне с полей*⁴³ (1934).

*Дыханье трав несет с родных полей*⁴⁴ (1949).

*...her tarapdan qyzyl gyl işi (?) geljor*⁴⁵.

(туркмен. «...отовсюду доносится запах красных цветов»)

³⁸ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 631 (Союз писателей СССР). Оп. 6. Ед. хр. 28. Л. 9.

³⁹ Ата-Ниязов. На колхозном поле // Айдинг-Гюнлер. [М.]: Б. и., 1934. С. 162.

⁴⁰ Ниязов А. Как роза — мир // Антология туркменской поэзии. С. 423.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 631 (Союз писателей СССР). Оп. 1. Ед. хр. 5088. Л. 1.

⁴² Там же.

⁴³ Ата-Ниязов. На колхозном поле // Айдинг-Гюнлер. С. 162.

⁴⁴ Ниязов А. Как роза — мир // Антология туркменской поэзии. С. 423

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 631 (Союз писателей СССР). Оп. 1. Ед. хр. 5088. Л. 1.

Вне зависимости от того, какой текст получила Петровых в качестве подстрочника (*her tarapdan* можно при желании трактовать не как «отовсюду», а как «со всей страны»), в 1930-е гг. упоминание родных полей следовало опустить, чтобы, как и в случае с переводом Тарковского, нивелировать то, что может быть истолковано как «местный национализм». В 1949 г. же упоминание родины уже не связывается с национализмом и смотрится органично на фоне сталинской послевоенной политики.

Следующие три строфы, переведенные для альманаха 1934 г., опущены в переводе 1949 г., однако они показательны для ситуации 1930-х гг. Так, упоминание «юного мира» (эпитет в оригинале отсутствует) актуализирует тему молодой советской страны. В 1949 г. дискурс социалистического строительства уже становится не так важен. Ср. далее:

*Как девушка, на праздник наряжась
В одежды свежие, стоит скромна —
Наряжена земля на урожай,
И как торжественно проста она!*⁴⁶ (1934)

*Как девушка, на праздник наряжась
В одежды новые, стоит скромна,
Так, с зимними невзгодами простясь,
Земля сияет, радости полна*⁴⁷ (1949).

Первая строка (*Bir kemsiz beçerlen bezegli qyz dek*⁴⁸ — «Как безупречно наряженная девушка») переведена близко к оригиналу. Глагол *bejermek* может переводиться как «украшать», однако он также означает «вспахивать», «возделывать»; полисемия, привносящая дополнительный оттенок смысла, таким образом, полностью пропадает в переводе. Фразу *Silkinip görünjer gözüm öjünde // Bu qara jer көр дуйрә берди маңа*⁴⁹ переводчица игнорирует полностью (Ата Ниязов пишет о том, как волнует вид дрожащей перед его взором черной вспаханной земли). Здесь, очевидно, нет никакого подтекста. Можно было бы говорить о нивелировании легкой эротической метафоры, но она сохраняется и отчасти усиливается в другой строфе:

*Разорваны покровы и земля
Лежит нагой — ровна, чиста, мягка*⁵⁰.

Ср. далее:

⁴⁶ Ата-Ниязов. На колхозном поле // Айдинг-Гюнлер. С. 162.

⁴⁷ Ниязов А. Как роза — мир // Антология туркменской поэзии. С. 423.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 631 (Союз писателей СССР). Оп. 1. Ед. хр. 5088. Л. 3.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Ата-Ниязов. На колхозном поле // Айдинг-Гюнлер. С. 162.

*Идет в атаку труд... Так соловей
На розу шлет обилие рулад*⁵¹ (1934).

*Вдруг взвилась песня, — точно соловей
Любимой шлет поток своих рулад*⁵² (1949).

Перевод 1934 г. точнее, в тексте Ата Ниязова действительно упоминается атака (туркмен. *hijjim*)⁵³. Здесь переводчица и поэт совпадают в интенции передать военную метафорику труда, характерную для идеологического дискурса 1930-х гг. Благодаря этому военная метафорика актуализуется и в следующих строках (речь идет о тракторе):

*Он наступает, движется вперед*⁵⁴.

В 1949 г. ее уже нет, что, как и в случае с атакой, вызвано переменой в отношении к классовой борьбе. Ср.:

*Он безудержно движется вперед*⁵⁵.

В оригинале при этом речь идет о том, что трактор «грозит» (туркмен. *hajbat atjasy* — «ты грозишь»)⁵⁶, что можно трактовать и как военную метафору. Тем не менее переводчица ее проясняет, отчетливее вписывая стихотворение в общий дискурс 1930-х гг.

Финальная строфа варианта 1949 г. почти полностью совпадает с переводом 1934 г.:

*За теплый хлопок и душистый хлеб
Свершаются победные бои.
А осенью колхозники придут
Зерном и хлопком взять труды свои*⁵⁷.

*За теплый хлопок и душистый хлеб
Гремят в полях победные бои,
Чтоб осенью колхозники могли
Зерном и пряжей взять труды свои*⁵⁸.

Однако в 1934 г. за этой строфой следуют еще две, которые, по сути, и передают основной пафос стихотворения. Речь идет о движении к со-

⁵¹ Ата-Ниязов. На колхозном поле // Айдинг-Гюнлер. С. 162.

⁵² Ниязов А. Как роза — мир // Антология туркменской поэзии. С. 423.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 631 (Союз писателей СССР). Оп. 1. Ед. хр. 5088. Л. 3.

⁵⁴ Ата-Ниязов. На колхозном поле // Айдинг-Гюнлер. С. 162.

⁵⁵ Ниязов А. Как роза — мир // Антология туркменской поэзии. С. 423.

⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 631 (Союз писателей СССР). Оп. 1. Ед. хр. 5088. Л. 5.

⁵⁷ Ата-Ниязов. На колхозном поле // Айдинг-Гюнлер. С. 162.

⁵⁸ Ниязов А. Как роза — мир // Антология туркменской поэзии. С. 423.

циализму и «торжеству над классовым врагом»⁵⁹. Сочетание «классовый враг» (туркмен. *synpy duşman*) на тот момент уже введено в туркменский. По сути, оно должно было стать идеологической доминантой стихотворения, что и происходит в переводе 1934 г. Петровых даже переносит в предпоследнюю строфу слово «социализм», которое упоминалось единожды в середине стихотворения («враг» / «классовый враг» упоминается в двух соседних строфах трижды).

Таким образом, в 1930-е гг. переводчики туркменской старой литературы вынуждены крайне осторожно обращаться с восточной романтикой. Этим может объясняться стратегия Веселкова и Ташназарова, которые игнорируют «восточные мудрости» Махтумкули. Тарковский в 1930-е гг. действует смелее, чем местные переводчики, однако также в определенной мере нивелирует восточную окраску. Что касается поэзии 1930-х гг., перевод из Ата Ниязова оказывается в целом близок к оригинальному тексту. В сравнении с антологией 1949 г. можно выявить, что упомянутые тенденции были характерны именно для 1930-х гг. Вместе с изменением сталинской национальной политики меняется и отношение к туркменской поэзии. С одной стороны, переводчики туркменской классики получают большую свободу и больше внимания могут уделять сугубо ориентальным мотивам. С другой — в работе с туркменской поэзией 1930-х гг. переводчики уходят дальше от содержания: революционная романтика нивелируется, так как она нивелируется и в политическом дискурсе. На первый план выходят ориентальные мотивы, которые в переводах 1930-х гг. могли трактоваться как увлечение «экзотикой» (тем не менее, как мы покажем ниже, о полном их вытеснении речи идти не может: переводчик должен лавировать между обращением к национальной культуре и ориентализмом).

В альманахе «Туркмения» (1936) был также напечатан перевод поэмы Амандурды Аламышева «Сона». О самом авторе известно немного: он родился в 1904 г. в ауле Геокча, работал учителем, редактором и переводчиком, погиб в 1943 г. на фронте. «В конце двадцатых годов его направляют учителем и пропагандистом в Кара-Кумы, к скотоводам»⁶⁰.

Поэма «Сона» (1928 г.; первый вариант названия — *Söndi*, «погасла») существовала в двух редакциях, первым из которых мы на данный момент не располагаем. Второй известен в переводах Тарковского (только отрывки) 1936 г. и В. Ф. Рыбина 1976 г. По мотивам поэмы была также создана опера Амана Агаджикова на слова Алты Карлиева (отрывки из оперы с параллельным текстом на туркменском и русском языках изданы в 1968 г.).

Прежде всего, поэма «Сона» сильно выбивается из общего характера альманаха «Туркмения». Если посмотреть на его содержание, тексты туркменских авторов тематически однородны: стихотворения Ораза Ташназа-

⁵⁹ Ата-Ниязов. На колхозном поле // Айдинг-Гюнлер. С. 162.

⁶⁰ Реджетов С. Жизнь и творчество поэта Амандурды Аламышева. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1960.

рова «Родина», «Ленинский сад в Ашхабаде», «Однажды», «Комсомолка» о социалистическом строительстве; «красноармейская песнь» Ходжанепеса Чарыева «Мой гнедой конь» о службе в РККА, стихотворение Ходжа Шукурова «Решающий день» о соцсоревновании, отрывки из поэм Берды Кербабая «Аму-Дарья» об орошении, «Биби» Ата Ниязова о раскрепощении женщины, «Перед смертью» Амана Кекилова об агитации за вступление в колхоз. Отрывки из поэмы «Сона» не соответствуют общей тональности, так как выбранные фрагменты составляют исключительно любовную линию между учительницей Соной и работником коопторга Анна. Этот сюжет, по сути, представляет собой типичную историю о влюбленных, которых пытаются разлучить.

Отрывки в альманахе — неясно, по недосмотру или сознательно — опубликованы под русифицированным названием «Сонди». Дело в том, что еще у туркменского текста поэмы была сложная судьба, финал был кардинально переработан автором под влиянием партийной критики: «Сонди» как будто бы не соответствовала идеологической линии 1930-х гг. Так, Ораз Ташназаров в докладе на всетуркменском съезде советских писателей говорил примерно следующее (приводим по пересказу доклада в газете «Туркменская искра» от 18 мая 1934 г.):

«Возьмем поэму Аламышева “Сонди”⁶¹. Эта поэма о раскрепощении женщины дает неправильную установку. Город оказывается бессильным перед влиянием байства аула, которое использует свою власть для поддержания родового права. И вот девушку, которая хочет выйти на свободу, классовый враг, примазавшийся в советский аппарат, убивает. Поэма заканчивается слезами как единственной формой протеста против классовых врагов: “сгорело мое сердце — сгорело, потухла моя свеча — потухла”⁶².

Таким образом, «Сонди» была достаточно пессимистична и заканчивалась смертью героини. Сюжет поэмы «Сона» следующий: учительница Сона мучится под гнетом баев, ее сговорили замуж за мальчика, который должен еще подрасти, но она влюблена в юного и прекрасного Анна; в итоге Сона и Анна пытаются бежать, но коварный Италмаз обвиняет Анна в том, что тот Сону похитил. Пока райком разбирается, что произошло, Италмаз и его жена пытаются Сону повесить, но шум слышит работник мельницы. В финале Сона спасена, добро торжествует, Италмаз наказан и арестован комиссарами. Видимо, в изначальной редакции повешение Соны увенчивалось успехом. Таким образом, для ситуации 1930-х гг. оказывается абсолютно неприемлем трагизм, даже окрашенный обличительным пафосом, — вряд ли в конце Италмаз торжествует, — поэма отправляется на доработку и вновь появляется под заглавием «Сона».

⁶¹ В газете название поэмы искажено.

⁶² *Таш-Назаров О.* Задачи советской туркменской литературы // Туркменская искра. 1934. 18 V.

В книге С. Реджеп(б)ова⁶³ об Аламышеве 1961 г. можно найти упоминание различий между «Соной» и «Сонди». В частности, Сона длиннее, больше внимания в ней уделяется роли комсомола и образования в жизни героев, пейзажу и портретам. Также убраны все, даже идиоматические, упоминания Аллаха (в первоначальной редакции «образы влюбленных окрашены религиозностью»), «значительно усилена роль народа» и т. п.⁶⁴

В переводе Тарковского есть восемь отрывков: вступительный о том, как «мучится в своем доме прекрасная Сона», письмо Анна, передача письма, ответ Соны, передача ответа, получение ответа, объяснение и прощание. Говоря о разнице переводов Тарковского и Рыбина, следует помнить, что нам неизвестно, как поэма была переработана самим автором (поздний подстрочник, который был направлен в издательство «Советский писатель» после смерти Аламышева, как оказалось, отослали обратно в Туркмению). Между тем в промежутке между переводами случилась попытка издать «Сону» на русском языке в упомянутом «Советском писателе». Однако рецензия оказалась неудовлетворительной (приводим с сохранением орфографии и пунктуации):

«Если верить пояснительным словам автора, то Сона идеальная девушка в ущелье, умеющая идти по правильной дороге новой жизни, понимающая, кто такие враги и умеющая бороться против них.

<...>

А Сона очень пассивная, она не борется за достижение своей цели. Если бы не добрые люди, которые оказали помощь ей, она бы жила с той горькой судьбой, которую предписал ей аллах»⁶⁵.

Вывод рецензента Аджана Таганова таков:

«...может быть поэма “Сона” в тридцатые годы сыграла какую-то роль для воспитания молодежи против адата-шариата. Однако, я не советовал бы перевести эту поэму на русский язык и предложить на суд всесоюзного читателя»⁶⁶.

В 1976 г. поэма действительно была опубликована в издательстве «Туркменистан».

Здесь принципиально отметить разницу между ситуациями с антологией, которую мы привлекали для анализа выше, и с полным текстом «Соны». Антология создавалась для «всесоюзного читателя» (и отрывки из «Соны» в переводе Тарковского туда также вошли). Однако перевод полного текста поэмы представляет собой скорее локальный феномен. Конечно, читателю

⁶³ Книга написана на туркменском, поэтому фамилия автора звучит по-разному в русской и туркменской огласовке на титульных страницах.

⁶⁴ Реджепов С. Творческий путь поэта Амандурды Аламышева. Ашхабад: Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1961. С. 63–64.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 1234 (Издательство «Советский писатель»). Оп. 20. Ед. хр. 2415. Л. 1–2.

⁶⁶ Там же. Л. 3.

он был доступен, однако не мог претендовать на тот статус, которым обладала антология, вышедшая в ГИХЛе в 1949 г.

Для антологии 1949 г. использовался перевод Тарковского с незначительными изменениями и в сокращении. Так, были заменены строки «И только немного груди ее / Не достают до глаз» и «И рвут рубаху ее сосцы, / Как острие ножа»⁶⁷. Также в строке «Анна сорвал [с ее лица. — А. Б.] платок» в антологии стоит более мягкое «снимает»⁶⁸. Перевод Рыбина, судя по всему, полный. У нас нет данных, учитывал ли Рыбин перевод Тарковского в своей работе. Мы не будем здесь описывать различия, которые имеют чисто эстетический характер, сосредоточимся только на тех, что могут указывать на общие тенденции.

Первый параллельный фрагмент у Тарковского и у Рыбина — письмо возлюбленного героини. У Тарковского он обращается к ней «Милая моя...»⁶⁹, тогда как Рыбин воспроизводит «Салам...»⁷⁰. Впрочем, использование «восточного колорита» у Рыбина в поэме этим и ограничивается, как мы покажем ниже (за исключением слов «джигит» и «джан»).

Далее у Тарковского следует воспевание всех достоинств героини, что в целом характерно для восточной любовной поэзии, у Рыбина же подчеркивается социальное неравенство между героями. Ср.:

*Есть все достоинства в тебе,
Не только красота одна;
Когда бы я ученым был,
Я б восхвалил тебя, Сона*⁷¹ (Тарковский).

*Ты образована, Сона,
ты не чета другим.
Я малограмотен пока —
могу ли стать твоим?*⁷² (Рыбин).

Затем Рыбин подчеркивает, что оба героя вступили в комсомол совсем недавно, то есть советская власть еще не до конца установлена. В переводе Тарковского этот фрагмент, по-видимому, сокращен:

*Я комсомолец, и узнал,
Что комсомолка ты, Сона...*⁷³

⁶⁷ Аламышев А. Отрывки из поэмы «Сонди» // Туркмения. С. 128.

⁶⁸ Там же. С. 127.

⁶⁹ Там же. С. 123.

⁷⁰ Аламышев А. Сона. Ашхабад: Туркменистан, 1976. С. 12.

⁷¹ Аламышев А. Отрывки из поэмы «Сонди» // Туркмения. С. 124.

⁷² Аламышев А. Сона. С. 13.

⁷³ Аламышев А. Отрывки из поэмы «Сонди» // Туркмения. С. 124.

Следующий фрагмент, обозначенный у Тарковского как третий, начинается с прямой речи, у Рыбина же повествование ведется от третьего лица. Ср.:

*– Иди, Эне, письмо передай,
От встречных получше спрячь.
И встала Эне, и взяла письмо,
Завязала его в гынгач⁷⁴ (Тарковский).*

*Листок он вчетверо свернул,
старушке дал наказ:
посланье чтоб передала
без посторонних глаз.
Старушка чаю принесла:
– Попей пока, сынок...*

*Надела старенький платок
и вышла за порог⁷⁵ (Рыбин).*

У Тарковского слово «Эне» по неясной причине выступает как имя собственное, хотя на самом деле означает «бабушка». Также он оставляет непереуказанным слово «гынгач» (платок, который носит замужняя женщина). Рыбин же полностью русифицирует текст⁷⁶. Характерно также, что у Рыбина старушка обращается к влюбленным «мой свет», то есть вновь привносится русская литературная или фольклорная традиция.

У Рыбина передана реакция Соны на письмо как на неожиданное, у Тарковского старушка сразу сообщает, от кого оно. Также у последнего героя в целом выглядит спокойной, тогда как у Рыбина волнуется и боится. Ср.:

*Радость и нежность борются в ней
И ранят сердце ее...
Тогда по бумаге скользнуло пера
Упругое острие⁷⁷ (Тарковский).*

*Сжимает сердце жуткий страх,
дрожит ее рука.
Бежит неровно по листку
начальная строка⁷⁸ (Рыбин).*

⁷⁴ Аламышев А. Отрывки из поэмы «Сонди» // Туркмения. С. 124.

⁷⁵ Аламышев А. Сола. С. 13.

⁷⁶ Хотя один раз Сола обращается к старушке «эне-джан».

⁷⁷ Аламышев А. Отрывки из поэмы «Сонди» // Туркмения. С. 125.

⁷⁸ Аламышев А. Сола. С. 14.

Перевод письма героини в варианте Рыбина обрывается в том месте, где Сола говорит, что не может высказать свои чувства. Сола здесь боится сильнее, она просит не посылать писем, тогда как в варианте Тарковского разрешает писать, но осторожно. В переводе Рыбина полностью опущены эмоции Соны, ее рассказ о женихе и Италмазе, а также нивелирован мотив раскрепощения женщины — нет упоминания о героической смерти от байской пули. См. у Тарковского:

*Но байской не буду женою,
Хотя бы я пулей шальнойю
Была сражена.
Сола⁷⁹.*

Таким образом, перевод Рыбина лишен страсти и патетики, при этом вводятся русифицированные пословицы:

*...ведь говорят, что и у стен
глаза и уши есть.
Еще в народе говорят:
«Нет дыма без огня».
В письме я не могу сказать,
что в сердце у меня...⁸⁰*

Тарковский более, чем Рыбин, уделяет внимание пейзажным элементам. См., например:

*Анна, терпенье потеряв,
Глядит из-под руки
В безлюдную скупую даль,
На желтые пески.*

*Уже прохлада залила
Прозрачный небосклон,
И на дороге наконец
Эне увидел он⁸¹.*

Рыбин же скупно перечисляет события и воспроизводит прямую речь героев. Тарковский в целом активнее использует метафорический ряд, см., например:

*И дума черная в него
Направила кинжал⁸².*

⁷⁹ Аламышев А. Отрывки из поэмы «Сонди» // Туркмения. С. 125.

⁸⁰ Аламышев А. Сола. С. 16.

⁸¹ Аламышев А. Отрывки из поэмы «Сонди» // Туркмения. С. 126.

⁸² Там же.

В седьмой части прослеживаются наиболее характерные различия. Описаны одинаковые эмоции Соны, однако переданы они по-разному. Тарковский подчеркивает, что Сона читает книгу, и в целом, как выразился рецензент 1969 г., она «прогрессивная девушка», тогда как у Рыбина совсем нет упоминания о том, чем занимается дома Сона, — фактически она сидит и ждет возлюбленного. С другой стороны, в варианте Рыбина все же есть традиционное упоминание приглашения на чай, которое встречается практически в каждом тексте туркменских альманахов.

При этом Тарковский обращается к восточной стилизации: так, у него есть традиционное упоминание розы как аллегии любви. Видимо, в оригинале стояло *gyzyl gül* — красный цветок, что позволило Рыбину упомянуть «два пламенных цветка»⁸³, однако, учитывая широкую многозначность тюркских корней, перевод Тарковского выглядит точнее.

Далее Тарковский описывает эмоционально весьма насыщенную сцену, у Рыбина же идет сжатое повествование. При этом у Тарковского в переводе присутствует больше скрытого эротизма: Анна срывает платок с лица Соны, подробно описана лишь упомянутая у Рыбина грудь Соны и т. п.

Кроме того, само срывание платка, как представляется, несет мощную идеологическую функцию: тема раскрепощения женщины в туркменских альманахах стабильно ассоциируется с платком, которым прикрывают лицо.

Итак, если говорить о разнице в переводе этих конкретных отрывков, можно выявить три тенденции. Во-первых, Рыбин почти полностью игнорирует традиции восточной поэзии, тогда как Тарковский так или иначе пытается включить их в текст. Тарковский делает то, что требовала от переводчика критика этого периода: изучить туркменскую поэтическую культуру и включить ее в собственный текст, не увлекаясь чрезмерно экзотикой. Так поэма в целом получилась более «туркменской»: пейзаж, портреты героев, завязывание письма в платок как способ не потерять, платок на лице и т. п. У Рыбина все эти аспекты нивелируются и остается, по сути, русифицированный текст поэмы. Таким образом, текст в 1976 г. практически освобождается от специфически региональных моментов.

Второй аспект — собственно восточная образность, насыщенная эротизмом. Помимо упомянутого выше, Тарковский уделяет относительно большой отрывок описанию тела Соны целиком. Причем в антологии 1949 г. это описание также отсутствует.

И третья принципиальная составляющая — эмансипация женщины. В целом, если говорить об идеологической подоплеке «Соны», то это поэма о любви, которая становится «верной» за счет раскрепощения женщины Востока. Даже в любовных отрывках у Тарковского Сона более-менее активна, у Рыбина она пассивней (что полностью противоречит пожеланиям автора внутренней рецензии), эмоционально не отделена от Анна. Показа-

⁸³ Аламышев А. Сона. С. 17.

тельно, например, желание быть сраженной байскою пулей, выглядящее едва ли не отсылкой к гражданской войне, которое у Рыбина совершенно отсутствует, хотя есть даже в доступных нам отрывках, которые приводит Реджепов в своей книге. Вероятно, переводчика мало волнует основная идеологическая составляющая поэмы.

Точно так же беспомощна Сона в переводе М. Лапирова для оперы. Песня Анна и ариозо Соны содержательно близки к письмам из поэмы, при этом ариозо Соны практически полностью состоит из фраз наподобие «Кто меня спасет?», «Сил бороться против зла у Соны несчастной нет»⁸⁴, она поет: «Советский строй — защитник мой»⁸⁵. Таким образом, еще в 1960-е гг., когда была написана опера, нивелировался изначальный пафос поэмы и ее идеологические предпосылки. На передний план выходит рефрен «нам может наша власть», то есть герои сами за себя уже не отвечают.

Тексты, которые появлялись вокруг поэмы «Сона», заслуживают отдельного внимания. Это вышеупомянутые рецензии и книга Реджепова, а также его диссертация о жизни и творчестве Аламышева. Как кажется, подобные тексты нужно рассматривать в связи с самим проектом национальных советских литератур, так как такого рода исследования часто содержали оценочные суждения и, помимо прочего, могли поспособствовать закреплению того или иного произведения в литературном каноне (или же, напротив, быть показателем того, что текст был канонизирован). Текст диссертации полностью противоречит тому, что мы видели во внутренней рецензии «Советского писателя». Если исходить из формулировок Реджепова, центральная тема поэмы — классовые противоречия, поэма — народная, героиня — прекрасная передовая девушка, и это едва ли не первое туркменское произведение в русле соцреализма (хотя понятны как раз претензии критика: герои хотят не столько вести классовую борьбу, сколько жить долго и счастливо). Более того, Реджепов считает героиню более последовательной и цельной натурой, чем Анна (видимо, потому что Анна предается грустными мыслям в тюрьме). Не видит ничего ошибочного Реджепов и в поэме «Сонди», хотя, разумеется, выше оценивает переработанный текст⁸⁶.

Реджепов фактически выступает адвокатом поэмы «Сона» и, по сути, закрепляет ее в туркменском литературном каноне, в таком статусе она будет упоминаться в энциклопедических статьях об Аламышеве. Характерно, однако, что в энциклопедиях поэма все равно фигурирует как история «из жизни сельской интеллигенции»⁸⁷, а не «о раскрепощении женщины».

⁸⁴ Агаджиков А. Отрывки из оперы «Сона». М.: Советский композитор, 1967. С. 11–12.

⁸⁵ Там же. С. 36.

⁸⁶ См. автореферат диссертации: Реджепов С. Жизнь и творчество поэта Амандурды Аламышева. С. 9–14. См. также: Он же. Творческий путь поэта Амандурды Аламышева. Ашхабад: Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1961.

⁸⁷ Аламышев, Аман-Дурды // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1969. Т. 1. С. 380.

Сложно сказать, насколько стратегии советских переводчиков относительно туркменской поэзии можно экстраполировать на национальные литературы в целом. Однако выделенные тенденции достаточно отчетливо соотносятся с изменениями в социально-политической ситуации. Нельзя сказать, что в 1930-е гг. переводчики полностью отказываются от ориентальных мотивов. Напротив, как видно из перевода поэмы «Сона», до определенной степени они сохраняются, и это проясняется в сравнении с переводом 1976 г., текст которого практически полностью доместикализован. Можно осторожно предположить, что здесь сказывается политика русификации, однако для подтверждения этой гипотезы требуется больше материала, кроме того, ориентальные мотивы в антологии 1949 г. проявляются в большей степени, чем в альманахах 1930-х гг. Показательна, однако, тенденция к нивелированию идеологического дискурса 1930-х гг. в обоих случаях. Место классовой борьбы занимает мирный труд, а в теме эмансипации женщины акценты оказываются расставлены несколько иначе, и история о «прогрессивной девушке» превращается в мелодраму. Это последнее изменение, впрочем, наравне с характерной доместикализацией, заставляет говорить не о флуктуации идеологического контекста эпохи, а о более широкой проблеме переводческих практик в СССР, так как принимаемые решения и стоящая за ними личность переводчика не могут полностью нивелироваться идеологическим дискурсом. Личные амбиции и интересы вовсе не вытесняются им. Так, для Петровых и Тарковского переводы могли быть одновременно и способом заработка, и способом реализации в литературном поле. Шенгели мог в большей степени руководствоваться собственными переводческими принципами, нежели идеологической составляющей, так как последовательно реализовывал установку на точность перевода⁸⁸. Для Веселкова туркменские тексты представляли научный и творческий интерес. Ташназарова, до того как он был репрессирован, можно было назвать одним из идеологов советской туркменской литературы (показательно, что именно он выступал на Первом съезде советских писателей). Соответственно, он мог реализовывать как идеологические, так и сугубо художественные паттерны, так же как и Рыбин, который долгое время жил в Ашхабаде и создал значительное количество собственных произведений на «восточную» тему (при этом именно он выбирает для перевода стратегию доместикализации). Так или иначе, туркменская переводческая практика не исчерпывается влиянием советской внутренней политики⁸⁹, хотя в некоторых случаях можно проследить отдельные проявления этой составляющей.

⁸⁸ На это указывают многие исследователи его деятельности. См.: *Азов А. Поверженные буквалисты. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013; Молодяков В. Георгий Шенгели. Биография: 1894–1956. М.: Водолей, 2017.*

⁸⁹ Так, именно на художественные недостатки переводов из Махтумкули указывал в 1970-е гг. С. Н. Иванов. См.: *Иванов С. Ответственность переводчика // Звезда Востока. 1972. № 6. С. 172–175.*

Литература

- Абашии С. Н.* Советский кишлак: Между колониализмом и модернизацией. М.: НЛО, 2015.
- Азов А.* Поверженные буквалисты. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013.
- Байлиев Х., Каррыев Б.* Туркмено-русский словарь. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1940.
- Бурцева А. О.* Туркмения 1930-х годов глазами советского писателя: язык и перевод // Взгляд чужеземца: Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом / отв. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 269–286. <https://doi.org/10.31168/4469-1767-9.16>.
- Иванов С.* Ответственность переводчика // Звезда Востока. 1972. № 6. С. 172–175.
- Молодяков В.* Георгий Шенгели. Биография: 1894–1956. М.: Водолей, 2017.
- Мурадов Р. Г.* Парадигма «Туркменоведения» // Культурные ценности: Международное ежегодник: 2000–2001 / отв. ред. Р. Г. Мурадов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 164–178.
- Реджепов С.* Жизнь и творчество поэта Амандурды Аламышева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1960.
- Реджепов С.* Творческий путь поэта Амандурды Аламышева. Ашхабад: Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1961.
- Скаков Н.* Культура Полтора // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 104–123.
- Скосырев П. Г.* Основные этапы развития туркменской поэзии // Антология туркменской поэзии / сост. Б. Каррыев, М. Косаев, Д. Халдурды. М.: ГИХЛ, 1949. С. 5–25.
- Туркменско-русский словарь / под общ. ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. М.: Советская энциклопедия, 1968.
- Allen F., Touch-Werner (Tachmouradova) J.* Turkmen-English Dictionary. Kensington, Maryland: Dunwoody Press, 1999.
- Bustanov A.* Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. London; New York: Routledge, 2014.
- Clement V.* Learning to Become Turkmen. Literacy, Language, and Power, 1914–2014. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2018.
- Dobrenko E.* Soviet Multinational Literature: Approaches, Problems, and Perspectives of Study // The Literary Field under Communist Rule / ed. by A. Jurgutiene, D. Satkauskyste. Boston: Academic Studies Press, 2018. P. 3–17.
- Edgar A. L.* Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton: Princeton University Press, 2004.
- Holt K.* Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // Russian Literature. 2013. Vol. 73. Issue 1–2. P. 57–83. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2013.01.005>.
- Holt K.* Performing as Soviet Central Asia's Source Texts: Lahuti and Džambul in Moscow, 1935–1936 // Cahiers d'Asie centrale. 2015. № 24. P. 213–238.

Schimmelpennick van der Oye D. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven; London: Yale University Press, 2010.

Witt S. The Shorthand of Empire: *Podstrochnik* Practices and the Making of Soviet Literatures // *Ab Imperio*. 2013. № 3. P. 155–190. <https://doi.org/10.1353/imp.2013.0080>.

References

- Abashin, S. N., 2015. *Sovetskii kishlak: Mezhdru kolonialismom I modernizatsiei* [Soviet Kishlak: Between Colonialism and Modernisation]. Moscow: NLO.
- Allen, F., Touch-Werner (Tachmouradova), J., 1999. *Turkmen-English Dictionary*. Kensington, Maryland: Dunwoody Press.
- Azov, A., 2013. *Poverzhennye bukvalisty* [Fallen Literalists]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Bailiev, Kh., Karryev, B., 1940. *Turkmeno-russkii slovar'* [Turkmen-Russian Dictionary]. Ashgabat: Turkmengosizdat.
- Baskakov, N. A., Karryev, B. A., Khamzaev, M. Ia., eds, 1968. *Turkmensko-russkii slovar'* [Turkmen-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Burtseva, A. O., 2020. Turkmeniia 1930-kh godov glazami sovetskogo pisatel'ia: iazyk i perevod [Soviet Turkmenia through the Eyes of the Soviet Writer: Language and Translation]. In: O. V. Khavanova, ed., 2020. *Vzgliad chuzhezemtsa: Diplomaty, publitsisty, uchenye-puteshestvenniki mezhdru Vostokom i Zapadom* [A Stranger's Gaze: Diplomats, Journalists, Scholars — Travellers between East and West from the Eighteen Century to the Twenty-First]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia. <https://doi.org/10.31168/4469-1767-9.16>.
- Bustanov, A., 2014. *Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations*. London; New York: Routledge, 2014.
- Clement, V., 2018. *Learning to Become Turkmen. Literacy, Language, and Power, 1914–2014*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Dobrenko, E., 2018. Soviet Multinational Literature: Approaches, Problems, and Perspectives of Study. In: A. Jurgutiene, D. Satkauskite, eds, 2018. *The Literary Field under Communist Rule*. Boston: Academic Studies Press, pp. 3–17.
- Edgar, A. L., 2004. *Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan*. Princeton: Princeton University Press.
- Holt, K., 2013. Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism. *Russian Literature*, 73 (1–2), pp. 57–83. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2013.01.005>.
- Holt, K., 2015. Performing as Soviet Central Asia's Source Texts: Lahuti and Džambul in Moscow, 1935–1936. *Cahiers d'Asie centrale*, 24, pp. 213–238.
- Ivanov, S. 1972. Otvetstvennost' perevodchika, *Zvezda Vostoka*, 6, pp. 172–175.
- Molodyakov, V., 2017. *Georgii Shengeli. Biografiia: 1894–1956* [Georgy Shengeli. A Biography: 1894–1956]. Moscow: Vodolei.
- Muradov, R. G., 2002. Paradigma “Turkmenovedeniia” [The Paradigm of “Turkmen Studies”]. In: R. G. Muradov, ed., 2002. *Kul'turnye tsennosti: Mezhdunarodnyi ezhegodnik: 2000–2001* [Cultural Values: International Yearbook]. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, pp. 164–178.

- Redzhepov, S., 1961. *Tvorcheskii put' poeta Amandurdy Alamysheva* [The Creative Path of Poet Amandurdy Alamysow]. Ashgabat: Izd-vo Akademii nauk Turkmen-skoi SSR.
- Redzhepov, S., 1960. *Zhizn' i tvorchestvo poeta Amandurdy Alamysheva* [The Life and the Creative Work of the Poet Amandurdy Alamysow]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Academy of Sciences of the Turkmen SSR, Magtumguly Institute of literature.
- Schimmelpennick van der Oye, D., 2010. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven; London: Yale University Press.
- Skakov, N., 2020. Kultura Poltora [Culture One and a Half]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1 (161), pp. 104–123.
- Skosyrev, P. G., 1949. Osnovnye etapy razvitiia turkmenskoi poezii [Main Stages of the Development of The Turkmen Poetry]. In: B. Karryev, M. Kosaev, D. Khaldurdy, eds, 1949. *Antologiiia turkmenskoi poezii* [Anthology of the Turkmen Poetry]. Moscow: GIKhL, pp. 5–25.
- Witt, S., 2013. The Shorthand of Empire: Podstrochnik Practices and the Making of Soviet Literatures. *Ab Imperio*, 3, pp. 155–190. <https://doi.org/10.1353/imp.2013.0080>.

ВЗГЛЯД НА «СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ» СПУСТЯ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА С МОМЕНТА ИЗДАНИЯ

Войцех Мондры

Адъюнкт,
Институт славистики,
Польская академия наук
Почтовый адрес: ул. Старый Рынок 78,
Познань, 61-740, Польша
Электронный адрес: wojciech.madry@ispan.waw.pl
ORCID: 0000-0001-5078-9714

Аннотация

«Словарь славянских древностей» остается уникальным междисциплинарным компендиумом знаний по ранней истории и культуре славян, одним из наибольших достижений польских славистов, которое до сих пор часто цитируют многие современные исследователи. Статья посвящена истории и этапам создания «Словаря», а также специфике всего издательского процесса. Детально представлены первая неудачная попытка его издания в 1930-х гг. и вторая успешная попытка, предпринятая после Второй мировой войны. Охарактеризована послевоенная политическая ситуация в государстве, которая оказала значительное влияние на создание «Словаря», возможность контактировать с зарубежными учеными и пользоваться иностранной литературой. Кроме того, освещается связь создателей «Словаря» с малоизвестным за пределами Польши сообществом ученых, представлявшим разные дисциплины и получившим название «западная мысль». Основными центрами «западной мысли» до и после Второй мировой войны были Познанский университет, основанный в 1919 г., и связанный с ним Западный институт, основанный в 1945 г., что значительно повлияло на содержание подаваемых статей. Некоторые авторы, особенно те, кто работал над статьями о западославянском регионе или об этногенезе славян, имели выраженные полонцентрические взгляды. Позиция ученых была обусловлена результатом Второй мировой войны и возвращением в состав Польши так называемых «Западных земель». В статье анализируются и другие проблемы, с которыми сталкивались редакторы «Словаря славянских древностей». В ней также представлены факторы, предопределившие успешный финал этой издательской инициативы. Одним из них было принятое редакторским коллективом «Словаря» в 1959 г. решение преобразовать запланированное популярное двухтомное издание в многотомную научную энциклопедию.

Ключевые слова

Исследование, междисциплинарность, Средневековье, славяноведение, славянство, археология, культура, языкознание, история искусства, «западная мысль»

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2021 г.

Цитирование: Мондры В. Взгляд на «Словарь славянских древностей» спустя четверть века с момента издания // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 149–164. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.09>

A LOOK AT *THE DICTIONARY OF SLAVIC ANTIQUITIES* A QUARTER OF A CENTURY SINCE ITS PUBLICATION

Wojciech Mądry

Assistant Professor,
Institute of Slavic Studies,
Polish Academy of Sciences
Postal address: Stary Rynek str. 78,
Poznań, 61-740, Poland
E-mail: wojciech.madry@ispan.waw.pl
ORCID: 0000-0001-5078-9714

Abstract

The Dictionary of Slavic Antiquities remains a unique interdisciplinary compendium of knowledge on early Slavic history and culture. It is one of the greatest achievements of the Polish Slavists, and it is still often cited by many modern scholars. This article presents the course of work on the *Dictionary*, the stages of its creation, and the specifics of the entire publishing process. The author presents the first unsuccessful attempt to publish the dictionary in the 1930s and the second, successful, attempt undertaken after World War II. Particular emphasis is given to the post-war political situation in the country, which had a significant impact on the creation of the *Dictionary*, including the ability to contact foreign scholars and to use foreign literature. In addition, the article highlights the connection of the *Dictionary* creators to an interdisciplinary community of scholars little-known outside of Poland called the “Western thought”. Poznań University, founded in 1919, and the Western Institute, founded in 1945 and affiliated with the university, were the main centres of the “Western thought” before and after World War II. This location influenced the content of the submitted articles significantly. Some authors, especially those who worked on articles about the West Slavic region or about the ethnogenesis of the Slavs, had evident Polish-centric views. The position of the scholars was determined by the result of World War II and the return of the so-called “Western lands” to Poland. The article also analyses other problems faced by the editors of “The Dictionary of Slavic Antiquities” and presents the factors that led to the successful outcome of this publishing initiative. One of these was the decision taken by the editorial staff in 1959 to transform the planned two-volume edition into a multivolume scientific encyclopaedia.

Keywords

Research, interdisciplinarity, the Middle Ages, Slavic studies, Slavdom, archaeology, culture, linguistics, history of art, “Western thought”

Received 30 November 2021

How to cite: Mądry, W., 2021. Vzgliad na “Slovar’ slavianskikh drevnostei” spustia chetvert’ veka s momenta izdaniia [A Look at The Dictionary of Slavic Antiquities a Quarter of a Century since Its Publication]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 149–164. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.09>

В 2021 г. исполняется четверть века с момента публикации последнего тома «Словаря славянских древностей»¹. Это не первая, но единственная в мировом масштабе удачная попытка обобщить на уровне энциклопедии современное состояние знаний по истории и культуре славян от их появления в источниках до рубежа XII–XIII вв., то есть до окончательного формирования славянских государств. Географически издание охватывало не только ареалы компактного проживания славян, но и очаги славянских диаспор, в том числе на других континентах, а именно в Азии и Африке. Большая часть содержащейся в словаре информации остается актуальной, о чем лучше всего свидетельствует его частое цитирование в многочисленных польских и зарубежных исследованиях по ранней истории славян.

В данной статье будут охарактеризованы условия, в которых польские слависты дважды предприняли попытки создать «Словарь славянских древностей», и обстоятельства, которые предрешили фиаско первой из них и успешное завершение второй через 45 лет после начала работы. Кроме того, в статье освещается связь создателей «Словаря» с малоизвестным за пределами Польши интердисциплинарным сообществом ученых, получившим название «западная мысль».

Следует отметить, что в XX в. рассматриваемое издание было не единственной инициативой, направленной на энциклопедическое изложение состояния исследований по древнейшей истории славян. Еще до Первой мировой войны Петербургская академия наук начала издавать объемную многотомную «Энциклопедию славянской филологии» под редакцией Ватрослава Ягича². К работе планировали привлечь самых выдающихся ученых, которым предстояло осветить важнейшие проблемы славистики. Однако революция 1917 г. и последовавшие за ней события прервали издательский процесс; последний девятый выпуск энциклопедии был опубликован в 1929 г. Интересно, что в 1922 г. президент Польской академии знаний в Кракове Казимеж Моравский и ее генеральный секретарь Станислав Врублевский предложили Российской академии наук продолжить издание энциклопедии и привлечь к этой работе ученых из Академий наук других

¹ Słownik starożytności słowiańskich: Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych / pod red. W. Kowalenki, G. Labudy, T. Lehr-Spławińskiego. Wrocław: Zakład Narodowy im Ossolińskich, 1961. Т. 1; Słownik starożytności słowiańskich: Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII / pod red. A. Gąsiorowskiego, W. Kowalenki, G. Labudy, T. Lehr-Spławińskiego et al. Wrocław: Zakład Narodowy im Ossolińskich, 1964–1996. Т. 2–8.

² См.: Ягич И. В. История славянской филологии. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1910. (Энциклопедия славянской филологии / под ред. И. В. Ягича. Вып. 1); Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград: Тип. Императ. Акад. наук, 1915. (Энциклопедия славянской филологии / под ред. И. В. Ягича. Вып. 11.1); и др.

славянских стран. Однако по организационным и финансовым причинам эта идея не была реализована³.

Еще одну подобную попытку предпринял Макс Фасмер (в Германии), но и он не довел дело до конца. В рамках *Slavischer Grundriss* вышло только несколько грамматических исследований славянских языков (Николас ван Вейк, Стефан Младенов, Фридрих Лоренц), один труд по этнографии (Дмитрий Зеленин) и один — по археологии (Йозеф Шранил).

Неудача двух упомянутых слишком масштабных замыслов подтолкнула славистов, участвовавших в первой конференции Федерации исторических обществ Восточной Европы в Варшаве в июне 1927 г., к идее издать «Словарь славянских древностей». Инициатором проекта выступил историк социальных и экономических отношений, профессор Львовского университета Францишек Буяк⁴. Обмен между членами Федерации и презентация их исследований происходили на страницах издаваемого во Франции *Bulletin d'information des sciences historiques en Europe Orientale*. Его последний — девятый — том вышел в 1939 г. Исполнительный комитет Федерации возглавлял директор Пражского архива Ян Бедржих Новак, а секретарем стал профессор Ян Рутковский из Познани. Согласно «Бюллетеню» в 1938 г. объединение состояло из 40 обществ, в частности 11 польских, 10 чехословацких, пяти румынских, четырех венгерских и т. д. Внутри Федерации образовалось три коллектива, каждый из которых имел свои задачи. Одним из них был Редакционный комитет «Словаря славянских древностей» под председательством инициатора создания этого труда профессора Ф. Буяка.

Согласно принятой концепции, словарю предстояло стать «детально продуманной энциклопедией прошлого стран и народов всего славянского региона»⁵. Все, что происходило на славянских землях с доисторических времен до конца Средневековья в развитии духовной и материальной культуры, должны были собрать и описать самые выдающиеся специалисты из всех славянских стран. Кроме того, необходимо было учесть все связанное со славянством на территории стран, которые соседствовали со славянским регионом, то есть Румынии, Греции, Венгрии и других. Профессор Ф. Буяк пытался как можно больше популяризировать в научном сообществе необходимость издания «Словаря».

В состав редакционного комитета вошли представители отдельных славянских стран. Издательство находилось во Львове, где тогда работал Ф. Буяк. Там в 1928 г. началась подготовка, которую финансировал Фонд национальной культуры (Польша), обещавший субсидировать издание

³ Детальнее см.: Робинсон М. А., Сазонова Л. И. Восстановление И. В. Ягича в статусе действительного члена РАН и состояние проекта «Энциклопедии славянской филологии» (начало 1920-х годов) // Славяноведение. 2016. № 2. С. 89–99.

⁴ Kłoczowski J. Europa Środkowowschodnia w historiografii krajów regionu. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1993. S. 1–37. (Materiały Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej; 5).

⁵ Batowski H. Słownik starożytności słowiańskich // Odrodzenie. 1945. № 29. S. 8.

по мере продвижения работ. К 1933 г. были разработаны польский, украинский, чешский, словацкий, болгарский и русский словники; последние из них составили русские историки-эмигранты из Чехословакии и Югославии⁶. В общей сложности к 1936 г. сформировали более-менее полный список статей, состоящий из около 12 тыс. позиций. Также определили авторов, которым предстояло написать эти статьи, спланировали размеры отдельных текстов и разработали техническую концепцию.

В 1934 г. был издан пробный выпуск словаря, содержащий 12 статей из разных славянских стран. Его представили участникам II Международного съезда славистов, проходившего 23–30 сентября 1934 г. в Варшаве. Редактор издания профессор Ф. Буюк во введении к выпуску обратил внимание на трудности, возникшие при принятии редакционным комитетом принципа, согласно которому словарь должен являться «коллективным трудом ученых всех славянских народов с участием представителей науки народов, соседствующих со славянами. Каждый, кто осознал, сколько усилий стоит организация сотрудничества ученых в рамках одной нации и одной науки, не удивится тому, что прошло семь лет с момента утверждения настоящей публикации и избрания Редакционного комитета до полного собрания списка статей и издания настоящего пробного выпуска»⁷.

Редакционную работу первоначально самостоятельно вел Ф. Буюк, а с сентября 1933 г. функции ученого секретаря выполнял тогдашний преподаватель сербохорватского и словацкого языков Университета Яна Казимира во Львове профессор Хенрик Батовски. Он свободно владел всеми славянскими языками, кроме белорусского, перевел на польский язык государственные гимны славянских государств, установил личные контакты с югославским королем Александром I, словацким католическим священником и политиком Андреем Глинкой и президентом Чехословакии Эдвардом Бенешем. В научных работах он доказал ценность взаимопонимания как необходимого условия межславянского сближения. По тем временам его деятельность не была конъюнктурной. Например, он высказывался за сотрудничество с Чехословакией и Россией — государствами, которые тогда считались враждебными Польше⁸.

Принятие на себя всех редакционных обязанностей стало серьезным испытанием для Х. Батовского. Он должен был разработать техническую программу для осуществления огромного издания, состоящего как минимум из шести томов словарного формата по тысяче двухколоночных стра-

⁶ *Batowski H. List H. Batowskiego do Redakcji Przeglądu Zachodniego // Przegląd Zachodni. 1954. R. 10. T. 1. S. 612–613.*

⁷ *Słownik starożytności słowiańskich: zeszyt próbny = Dictionnaire des antiquités slaves: fascicule d'épreuve / [kom. red. F. Bujak]. Warszawa: Kasa im. Mianowskiego, 1934.*

⁸ *Grudzień S. Henryk Batowski a współpraca słowiańska (do 1939 roku) // Henryk Batowski 1907–1999: materiały z sesji naukowej PAU w dniu 18 kwietnia 2000 r. / red. R. Majkowska. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2003. S. 35–54. (W Służbie Nauki; 7).*

ниц в каждом. Возникли проблемы и со своевременной подачей статей от авторов, особенно с территории Югославии. Другой преградой оказалась шовинистическая позиция некоторых сербских и болгарских ученых, выступавших против подготовки статей о спорной территории Македонии исследователями другой стороны. Они угрожали отказом от сотрудничества, если полностью не будет принята позиция, что только ученые одной стороны имеют право писать об археологии⁹. В обоих случаях Х. Батовски несколько раз ездил в Белград и Софию, желая найти решение, но, как он сам написал 9 февраля 1934 г. в письме к профессору Ф. Буяку во время пребывания в Белграде: «Ссоры по поводу нашего Словаря — это квадратура круга»¹⁰.

Следующей проблемой стала необходимость учитывать результаты работы советских ученых. Х. Батовски осознавал, что без сотрудничества с ними русский материал, который прислали ученые-эмигранты из Праги, а также украинский, полученный от украинских исследователей из Львова, может оказаться неполным. Потому он стал искать контакты с советской наукой. С этой целью в Москву за счет редакции отправился ректор Варшавского университета профессор Влодзимеж Антоневич. Однако сложившиеся тогда отношения между двумя странами препятствовали какому-либо сотрудничеству. К тому же усугубились финансовые проблемы. В 1933 г. Фонд национальной культуры сначала урезал, а затем и полностью приостановил субсидирование «Словаря», из-за чего должность секретаря редакции в 1935 г. ликвидировали. Потеряв работу в редакции, Х. Батовски в 1936 г. переехал из Львова в Краков и начал работать там в Ягеллонском университете.

Некоторое время Ф. Буяк пытался на собственные средства готовить к изданию первый том «Словаря», однако объем этой работы и необходимость заниматься другими видами деятельности заставили его отказаться от этих намерений¹¹. Единственным свидетельством этой новаторской попытки польских славистов Ф. Буяка и Х. Батовского, которые хотели первыми в Польше создать компендиум знаний по истории славянства, является пробный выпуск словаря, отредактированный ими и опубликованный в 1934 г. Во время Второй мировой войны были утеряны списки статей и сами статьи, подготовленные к публикации. Их следов не осталось в богатом наследии Х. Батовского, хранящемся в Архиве науки Польской академии наук и Польской академии знаний в Кракове.

При осмыслении прерванного плана издания «Словаря славянских древностей» возникает вопрос: только ли финансовый фактор предрешил неудачу этого начинания? Похоже, что не только. Несомненно, издание та-

⁹ *Batowski H.* List H. Batowskiego do Redakcji Przeglądu Zachodniego. S. 612–613.

¹⁰ Archiwum Nauki Polskiej Akademii Nauk i Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie. Zesp. Spuścizna Henryka Batowskiego. Sygn. K III–151.

¹¹ *Batowski H.* Słownik starożytności słowiańskich. S. 8.

кого труда превышало возможности польских славистов того времени. Одной из основных причин фиаско проекта была сама концепция написания энциклопедических статей учеными из стран, которых та или иная статья касалась, а не польскими специалистами. Такой подход предусматривал большие расходы на гонорары, командировки, переписку и часто приводил к случайному выбору авторов статей и задержкам в написании текстов. Проблемы возникали и с определением того, авторы какой национальности могут компетентнее написать об этносе, проживавшем на территории современных государств более тысячи лет тому назад. Это, как подчеркивал Х. Батовски в одном из писем к профессору Тадеушу Лер-Сплавинскому, приводило к «ссорам» с отдельными авторами.

Редакция в составе двух человек не имела «привязки» ни к одному из научных учреждений, поэтому могла рассчитывать только на собственные силы и частные контакты с учеными из других стран. Реализацию концепции издания осложняла и международная обстановка. Отсутствие контактов с исследователями славянства из Советского Союза и недоступность публикуемой там профильной литературы снизили актуальность информации в статьях «Словаря». Такая же ситуация имела место в контактах польских ученых с немецкими исследователями ареалов западного и северного славянства. Стоит также добавить, что только в 1950-х гг. в Польше, ГДР и Чехословакии начались масштабные археологические исследования, которые помогли по-новому рассмотреть расселение славян на этих территориях.

После Второй мировой войны польские слависты вернулись к идее издания словаря. Свой проект публикации представили профессора Тадеуш Лер-Сплавинский и Зигмунт Войцеховский. Новая редакция разместилась в Западном институте, созданном в Познани в 1945 г. В послевоенное время институт являлся самым динамичным исследовательским учреждением Польши, а издаваемый здесь *Przegląd Zachodni* — единственным регулярно выходящим историческим журналом в стране.

Такой выбор места оказался удачным. До войны Познань была процветающим научным и культурным центром, ядром которого являлся Познанский университет, основанный в 1919 г. после восстановления независимости Польши. Благодаря расположению и традициям это учебное заведение было главным средоточием так называемой «западной мысли», тесно связанным с проводившимися там славистическими исследованиями, охватывающими многие научные дисциплины¹².

Проблематика польских «Западных земель»¹³ и польско-немецких отношений определяла исследовательский профиль университета и выделяла

¹² *Mroczko M. Polska myśl zachodnia 1918–1939 (kształtowanie i upowszechnianie)*. Poznań: Instytut Zachodni, 1986. (Dzieje Polskiej Granicy Zachodniej; 6). S. 284–285.

¹³ «Западные земли», или «Возвращенные земли», — принятое в Польше название для Великой Польши, Померании, Силезии, Вислинской Померании, а также славянских территорий, входящих в состав Германии. Большая часть этих земель вернулась в состав Польши после Второй мировой войны.

его на фоне других высших учебных заведений страны. Путем междисциплинарных исследований еще в 1919–1939 гг. познанская профессура предпринимала попытки полемизировать с немецкой наукой. Последняя отстаивала позицию, что населявшие в древности центральную Европу, в том числе Польшу, германские племена создали богатую цивилизацию, на земли которой в VI в. пришли со стороны болот Припяти бедные и примитивные славяне. Польшу немецкие исследователи описывали как «сезонное» государство, занимающее захваченные немецкие земли, а кашубов и силезцев они относили к германцам.

Ученые, приезжавшие в Познань из других регионов в межвоенный период, быстро включались в изучение Западной Польши. Среди них были Казимеж Тименецкий из Варшавы, Миколай Рудницкий и Мариан Едлицкий из Кракова, Адам Скалковский, Ян Рутковский, Юзеф Видаевич и Зигмунт Войцеховский из Львова, а также Флориан Знанецкий из Чикаго. Эти ученые исследовали и документировали славянское и польское прошлое западнославянского региона, принадлежавшего до Второй мировой войны Германии. В противовес немецкой науке эти изыскания были конфронтационными и оппозиционными, имели сильную патриотическую окраску и особенно подчеркивали вопросы колонизации. Таким образом, Познанский университет стал центром изучения истории польских западных земель.

«Западная мысль» опиралась на политическую мысль первых правителей Пястов, которые пытались включить западнославянские племена в недавно созданное ими польское государство. Исследователи видели границы польского государства как территории, принадлежащие ему тысячу лет назад во время правления династии Пястов. Это границы Польши после Второй мировой войны с широким доступом к Балтийскому морю, являвшемуся «окном в мир» и позволявшему стране быстро развиваться. Представители «западной мысли» называли эти территории «материнскими землями», которые немецкие колонизаторы отняли у Польши за предыдущие столетия.

Мнение о том, что Польша должна вернуть себе широкий доступ к побережью Балтийского моря, принадлежавшему когда-то славянам, также высказывал будущий редактор «Словаря славянских древностей» профессор Владислав Коваленко. В лекции «Исследования прошлого балтийских славян», прочитанной во время Второй мировой войны в подпольном Университете Западных земель в Варшаве, он утверждал, что «русское море и степь должны быть основным направлением польской экспансии. На протяжении веков со времен Мешка I обладание устьем Вислы и выходом к Балтийскому морю является необходимым фактором независимости польского государства, как в политическом, так и в экономическом отношении»¹⁴.

¹⁴ Polska Akademia Nauk Archiwum w Warszawie Oddział w Poznaniu (далее — Archiwum PAN w Warszawie Oddział w Poznaniu). Zesp. Materiały Władysława Kowalenki. Sygn. P. III-29. Teczka 28. K. 38-39.

Концептуально деятельность Западного института являлась продолжением в новых политических условиях довоенной «западной мысли», в частности функционировавшей в ее рамках концепции «материнских земель Польши». Согласно «западной мысли», только в пределах Пястовской Польши возможны безопасность и правильное развитие государства. Институт концентрировался на объединении с Польшей «Западных земель», вновь обретенных после Второй мировой войны. Средством достижения этой цели был компромисс с правящей коммунистической партией, которая искала научные аргументы в пользу прав Польши на полученные ею по результатам Потсдамской конференции территории, отобранные у Германии. Чтобы расположить к себе власти, научное сообщество Западного института подчеркивало польскую сущность этих земель, легитимизировало их принадлежность к Польше и их интеграцию, а также показывало враждебность к немецкому государству и к самим немцам.

Именно ученые этого института в 1950 г. начали разрабатывать подробную концепцию «Словаря славянских древностей» и формировать список статей. Проект предусматривал создание двухтомного настольного труда. Первоначальный список состоял из 3600 позиций, и работать над ними по принятой концепции должны были исключительно польские авторы. Частично это было обусловлено новыми политическими условиями, которые, особенно в начальный период, сделали невозможным международное сотрудничество в странах социалистического лагеря. По прошествии времени такое решение представляется правильным, ведь благодаря ему удалось избежать многих потенциальных угроз и облегчить работу над изданием.

В подготовке каждого отдельного тома участвовала группа соавторов, состав которой менялся и включал несколько десятков человек. Общее количество исследователей, сотрудничавших со «Словарем славянских древностей», превысило 300 человек. С 1955 г. редакция издания вошла в структуры новообразованного Отдела славяноведения Польской академии наук, а с 1977 г. — Института славяноведения ПАН (современного Института славистики ПАН). Были созданы редакционный комитет и научный секретариат редакции. Также окончательно утвердили план работы над публикацией с участием сотрудников, представлявших различные области славистики: антропологию, археологию, этнографию, языковедение, историю права, историю искусства, историю литературы, политическую историю, социально-экономическую историю и историю духовной культуры. Поскольку основной замысел авторов «Словаря» состоял в создании междисциплинарного издания, они старались охватить как можно более широкий круг дисциплин. Впрочем, не удалось учесть результаты исследований по естественным наукам, которые, особенно в последние годы работы над «Словарем», внесли значительный вклад в изучение поселений и экономического взаимодействия раннесредневекового населения.

От предыдущих подобных проектов «Словарь» отличался внутренней структурой. Он не состоял из серии монографий о славянстве, а являлся сборником статей о славянских древностях. На первом этапе редакционной работой руководили профессор Юзеф Матушевский и Михал Щанецкий, в 1952–1954 гг. — профессора Юзеф Гайек и Владислав Коваленко, а затем в 1954–1961 гг. В. Коваленко, в 1961–1974 гг. — профессор Жерар Лабуда, в 1974–1984 гг. — профессор Антони Гусиоровский, а с 1984 г. до публикации последнего тома издания работу возглавлял профессор Анджей Вендски. Основная нагрузка ложилась на секретариат редакции, а именно на В. Коваленко, а после его смерти в 1966 г. — на А. Вендского.

Уже первые годы работы над «Словарем» выявили масштаб проблем, с которыми пришлось столкнуться его редакторам. Их первопричиной был разный уровень присылаемых статей, что главным образом было связано с малочисленностью тех, кто мог участвовать в проекте. В основном это были исследователи, начавшие научную деятельность еще до Второй мировой войны. Именно это поколение понесло вследствие войны наибольшие потери, к тому же часть его вынуждена была остаться за пределами страны. В 1950-е гг. постепенно начали прибывать молодые ученые, однако им не хватало опыта научно-исследовательской работы, а редакция не могла долго ждать материалы.

Оказалось также, что некоторые проблемы и регионы расселения славянства выходили за рамки интересов тогдашних польских исследователей. Ярким примером является непростая история южных славян, находившихся под сильным влиянием Византии. В этой ситуации сотрудникам редакции пришлось самим писать статьи¹⁵. Значительной проблемой стала и необходимость обеспечить удовлетворительный уровень используемой при подготовке «Словаря» литературы. Согласно принятой концепции, каждая статья должна была сопровождаться подборкой основной литературы, цитируемой в оригинале (без транскрипции). В то время издания по библиотекам распределялись случайно, без системы, поэтому не хватало многих публикаций, часто базовых. На начальном этапе работы над «Словарем» обмен печатными трудами даже с социалистическими странами находился только на организационной стадии.

Чтобы обеспечить изданию надлежащий научный уровень, члены редакции должны были тщательно выбирать литературу и при необходимости самостоятельно вносить дополнения даже на заключительном этапе корректур. Для облегчения работы редакция после вхождения в Отдел славяноведения ПАН начала создавать собственную специализированную библиотеку. Благодаря получению публикаций от различных учреждений и

¹⁵ *Wędzki A. Słownik starożytności słowiańskich z perspektywy pół wieku // 50 lat slawistyki w Polskiej Akademii Nauk (1954–2004): księga jubileuszowa Instytutu Slawistyki PAN / kom. red. pod kier. K. Handke. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2004. S. 207.*

обмену, в основном с чехословацкими, югославскими и немецкими институтами, удалось собрать ценную коллекцию славистической литературы, включавшую около 40 тыс. томов, в том числе более 100 названий журналов. Это была основная база редакционной работы¹⁶.

В 1958 г. вышел в свет дискуссионный выпуск «Словаря»¹⁷, во введении к которому редакционный комитет подчеркнул, что его опубликовали, чтобы проинформировать заинтересованные научные круги о текущем состоянии работ над «Словарем» и предоставить материал для оценки уровня издания и используемой в нем методологии. 73 автора подготовили для выпуска 156 статей по всем отраслям науки, представленным в «Словаре». Выпуск получил одобрительные отзывы как в Польше, так и за рубежом¹⁸. В Советском Союзе позитивную рецензию о нем написал известный московский славист Владимир Дорощев Королук¹⁹.

По инициативе Комитета славяноведения Польской академии наук 15–16 мая 1959 г. в Познани прошла конференция, в которой участвовали члены редакционного комитета «Словаря», а также представители чешской, югославской, болгарской и советской науки. Последнюю представляли выдающиеся археологи и историки Борис Александрович Рыбаков и Петр Николаевич Третьяков²⁰. Участники конференции полностью разделили позицию редакции о необходимости преобразовать издание в специализированную многотомную энциклопедию и одобрили готовую к печати машинопись первого тома. В результате «Словарь» из запланированного двухтомного труда превратился в восьмитомный. Важным итогом конференции стало также предложение ученых Вацлава Ванечека из Праги, Ивана Божича из Белграда, Нади Клаич из Загреба и Ивана Дуйчева из Софии рецензировать статьи о Чехословакии и Балканах. Такое сотрудничество предполагалось значительно расширить. Со стороны советской науки издание консультировали известные слависты В. Д. Королук и Федот Петрович Филин²¹.

Благодаря содействию зарубежных исследователей редакции удалось существенно повысить уровень публикуемых в «Словаре» статей. Помимо консультирования по поводу самого списка статей и предметной оценки со-

¹⁶ *Wędzki A.* Blaski i cienie pierwszej polskiej encyklopedii slawistycznej. Uwagi na marginesie zamknięcia prac nad Słownikiem starożytności słowiańskich // *Nauka Polska*. 1993. № 6. S. 92.

¹⁷ *Słownik starożytności słowiańskich: zeszyt dyskusyjny* / [kom. red. Z. Wojciechowski et al.]. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1958.

¹⁸ *Kraňžalov D.* Dvě významná iniciativní díla polské slavistiky // *Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Historica*. 1960. T. 1. S. 295.

¹⁹ *Королук В. Д.* Рец. на кн.: *Słownik starożytności słowiańskich*. Wrocław, 1958. VI, 147 s. // *История СССР*. 1959. № 3. С. 216–218.

²⁰ *Archiwum PAN w Warszawie Oddział w Poznaniu. Zesp. Instytut Słowianoznawstwa PAN — materiały redakcyjne „Słownika starożytności słowiańskich”*. Sygn. P. II-5. Teczka 381.

²¹ *Ibidem*. Sygn. P. II-5. Teczka 33.

держания отдельных текстов, они также проверяли библиографию и дополняли ее новейшими позициями, нередко недоступными в Польше. Следует подчеркнуть, что это они делали совершенно бесплатно, что свидетельствует как о скромном бюджете Польской академии наук на исследования, так и о поддержке «Словаря» в международном сообществе славистов.

По мере продвижения работы над изданием функции в редакции разделились. Часть ученых отвечала за определенные регионы или отделы. А. Гусиоровский в основном писал статьи по праву и государственному строю, Винценты Свобода — по балканистике и Руси, А. Вендски — по западным славянам, последний также курировал подготовку текстов по археологии, истории искусства и подбор иллюстративного материала. В последующие годы Алина Бжустковская проверяла греческие цитаты, а Ян Лешны занялся западной частью Балканского полуострова. Независимо от этого каждый сотрудник писал статьи по своей специальности, а когда не удавалось найти внешнего автора, брался за подготовку материалов, без которых «Словарь» был бы неполным.

В конце 1990-х гг., после завершения работы над основными томами, редакция начала готовить приложения. Они включали как полностью новые статьи, так и те, которые требовали пересмотра ввиду научного прогресса. Особенно это коснулось начальных букв алфавита. В частности, был дополнен перечень русских городищ, существование которых подтвердилось источниками и археологическими находками. Такой подход привел к расширению приложений до трех выпусков (т. 7, вып. 2; т. 8, вып. 1 и 2). К последнему выпуску присоединены именной и географический указатели. Первый учитывает личные наименования (имена исторических личностей и названия народов, племен, родов и династий, правивших до XV в.), а второй — географические названия.

Основное достижение 47-летней работы междисциплинарного коллектива «Словаря славянских древностей» — доведение до конца этого уникального труда. Из запланированного двухтомного научно-популярного издания, которое должно было содержать 3600 статей, «Словарь» вырос в специализированную восьмитомную энциклопедию, включающую примерно 4500 статей. Общее количество исследователей, сотрудничавших с ним, превысило 300 человек.

Возникает вопрос: что же поспособствовало этому успеху? Значительную роль сыграл стабильный состав редакционного коллектива, окончательно сформировавшийся в 1954 г. Благодаря большому усердию многолетнего руководителя редакции профессора В. Коваленко, удалось относительно быстро подготовить пробный выпуск и приступить к систематической публикации последующих²². Окончательный успех пре-

²² Подробная биография В. Коваленко и его участие в работе над «Словарем славянских древностей» изложены в монографии: *Mądry W. Władysław Kowalenko (1884–1966). Badacz dziejów dawnej Słowiańszczyzny na lądzie i morzu*. Warszawa: Instytut

доопределила и значительная гибкость редакции в адаптации к новым обстоятельствам. Вместе с тем упомянутое переломное решение 1959 г. переформатировать научно-популярное издание в обширную специализированную энциклопедию спасло это начинание. Важным фактором стало и привлечение к сотрудничеству выдающихся специалистов. Все тома «Словаря» рецензировали историки, археологи и языковеды, что гарантировало компетентную экспертизу подготовленных материалов. Положительно повлияли и консультации 20 рецензентов из Чехословакии, Болгарии и Югославии.

«Словарь» — это междисциплинарное издание, которое представляет актуальные на момент его создания достижения в археологии, истории, истории искусства, правоведении, этнографии, языкознании и антропологии. В таких статьях, как «этногенез славян» или «прародина славян», применительно к отдельным культурам представлена преимущественно концепция так называемой «западной мысли», сформировавшейся в Познани. Одним из ее главных представителей был археолог, основатель польской автохтонной школы профессор Юзеф Костшевский. Представители этой школы доказывали, что прародина славян находилась в бассейне Вислы и Одры. Они признавали существование протославян уже в период развития лужицкой культуры (со среднего бронзового века, около 1300 г. до н. э.) и предполагали непрерывность заселения польских земель с раннего Средневековья. Символом этой концепции стало «протославянское» городище в Бискупине. Исследования заселения польских земель, проведенные в последние десятилетия, не подтвердили преемственности между жителями этих территорий. В результате многие ученые выдвинули концепцию позднего переселения славян на польские земли, согласно которой в первые века нашей эры поселения, сыгравшие важную роль в формировании раннеславянской культуры, располагались в верхнем и среднем бассейнах Днепра.

Хотя редакция стремилась объективно представлять состояние исследований независимо от личной позиции автора, это нередко оказывалось трудно реализуемо. В некоторых статьях появлялись собственные, часто субъективные мнения авторов. Сотрудничество редакции только с польскими исследователями иногда приводило к полоноцентризму. Отдельные вопросы рассматривались с узкой, польской точки зрения, порой отдаленной от реальности. Особенно явно это проявилось с географическими и этническими названиями на территории Полабских славян, часто полонизируемые без учета особенностей полабских диалектов, в которых эти названия возникли. Дополнительные трудности вызвал поиск оптимального решения тогда, когда на отдельные научные проблемы наслаивались политические

Slawistyki Polskiej Akademii Nauk i Fundacja Slawistyczna, 2019. (Kultura na Pograniczach; 14). URL: <https://hdl.handle.net/20.500.12528/1086> (дата обращения: 11.11.2021).

предубеждения. Они отразились в литературе, использовавшей часто тенденциозные факты и комментарии (например, в статьях о проживании и роли германских племен на славянских землях).

Объективным критерием полезности и степени распространенности «Словаря» является постоянно растущая частота его цитирования в научной литературе. Очевидно, что издание стало неотъемлемой частью польской историографии и упоминается во многих исследованиях по раннему Средневековью. Его широко используют и зарубежные, в частности немецкие, ученые.

В 2008 г. Отдел истории Института славистики Польской академии наук опубликовал новый двухтомник «Ранние славяне. Справочник по истории и литературе предмета». В нем учтены результаты последних исследований, в основном археологических, и обширная библиография по этой теме до 2005 г.²³ В ближайшем будущем будет опубликована английская версия справочника. Эти издания являются частью 55-летней работы Отдела истории Института славистики Польской академии наук и расширяют знания об истории, культуре и обычаях древних славян.

Литература

- Королюк В. Д.* Рец. на кн.: Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław, 1958. VI, 147 s. // История СССР. 1959. № 3. С. 216–218.
- Робинсон М. А., Сазонова Л. И.* Восстановление И. В. Ягича в статусе действительного члена РАН и состояние проекта «Энциклопедии славянской филологии» (начало 1920-х годов) // Славяноведение. 2016. № 2. С. 89–99.
- Batowski H.* Słownik starożytności słowiańskich // Odrodzenie. 1945. № 29. S. 8.
- Grudzień S.* Henryk Batowski a współpraca słowiańska (do 1939 roku) // Henryk Batowski 1907–1999: materiały z sesji naukowej PAU w dniu 18 kwietnia 2000 r. / red. R. Majkowska. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2003. S. 35–54. (W Służbie Nauki; 7).
- Kloczowski J.* Europa Środkowowschodnia w historiografii krajów regionu. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1993. (Materiały Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej; 5).
- Krandžalov D.* Dvě významná iniciativní díla polské slavistiky // Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Historica. 1960. T. 1. S. 295.
- Mądry W.* Władysław Kowalenko (1884–1966). Badacz dziejów dawnej Słowiańszczyzny na lądzie i morzu. Warszawa: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk i Fundacja Sławistyczna, 2019. (Kultura na Pograniczach; 14). URL: <https://hdl.handle.net/20.500.12528/1086> (дата обращения: 11.11.2021).
- Mroczo M.* Polska myśl zachodnia 1918–1939 (kształtowanie i upowszechnianie). Poznań: Instytut Zachodni, 1986. (Dzieje Polskiej Granicy Zachodniej; 6).

²³ Wczesna Słowiańszczyzna. Przewodnik po dziejach i literaturze przedmiotu / oprac. H. Dalewska-Greń et al. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2008. T. 1: A-Z; T. 2: Bibliografia.

- Słownik starożytności słowiańskich: zeszyt dyskusyjny / [kom. red. Z. Wojciechowski et al.]. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1958.
- Słownik starożytności słowiańskich: zeszyt próbny = Dictionnaire des antiquités slaves: fascicule d'épreuve / [kom. red. F. Bujak]. Warszawa: Kasa im. Mianowskiego, 1934.
- Słownik starożytności słowiańskich: Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych / pod red. W. Kowalenki, G. Labudy, T. Lehr-Spławińskiego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1961. T. 1.
- Słownik starożytności słowiańskich: Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII / pod red. A. Gąsiorowskiego, W. Kowalenki, G. Labudy, T. Lehr-Spławińskiego et al. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1964–1996. T. 2–8.
- Wczesna Słowiańszczyzna. Przewodnik po dziejach i literaturze przedmiotu / oprac. H. Dalewska-Greń et al. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2008. T. 1: A–Z; T. 2: Bibliografia.
- Wędzki A. Blaski i cienie pierwszej polskiej encyklopedii sławistycznej. Uwagi na marginesie zamknięcia prac nad Słownikiem starożytności słowiańskich // Nauka Polska. 1993. № 6. S. 89–94.
- Wędzki A. Słownik starożytności słowiańskich z perspektywy pół wieku // 50 lat sławistyki w Polskiej Akademii Nauk (1954–2004): księga jubileuszowa Instytutu Sławistyki PAN / kom. red. pod kier. K. Handke. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2004. S. 199–215.

References

- Batowski, H., 1945. Słownik starożytności słowiańskich. *Odrodzenie*, 29, p. 8.
- Bujak, F., ed., 1934. *Słownik starożytności słowiańskich: zeszyt próbny = Dictionnaire des antiquités slaves: fascicule d'épreuve*. Warsaw: Kasa im. Mianowskiego.
- Dalewska-Greń, H., et al., eds, 2008. *Wczesna Słowiańszczyzna. Przewodnik po dziejach i literaturze przedmiotu*. Warsaw: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy. Vol. 1: A–Z; Vol. 2: Bibliografia.
- Gąsiorowski, A., Kowalenko, W., Labuda, G., Lehr-Spławiński, T., et al., eds, 1964–1996. *Słownik starożytności słowiańskich: Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Vol. 2–8.
- Grudzień, S., 2003. Henryk Batowski a współpraca słowiańska (do 1939 roku). In: R. Majkowska, ed., 2003. *Henryk Batowski 1907–1999: materiały z sesji naukowej PAU w dniu 18 kwietnia 2000 r.* Kraków: Polska Akademia Umiejętności, pp. 35–54. (W Służbie Nauki; 7).
- Kłoczowski, J., 1993. *Europa Środkowowschodnia w historiografii krajów regionu*. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej. (Materiały Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej; 5).
- Koroliuk, V. D., 1959. Rec. na kn.: Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław, 1958. VI, 147 s. [Book review: The Dictionary of Slavic Antiquities. Wrocław, 1958. VI, 147 pp.]. *Istoriia SSSR*, 3, pp. 216–218.

- Kowalenko, W., Labuda, G., Lehr-Spławiński T., eds, 1961. *Słownik starożytności słowiańskich: Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. T. 1.
- Krandžalov, D., 1960. Dvě významná iniciativní díla polské slavistiky. *Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Historica*, 1, p. 295.
- Mądry, W., 2019. *Władysław Kowalenko (1884–1966). Badacz dziejów dawnej Słowiańszczyzny na lądzie i morzu*. Warsaw: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk i Fundacja Sławistyczna. (Kultura na Pograniczach; 14). [Online]. URL: <https://hdl.handle.net/20.500.12528/1086> (accessed: 11.11.2021).
- Mroczko, M., 1986. *Polska myśl zachodnia 1918–1939 (kształtowanie i upowszechnianie)*. Poznań: Instytut Zachodni. (Dzieje Polskiej Granicy Zachodniej; 6).
- Robinson, M. A., Sazonova, L. I., 2016. Vosstanovlenie I. V. Jagicha v statuse deistvitelnogo chlena RAN i sostoianie proekta “Entsiklopedii slavianskoi filologii” (nachalo 1920-kh godov) [Restoring of I. V. Jagić in the Status of Russian Academy of Sciences Actual Member and the State of the Project „Encyclopaedia of Slavic Philology” (Early 1920s)]. *Slavianovedenie*, 2, pp. 89–99.
- Wędzki, A., 1993. Błaski i cienie pierwszej polskiej encyklopedii sławistycznej. Uwagi na marginesie zamknięcia prac nad Słownikiem starożytności słowiańskich. *Nauka Polska*, 6, pp. 89–94.
- Wędzki, A., 2004. Słownik starożytności słowiańskich z perspektywy pół wieku. In: K. Handke, ed., 2004. *50 lat sławistyki w Polskiej Akademii Nauk (1954–2004): księga jubileuszowa Instytutu Sławistyki PAN*. Warsaw: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, pp. 199–215.
- Wojciechowski, Z., et al., eds, 1958. *Słownik starożytności słowiańskich: zeszyt dyskusyjny*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

«О ПОПЫТКАХ СТАТЬ ИСТОРИКОМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»: ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ИТОГ С МИГРАЦИОННЫМИ ОСЛОЖНЕНИЯМИ. ЧАСТЬ 2*

Штефан Трёбст

доктор наук, профессор,
заведующий кафедрой истории культуры
Восточной Европы, Лейпцигский университет;
заместитель директора,
Институт истории и культуры Восточной Европы
имени Лейбница (1999–2021)
Почтовый адрес: ул. Цинсвайлервег 22,
Берлин, D-14163, Германия
Электронный адрес: stefan.troebst@snaflu.de

Аннотация

Автобиографическое (и потому в известной степени субъективистское) эссе отвечает на вопрос, что мотивировало молодого человека не из Восточной Европы, родившегося в 1955 г. в Западной Германии, стать историком — специалистом по Восточной Европе. Ответом, с одной стороны, служат интерес к языкам (славянским) и политике (холодная война), в меньшей степени семейное происхождение, с другой — ряд случайных совпадений и, что немаловажно, возможности стажировок и стипендий. В первой части речь шла о биографии автора от гимназических лет в Баден-Вюртемберге до университетов и научно-исследовательских институтов в Тюбингене, Западном Берлине, Софии, Скопье и Блумингтоне (Индиана) с 1969 по 1981 г., включая сведения о первых скромных научных достижениях. Вторая часть посвящена профессиональной деятельности вплоть до выхода на пенсию в 2021 г. Автор занимал руководящие должности не только в университетах (западного) Берлина, Гамбурга и Лейпцига, но и в международных организациях, таких как Славянский отдел Британской военной администрации в Берлине, миссиях СБСЕ/ОБСЕ в Северной Македонии и Молдове. Особое внимание уделяется работе в Приднестровском регионе и Гагаузии. Кроме того, автор рассказывает о деятельности учрежденного им во Фленсбурге Датско-германского Европейского центра по делам меньшинств.

Ключевые слова

Восточная Европа, Восточно-Центральная Европа, Юго-Восточная Европа, Матиас Бернат, Свободный университет в Берлине, Гюнтер Штёкл, Ганс-Йоахим Торке,

* Статья написана для сборника в честь юбилея Биргит Харресс под редакцией Н. Менцеля и К.-Д. Штрауха. См. текст на немецком языке: Troebst S. "On Trying to be a Historian of Eastern Europe". Eine migrationslastige Zwischenbilanz // *Wanderjahre in Literatur und Leben. Ontologien des Wandel(n)s* / hrsg. N. Menzel, C.-D. Strauch. Berlin: Peter Lang, 2022.

Первую часть статьи см.: Трёбст Ш. «О попытках стать историком Восточной Европы»: промежуточный итог с миграционными осложнениями. Часть 1 // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2021. Т. 16. № 1-2. С. 243-265. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.11>.

Клаус Цернак, Артур Атманн, И. П. Шаскольский, Университет Упсалы, Славянский отдел Британской военной администрации в Берлине, Превентивная контрольная миссия СБСЕ в Бывшей Югославской Республике Македония, Миссия СБСЕ/ОБСЕ в Молдове, Европейский центр по делам меньшинств, Лейпцигский университет, Институт истории и культуры Восточной Европы имени Лейбница

Статья поступила в редакцию 2 июля 2021 г.

Цитирование: *Трёбст Ш.* «О попытках стать историком Восточной Европы»: промежуточный итог с миграционными осложнениями. Часть 2 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 165–188. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.10>

“ON TRYING TO BE A HISTORIAN OF EASTERN EUROPE”: A MIGRATORY INTERIM BALANCE. PART 2

Stefan Troebst

Doctor, Professor,
Chair of East European Cultural History,
Leipzig University;
Deputy Director, Leibniz Institute for the History
and Culture of Eastern Europe (GWZO) (1999–2021)
Postal address: Zinsweilerweg 22,
Berlin, D-14163, Germany
E-mail: stefan.troebst@snaflu.de

Abstract

This autobiographic (and thus highly subjective) text asks what motivated a non-Eastern European, born in 1955 in West Germany, to become a historian of Eastern Europe. The answers are, on the one hand, an interest in (Slavic) languages and (Cold War) politics, and, to a lesser extent, family background, and, on the other, coincidence and the opportunities for fellowship. Part 1 of the article traced the author’s biography from his high-school years to his first modest academic achievements. Part 2 covers his professional path till retirement in 2021 — leading not only to universities like Uppsala, Hamburg, and finally Leipzig, but also into international institutions outside academia, such as the Slavic Unit of the British Military Government of Berlin, the CSCE / OSCE missions of long-duration in Macedonia and Moldova (in particular in the Dnestr region and Gagauzia), and — as founding director — to the Danish-German European Centre for Minority Issues (ECMI) in Flensburg.

Keywords

Eastern Europe, East-Central Europe, South-Eastern Europe, Mathias Bernath, Günther Stökl, Hans-Joachim Torke, Klaus Zernack, Artur Attman, I. P. Shaskol’skii, Free University of Berlin, University of Uppsala, Slavic Unit of the British Military Government of Berlin, CSCE Spillover Monitoring Mission to the Former Yugoslav Republic of Macedonia, CSCE / OSCE Mission to Moldova, European Centre for Minority Issues, Leipzig University, Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europa (GWZO)

Received 2 July 2021

How to cite: Troebst, S., 2021. “O popytkakh stat’ istorikom Vostochnoi Evropy”: promezhutochnyi itog s migratsionnymi oslozhneniiami. Chast’ 2 [“On Trying To Be a Historian of Eastern Europe”: A Migratory Interim Balance. Part 2]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 165–188. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.10>

ОТ ШВАБСКОГО АЛЬБА НАЗАД В ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН — С НЕСКОЛЬКИМИ ОСТАНОВКАМИ

Летом 1981 г. в Германии меня ожидало письмо Германского академического фонда (нем. *Studienstiftung des deutschen Volkes*) с радостной вестью: мне предлагалась стипендия для подготовки кандидатской диссертации. Однако моя эйфория по этому поводу была резко оборвана новым письмом от того же отправителя, пришедшим двумя днями позже: вследствие значительных трудностей с финансированием фонда моя стипендия могла быть выплачена лишь с годичной задержкой. Это сообщение было столь же обескураживающим, сколь поучительными оказались его последствия: немедленно разослав множество резюме в поисках любой возможной (и невозможной) работы, я получил приглашение занять место инспектора по продовольствию на одной из американских вертолетных баз в Южной Германии. В ответ на мои слова о том, что я историк, а не технолог пищевых производств, мне заявили, что, имея степень магистра и зная английский язык, я обладаю необходимой квалификацией, и мне полагается заработная плата по довольно высокому тарифному разряду. Однако договор я не подписал, поскольку одновременно мне предложили место помощника геодезиста в государственной геодезической службе северного Вюртемберга. Заработная здесь плата была ниже, а работа была связана с физическим трудом в поле при любой погоде. Но как специалист по (региональной) истории я знал, что королевство Вюртемберг было первым государством в мире, которое в 1818 г. внедрило систематическую топографическую съемку с отметкой топографических точек каменными знаками. Такой возможности я упустить не мог. Этот опыт работы в геодезии был для меня весьма полезен с финансовой точки зрения: после возвращения в Западный Берлин я смог дополнительно к своей наконец выплаченной аспирантской стипендии получать зарплату, подрабатывая у тамошнего официально аккредитованного инженера-геодезиста. Благодаря этому я познакомился с такими уголками «старого» Западного Берлина, в которые иначе бы никогда не попал.

Положительным отложенным последствием года учебы, проведенного мной в США, и вынужденной паузы из-за финансовых трудностей фонда стало завершение уже упомянутого научного отчета (задуманного как статья и превратившегося в монографию) о вопросе, вызывавшем жаркие споры между Народной Республикой Болгарией и Социалистической Федеративной Республикой Югославией: македонская нация. Работа, включавшая в себя лингвистические, исторические, конфессиональные и другие аспекты, была подготовлена в рамках проекта Фонда Фольксвагена (нем. *Volkswagen Stiftung*), посвященного связи идеологии и исторической науки

в зоне советской гегемонии¹. Проектом руководил Гюнтер Штёкль (1916–1998), заведующий кафедрой Восточноевропейской истории в Университете Кельна. Рукопись в 40 страниц, которую от меня ждали, увеличилась до 300, принесла мне хороший гонорар и была опубликована в виде книги². С Гюнтером Штёклем, специалистом по истории Восточной Европы с удивительно широким спектром научных интересов, профессионалом в организации научных исследований и венским протестантом, обладавшим прекрасным чувством юмора, я с тех пор, несмотря на поколенческую разницу, оставался в тесном контакте.

После длительной работы в архивах Рима, Лондона, Бонна, Софии и Скопье в 1984 г. я завершил свою диссертацию, посвященную политике Муссолини на Балканах. В 1987 г. она вышла в виде книги³. В этой работе меня поддержал не только научный руководитель Матиас Бернат (1920–2013), снабжавший меня бесчисленными рекомендательными письмами и экспертными заключениями, неоценимую помощь я получил и на местах, в архивах, которые я посещал: от Йенса Петерсена в Германском историческом институте в Риме, от Ренцо де Феличе из Римского университета *La Sapienza*, от Элизабет Баркер, Стивена Клиссолда и Хезер Ясами (в связи с *Public Records Office* в Кью Гарденс близ Лондона), от Ричарда Дж. Крэмптона из Кентерберийского университета и особенно от Марии Кайперт из Политического архива МИД ФРГ, находившегося тогда еще в Бонне.

Работы после защиты диссертации у меня сначала не было. Однако, обратившись по загадочному объявлению о трудоустройстве, опубликованному в берлинской газете *Tagesspiegel*, я получил приглашение на собеседование в британскую оккупационную администрацию, точнее в *Slavic Unit of the British Military Government of Berlin* как претендент на место переводчика русского и болгарского языков с трудовым договором, заключаемым с западноберлинским «Ведомством по делам оккупации». Этому поспособствовала моя работа переводчиком на каникулах. Работал я на станкостро-

¹ Troebst S. “Die Interdependenz von Politik und Historiographie in Osteuropa”. Ein vergessenes Forschungsprojekt der westdeutschen Osteuropageschichtsschreibung (1976–1983) // *Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa*. 2011. Jg. 19. S. 9–24.

² Troebst S. Die bulgarisch-jugoslawische Kontroverse um Makedonien 1967–1982. München: R. Oldenbourg, 1983. (Untersuchungen zur Gegenwartskunde Südosteuropas; 23).

³ Troebst S. Mussolini, Makedonien und die Mächte 1922–1930. Die “Innere Makedonische Revolutionäre Organisation” in der Südosteuropapolitik des faschistischen Italiens. Köln; Wien: Böhlau, 1987 (= Dissertationen zur neueren Geschichte; 19). В переводе на македонский см.: *Требст Ш. Муссолини, Македонија и Големите сили: 1922–1930: Внатрешната македонска револуционерна организација во југоисточната политика на фашистичка Италија / превод од германски јазик Васе Ангелески. Скопје: Арс студио, 2020. См. также рецензию: Смирнова Н. Д. [Рец.] Troebst S. Mussolini, Makedonien und die Mächte. 1922–1930. Die “Innere Makedonische Revolutionäre Organisation” in der Südosteuropapolitik des faschistischen Italiens. Köln; Wien: Böhlau, 1987 (Dissertationen zur neueren Geschichte; 19) // Новая и новейшая история. 1989. № 8. С. 220.*

ительном заводе в Вюртемберге, принимавшем активное участие в реализации одного из престижных мегапроектов, осуществляемых под чутким руководством тогдашнего Председателя Президиума Верховного Совета СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Речь шла о Камском автомобильном заводе — КАМАЗе, на котором планировалось производить грузовые автомобили, танки и двигатели, в Набережных Челнах на болотистом берегу Камы в сегодняшнем Татарстане (Российская Федерация)⁴.

У англичан я проработал недолго, и это несмотря на то, что ежемесячную зарплату я каждый раз получал в большом коричневом конверте с гербом королевы и надписью *On Her Majesty's Service* — при вручении такого конверта сердце иногда начинало биться чаще. Очень привлекательной также была возможность во время обеденного перерыва, когда необходимо было покинуть здание, пользоваться бывшим нацистским стадионом («Марсовым полем»), перешедшим под британское управление, но архитектурно не изменившемся (включая многочисленные статуи Арно Брекера). На торцевой стене крытого бассейна, входившего в состав комплекса, красовался выбитый в камне лозунг Германского имперского союза физкультурников: *Ewig mahnt vom Anbeginn des Werdens das heilige Wort Vollkommenheit* («Цель устремлений с начала бытия — святое слово совершенство») — что бы это ни значило.

Мое быстрое увольнение из состава служащих Соединенного королевства было воспринято беспрекословно, поскольку имело веское основание: меня приняли научным сотрудником в секцию современной истории Института Восточной Европы Свободного университета Западного Берлина. Вскоре после этого меня повысили до должности научного ассистента. Это было замечательное время: невысокая преподавательская нагрузка, хорошая зарплата (плюс 8 % берлинской надбавки, иначе называвшейся «премией за страх», да еще и освобождение от воинской повинности) и широкие возможности для исследований и написания докторской диссертации. Даже пребывание в архивах и библиотеках в СССР, Великобритании, Нидерландах, Швеции и в других частях Северной и Западной Европы финансировалось университетом, так же как и поездки со студентами в Болгарию, Албанию и в арктические регионы Европы, в том числе на Кольский полуостров, включая посещение Мурманска.

⁴ Ср.: *Meier E. Breschnews Boomtown. Alltag und Mobilisierung in der Stadt der LKWs. Paderborn: Schöningh, 2016.* О деловых отношениях машиностроительной компании *TRAUB AG* (Райхенбах-ан-дер-Филс) с заводом КАМАЗ в Набережных Челнах в советское время см. автобиографический материал: *Troebst S. My Globalization — eine späte Erkenntnis // Od zgonu ojca narodów do śmierci orła Karpat. Księga na sześćdziesiąte urodziny Jerzego Kochanowskiego = Vom Tod des Vaters der Völker bis zum Ende des Adlers der Karpathen. Festschrift für Jerzy Kochanowski zum 60. Geburtstag / Red. W. Borodziej, M. Buko, R. Utz, Z. Zakrzewska. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2020. S. 388–393.*

Между тем в Советском Союзе началась перестройка, которая повлияла на многих наших студентов и аспирантов при выборе жизненного пути. Сейчас среди них известные представители германских СМИ (Герхард Гнаука, Штефан Шолль, Михаэль Туман, Маркус Венер, Маттиас Форноф), а также историки (Мартин Шульце Вессель, Йохен Хелльбек). Кроме того, Институт Восточной Европы Свободного университета Берлина стал магнитом для экспертов по Восточной Европе из других стран, прежде всего из США, которые приезжали к нам на научную стажировку и с которыми у меня завязались тесные личные контакты: Эндрю Янош, Марк фон Хаген и, прежде всего, Норман Наймарк, с которым я дружу до сих пор.

ИЗ БЕРЛИНА В УППСАЛУ

Тот факт, что руководителем отдела истории в институте был Ханс-Йоахим Торке, эксперт по ранней новой истории Московского государства и его «государственно обусловленного общества» (нем. *staatsbedingte Gesellschaft*), также оказался большим преимуществом, поскольку после робких поисков темы для докторской диссертации я выбрал тему из новой истории — средневековье было для меня все-таки чем-то слишком далеким. Основную роль сыграло (тогдашнее) «правило» в специализации по истории Восточной Европы: тема докторской диссертации должна была существенно отличаться от темы кандидатской по ряду критериев: а) эпохой; б) по историческому региону; в) тематически; и, наконец, г) одна из двух диссертаций должна была быть посвящена Руси, Московскому царству, Российской империи или Советскому Союзу. В моем случае это значило, что Балканы и XX век исключались, нужно было взять тему, посвященную восточнославянской истории до 1900 года, — но какую?

Здесь в игру (сам не зная того) вступил тогдашний сенатор по науке Западного Берлина Вильгельм А. Кевениг, который, вопреки сложившейся традиции, без конкурса назначил нескольких новых профессоров в Институт истории имени Фридриха Майнеке Свободного университета Берлина. Среди них был не только Юрген Кока, корифей западногерманской социальной истории из Билефельда, но и ведущий специалист по истории Восточной Европы Клаус Цернак (1931–2017), до тех пор работавший в Университете имени Юстуса Либига в Гисене. Для него была создана новая кафедра истории Восточно-Центральной и Северо-Восточной Европы⁵. С ассистентом и помощником Цернака по Гисену, Фикретом Аданы-

⁵ Müller-Lissner A. Berlin als Logenplatz für den Blick nach Osteuropa. Der Historiker Klaus Zernack gibt seine Abschiedsvorlesung // Der Tagesspiegel. 1999. 23 VII. №. 16760. S. 28. Ср. также: Troebst S. Klaus Zernack als Nordosteuropahistoriker // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2001. Jg. 50. H. 4. S. 572–586; см. также: Troebst S. The Nordic Connection: Klaus Zernack, Uppsala und die schwedische Geschichtswissenschaft // Album amicorum. Klaus Zernack zum 80. Geburtstag am 14. Juni 2011 / hrsg. von M. Müller, M. Schulze Wessel. Halle; Leipzig: Privatdruck, 2011. S. 149–158.

ром, одним из немногих турецких историков, знающим южнославянские языка, я дружил с 1978 г. (так же как и с его женой Джейн, американкой немецко-еврейского происхождения). Он, как и я, активно занимался историей Македонии как (пост)османского региона. Фикрет познакомил меня с Клаусом Цернаком, который поначалу показался мне типичным упертым профессором. Это впечатление значительно изменилось, когда мы с моей супругой Ингой помогали Аданырам с переездом из Франкфурта-на Майне в берлинский район Веддинг. Еще одним «грузчиком», таскавшим ящики с книгами, мебель и бытовую технику на пятый этаж, оказался профессор, доктор, почетный доктор Цернак, который после выполненной тяжелой работы вытащил скоросшиватель с надписью «смазочные материалы», в котором скрывалась бутылка крепкого и стопки. Лед был сломан.

Цернак, который со своей стажировки в университете Уппсалы в середине пятидесятых годов поддерживал с ведущими историками Швеции тесные контакты, в ходе наших дальнейших подробных консультаций о перспективной теме моей докторской диссертации посоветовал мне взять в качестве предмета исследования отношения между Швецией и Москвой в XVII столетии с акцентом на торгово-коммерческую политику. Это имело смысл, с одной стороны, потому что показывало, как эта скандинавская монархия, находившаяся на периферии и имевшая весьма малую плотность населения, превратилась в великую европейскую державу раннего Нового времени. С другой стороны, это было связано с богатством источниковедческой базы: СССР и Швеция в двадцатых и пятидесятых годах обменялись значительными объемами архивных материалов об отношениях двух государств начиная со средневековья. Этот совет оказался крайне удачным, поскольку позволял обратиться как к переснятым на микропленку московским архивным материалам в Национальном архиве Швеции, так и к обширным источникам в шведских архивах и в библиотеке *Carolina rediviva* Университета Уппсалы. Счастливым стечением обстоятельств было и знакомство с Эряном Съебергом, тогдашним научным сотрудником Института восточных исследований Университета Уппсалы, нынешним профессором экономической географии Стокгольмской школы экономики, который тогда, не зная меня лично, в буквальном смысле открыл для меня все двери. Кроме того, у меня появилась возможность завязать личные контакты со шведскими экспертами по истории раннего Нового времени. К сожалению, самый важный для меня эксперт, специалист по экономической истории Артур Аттман⁶ скончался за два месяца до нашей уже согласованной встречи в Гётеборге. Однако специалисты по истории Нового времени Свен А. Нильссон и Стеллан Дальгрэн в Уппсале оказали мне неоценимую помощь, так же как и сотрудники исследовательского

⁶ Troebst S. Artur Attman 1910–1988. Internationell ekonomihistoriker. // Svenska historiker. Från medeltid till våra dagar / red. R. Björk, A. W. Johansson. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 554–562.

отдела Национального архива Швеции, тамошние архивариусы и другие работники архива. Через шесть месяцев, которые я провел на официальной стажировке в *Institutionen för öststatsstudier*, я вернулся в Берлин с обширными архивными материалами. Теперь необходимо было переработать их в диссертацию.

Большую поддержку в этом оказали мне, в частности, двое советских коллег, у которых я побывал в СССР: Игорь Павлович Шаскольский (1918–1995), руководитель секции Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛЮИИ), и его помощник Валерий Евгеньевич Возргин, позже проходивший научную стажировку в Свободном университете Берлина. Постоянную профессиональную помощь я также получал от Элизабет Хардер-Герсдорфф, профессора экономической истории в Университете Билефельда и эксперта по торговле на Балтике в раннее Новое время. К сожалению, несмотря на нашу активную переписку (тогда, разумеется, по почте), нам так и не довелось познакомиться лично.

СНОВА СКОПЬЕ, ЗАТЕМ КИШИНЕВ, ТИРАСПОЛЬ И КОМРАТ

Несмотря на ту легкость, с которой можно было получить доступ к архивам в Швеции в сравнении с коммунистической Болгарией, переключиться с Балкан на Северную Европу было непросто и с тематической, и с языковой и палеографической точки зрения, и — прежде всего — исходя из актуальной ситуации. Кризис в Болгарии, явно проявившийся с 1984 г., так называемый «Процесс возрождения», активные притеснения многочисленного турецкоговорящего мусульманского меньшинства в Болгарии, а также 1989 г., ставший переломным моментом для всей восточной половины Европы, — все это не давало мне полностью отвернуться от современности и обратиться к XVII в. Сюда же добавились драматические события при распаде Югославии, где у меня было множество коллег и друзей. Так что работа над докторской диссертацией продвигалась медленно и окончательно застопорилась, когда в 1992 г. я получил предложение от МИДа ФРГ отправиться в недавно образованную Республику Македонию в качестве германского члена первой долгосрочной миссии СБСЕ (ныне ОБСЕ). Разумеется, на это предложение я не мог ответить отказом. В 1993 г. я вернулся в Берлин и получил новое предложение, на этот раз поработать в миссии СБСЕ в бывшей Советской Социалистической Республике Молдавии, где мне в 1994 и 1995 гг. предстояло отвечать прежде всего за два сепаратистских региона в Приднестровье и Гагаузии. Местом моей деятельности была тамошняя «столица» Тирасполь и Комрат, ставший главным городом гагаузской автономии. Третье предложение — отправиться в Чечню, где бушевала кровавая гражданская война, я отклонил, поскольку покинуть офис ОБСЕ в Грозном можно было лишь на БТРе российских вооруженных сил, одетым в бронезилет и с каской на голове, что делало выполнение мандата миссии практически невозможным.

Опыт, полученный в рамках работы в международной организации, охватывающей пространство «от Ванкувера до Владивостока» был сопоставим с учебой по курсу регионоведения, правда, на особый манер: нужно было вписаться в иерархическую структуру, постоянно поставлять отчеты, предварительно тщательно оценивать актуальную обстановку, проводить анализ предыдущего развития конфликта, расследовать инциденты, иногда с летальным исходом, собирать информацию в профилактических целях и постфактум, выстраивая доверительные отношения с чиновниками, полицейскими и военными, которые неохотно шли на контакт, а также с гражданскими лицами, представителями самых разных профессий: с пастухами, лесниками, охотниками, крестьянами, виноделами, монахами и монахинями, таксистами, водителями автобусов и — не в последнюю очередь — с журналистами. В этом мне очень помогло знание русского и македонского языков и (в широком смысле) культуры, тем более что мои коллеги по миссии ни тем, ни другим, как правило, не обладали. С другой стороны, я мог положиться на их способности в практической области, в технике и в военном деле — и многому научиться у них. С тех пор я знаком со скрытыми структурами государства и знаю, где пролегают кибернетические *nerves of government*. Это заставляет вспомнить о «третьем элементе для образования государства», наряду с территорией и народом, Георга Еллинека (1851–1911), а именно о государственной власти, в обязательном порядке предполагающей в наше время функционирующую, покрывающую всю территорию и защищенную от прослушки сеть радиосвязи.

Еще одним ценным опытом была совместная работа с командой, состоявшей из дипломатов, военных, местных специалистов и — таких же, как я — регионоведов со знанием языка. Во время острых конфликтов, кризисов и инцидентов каждый должен был иметь возможность положиться на каждого, необходимо было координировать и объединять разные знания и умения. При этом я многому научился: в Македонии — прежде всего, от руководителя миссии, американского дипломата Роберта Х. Фроувика, его правой руки Маршалла Ф. Хэрриса (который, несмотря на молодость, часто в зависимости от ситуации и по просьбе шефа координировал его действия) и Пала Терстянски, майора датских ВВС в отставке; в Молдове — от руководителя миссии британца Ричарда Самуэля, который ненавидел галстуки, но зато знал русский язык, и нидерландского капитана Йелле Марселя. Данные мне ими рекомендательные письма (с пометкой *To whom it may concern*) показывают, что этот процесс обучения был обоюдным.

Несмотря на то что миссии СБСЕ/ОБСЕ были гражданскими, то есть без оружия, мы тем не менее иногда попадали в довольно опасные ситуации. Например, в декабре 1992 г. в Скопье во время перестрелки между полицией и членами ОПГ в районе трущоб Серава или в ноябре 1994 г. в молдавской Тигине (рус. Бендеры), когда развернулся жесткий конфликт между приднестровскими сепаратистами и родителями учеников послед-

ней школы, сопротивлявшейся переходу с латиницы на кириллицу. Одетый в камуфляж вооруженный молодчик (оружие, похоже, было настоящим) вскочил на капот нашей машины и заявил мне через лобовое стекло: «Пулю получишь!» Угроза выглядела довольно реалистично. Случай, когда внедорожник миссии застрял в глубоком снегу в Македонии при проезде через горный массив Баба близ Битолы в окружении стаи воющих волков, заставил задаться вопросом, не стоило ли снабдить нас личным огнестрельным оружием в целях самообороны. Ответы на соответствующие запросы в Секретариат СБСЕ в Вене и в МИД Германии в Бонне звучали одинаково: «Забудьте!» Однако особенно на меня подействовало одно трагическое событие: Вечером 5 марта 1993 года майора Терстянски и меня срочно вызвали представители норвежского контингента миротворческой миссии ООН в Македонии (UNPROFOR) для помощи в поиске тел 89 погибших при катастрофе только что разбившегося пассажирского самолета *Fokker* нидерландского производства на уже погруженной во тьму территории аэропорта Скопье близ местечка Петровец. Такое не забывается.

Но в памяти остались и радостные события этих активных и драматичных лет. Например, 7 апреля 1993 года, когда Македонию приняли в ООН. Мы как представители Миссии СБСЕ в Скопье не могли не откупорить шампанское по такому поводу. То же можно сказать и про 23 декабря 1994 г., когда парламент Республики Молдова в ходе заседания в присутствии руководства самопровозглашенной республики Гагаузия, расположенной на юге страны, принял на русском языке закон об автономном статусе Гагауз Ери сразу в первом и втором чтении — правда, вопреки рекомендациям СБСЕ/ОБСЕ и Совета Европы. Присутствовать при таком впечатляющем событии, наблюдать за ним с гостевой трибуны было важно и познавательно: видно было, что этнополитические конфликты при наличии воли обеих сторон могут быть урегулированы путем внутреннего самоопределения, такого как территориальная автономия, и не обязательно предполагают внешнее самоопределение, то есть отделение. Надежда на то, что это станет образцом для разрешения конфликта и на востоке страны, в связи с так же самопровозглашенной «Приднестровской Молдавской Республикой», все-таки не оправдалась.

ОТ ЦАУХЕ ЧЕРЕЗ ГАМБУРГ В ЮЖНЫЙ ШЛЕЗВИГ

Когда я вернулся в Берлин, мне было ясно, что докторскую диссертацию надо либо наконец завершить, либо оставить эту затею раз и навсегда. Я выбрал для себя первый вариант — и на даче, вдали от цивилизации, в Цаухе, местности, получившей свое название от славянского слова «сухой», в районе Потсдам-Миттельмарк федеральной земли Бранденбург собрался с силами для финишного рывка. Поскольку почты и телефона там не было, а интернет, электронная почта и мобильная связь, к счастью, не получили тогда еще широкого распространения, работу, которую я пла-

нировал закончить через год, удалось завершить за пять месяцев. В 1995 г. целую ночь я распечатывал работу на скрежещущем матричном девяти-игольчатом принтере, затем снял копию, передал в Свободный Университет и трижды перекрестился⁷.

Еще раньше я получил две приятные новости: во-первых, меня пригласили на год временно заменить заведующего кафедрой в Университете бундесвера в Гамбурге, сегодня носящем имя Гельмута Шмидта (1918–2015); во-вторых, Немецкое научно-исследовательское сообщество предоставило мне пятилетнюю стипендию имени Вернера Гейзенберга. Однако воспользоваться ею мне удалось лишь в течение нескольких месяцев, поскольку в 1996 г. меня назначили на пост первого директора создававшегося тогда датско-германского Европейского центра по делам меньшинств (ЕСМИ) во Фленсбурге. Это дало мне возможность продолжить интенсивно заниматься Македонией и Молдовой, регионами, интересовавшими меня и раньше, а также Украиной, Грузией, Эстонией, Латвией и Косово⁸.

Главными предпосылками для этого стали три вещи: во-первых, политическая поддержка трех основателей нового центра, то есть Дании, Германии и федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн. Однако если Копенгаген и Киль всячески способствовали началу работы центра, Бонн чинил множество препятствий — административных, тематических и юридических. Во-вторых, огромную помощь оказали трое «отцов-основателей» (все они были датчанами): Лоренц Реруп, известный историк и генеральный консул Дании во Фленсбурге, его преемник на этом посту Х. П. Клаузен, также историк, несколько раз занимавший пост министра и бывший председатель парламента, а также Бент Рольд Андерсен, социал-демократ, тоже министр в отставке. Правда, Реруп и Клаузен скончались вскоре после создания центра, а Андерсен через короткое время после этого из-за разногласий со своей партией сложил с себя полномочия председателя попечительского совета. Я оказался в непростом положении, но благодаря объявлению об открытых вакансиях в лондонском журнале *Economist* — и это стало третьим фактором — мне удалось привлечь в центр, расположенный на датско-германской границе, ряд высококвалифицированных экспертов из разных стран. Это сразу дало центру мощный импульс для стремительного развития, позитивные последствия которого ощущаются до сих пор. Тот факт, что создание ЕСМИ заполнило собой зияющий пробел в нынешней «большой Европе», подтверждала позитивная реакция со стороны ОБСЕ,

⁷ Troebst S. Handelskontrolle — “Derivation” — Eindämmung. Schwedische Moskaupolitik 1617–1661. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997 (Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München. Reihe Forschungen zum Ostseeraum; 2). Ср.: Zernack K. Dominium Mercaturae Ruthenicae. Neues über Schwedens Ostseevormacht im 17. Jahrhundert. // *Mare Nostrum — Mare Balticum. Commentationes in honorem Professori Matti Klinge / Red. P. Raudsepp*. Helsinki: OY Raud Publishing, 2000, 129–137.

⁸ Troebst S. Starting ECMI // *European Centre for Minority Issues. Annual Report 2006. Ten Years ECMI 1996–2006*. Flensburg: ECMI, 2007. P. 17–19.

Совета Европы и таких стран, как Украина, Грузия, Ирландия, Норвегия, Эстония, Швеция, Нидерланды, Швейцария, Финляндия и многие другие. Лишь у Евросоюза возможности сотрудничества с центром были ограничены из-за таких стран, как Испания, Греция, Франция и ряд других, поскольку в них права меньшинств были недостаточно урегулированы на законодательном уровне.

Но идиллия в сфере политики в отношении меньшинств, царившая по обе стороны германско-датской границы, в течение нескольких минут могла быть омрачена даже небольшими тучками на горизонте двусторонних отношений; тут вспомнилась и демаркация границы, проведенной в свое время по результатам референдума в 1920 г. под эгидой тогдашней Лиги Наций, и нацистская оккупация Дании в 1940–1945 гг. Здесь прошлое глубоко проникало в настоящее, и в результате казалось бы идеальная возможность взять тамошнюю ситуацию — отношения между Северным Шлезвигом, или датской Южной Ютландией, где проживает (малое) немецкое (немецкоязычное) меньшинство, с одной стороны, и Южным Шлезвигом, то есть северной частью федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн с ее датским и фризским меньшинством — за образец для других регионов Европы, в которых бушевали этнополитические конфликты, представлялась весьма спорной. Важно было и то, что высокий уровень жизни по обе стороны датско-германской границы был и остается несравнимым с горячими точками на Балканах, на Кавказе и в других частях восточной половины Европы.

ИЗ ФЛЕНСБУРГА В ЛЕЙПЦИГ

Во Фленсбурге я получил приглашение в Лейпцигский университет — и сразу же принял его, поскольку, как ни интересна была деятельность по практической профилактике конфликтов, меня как историка все больше пугала перспектива полностью сконцентрироваться на настоящем. Моя двойная функция — работа в Лейпцигском университете и в Гуманитарном научном центре истории и культуры Восточно-Центральной Европы (*GWZO*), в 2017 г. преобразованного в Институт истории и культуры Восточной Европы имени Лейбница — дала мне возможность вновь вернуться к моим интересам в сфере исторической науки и значительно их расширить. Для моих исследований, касавшихся формирования наций (*nation-building*) и регионов (*region-building*) здесь обнаружилась феноменальная инфраструктура, получавшая более чем щедрую институциональную поддержку сначала от Немецкого научно-исследовательского сообщества, а затем от Федерального министерства образования и науки; отдельные проекты финансировались также Фондом Фольксвагена, Немецким фондом исследований мира (нем. *Deutsche Stiftung Friedensforschung*), Фондом поддержки науки Фрица Тиссена (нем. *Fritz Thyssen Stiftung*) и другими организациями. Несмотря на то что я еще «до Лейпцига» соответствовал

формальным квалификационным критериям историка Восточной Европы — магистерская работа, кандидатская и докторская диссертации, — лишь здесь я стал «настоящим» историком Восточной Европы, занимаясь этой отраслью исторической науки почти «во всей ее широте».

Связано это не в последнюю очередь было с тем, что финансирование исследовательских проектов *GWZO* всегда было ограничено по времени, что обусловило частую смену тем проектов и групп исследователей и требовало периодически ставить инновационные научные вопросы и регулярно выдавать результаты в форме публикаций. Это происходило не только в виде статей и сборников по теме проекта, но и кандидатских и докторских диссертаций, то есть монографий и целых новых тематических серий: «Визуальная историческая культура» (нем. *Visuelle Geschichtskultur*), «Армяне в Восточной Европе» (нем. *Armenier im östlichen Europa* / англ. *Armenians in Eastern Europe*) и «Лейпцигские исследования по истории и культуре Восточно-Центральной Европы» (нем. *Leipzig Studies on the History and Culture of East-Central Europe*). Выходили и международные серии, такие как «Современная европейская история» (нем. *Moderne europäische Geschichte*), изданная совместно с коллегой по Лейпцигскому университету Ганнесом Зигристом; была продолжена серия «Государства и общества на рубеже эпох» (нем. *Staaten und Gesellschaften im Epochenwandel*) под редакцией Дитмара Шорковица из Института социальной антропологии имени Макса Планка, расположенного в соседнем городе Галле-ан-дер-Зале. Здесь же можно упомянуть такие инновации, как серия брошюр «Лекция имени Оскара Галецкого — ежегодная лекция в *GWZO*» (нем. *Oskar Halecki Vorlesung — Jahresvorlesung des GWZO*) и ежегодный научно-популярный журнал — *Mitropa* (можно условно перевести как «Центропа»), а также значительное тематическое расширение основной книжной серии — «Исследования истории и культуры Восточно-Центральной Европы» (нем. *Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa*).

Оригинальным «изобретением» *GWZO* того времени стало продуктивное объединение таких сфер исследований, как историческая культура и визуальная культура (в упомянутой книжной серии), (повторное) открытие сильно политизированной и идеологизированной «славянской парадигмы» после панславизма XIX столетия в форме «постпанславизма»⁹, внимание к армянам, которые — наряду с евреями, немцами и цыганами — присутствовали в Восточной Европе, оказывая влияние на ее развитие (на эту тему также вышла серия книг), а также изучение влияния истории конфликтов в Восточной Европе и восточноевропейских теоретиков и прак-

⁹ Post-Panslavismus. Slavizität, Slavische Idee und Antislavismus im 20. und 21. Jahrhundert / hrsg. von A. Gaşior, L. Karl, S. Troebst. Göttingen: Wallstein, 2014. S. 17-21 (*Moderne europäische Geschichte*; 9); Gemeinsam einsam. Die Slawische Idee nach dem Panslavismus / hrsg. v. A. Gaşior, S. Troebst, M. Sapper, V. Weichsel. Berlin 2009. (Themenheft der Zeitschrift *Osteuropa*; 59/12 [2009]).

тиков международного права на современное международное право¹⁰. Интерес вызвал также проект, посвященный религиозным «местам памяти» в Восточно-Центральной Европе — *antemurale Christianitatis* (бастиону Христианства), *Cyrillo-Methodiana* (Кирилло-мефодиана) и культуру Богородицы¹¹.

Тем не менее быстрая смена проектов, длительность которых составляла от трех до шести лет, не давала возможности самому подготовить еще одно исследование масштаба монографии. Однако множество статей, написанных в рамках различных проектов, я регулярно публиковал в сборниках¹².

¹⁰ Программная работа по теме: *Troebst S. Eastern Europe's Imprint on Modern International Law // History and International Law: An Intertwined Relationship / ed. by A. Ciampi. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. P. 22–42; см. также: Idem. Speichermedium der Konflikterinnerung. Zur osteuropäischen Prägung des modernen Völkerrechts // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2012. Jg. 61. H. 3. S. 404–431; отдельные примеры работ: Skordos A. T. Südosteuropa und das moderne Völkerrecht. Eine transregionale und globale Geschichte im 19. und 20. Jahrhundert. Göttingen: Wallstein, 2021 (Moderne europäische Geschichte; 19); Trültzsch A. Sozialismus und Blockfreiheit. Der Beitrag Jugoslawiens zum Völkerrecht 1948–1980/91. Göttingen: Wallstein, 2021 (Moderne europäische Geschichte; 20).*

¹¹ *Marienkult, Cyrillo-Methodiana und Antemurale. Religiöse Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa vor und nach 1989 / hrsg. von A. C. Kenneweg, S. Troebst. Marburg / L.: Herder-Institut 2009. (Themenheft der Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. [2008]. Jg. 57. H. 3. S. 287–385); Halemba A. Negotiating Marian Apparitions. The Politics of Religion in Transcarpathian Ukraine. New York, Budapest: Central European University Press, 2015. (Leipzig Studies on the History and Culture of East-Central Europe; 2); Maria in der Krise. Kulturpraxis zwischen Konfession und Politik in Ostmitteleuropa / hrsg. von A. Gaşior. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2014 (Visuelle Geschichtskultur; 10); Gebrochene Kontinuitäten. Transnationalität in den Erinnerungskulturen Ostmitteleuropas im 20. Jahrhundert / hrsg. von A. Gaşior, A. Halemba, S. Troebst. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2014 (Visuelle Geschichtskultur; 13).*

¹² *Troebst S. Kulturstudien Ostmitteleuropas. Aufsätze und Essays. Frankfurt/M.: Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2006 (Staaten und Gesellschaften im Epochenwandel; 11); Idem. Das makedonische Jahrhundert. Von den Anfängen nationalrevolutionärer Bewegung zum Abkommen von Ohrid 1893–2001. Ausgewählte Aufsätze. München: R. Oldenbourg, 2007 (Südosteuropäische Arbeiten; 130) (в переводе на македонский см.: *Требст Ш. Македонскиот век: од почетоците на национално-революционерното движење до Охридскиот рамковен договор 1893–2001: избрани есеи / превод од германски јазик Симона Арсова. Скопје: Арс студио, 2018); Idem. Erinnerungskultur — Kulturgeschichte — Geschichtsregion. Ostmitteleuropa in Europa. Stuttgart: F. Steiner, 2013. (Forschungen zur Geschichte des östlichen Mitteleuropa; 43); Idem. West-östliche Europastudien. Rechtskultur, Kulturgeschichte, Geschichtspolitik = West-Eastern European Studies. Legal Culture, Cultural History, Politics of History. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2015. (Transnationalisierung und Regionalisierung vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart; 7); Idem. Zwischen Arktis, Adria und Armenien. Das östliche Europa und seine Ränder. Aufsätze, Essays und Vorträge 1983–2016. Köln, Wien, Weimar: Böhlau, 2017. (Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa; 53); Idem. Europa Środkowo-Wschodnia, Polska i Niemcy w Europie. Wybrane studia i eseje. Kraków: Wydawnictwo Universitas, 2020. (Polonica leguntur; 24); Ср. также: Bio-Bibliographie Stefan Troebst 1979–2019 / Red. S. Jorek. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2019 (Working Paper Series. Global and European Studies Institute of Leipzig University; 9).**

Некоторые работы выходили и на русском языке¹³, в частности справочное издание, посвященное теме вынужденной миграции в Европе XX столетия¹⁴.

Параллельная биография (в духе Плутарха) двух известных балканских деятелей XX в., левого и правого толка — македонско-болгарского коммуниста Димитра Влахова (1878–1953) и болгарско-македонского правого экстремиста и террориста Ванче Михайлова (1896–1990), бывших в период с 1924 по 1944 г. непосредственными противниками, все еще находится в работе, хотя выход ее уже давно был анонсирован. Открытие многочисленных ранее недоступных архивов в Болгарии, России и в странах бывшей Югославии с 1989–1991 гг., а также то, что некоторые из них впоследствии были снова закрыты, весьма замедлило эту работу. Еще один план монографии — анализ моего дела в органах болгарской госбезопасности по тому же образцу, как коллега из США Кэтрин Вердери проанализировала свое дело из румынской Секуритате¹⁵.

¹³ *Трёбст Ш.* Бегство, национальное перемещение и изгнание немцев (1944–1948 гг.) // Общество в Германии и Советском Союзе в первое послевоенное десятилетие. Травмы и надежды / под ред. А. О. Чубарьяна, А. Виришинга. Берлин; Бостон (Масс.): De Gruyter Oldenbourg, 2020. С. 23–29 (Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений; 9); *Он же.* Особый путь к концепции исторического мезорегиона: учебный предмет «История Восточной Европы» в немецкоязычном пространстве 1892–2016 гг. // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: к 60-летию Константина Владимировича Никифорова / редкол.: С. И. Данченко, К. А. Кочегаров, Б. С. Новосельцев, Е. С. Узенева, О. В. Хаванова (отв. ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 512–530; *Он же.* «Восток — это другие!» Центральная Европа как эксклюзивистский концепт // Славяне и Центральная Европа: языки, история, культуры / под ред. Е. Н. Ковтун, С. С. Скорвида, Д. К. Полякова, К. Н. Цимбаева. М.: POLYMEDIA, 2015. С. 61–70; *Он же.* Восточноевропейские оппозиционные движения в западных исследованиях по Восточной Европе (1975–1989). Три очерка // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х — 80-е гг. XX в. / отв. ред. К. В. Никифоров [и др.]. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 88–100; *Он же.* Судьбоносный 1667 год? К дебатам о «прорыве в Новое время» Московского централизованного государства // *Quaestio Rossica*. 2013. Т. 1. № 1. С. 54–72; *Он же.* Лемкин и Лаутерпахт: Два юриста из Львова // Отечественные записки. 2013. № 6 (57). С. 103–110. *Он же.* Заветный город // Отечественные записки. 2012. Т. 3 (48). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/zavetnyy-gorod> (дата обращения 10.11.2021); *Трёбст Ш., Виллемсен Х.* Скудная преемственность, множественные провалы: Республика Македония. 1987–1995 годы // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2: Национализм в национальных государствах / под ред. Э. Яна. С. 540–572; *Трёбст Ш.* Может ли «1945» стать общеевропейским местом памяти? // Отечественные записки. 2008. Т. 44(5). С. 23–31; *Он же.* Какой такой ковер? Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы. Попытка общего описания и категоризации // *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2004. Т. 4. № 4. С. 39–78.

¹⁴ Энциклопедия изгнаний. Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX в. / под ред. Д. Брандеса, Х. Зундхаузена, Ш. Трёбста; пер. с нем. Л. Ю. Пантиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013.

¹⁵ *Verdery K.* My Life as a Spy. Investigations in a Secret Police File. Durham, NC: Duke University Press, 2018; см. также: *Eadem.* Secrets and Truths. Ethnography in the Archive of Romania's Secret Police. Budapest, New York: Central European University Press, 2014.

ДОПОЛНЕНИЕ: О ПОЛЬЗЕ СПЕЦСЛУЖБ ДЛЯ ИСТОРИКА

То, что Хью Сетон-Уотсон писал о себе в статье *On Trying to be a Historian of Eastern Europe*, применительно ко мне детально задокументировано в уже упомянутом болгарском деле за 1976–1989 гг. Правда, основывалось все это на ложном предположении, будто у меня, несмотря на мою (тогдашнюю) молодость, основным местом работы является Федеральная разведывательная служба Германии (BND), а после моего годовичного пребывания в США по стипендии ДААД — еще и ЦРУ. Попасть под подобное подозрение было во времена холодной войны распространенным профессиональным риском для всех «западных» специалистов по истории Восточной Европы, занимавшихся архивными исследованиями на месте. Еще хуже приходилось этнологам, проводившим полевые исследования. Даже археологи, византилисты, османисты, лингвисты, фольклористы и религиоведы, слависты, да и болгаристы, в том числе и представители «братских социалистических государств», априори считались подозрительными. Тот факт, что досье спецслужб, собранные в свое время в Болгарии, Румынии, ГДР и в других странах Варшавского договора, сегодня доступны (к сожалению, за исключением материалов, находящихся в постсоветской Российской Федерации и в странах распавшейся Югославии) — это счастливый случай для всех специалистов по новейшей истории, занимающихся тогдашним конфликтом между Востоком и Западом. Лично меня это касается особым образом, поскольку здесь представлены фрагменты истории странствий моей юности, причем (благодаря особому типу источника) столь подробно, что это явно перекрывает возможности моей собственной памяти. За эту тщательную работу офицерам болгарских спецслужб, а также многочисленным неизвестным (и некоторым известным) «неофициальным сотрудникам» хочется запоздало выразить глубокую благодарность от человека, который, несмотря на препятствия, причиной которых не в последнюю очередь была именно эта группа лиц, старался «стать историком Восточной Европы».

Перевод с немецкого М. С. Фирстова

Исправление

В первой части статьи (Славянский мир в третьем тысячелетии. Т. 16. № 1–2. С. 243–265), в сноске 9 ошибочно указано, что профессор Х. Сетон-Уотсон во время доклада в Институте Восточной Европы Свободного университета Западного Берлина в 1983 г. представил квинтэссенцию своего труда *Nations and States: An Enquiry Into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism* (London: Methuen, 1977). В действительности лекция Сетон-Уотсона была посвящена теме «Национальное сознание как исторический феномен». См.: *Seton-Watson H. Nationalbewußtsein als historisches Phänomen // Südost-Forschungen. 1984. Jg. 43. S. 271–285.*

Список сокращений

- ДААД — Германская академическая служба обменов (*Deutscher Akademischer Austauschdienst*)
- ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
- СБСЕ — Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе
- BND — Bundesnachrichtendienst (Федеральная разведывательная служба Германии)
- ЕСМІ — European Center for Minority Issues
- GWZO — Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur des östlichen Europa [до 2017 г. — Ostmitteleuropas] an der Universität Leipzig
- UNPROFOR — United Nations Protection Force (Силы Организации Объединенных Наций по Охране)

Литература

- Энциклопедия изгнаний. Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX в. / под ред. Д. Брандеса, Х. Зундхаузена, Ш. Трёбста; пер. с нем. Л. Ю. Панфиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013.
- Смирнова Н. Д. [Рец.] Troebst S. Mussolini, Makedonien und die Mächte. 1922–1930. Die “Innere Makedonische Revolutionäre Organisation” in der Südosteuropapolitik des faschistischen Italiens. Köln; Wien: Böhlau, 1987 (Dissertationen zur neueren Geschichte; 19) // Новая и новейшая история. 1989. № 8. С. 220.
- Трёбст Ш. Македонскиот век: од почетоците на национално-революционерното движење до Охридскиот рамковен договор 1893–2001: избрани есеи / превод од германски јазик Симона Арсова. Скопје: Арс студио, 2018.
- Трёбст Ш. Мусолини, Македонија и Големите сили: 1922–1930: Внатрешната македонска револуционерна организација во југоисточната политика на фашистичка Италија / превод од германски јазик Васе Ангелески. Скопје: Арс студио, 2020.
- Трёбст Ш. Бегство, национальное перемещение и изгнание немцев (1944–1948 гг.) // Общество в Германии и Советском Союзе в первое послевоенное десятилетие. Травмы и надежды / под ред. А. О. Чубарьяна, А. Виришинга. Берлин; Бостон (Масс.): De Gruyter Oldenbourg, 2020. С. 23–29. (Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений; 9).
- Трёбст Ш. «Восток — это другие!» Центральная Европа как эксклюзивистский концепт // Славяне и Центральная Европа: языки, история, культуры / под ред. Е. Н. Ковтун, С. С. Скорвида, Д. К. Полякова, К. Н. Цимбаева. М.: ПОЛИМЕДИА, 2015. С. 61–70.

- Трёбст Ш.* Восточноевропейские оппозиционные движения в западных исследованиях по Восточной Европе (1975–1989). Три очерка // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х — 80-е гг. XX в. / отв. ред. К. В. Никифоров [и др.]. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 88–100.
- Трёбст Ш.* Заветный город // Отечественные записки. 2012. Т. 3 (48). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/zavetnyy-gorod> (дата обращения 10.11.2021).
- Трёбст Ш.* Какой такой ковер? Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы. Попытка общего описания и категоризации // *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2004. Т. 4. № 4. С. 39–78.
- Трёбст Ш.* Лемкин и Лаутерпахт: Два юриста из Львова // Отечественные записки. 2013. № 6 (57). С. 103–110.
- Трёбст Ш.* Может ли «1945» стать общеевропейским местом памяти? // Отечественные записки. 2008. Т. 44 (5). С. 23–31.
- Трёбст Ш.* Особый путь к концепции исторического мезорегиона: учебный предмет «История Восточной Европы» в немецкоязычном пространстве 1892–2016 гг. // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: к 60-летию Константина Владимировича Никифорова / редкол.: С. И. Данченко, К. А. Кочегаров, Б. С. Новосельцев, Е. С. Узенева, О. В. Хаванова (отв. ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 512–530.
- Трёбст Ш.* Судьбоносный 1667 год? К дебатам о «прорыве в Новое время» Московского централизованного государства // *Quaestio Rossica*. 2013. Т. 1. № 1. С. 54–72.
- Трёбст Ш., Виллемсен Х.* Скучная преемственность, множественные провалы: Республика Македония. 1987–1995 годы // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. М.: РОССПЭН, 2010. С. 540–572. Т. 2: Национализм в национальных государствах / под ред. Э. Яна.
- Bio-Bibliographie Stefan Troebst 1979–2019 / Red. S. Jorek. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2019 (Working Paper Series. Global and European Studies Institute of Leipzig University; 9).
- Gebrochene Kontinuitäten. Transnationalität in den Erinnerungskulturen Ostmitteleuropas im 20. Jahrhundert / hrsg. von A. Gąsior, A. Halemba, S. Troebst. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2014. Visuelle Geschichtskultur; 13).
- Gemeinsam einsam. Die Slawische Idee nach dem Panslawismus / hrsg. v. A. Gąsior, S. Troebst, M. Sapper, V. Weichsel. Berlin, 2009. (Themenheft der Zeitschrift Ost-europa; [2009] 59/12).
- Halemba A.* Negotiating Marian Apparitions. The Politics of Religion in Transcarpathian Ukraine. New York, Budapest: Central European University Press, 2015. (Leipzig Studies on the History and Culture of East-Central Europe; 2).
- Maria in der Krise. Kultpraxis zwischen Konfession und Politik in Ostmitteleuropa / hrsg. von A. Gąsior. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2014 (Visuelle Geschichtskultur; 10).
- Marienkult, Cyrillo-Methodiana und Antemurale. Religiöse Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa vor und nach 1989 / hrsg. von A. C. Kenneweg, S. Troebst. Mar-

- burg / L.: Herder-Institut, 2009. (Themenheft der Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. [2008]. Jg. 57. H. 3. S. 287–385).
- Meier E.* Breschnews Boomtown. Alltag und Mobilisierung in der Stadt der LKWs. Paderborn: Schöningh, 2016.
- Post-Panslavismus. Slavizität, Slavische Idee und Antislavismus im 20. und 21. Jahrhundert / hrsg. von A. Gaşior, L. Karl, S. Troebst. Göttingen: Wallstein, 2014. (Moderne europäische Geschichte; 9).
- Skordos A. T.* Südosteuropa und das moderne Völkerrecht. Eine transregionale und globale Geschichte im 19. und 20. Jahrhundert. Göttingen: Wallstein, 2021. (Moderne europäische Geschichte; 19).
- Troebst S.* Artur Attman 1910–1988. Internationaler ökonomischer Historiker. // Svenska historiker. Från medeltid till våra dagar / red. R. Björk, A. W. Johansson. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 554–562.
- Troebst S.* Das makedonische Jahrhundert. Von den Anfängen nationalrevolutionärer Bewegung zum Abkommen von Ohrid 1893–2001. Ausgewählte Aufsätze. München: R. Oldenbourg, 2007. (Südosteuropäische Arbeiten; 130).
- Troebst S.* Die bulgarisch-jugoslawische Kontroverse um Makedonien 1967–1982. München: R. Oldenbourg, 1983. (Untersuchungen zur Gegenwartskunde Südosteuropas; 23).
- Troebst S.* “Die Interdependenz von Politik und Historiographie in Osteuropa”. Ein vergessenes Forschungsprojekt der westdeutschen Osteuropageschichtsschreibung (1976–1983) // Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa. 2011. Jg. 19. S. 9–24.
- Troebst S.* Eastern Europe’s Imprint on Modern International Law // History and International Law: An Intertwined Relationship / ed. by A. Ciampi. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. P. 22–42.
- Troebst S.* Erinnerungskultur — Kulturgeschichte — Geschichtsregion. Ostmitteleuropa in Europa. Stuttgart: F. Steiner, 2013. (Forschungen zur Geschichte des östlichen Mitteleuropas; 43).
- Troebst S.* Europa Środkowo-Wschodnia, Polska i Niemcy w Europie. Wybrane studia i eseje. Kraków: Wydawnictwo Universitas, 2020. (Polonica leguntur; 24).
- Troebst S.* Handelskontrolle — “Derivation” — Eindämmung. Schwedische Moskaupolitik 1617–1661. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997. (Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München. Reihe Forschungen zum Ostseeraum; 2).
- Troebst S.* Klaus Zernack als Nordosteuropahistoriker. // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2001. Jg. 50. H. 4. S. 572–586.
- Troebst S.* Kulturstudien Ostmitteleuropas. Aufsätze und Essays. Frankfurt/M.: Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2006. (Staaten und Gesellschaften im Epochenwandel; 11).
- Troebst S.* Mussolini, Makedonien und die Mächte 1922–1930. Die “Innere Makedonische Revolutionäre Organisation” in der Südosteuropapolitik des faschistischen Italiens. Köln; Wien: Böhlau, 1987. (Dissertationen zur neueren Geschichte; 19).
- Troebst S.* My Globalization — eine späte Erkenntnis // Od zgonu ojca narodów do śmierci orła Karpat. Księga na sześćdziesiątę urodziny Jerzego Kochanowskiego = Vom Tod des Vaters der Völker bis zum Ende des Adlers der Karpathen. Festschrift

- für Jerzy Kochanowski zum 60. Geburtstag / Red. W. Borodziej, M. Buko, R. Utz, Z. Zakrzewska. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2020. S. 388–393.
- Troebst S. Speichermedium der Konflikterinnerung. Zur osteuropäischen Prägung des modernen Völkerrechts // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2012. Jg. 61. H. 3. S. 404–431.
- Troebst S. Starting ECMI // European Centre for Minority Issues. Annual Report 2006. Ten Years ECMI 1996–2006. Flensburg: ECMI, 2007. P. 17–19.
- Troebst S. The Nordic Connection: Klaus Zernack, Uppsala und die schwedische Geschichtswissenschaft // Album amicorum. Klaus Zernack zum 80. Geburtstag am 14. Juni 2011 / hrsg. von M. Müller, M. Schulze Wessel. Halle; Leipzig: Privatdruck, 2011. S. 149–158.
- Troebst S. West-östliche Europastudien. Rechtskultur, Kulturgeschichte, Geschichtspolitik = West-Eastern European Studies. Legal Culture, Cultural History, Politics of History. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2015. (Transnationalisierung und Regionalisierung vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart; 7).
- Troebst S. Zwischen Arktis, Adria und Armenien. Das östliche Europa und seine Ränder. Aufsätze, Essays und Vorträge 1983–2016. Köln, Wien, Weimar: Böhlau, 2017. (Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa; 53).
- Trültzsch A. Sozialismus und Blockfreiheit. Der Beitrag Jugoslawiens zum Völkerrecht 1948–1980/91. Göttingen: Wallstein, 2021. (Moderne europäische Geschichte; 20).
- Verdery K. My Life as a Spy. Investigations in a Secret Police File. Durham, NC: Duke University Press, 2018.
- Verdery K. Secrets and Truths. Ethnography in the Archive of Romania's Secret Police. Budapest, New York: Central European University Press, 2014.
- Zernack K. Dominium Mercaturae Ruthenicae. Neues über Schwedens Ostseevormacht im 17. Jahrhundert // Mare Nostrum — Mare Balticum. Commentationes in honorem Professori Matti Klinge / Red. P. Raudsepp. Helsinki: OY Raud Publishing, 2000.

References

- Brandes, D., Sundhaussen, H., Troebst, S., eds., 2013. *Entsiklopediia izgnanii. Deportatsiia, prinuditel'noe vyselenie i etnicheskaia chistka v Evrope v XX v.* [Encyclopaedia of Expulsions. Deportation, Forced Displacement and Ethnic Cleansing in Europe in the Twentieth Century], transl. from German by L. Iu. Pantina. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN).
- Gaşior, A., ed., 2014. *Maria in der Krise. Kultpraxis zwischen Konfession und Politik in Ostmitteleuropa.* Cologne; Weimar; Vienna: Böhlau. (Visuelle Geschichtskultur; 10).
- Gaşior, A., Halemba, A., Troebst, S., eds, 2014. *Gebrochene Kontinuitäten. Transnationalität in den Erinnerungskulturen Ostmitteleuropas im 20. Jahrhundert.* Vienna: Böhlau. (Visuelle Geschichtskultur; 13).
- Gaşior, A., Karl, L., Troebst, S., eds, 2014. *Post-Panslavismus. Slavizität, Slavische Idee und Antislavismus im 20. und 21. Jahrhundert.* Göttingen: Wallstein, 2014. (Moderne europäische Geschichte; 9).

- Gaşior, A., Troebst, S., Sapper, M., Weichsel, V., eds, 2009. *Gemeinsam einsam. Die Slawische Idee nach dem Panslawismus*. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag. (Themenheft der Zeitschrift Osteuropa; [2009] 59/12).
- Halemba, A., 2015. *Negotiating Marian Apparitions. The Politics of Religion in Transcarpathian Ukraine*. New York, Budapest: Central European University Press. (Leipzig Studies on the History and Culture of East-Central Europe; 2).
- Jorek, S., ed., 2019. *Bio-Bibliographie Stefan Troebst 1979–2019*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag. (Working Paper Series. Global and European Studies Institute of Leipzig University; 9).
- Kenneweg, A. C., Troebst, S., eds, 2009. *Marienkult, Cyrillo-Methodiana und Antemurale. Religiöse Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa vor und nach 1989*. Marburg: Herder-Institut. (Themenheft der Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. [2008], 57 (3), pp. 287–385)
- Meier, E., 2016. *Breschnews Boomtown. Alltag und Mobilisierung in der Stadt der LKWs*. Paderborn: Schöningh.
- Skordos, A. T., 2021. *Südosteuropa und das moderne Völkerrecht. Eine transregionale und globale Geschichte im 19. und 20. Jahrhundert*. Göttingen: Wallstein. (Moderne europäische Geschichte; 19).
- Smirnova, N. D., 1989. [Rets.] Troebst S. Mussolini, Makedonien und die Mächte 1922–1930. Die “Innere Makedonische Revolutionäre Organisation” in der Südosteuropapolitik des faschistischen Italiens. Köln; Wien: Böhlau, 1987 (Dissertationen zur neueren Geschichte; 19) [[Review] Troebst, S. Die “Innere Makedonische Revolutionäre Organisation” in der Südosteuropapolitik des faschistischen Italiens. Köln; Wien: Böhlau, 1987 (Dissertationen zur neueren Geschichte; 19)]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 8, p. 220.
- Troebst, S., 2009. Artur Attman 1910–1988. Internationell ekonomihistoriker. In: R. Björk, A. W. Johansson, eds, 2009. *Svenska historiker. Från medeltid till våra dagar*. Stockholm: Norstedts, pp. 554–562.
- Troebst, S., 2020. Begstvo, natsional'noe peremeshchenie i izgnanie nemtsev (1944–1948 gg.) [Escape, National Displacement and Expulsion of Germans (1944–1948)]. In: A. O. Tschubarian, A. Wirsching, eds, 2020. *Obshchestvo v Germanii i Sovetskom Soiuze v pervoe poslevoennoe desiatiletie. Travmy i nadezhdy* [Society in Germany and the Soviet Union in the First Post-War Decade. Traumas and Hopes]. Berlin; Boston (Mass.): De Gruyter Oldenbourg, pp. 23–29. (Soobshcheniia Sovmestnoi komissii po izucheniiu noveishei istorii rossiisko-germanskikh otnoshenii; 9).
- Troebst, S., 2007. *Das makedonische Jahrhundert. Von den Anfängen nationalrevolutionärer Bewegung zum Abkommen von Ohrid 1893–2001. Ausgewählte Aufsätze*. Munich: R. Oldenbourg. (Südosteuropäische Arbeiten; 130).
- Troebst, S., 1983. *Die bulgarisch-jugoslawische Kontroverse um Makedonien 1967–1982*. Munich: R. Oldenbourg, 1983. (Untersuchungen zur Gegenwartskunde Südosteuropas; 23).
- Troebst, S., 2011. “Die Interdependenz von Politik und Historiographie in Osteuropa”. Ein vergessenes Forschungsprojekt der westdeutschen Osteuropageschichtsschreibung (1976–1983). *Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa*, 19, pp. 9–24.

- Troebst, S., 2019. Eastern Europe's Imprint on Modern International Law. In: A. Ciampi, ed., 2019. *History and International Law: An Intertwined Relationship*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 22–42.
- Troebst, S., 2013. *Erinnerungskultur — Kulturgeschichte — Geschichtsregion. Ostmitteleuropa in Europa*. Stuttgart: F. Steiner. (Forschungen zur Geschichte des östlichen Mitteleuropa; 43).
- Troebst, S., 2020. *Europa Środkowo-Wschodnia, Polska i Niemcy w Europie. Wybrane studia i eseje*. Kraków: Wydawnictwo Universitas. (Polonica leguntur; 24).
- Troebst, S., 1997. *Handelskontrolle — “Derivation” — Eindämmung. Schwedische Moskaupolitik 1617–1661*. Wiesbaden: Harrassowitz (Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München. Reihe Forschungen zum Ostseeraum; 2).
- Troebst, S., 2001. Klaus Zernack als Nordosteuropahistoriker. *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 50 (4), pp. 572–586.
- Troebst, S., 2006. *Kulturstudien Ostmitteleuropas. Aufsätze und Essays*. Frankfurt am Main: Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften (Staaten und Gesellschaften im Epochenwandel; 11).
- Troebst, S., 2013. Lemkin i Lauterpakht: Dva iurista iz L'vova [Lemkin and Lauterpacht: Two Lawyers from Lviv]. *Otechestvennye zapiski*, 57 (6), pp. 103–110.
- Troebst, Sh., 2018. *Makedonskiot vek: od početocite na nacionalno-revolucionernoto dviženje do Ohridskiot ramkoven dogovor 1893–2001: izbrani esei* [The Macedonian Century: From the Beginnings of the National Revolutionary Movement to the Ohrid Framework Agreement 1893–2001: Selected Essays], transl. from German by S. Arsova. Skopje: Ars studio.
- Troebst, S., 2008. Mozhet li “1945” stat' obshcheevropeiskim mestom pamiatii? [Can “1945” Become a Pan-European Place of Remembrance?]. *Otechestvennye zapiski*, 44 (5), pp. 23–31.
- Troebst, Sh., 2020. *Musolini, Makedonija i Golemite sili: 1922–1930: Vnatrešnata makedonska revolucionerna organizacija vo jugoistočnata politika na fašistička Italija* [Mussolini, Macedonia and the Great Powers: 1922–1930: The Internal Macedonian Revolutionary Organization in the Southeastern Politics of Fascist Italy], transl. from German by V. Angeleski. Skopje: Ars studio.
- Troebst, S., 1987. *Mussolini, Makedonien und die Mächte 1922–1930. Die “Innere Makedonische Revolutionäre Organisation” in der Südosteuropapolitik des faschistischen Italiens*. Köln; Vienna: Böhlau (Dissertationen zur neueren Geschichte; 19).
- Troebst, S., 2020. My Globalization — eine späte Erkenntnis. In: W. Borodziej, M. Buko, R. Utz, Z. Zakrzewska, eds, 2020. *Od zgonu ojca narodów do śmierci orła Karpat. Księga na sześćdziesiąte urodziny Jerzego Kochanowskiego = Vom Tod des Vaters der Völker bis zum Ende des Adlers der Karpathen. Festschrift für Jerzy Kochanowski zum 60. Geburtstag*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2020. pp. 388–393.
- Troebst, S., 2016. Osobyi put' k kontseptsii istoricheskogo mezoregiona: uchebnyi predmet “Istoriia Vostochnoi Evropy” v nemetskoiazychnom prostranstve 1892–2016 gg. [Special Way to the Concept of Historical Meso-Region: The Subject “History of Eastern Europe” in the German-Speaking Space, 1892–2016]. In: S. I. Danchenko, K. A. Kochegarov, B. S. Novosel'tsev, E. S. Uzeneva,

- O. V. Khavanova (Ed.-in-Chief), eds, 2016. *Istoriia, iazyk, kul'tura Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v natsional'nom i regional'nom kontekste: k 60-letiiu Konstantina Vladimirovicha Nikiforova* [History, Language and Culture of Central and South-Eastern Europe in National and Regional Context: To the 60th Anniversary of Konstantin Vladimirovich Nikiforov]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 512–530.
- Troebst, S., 2012. Speichermedium der Konflikterinnerung. Zur osteuropäischen Prägung des modernen Völkerrechts. *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 61 (3), pp. 404–431.
- Troebst, S., 2007. Starting ECMI. *European Centre for Minority Issues. Annual Report 2006. Ten Years ECMI 1996–2006*. Flensburg: ECMI, pp. 17–19.
- Troebst, S., 2013. Sud'bonosnyi 1667 god? K debatam o “proryve v Novoe vremia” Moskovskogo tsentralizovannogo gosudarstva [1667 — a Crucial Year? On the Debates about the “Breakthrough to the Modern Era” of the Moscovite Centralized State]. *Quaestio Rossica*, 1 (1), pp. 54–72.
- Troebst, S., 2011. The Nordic Connection: Klaus Zernack, Uppsala und die schwedische Geschichtswissenschaft. In: M. Müller, M. Schulze Wessel, eds, 2011. *Album amicorum. Klaus Zernack zum 80. Geburtstag am 14. Juni 2011*. Halle; Leipzig: Privatdruck, pp. 149–158.
- Troebst, S., 2014. Vostochnoevropaiskie oppozitsionnye dvizheniia v zapadnykh issledovaniakh po Vostochnoi Evrope (1975–1989). Tri ocherka [Opposition Movements in East-Central Europe in the Focus of East European Studies in the West, 1975–1989: Three Cases]. In: K. V. Nikiforov, [et al.], eds, 2014. *Inakomyshie v usloviakh “real'nogo sotsializma”. Poiski novoi gosudarstvennosti. Konets 60-kh — 80-e gg. XX v.* [Dissent under the Conditions of “Real Socialism”. The Search for a New Statehood. From the Late 1960s to the 1980s]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 88–100.
- Troebst, S., 2015. “Vostok — eto drugie!” Tsentral'naia Evropa kak ekskliuzionist-skii kontsept [“The East are always the others!” Central Europe As an Exclusionist Concept]. In: E. N. Kovtun, S. S. Skorvid, D. K. Poliakov, K. N. Tsimbaev, eds, 2015. *Slaviane i Tsentral'naia Evropa: iazyki, istoriia, kul'tury* [Slavs and Central Europe: Languages, History, Cultures]. Moscow: POLIMEDIA, pp. 61–70.
- Troebst, S., 2015. *West-östliche Europastudien. Rechtskultur, Kulturgeschichte, Geschichtspolitik = West-Eastern European Studies. Legal Culture, Cultural History, Politics of History*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag. (Transnationalisierung und Regionalisierung vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart; 7)
- Troebst, S., 2004. What kind of carpet? The Culture of Memory in Post-Communist Societies in Eastern Europe. An attempt at a general description and categorisation. *Ab Imperio. Studies on New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*, 4 (4), pp. 39–78.
- Troebst, S., 2012. Zavetnyi gorod [The Promised Town] (On Saloniki). *Otechestvennye zapiski*, Vol. 3 (48). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/zavetnyy-gorod> (accessed: 10.11.2021).
- Troebst, S., 2017. *Zwischen Arktis, Adria und Armenien. Das östliche Europa und seine Ränder. Aufsätze, Essays und Vorträge 1983–2016*. Cologne, Vienna, Weimar: Böhlau (Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa; 53).

- Troebst, S., Willemsen, H., 2010. Skudnaia preemstvennost', mnozhestvennye provaly: Respublika Makedoniia. 1987–1995 gody [Scarce Continuity, Multiple Failures: Republic of Macedonia. 1987–1995]. In: E. Jahn, ed., 2010. *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope. Vol. 2. Natsionalizm v natsional'nykh gosudarstvakh* [Nationalism in Late- and Post-Communist Europe. Vol. 2. Nationalism in the National States]. Moscow: ROSSPEN, pp. 540–572.
- Trültzsch, A., 2021. *Sozialismus und Blockfreiheit. Der Beitrag Jugoslawiens zum Völkerrecht 1948–1980/91*. Göttingen: Wallstein (Moderne europäische Geschichte; 20).
- Verdery, K., 2018. *My Life as a Spy. Investigations in a Secret Police File*. Durham, NC: Duke University Press.
- Verdery, K., 2014. *Secrets and Truths. Ethnography in the Archive of Romania's Secret Police*. Budapest, New York: Central European University Press.
- Zernack, K., 2020. Dominium Mercaturae Ruthenicae. Neues über Schwedens Ostseevormacht im 17. Jahrhundert. In: P. Raudsepp, ed., 2000. *Mare Nostrum — Mare Balticum. Commentationes in honorem Professori Matti Klinge*. Helsinki: OY Raud Publishing, 2000.

«НАДО, ЧТОБЫ НАУКА СТАЛА ЖИЗНЬЮ...» ИНТЕРВЬЮ С АЛЬБИНОЙ ФЁДОРОВНОЙ НОСКОВОЙ*

Аннотация

По просьбе редакции журнала «Славянский мир в третьем тысячелетии» о своей жизни и пути в науке рассказывает Альбина Фёдоровна Носкова (род. 1936), доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН. В 1959 г. А. Ф. Носкова окончила исторический факультет МГУ по кафедре истории южных и западных славян, в 1961–1964 гг. училась в аспирантуре Института. Альбина Фёдоровна является признанным специалистом по новейшей истории Польши и проблемам истории советско-польских отношений. Основными направлениями ее исследовательской работы стали история Польши и других восточноевропейских стран во время и после Второй мировой войны, вопросы славяно-германских отношений и политики Москвы в восточноевропейском регионе. А. Ф. Носкова — автор нескольких сотен научных трудов, организатор и участник ряда международных проектов и конференций. Альбина Фёдоровна рассказала о своем детстве, родителях и учителях, учебе на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, работе в архивах и в Институте славяноведения, а также о своих зарубежных командировках.

Ключевые слова

Институт славяноведения РАН, история Польши, история советско-польских отношений, польское военно-политическое подполье

Статья поступила в редакцию 22 сентября 2021 г.

Цитирование: *Носкова А. Ф.* «Надо, чтобы наука стала жизнью...». Интервью с Альбиной Фёдоровной Носковой // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 189–245. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.12>

* Беседа с А. Ф. Носковой состоялась 13 апреля 2021 г. в здании Президиума РАН на Ленинском проспекте. Запись, расшифровка беседы и комментарии — Александр Сергеевич Стычкин и Анна Романовна Лагно (Институт славяноведения Российской академии наук). Все фотографии — из личного архива А. Ф. Носковой.

“WE NEED FOR SCIENTIFIC WORK TO BECOME LIFE...” INTERVIEW WITH ALBINA F. NOSKOVA

Abstract

At the request of the editorial board of the journal *Slavic World in the Third Millennium*, Albina Fedorovna Noskova (born 1936), Doctor of Historical Sciences and chief researcher of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, recounts her life and career path in science. She graduated from the Department of Southern and Western Slavs of the History Faculty of Moscow State University in 1959 and then studied at the graduate school of the Institute from 1961 to 1964. Albina Fedorovna is the recognised specialist in both the modern history of Poland and the problems in the history of Soviet-Polish relations. The principal lines of her investigations included the history of Poland and other Eastern European countries during and after World War II, the problems of Slavic-German relations, and the policy of Moscow in Eastern Europe. A. F. Noskova is the author of several hundred academic works, as well as the organiser of and a participant in many international projects and conferences. Albina Fedorovna discusses her childhood, her parents and teachers, her studies at the Department of Southern and Western Slavs of the History Faculty of Moscow State University, and her work in archives and at the Institute of Slavic Studies, as well as her business trips abroad.

Keywords

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, history of Poland, history of Soviet-Polish relations, Polish resistance movement, Polish Underground State

Received 22 September 2021

How to cite: Noskova, A. F., 2021. “Nado, chtoby nauka stala zhizn'iu...”. Interv'iu s Al'binoi Fedorovnoi Noskovoi “We need for scientific work to become life...” Interview with Albina F. Noskova]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 189–245. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.12>

А. С. Стыкалин: *Альбина Фёдоровна, так, вы родились в октябре 1936 года. Насколько я знаю, не в Москве? Я знаю, что ваш отец был офицером.*

А. Ф. Носкова: Я родилась не в Москве. Пару слов хочу сказать о семье, из которой вышла. Мои родители происходили из довольно простых семей. По линии отца — это очень бедные крестьяне. Самое их большое богатство — 14 человек детей. До войны дожили шесть. Во время войны один погиб, похоронен в Польше, я была на братской могиле, где он захоронен. Польские коллеги пригласили меня на съезд историков, который проходил в городе Ольштын, и вот, воспользовавшись случаем, рабочим поездом я отправилась в Бранево. Врезалась в память «доска» в вагоне — на голубом фоне круг из звезд и текст: «Вагон создан при финансировании Европейского союза». Не буду комментировать. Так вот, в Бранево находится самое крупное захоронение советских военнослужащих на территории современной Польши. Оно располагается на шести гектарах земли рядом с городом Бранево (нем. Браунсберг), всего в нескольких километ-

рах от границы Польши с нашей Калининградской областью. Там лежит 31,5 тысяча красноармейцев и небольшое число солдат 2-й армии Войска Польского. До сих пор туда свозят из прилегающих воеводств обнаруженные останки советских и польских солдат и офицеров, погибших весной 1944 года. Кладбище не запущенное, но, правда, и не очень ухоженное. Я не знала, где оно расположено, и с вокзала пошла к местным властям. Меня «по цепочке» передали человеку, за него ответственному. Это был поляк лет шестидесяти, из семьи послевоенных, 1945 года, высленцев со Львовщины. Он оказался необыкновенно приветливым, показал город, а когда рассказывал о захоронении, вдруг сказал: «Представьте себе, если бы они все встали. Они бы здесь не поместились». Мне показалось, что он сдерживает себя... Абсолютное большинство могил — это братские безымянные могилы. Наших именных 21, я привезла документы на 22-го, брат отца погиб 8 марта 1944 года на опушке леса у немецкой деревни, теперь, кажется, она называется Миловице, вблизи города Бранево.

Теперь скажу о семье моей мамы. Вот, можете посмотреть (*показывает фотографию*). Дед — Александр Александрович Наместников, был начальником сельской почты и в царские, и в советские времена.

Мама Альбины Фёдоровны с родителями и сестрой

А. С.: *Где это было?*

А. Н.: В селе Василёво Василёвского района Ивановской области. Естественно, это был грамотный человек. Бабушка Александра Павловна Наместникова, в девичестве Яковлева, не была грамотной, но была очень хорошей хозяйкой. По этой бабушке у нас в семье была цыганская кровь. По легенде, моя прабабушка Парасковья не раз выходила замуж, последний муж был то ли румын, то ли австриец, Григорий, он утонул в Волге. Но все дети получали отчество по первому браку, и моя бабушка тоже.

Мама Нонна Александровна Наместникова, по мужу Петухова, и особенно ее сестра Мария Александровна (они погодки, учились вместе в Угличе) были похожи на цыганок. Вот, смотрите, это моя мама (*показывает фотографию*), в маме цыганская кровь есть (однажды ей был задан вопрос: «Вы с Востока?»), в Марии Александровне очень явно. Но мужа у той и другой были светло-русые. На мне и двоюродных сестрах цыганских следов уже нет, или почти нет, хотя у младшей из нас троих до сих пор глаза огромные, карие.

Мама — Нонна Александровна

У маминых двоюродных сестер по линии брата бабушки парни родились типичными цыганами. Один из них был хирургом, умер молодым. Что там дальше было с другими и их детьми — уже не знаю.

А. С.: *Много родственников было по линии отца?*

А. Н.: По отцу у меня не сохранились фотографии. Дед был крестьянин, рядовой колхозник. Бабушка в молодости, как раньше говорили, «в девушках», служила в семье графа Потоцкого в Петербурге, дед дважды ездил ее сватать, отдали только на второй раз. Она была членом партии с 1928 года. По легенде, она то ли какой-то пост в колхозе занимала, то ли работала в сельхозтехнике. Это были простые русские люди.

Мама и отец имели среднее образование. Оба учились в Угличе. Мама училась в животноводческом, а отец в другом сельскохозяйственном училище, на агронома, а познакомились они в колхозе села Оносово Угличского района Ярославской области. В Ярославской области все колхозы были бедные, ведь там земли неплодородные. Сначала туда отправили отца, он работал агрономом, потом через три года маму, которая была зоотехником и активной комсомолкой, членом пленума райкома ВЛКСМ в городе Мышкине. Вот это отец, молодой (*показывает фотографию*).

Отец — Фёдор Михайлович

А. С.: *Перед войной?*

А. Н.: Перед войной, но уже после Халхин-Гола. Когда отца призвали из колхоза в армию, он уже имел среднее образование, что было для армии положительным качеством; его отправили на офицерские курсы «Выстрел», по-моему, это был Смоленск.

А. С.: *Это было начало 30-х?*

А. Н.: Это ближе к середине 30-х годов. Он закончил курсы, приехал за моей мамой, и поехали они служить на Западную Украину. Поэтому я родилась на Волыни, в городе Старо-Константинове, по-польски *Stary Konstantynów*.

А. С.: *Рядом с границей?*

А. Н.: Рядом, 30 километров от границы с Польшей, той, что была до осени 1939 года. Тогда это была Каменец-Подольская область, потом стала Хмельницкой областью. Мы там прожили недолго. Кавалерийской дивизией командовал позднее очень известный человек, в то время комдив, — Александр Васильевич Горбатов¹.

А. С.: *Мемуары опубликовал в 1960-е годы, печатались в «Новом мире»².*

А. Н.: В 1937 или в начале 1938 года его арестовали, дивизию расформировали, и нам достались сопки за Читой и город Борзя на границе с Монголией. Мама рассказывала: эшелон шел месяц с Западной Украины на ту границу. Но когда прибыли, то опоздали на Хасан, зато угодили на Халхин-Гол³. Вот за Халхин-Гол у папы первое боевое Красное Знамя. Жизнь там была не очень сладкой. Морковь и картошку доставляли теперь уже в механизированную бригаду сушеными, а молоко 1–2 раза в неделю по пол-литра на ребенка. У отца было после Халхин-Гола очень тяжелое ранение, его отправили в город Ялуторовск, в Сибири, лечиться. После Ялуторовска был отпуск, и они поехали на родину. Вот эта фотография (*показывает*) сделана на родине, в Ярославской области. Потом отца назначили служить в Тюмень, в Тюменское пехотное училище.

А. С.: *Прямо перед войной?*

А. Н.: Да, прямо перед войной. Все это было перед войной. Он был преподавателем по огневой подготовке в Тюменском пехотном училище, так написано на одной из его фотографий.

А. С.: *И вот вы с мамой поехали.*

А. Н.: Да, и мы с мамой поехали в Тюмень. Дело в том, что, когда приехали на монгольскую границу, угодили в эпидемию японского клещевого энцефалита, чем мама и заболела. Ее полностью парализовало в 25 лет.

А. С.: *Но мама постепенно восстановилась?*

¹ Горбатов Александр Васильевич (1891–1973) — военачальник, генерал армии (1955). В 1937–1941 гг. прошел через репрессии. В 1943–1945 гг. командующий армией. Герой Советского Союза (1945).

² См. книжное издание: Горбатов А. В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1965.

³ Боевые действия между Красной армией и войсками Японии близ озера Хасан в советском Приморье происходили летом 1938 г., советско-японский военный конфликт с боевыми действиями на р. Халхин-Гол в Монголии продолжался с мая по сентябрь 1939 г.

Альбина Фёдоровна с куклой, родителями и бабушкой

А. Н.: Мама рассказывала, что, поскольку там шли бои (Халхин-Гол), вся медицина ушла на фронт, с семьями остался фельдшер. Он пришел, посмотрел и сказал: «Девчонка здоровая, деревенская, может быть, выживет». Она выжила. У нее речь не была парализована. Мама восстановилась, она ходила, но болела ужасно, я не буду рассказывать, это и мне очень тяжело, и вам будет не очень приятно. Осталась на всю жизнь физически, но не умственно, тяжело больным человеком, стала инвалидом первой группы, как-то так вот и жили. При этом мама прожила 98 лет, и с абсолютно ясной головой и прекрасной памятью, она всегда была с бабушкой и со мной, мы ухаживали. Вот отец умер рано, в 48 лет.

А. С.: *Давайте поговорим об отце.*

А. Н.: Отец или в конце 1940-го, или в начале 1941 года был направлен учиться в академию имени Фрунзе.

А. С.: *В Москву?*

А. Н.: В Москву. А мы остались в городе Тюмени, в военном городке, за городом он был расположен.

А. С.: *Начало войны, июнь 1941 года, вы застали в Тюмени?*

А. Н.: Мы всю войну пробыли в Тюмени. Отец находился в Москве, когда началась война, а потом академию отправили в Самарканд. Экстер-

ном он закончил академию и через три месяца, в октябре, был уже под Волоколамском на фронте. Он был офицером специальной группы представителей Главного оперативного управления Генерального штаба Красной армии. Ее специфика — самостоятельность, неподчиненность командованию фронтов. На фронте он находился до декабря 1944-го, но с перерывами. Вероятно, когда готовились какие-то операции, он бывал в Москве. Жил в общежитии на Чистых прудах, где и его фронтовой друг Грибков Анатолий Иванович с семьей⁴.

А. С.: *Что-нибудь запомнилось, как вы с мамой в Тюмени — и вот узнаете о начале войны?*

А. Н.: Нет, это не запомнилось. Запомнилось другое — как начали приходить в город эшелоны с эвакуированными. Вот это я помню. И мама рассказывала про это, а Тюмень — морозы страшные, снега много.

А. С.: *Зима вообще была очень холодная, 1941–1942 годов.*

А. Н.: К тому же там резко континентальный климат, жаркое лето и очень холодная зима. И вот Тюмень, военный городок, я помню: два корпуса стояли. Из интересных случаев теперь расскажу вот что. Среди эвакуированных была жена офицера, и у нее двое детей. Но она, похоже, беженка была с оккупированной немцами территории... У нас было три комнаты в квартире. В самой большой жила семья офицера с двумя детьми. Две — наши: кабинет отца и наша с мамой. Была еще маленькая комнатка для душа, душевая, маленькая совсем. Там жил молодой офицер, он учился, окончил училище и уехал на фронт. Эвакуированную женщину к нам подсадили в кабинет отца. Мама рассказывала, я этого не помню. Пришел караул, тут же все наши вещички в другую комнату, здесь будет жить женщина с детьми. Ну будет жить так будет жить. Училище уже было другое. Тюменское училище ушло на фронт, а на его место прибыло Таллинское. С прибытием нового училища наша ситуация — семей фронтовиков — резко ухудшилась. Понимаете, вот эти корпуса, где мы жили, я помню, что в комнате была черная печка, кажется, такие назывались «голландками», но в ней у нас жили кролики. Значит, отопление было центральное. Но ни ванны, ни душа не было. При училище была баня, и все этой баней пользовались, как и до войны. Но когда приехало Таллинское, нам, семьям фронтовиков, запретили ходить в баню, в клуб смотреть кино и, главное, запретили использовать землю под огороды.

А. С.: *И как вы объясняете это?*

А. Н.: Объяснить это я не могу, но этот факт был. Начальником Таллинского училища был русский, а все училище — эстонским.

⁴ Анатолий Иванович Грибков (1919–2008) — военачальник, генерал армии (1976). В 1976–1989 гг. — начальник штаба Объединенных Вооруженных сил государств-участников Варшавского договора.

А. С.: *Они же могли быть основаны только с присоединением Эстонии в 1940 году к СССР.*

А. Н.: Так это 1941-й, а может, и позже, уже во время войны.

А. С.: *Я понимаю, и успели уже перед войной сформировать училище?*

А. Н.: Да, прибыло к нам Таллинское пехотное училище. И тут жизнь пошла плохая, но моя мама была очень справедливым человеком и в свое время, я говорила, активной комсомолкой.

А. С.: *Значит, она все-таки уже немножко восстановилась?*

А. Н.: Да, восстановилась, она могла ходить без посторонней помощи, но много лежала, бывали моменты ухудшений. И вот они, жены фронтовиков, написали Щербакову⁵ в Москву письмо. Описали ситуацию. Прибыла комиссия из Москвы. Мама рассказывала: «...помню очень хорошо этот день. Я лежала, вдруг караул в дом, трое: офицер и два солдата с винтовками.

– Петухова здесь живет?

– Здесь.

– Одевайтесь».

Мама: «Я, пока шла до штаба, передумала все, но главная мысль была: Фёдор в плену, потому что семей таких не жаловали. Вот у этой женщины, которую подселили, выяснилось, что муж был в плену. Ее с двумя детьми из города Тюмени отправили на север. Куда — никто не знал».

Мама рассказывала: «Когда я пришла в штаб, смотрю — в коридоре все наши сидят. Поняла, в чем дело». Действительно, прибыла комиссия из Москвы и с женщинами встретилась. Они все рассказали. Училище расформировали, начальника этого училища отправили на фронт. Огороды вернули, в клуб ходить разрешили, в бани — разрешили. Мы жили в Тюмени до марта 1945 года.

А. С.: *От отца приходили какие-то письма?*

А. Н.: Приходили. К сожалению, они не сохранились... Я помню одну открытку маме, я ее визуально помню. И вот в 1945 году, еще до Победы, в марте, отец прислал в Тюмень документ такой, назывался «вызов». Но все это было позже... Осенью 1941 года к нам приехала мамина сестра с бабушкой. Они приехали: тетка, бабушка, старшая двоюродная сестра Галина, и в начале 1942-го родилась вторая моя двоюродная сестра Валентина, с которой мы очень близки. Если бы Мария Александровна не приехала, мы с матерью не выжили бы. У мамы был от отца аттестат. Это документ

⁵ Александр Сергеевич Щербаков (1901-1945) — партийно-государственный деятель. Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и секретарь ЦК ВКП(б) в 1941-1945 гг. В 1938-1945 гг. первый секретарь Московского обкома ВКП(б). Одновременно с 24 июня 1941 г. начальник Совинформбюро, с июля 1942 г. начальник Главного политуправления Красной армии. В 1943-1945 гг. зав. отделом международной информации ЦК ВКП(б). Генерал-полковник.

на деньги, на 900 рублей. Я как-то спрашивала ее: «А что на девятьсот можно было купить?» Она ответила: «Буханку хлеба». Все. Мама работать не могла. Она физически не могла, но, лежа, вязала носки на фронт. Норма была 37 пар, без пятки, сплошным чулком — это легче. Мама вообще очень рукодельная была, говорила: «Ну, я дней за 10–12 их вязала, а потом уже отдыхала».

А. С.: *И потом снова? То есть это каждый месяц?*

А. Н.: Да, каждый месяц. Но за это она получала трудовую карточку на хлеб. Моя тетя устроилась работать в штаб в училище. Кем — не знаю. И уже стало легче как-то. Бабушка с санками ездила в деревни и меняла одежду мамы на продукты. Мария Александровна отстояла беличью шубку мамы. Мы ее не «съели». В 1943 году приехал ее муж, Яков Архипович Иванов. Он блокадник. По «дороге жизни» его вывезли, это тоже история. Подобрали на улице, хотели грузить в машину на Пискаревское кладбище. И оказалось, водитель узнал его, знакомый. И вот так он выжил, работал в училище бухгалтером, и вот тут уже жизнь более-менее наладилась. В комнате метров 15–16 нас было семь человек. В марте 1945 года мы с мамой отправились в Москву. Очень хорошо помню день, когда мы приехали в город. 30 марта. Снега вообще не было в Москве, шел дождь. Отец машину взял в генштабе.

Он был офицером генштаба, я говорила, в группе представителей генштаба в действующей армии. С нами уехала бабушка. Когда сели в машину, отец мне сказал: «Как только будем подъезжать к милиционеру, я тебе команду “на пол”». В машину можно было сажать четыре человека, а нас было пятеро. Хотя мне только исполнилось восемь лет. Я пошла в московскую школу. В Тюмени мы ходили с сестрой Галей в школу. Я, помню, ходила в маминых... раньше офицеры получали крой на хромовые сапоги, только где хочешь — там и сшей. И маме из такого хрома сшиты до войны были сапожки. Я ходила в них в школу, потому что валенок не было, одевались носки, чулки, что угодно, чтобы только сапог не соскакивал. И помню один случай, Тюмень ведь на гористой местности находится... про Тюмень я вам чуть-чуть еще расскажу. Город был очень маленький, одна улица с мощенным досками тротуаром и двухэтажными кирпичными домами. Все остальное — как огромное село. Училище располагалось за городом, и при нем военный городок. В Тюмень было вывезено из мавзолея тело Ленина. Этого, конечно, тогда никто не знал... но он, как теперь известно, лежал во время войны именно в Тюмени.

Так вот. Мы ходили с сестрой в школу через овраги, тогда они мне казались огромными, может быть, такими вовсе не были. И однажды увидели мужчину. Почему сестра решила, что у него мелькнул нож, — я не знаю... но как мы рванули с перепугу! Помню этот случай до сих пор. А так... училась... учительницу в Тюмени помню. Однажды мы пришли в школу, а нас — по домам, сказали: «У учительницы умерла мать». Я помню эту

рыжеволосую женщину, вот так венцом коса... Какие-то картинки буквально... Помню, как на Новый год поставили на письменном столе отца елку, а она у нас упала, и игрушки многие разбились.

Приехали в Москву, у отца уже была комната на Хорошевском шоссе. Кто знает это...

А. С.: *Там офицерские дома. Скромные такие...*

А. Н.: Совершенно верно. И остановка наша так и называлась: «Военный городок». Пленные немцы его строили. Я сейчас живу на Октябрьском поле, там есть небольшая немецкая усадьба. Власти не так давно хотели ее снести, но население запротестовало, не знаю, уцелеет дальше или нет. На Хорошевском шоссе все снесено. Так вот, комната с соседями. Наш дом был без фундамента, очень сырой. Поэтому отлично помню, как мама с бабушкой мыли стенки каждую неделю, потому что на метр была плесень. Вырастала плесень, вода же...

А. С.: *Ой, и плохой воздух?*

А. Н.: Конечно.

А. Р. Лагно: *Какое там отопление было?*

А. Н.: Отопление было центральное. Да. И опять не было душевых. Мы ходили на Ваганьково, там были бани.

А. С.: *Довольно далеко.*

А. Н.: Да, это очень далеко тогда было. Из детских воспоминаний, когда мы там жили, скажу еще вот о чем. Военный городок, там тоже жили [офицеры] из генштаба, все свои. И на праздники нас, детвору, собирали и подавали американские темно-синие доджи, большие. У них, по-моему, окон не было, по крайней мере я их не помню, кузов был, казалось, огромный, и нас в них отвозили в Дом Красной армии, на елку, на ноябрьские, на майские праздники. Помню, когда отец дежурил по генштабу, то утром под подушкой обязательно находила конфеты. Однажды, была уже студенткой, ходила в ГУМ, и мне понадобились деньги, позвонила отцу, он дежурил, пошла к нему, генштаб же был рядом, впервые и единственный раз видела его в португее с кобурой. Было ли там оружие — не знаю, но картину помню отчетливо. Я уже была взрослая, мы с отцом были в Доме Красной армии на каком-то празднике... не помню, и он мне сказал: «Посмотри, это Штеменко⁶», с ним были две девочки, лет по шестнадцать, близняшки. Вот еще одна фотография отца — это 1948 год (*показывает фотографию*).

⁶ Сергей Матвеевич Штеменко (1907–1976) — военачальник. Генерал армии. В 1948–1952 гг. начальник Генштаба Вооруженных сил СССР. После 1953 г. дважды временно находился в опале и понижался в звании — первый раз из-за мнимой близости к Л. П. Берии, а во второй раз из-за того, что в бытность начальником Главного разведывательного управления информировал в 1957 г. Г. К. Жукова о его готовящемся смещении с должности министра обороны. В 1968–1976 гг. начальник штаба Объединенных Вооруженных сил государств-участников Варшавского договора.

Отец — Фёдор Михайлович в 1948 году

А. С.: Да, полковник уже. День Победы запомнился как-то?

А. Н.: Нет. От центра мы жили по тем временам очень далеко.

А. С.: По радио?

А. Н.: По радио — да. И все-таки... болезнь мамы создала совершенно особую обстановку в семье... Поэтому праздников в доме было немного. День Победы не помню. Помню, что на Новый год к нам приходили Грибковы, они еще жили на Чистых прудах в общежитии. Меня укладывали под елкой: «Отвернись и спи». Отец и Грибков дружили, он ведь на фронте однажды спас отца, не позволил ампутировать ногу и добился отправки его в госпиталь в Москву. Группа представителей генштаба была в войсках на несколько особом положении. А Грибков твердый был человек. Затем они оба кончали Академию Генштаба имени Ворошилова.

А. С.: И вот вы пошли в школу...

А. Н.: В школу пошла опять же в первый класс. Учительницу помню очень хорошо, ее звали Надежда Тимофеевна, очень милая женщина. Но эта школа была женская, тогда ведь было женское обучение и мужское отдельно. У нас школа на одной стороне шоссе была, она и сейчас стоит, а на другой — мужская. Когда мы были уже почти девушками, то мальчиш-

ки к нам приходили на какие-то вечера... Или мы ходили к ним. Я окончила женскую 148-ю школу, теперь это гимназия.

А. С.: *Это в 1954 году было?*

А. Н.: В 1954 году. Училась легко и хорошо.

А. С.: *Как раз в 1954 году отменили вот это разделение...*

А. Н.: Но я еще кончала женскую школу. В 1949 году отец получил две комнаты на другой стороне Хорошевского шоссе. Дома были кирпичные, серые, двухэтажные. Квартиры были почти все коммунальные, и наша тоже. У нас жилье на первом этаже, комнаты крохотные: одна 6 метров, вторая — метров 15, может быть. Вот в ней были мама с отцом, а мы с бабушкой в шестиметровой. У меня довольно рано обнаружили близорукость, и мать мне не разрешала много читать, категорически не разрешала. А я, когда все ложились спать, под одеялом с фонариком... Вот это я помню.

А. С.: *Когда пробудился интерес к истории? Это учителя повлияли или прочитанные книги?*

А. Н.: У нас была замечательная учительница истории. Вообще, вы знаете, в школе мне так повезло с учителями! Я их всех почти помню. Я помню математика — Сергей Савельич, биолога облик помню... учительница русского языка была Мария Лазаревна...

А. С.: *Школа ведь в том же районе.*

А. Н.: Школа чуть не во дворе у нас. Она, правда, на шоссе стояла. И я помню, как учительница русского языка и литературы — мы проходили «Онегина», — нам читала из «Онегина»! Как у нее светились глаза, помню до сих пор. Мы же «Онегина» знали наизусть! Учительница истории... нам она казалась старой, а ей, наверное, было ну, может быть...

А. С.: *Сорок?*

А. Н.: ...Побольше... У нее пучок был, седая, всегда с указкой и очень красная. Мы все смотрели, почему она такая красная, а у нее просто давление было повышенное... Вот интерес к истории пробудила она, Надежда Михайловна. Директором школы у нас была типичная классная дама Мария Александровна, седая, высокая, прямая, у нее всегда были в каких-то сероватых тонах платья, пучок. И такая строгая! Мне один раз досталось. Наш класс был на 4-м этаже, и в перемену открыли окна — весна; я высунулась, и в это время она вошла. Получила четверку за четверть по поведению. По русскому у меня всегда была четверка, я обязательно пропускала какие-то запятые. Кончила школу хорошо, но не получила серебряной медали. Почему? Потому что я не вырастила помидорину. Нам было дано задание в 9-м классе, это не в 10-м, в 9-м, вырастить рассаду и к концу учебного года принести ее в класс. Конечно, я ее не сеяла, решила поехать на рынок и купить. И хотя бы за месяц поехала, а я поехала накануне, посадила, полила, а утром... Вот за это я получила тройку в четверти и годовую четверку, которая пошла в аттестат.

А. С.: *Девятый класс, Сталин как раз умер пятого марта... Похороны помните?*

А. Н.: Помню, я там была. В класс пришла директор и объявила это, подружка моя упала в обморок. Папа пришел домой, сказал, что умер Сталин. Меня это не колыхнуло никак.

А. С.: *А у вас какое ощущение было?*

А. Н.: Видимо, потому, что я видела страдания мамы, меня смерть Сталина совершенно не тронула. Ни капельки! Но когда отец спросил: «Хочешь пойти на похороны?», я сказала: «Хочу».

А. С.: *Ну из любопытства?*

А. Н.: Может быть. Я помню, как мы шли. Мы доехали 39-м автобусом до...

А. С.: *Он и сейчас ходит.*

А. Н.: Да, он и сейчас ходит... До площади Восстания, там мы шли пешком по Воровского [ныне Поварская] или по Герцена [ныне Большая Никитская], не помню, но я помню, как мы пересекали пустой Манеж [то есть Манежную площадь], шли через караулы, и отец что-то показывал, чтобы нас пропускали. Мы шли в гостиницу «Москва»: в одну дверь вошли, а через другую вышли, чуть не к дверям Дома Союзов. В очередь нас с подружкой поставил отец за Вершигорой⁷. Я проходила мимо Сталина и ничего во мне не дрогнуло. Я даже не знаю, как это объяснить... было просто чувство какого-то спокойствия. Как нас отец оттуда вывел, не помню, вероятно, тем же маршрутом.

А. С.: *А были какие-то чувства, что что-то изменится? Какие-то чувства перемен?*

А. Н.: Нет. У меня не было никакого чувства трагедии... у меня трагедия была каждый день дома, с больной мамой, поэтому никаких ожиданий не было.

А. С.: *А ваши друзья и подруги как восприняли?*

А. Н.: В памяти у меня этого не осталось. Вот Сталин... мне было абсолютно безразлично. Моя подруга, ближайшая, с которой мы до сих пор дружим, перезваниваемся, иногда видимся, она в Питере, я в Москве. Она ходила сама, прошла эти толпы. Жила на одну остановку дальше от центра, чем мы. До дома дойти не смогла. Был звонок в дверь, я открыла. На лестнице сидела Алла, на ступеньках, вытянув ноги, а шуба у нее была ключьями. Я не знаю, где она была и как она дошла, но это был уже вечер.

⁷ Пётр Петрович Вершигора (1905–1963) — во время Великой Отечественной войны активный участник партизанского движения на Украине. Герой Советского Союза (1944). Генерал-майор. Писатель (автор известной книги «Люди с чистой совестью»), фронтовой фотограф, кинематографист. В 1947–1954 гг. преподавал в Академии Генштаба.

А. С.: Коллега Л. Я. Гибианский тоже как-то рассказывал: его чуть не раздавило в толпе, но это было ближе к Трубной. Одежда в клочья⁸.

А. Н.: Со мной этого не случилось. (Показывает фотографии): это вот я в 19 лет, а это мой муж.

Альбина Фёдоровна в 19 лет

Супруг — Юрий Викторович Носков

А. С.: И вот в 1954 году вы школу закончили и решили, что будете поступать на исторический факультет?

А. Н.: Я не знаю, кто меня надоумил. Может быть, учительница истории повлияла. Еще в 9-м классе я пошла на курсы в областной педвуз. Он, по-моему, назывался «имени [В. П.] Потемкина», ходила на курсы регулярно, записывала лекции. Вступительные экзамены сдавала на истфак МГУ.

А. С.: Сразу на исторический факультет МГУ пошли записываться?

А. Н.: У меня были небольшие колебания, но не в 10-м классе. Мне хотелось в МАИ на радиотехнику, не знаю почему. Но история все же перевесила. Ничего не могла сделать даже мама, которая говорила: «Ты иди в медицину, учись на зубного врача». Я сказала: «Никогда». Короче говоря, я ходила на курсы, что мне очень помогло. Я не могу вспомнить, что я отве-

⁸ См.: Гибианский Л. Я. Интервью. 17 октября 2020 г. Москва, Тверской бульвар // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1-2. С. 187-242. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.10>.

чала на экзамене в МГУ. Вопрос был про причину; вот, что я говорила — я не помню, но педагог меня прервал и спросил:

– А где вы учились?

Я ответила: «148-я школа».

– А кто ваша учительница?

– Надежда Михайловна. Мы же тогда фамилий педагогов не знали, только имя и отчество.

Он так посмотрел на меня: «Хорошая была учительница». Не сказала, что на подготовительные курсы еще ходила.

Но я получила четверку по сочинению, законную, где-то забыла запятую. И меня не приняли. Дело в том, что девочки есть девочки: я подружилась с одной девочкой, очень симпатичная, я помню ее фамилию — Голубкова. Кстати, однажды видела ее в библиотеке ИНИОНа. Мы с ней один экзамен за другим рядышком, рядышком, и вот, когда вывесили оценки за сочинение, вижу: у меня четверка, а у нее тройка. Когда вывесили списки, меня в списках не было (у меня остальные все были пятерки), а она была. Позже я узнала, что ее мать работала лаборанткой на кафедре истории КПСС. Пришла и рассказала отцу. Отец — праведник, пошел «права качать». «Качнул права» немного, ему сказали: «Вы знаете, товарищ полковник, мы сейчас прием закончили, но ее зачислим на вечернее. Будет хорошо учиться — переведем на дневное отделение».

А. С.: *Уже неплохо.*

А. Н.: Да, и на втором курсе меня перевели. Но был один очень важный момент. На первом курсе мне разрешили посещать лекции и семинары, я только не получала стипендию. И программы были немного разные, поэтому я что-то досдавала. В вечерней группе было много очень серьезных, взрослых людей и были три девчонки. Все мы набрали по 24 балла, а это был проходной балл. У нас у всех троих отцы были полковники. Тогда я, конечно, ничего не понимала, но и позже не могу это объяснить, но как-то связываю с «большими» делами армейскими.

В университете мне было очень интересно.

А. С.: *Почему вы выбрали именно эту кафедру, славянскую?*

А. Н.: Мне нравилось все, абсолютно все. Я была ошеломлена первой лекцией Бориса Александровича Рыбакова⁹, когда на доске появилась карта... Все реки, притоки, здесь — вятичи, здесь — русичи... Просто ошеломлена! И хотела пойти «на Россию», то есть кафедру истории России. Когда

⁹ Борис Александрович Рыбаков (1908–1991) — археолог, историк, исследователь истории Древней Руси и восточного славянства. Академик АН СССР (РАН) с 1958 г. В разные годы был директором академических институтов археологии, истории СССР, деканом исторического факультета МГУ. По традиции долгие годы читал первокурсникам исторического факультета первую, вводную лекцию в день начала занятий 1 сентября. Один из самых влиятельных деятелей отечественной исторической науки 1950–1980-х годов.

читал Токарев¹⁰, я хотела только на этнографию! Когда читал Авдусин¹¹ — на археологию. Но когда читала Ирина Михайловна Белявская¹² — решение было принято. Мне очень понравилась, увлекла история Польши в той свойственной тому времени лишь героической интерпретации, и я пошла на кафедру истории славянских стран. Со второго курса учили язык, я выбрала польский.

А. С.: Почему вы выбрали польский? Было ли это связано с тем, что в Польше происходили какие-то события, назревали перемены в 1956 году?

А. Н.: Нет. Выбрала я Ирину Михайловну. Именно ее. И историю страны.

А. С.: Она была у вас научным руководителем курсовых работ и диплома?

А. Н.: Да, она была научным руководителем. Диплом у меня был «Национальный вопрос в СДКП и Л» — социал-демократия Польши и Литвы. Я помню очень хорошо свой диплом, даже, по-моему, он у меня дома где-то сохранился.

А. С.: Она ориентировала вас на эту тематику?

А. Н.: Я не могу сейчас сказать, это же конец XIX века... Главное, она меня ориентировала на архивы.

А. С.: Архивы... по этой тематике же мало что доступно было.

А. Н.: Да, но что-то [было] в Ленинграде. И я поехала в Ленинград. Остановилась у сестры мамы. Там у меня была — это был, наверное, 1957 год — очень интересная встреча. Сестра мамы и ее муж возвратились из Тюмени в 1947 году в Ленинград и жили тогда на Охте. У них была комната в коммунальной квартире. Однажды к ним в гости пришел человек, со мной поздоровался; седая шевелюра, почти нет зубов, высоченный, широкий такой. И тетка ему говорит: «Племянница вот, историк». И он мне: «А я тоже был историком. Диссертация моя была о восстании Болотникова, но при аресте она исчезла». Это был друг мужа моей тетки. Как они говорили, «выросли в одной бочке», дружили до конца их дней.

А. С.: Помните его фамилию?

А. Н.: Я не только помню его фамилию, у меня и книга его есть: «Записки товарища Д.»¹³. Дмитриев Иван Дмитриевич. До войны — партийный

¹⁰ Сергей Александрович Токарев (1899–1985) — видный этнограф, религиовед. Доктор исторических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РСФСР. Долгие годы возглавлял кафедру этнографии на историческом факультете МГУ и сектор в Институте этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН).

¹¹ Даниил Антонович Авдусин (1918–1994) — археолог. Доктор исторических наук, профессор МГУ.

¹² Ирина Михайловна Белявская (1913–1975) — историк-полонист, педагог. Кандидат исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян МГУ.

¹³ Дмитриев И. Д. Записки товарища Д. Л.: Лениздат, 1969.

работник под Ленинградом. Во время войны был комиссаром Лужской (они из Луги) партизанской бригады. После войны — в обкоме, и арестован был уже в должности председателя облисполкома. Похоронен в Луге. Его арестовали по «Ленинградскому делу».

А. С.: *Это уже 1949 год.*

А. Н.: Да. И никто из близких, казалось бы, людей не помогал его семье. А семью разбили: старшая дочь и один мальчик остались в Ленинграде, а жену и младшего ребенка отправили... выселили из города. Его не расстреляли, его осудили на 8 лет¹⁴.

А. С.: *Реабилитировали потом, их в 1954 году уже реабилитировали.*

А. Н.: Он тоже вышел на свободу. Его восстановили, правда, в другой, более низкой должности¹⁵, дали квартиру. Ребятам дали комнату, они жили отдельно, потому что девочка уже была студентка. А семья моей тетки и ее мужа — друга И. Д. с детства, помогала им и встречала его на вокзале при возвращении в Ленинград после освобождения.

А. С.: *До XX съезда партии в вашем окружении были какие-то разговоры о том, что происходило, о репрессиях во времена Сталина?*

А. Н.: Нет, было тихо. В ту пору была совершенно иная атмосфера и, как я теперь вижу, упрощенные представления о происходившем в стране. Люди жили, работали, подавляющее большинство верило партийным решениям и словам о светлом будущем. Информация была предельно краткая и лишь официальная, тексты без подтекстов. В моем окружении репрессированных не было, и сведения об этом не доходили. Теперь все принципиально изменилось. Тогда лирика... Есенина, а может Симонова, точно не помню, ходила тихо по рукам моих сверстников. Это был совсем другой мир, такого широкого доступа к информации не было, а значит, не было интереса к политике, в массовом порядке не было, или мне не доставалось. Моя семья жила в офицерской среде, а не среди творческой интеллигенции. Повторюсь, поколение за поколением, наши родители и мы искренне верили... Значит ко времени пришлось стране и людям коммунистическая идеология и власть партии. Затем мы проходили этап постепенного разрушения этой веры и власти... Но уважение к большинству людей, как к тем, которые тогда жили и честно работали на страну, так и к без вины пострадавшим, чего я и мои сверстники, как правило, не знали, а родители молчали, во мне осталось... Поэтому... Что касается съезда...

А. С.: *Ведь зачитывали, в том числе студентам зачитывали речь Хрущева о культуре личности.*

¹⁴ Иван Дмитриевич Дмитриев (1908–1968) в 1950 г. был приговорен к 25 годам лишения свободы по «Ленинградскому делу», в 1954 г. освобожден, реабилитирован и восстановлен в партии.

¹⁵ И. Д. Дмитриев после реабилитации работал начальником областного управления речного транспорта.

А. Н.: Студентам не зачитывали, это точно.

А. С.: *Преподавателям зачитывали.*

А. Н.: Преподавателям и аспирантам. Студентам не зачитывали. В 1956 году, я отлично помню это... Мы уже жили на Октябрьском поле. Отец пришел вечером и рассказывал — маме, не мне. Я услышала фразу: «Ты подумай, расстреливали беременных женщин». Но поскольку он не имел права, да и не привык много говорить о работе, с мамой он иногда говорил, а со мной на эту тему разговоров не было. Но 1956 год у меня вот чем окрашен. Я жила и сейчас живу там же, это кирпичная пятиэтажка с высокими потолками. Еще при [Г. К.] Жукове строили, строили хорошо, когда Жуков был министром [обороны] (*до осени 1957 г. — Редакция*). В центральном подъезде было общежитие для слушателей военно-воздушной академии из стран народной демократии. Там жили восточные немцы, они еще не имели знаков отличий, во френчах... И наши хмельные мужички приходили «бить фашистов». Кстати, вспомнила случай. Ехала в троллейбусе на Пироговку в архив, уже училась в аспирантуре. В троллейбус на Арбатской площади вошла группа немецких офицеров, уже с погонами. В салоне установилась гробовая тишина. Они вышли вскоре, и сразу такое оживление произошло. Люди заговорили. Тогда еще не выветрилась память о войне.

Поляков у нас в этом общежитии, видимо, не было, иначе я бы запомнила. Там жили, помню, китайцы и венгры, последних было четверо. У них была легковая машина, марку не помню. Как только начались венгерские «события» — 1956 год, они поехали на границу, но их, вероятно, завернули обратно, потому что через два или три дня они уже возвратились. Вскоре венгры из общежития вовсе исчезли.

А. С.: *Я видел в РГАНИ документ о настроениях венгерских офицеров, которые учились в советских военных академиях, что происходило и каковы были их настроения во время Венгерских событий осени 1956 года.*

А. Н.: Но они быстро исчезли.

А. С.: *Их просто срочно отозвали в свою страну, и там уже с ними разбирались. Слишком сильно никто из них, насколько знаю, не пострадал.*

А. Н.: Кстати, и из общежития вскоре все выехали. Квартиры, был слух, отдали людям, которых расселяли из бараков.

А. С.: *Вы ведь уже в это время учили польский язык, то есть у вас был какой-то интерес к стране. Вы же наблюдали за тем, что происходило в 1956 году в Польше: Гомулка¹⁶ пришел к власти и так далее.*

¹⁶ Видный деятель польского коммунистического движения Владислав Гомулка (1905–1982) в конце 1940-х гг. был обвинен в «правонационалистическом уклонизме», удален со всех постов, оказался в опале, а в 1951–1954 гг. в заключении. В 1956 г. восстановлен в Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) и включился в общественную жизнь. В октябре 1956 г. на волне общественно-политического подъема в стране был избран первым секретарем ЦК ПОРП и занимал эту должность до 1970 г.

А. Н.: Повторюсь... Это сегодня есть возможность «смотреть за событиями», потому что есть информация, есть разные источники... Тогда не просачивалось ничего и 99,9 % были «глухими» и «слепыми». Да и «Трибуну люду»¹⁷ я тогда еще не выписывала и не читала. Но я расскажу вот такой случай. Когда состоялся XX съезд, то резонанс был молчаливый, но большой. И на факультете образовалась группа. Там студентов почти не было, в основном были аспиранты и молодые преподаватели. Теперь это известно как «дело Краснопевцева».

А. С.: *Краснопевцева, группа Краснопевцева*¹⁸.

А. Н.: Да, с нашего курса состоял в ней один мальчик, фамилия Козовой, звали, по-моему, Борис¹⁹. Они получили все по 6–8 лет. Краснопевцев вышел, Обушенков вышел, его жена, Лариса Обушенкова, была сотрудницей нашего Института²⁰.

А. С.: *Помню ее.*

А. Н.: Да, помнишь, а я помню, как спасали ее детей всем институтом.

А. С.: *Вы знали кого-то из этих ребят?*

А. Н.: Нет, никого не знала.

А. С.: *Но какие-то разговоры были?*

А. Н.: Нет, не было никаких разговоров. Когда их взяли, были разговоры: за что? Они же в тетрадках школьных писали листовки, разъясняя положения Съезда.

А. С.: *По сути, да.*

А. Н.: Даже, по-моему, они не успели разнести эти листовки! Мозги были по-иному тогда заточены, часто было не до политики. У нас на курсе студенты-фронтовики ходили не в костюмах, а в обмундировании без погон и сапогах до конца обучения...

А. С.: *Среди студентов были и поляки. Вы общались?*

А. Н.: Были. Мы не общались. Они были у нас на кафедрах истории КПСС, на новой и новейшей. Один из них до сих пор работает.

¹⁷ *Trybuna Ludu* — газета, издававшаяся в Варшаве в 1948–1990 гг., печатный орган ЦК ПОРП.

¹⁸ Лев Николаевич Краснопевцев (1930–2021) — историк, диссидент, глава подпольного кружка независимых марксистов (1956–1957). Политзаключенный (1957–1967). После освобождения работал на заводе слесарем, с 1990 г. на музейной работе.

¹⁹ Имеется в виду Вадим Маркович Козовой (1937–1999). В 1957 г. арестован по «делу Краснопевцева» и до 1963 г. находился в заключении. Известен, прежде всего, как переводчик французской поэзии, автор комментариев к изданиям французских поэтов на русском языке. Эссеист, поэт. С 1981 г. в эмиграции во Франции.

²⁰ Николай Григорьевич Обушенков (1929–2012) в момент ареста в 1957 г. по «делу Краснопевцева» был преподавателем исторического факультета МГУ. До 1963 г. находился в заключении. Позже работал в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, кандидат исторических наук. Лариса Акимовна Обушенкова — специалист по польской истории XIX в., кандидат исторических наук, долгие годы работала в Институте славяноведения.

А. С.: *Кто?*

А. Н.: Михал Гнатовский. Он в Белостоке живет, много пишет, давно пишет о том, какие мы плохие. И Советский Союз вообще...

А. С.: *Хотя учился у нас.*

А. Н.: Да, учился у нас. Польские товарищи с курса пошли работать в разные места. Один — Генрих Скок, он из Гданьска, пошел по научной стезе, но он очень рано умер. Был Казимеж Кендзьора из Кракова, он работал по партийной линии. А одна была моя близкая подруга — Хелена, Лена Козловская, в девичестве Вейман. Она из Силезии, постарше меня была, работала в Центральном архиве при ЦК ПОРП до исчезновения этой структуры, умерла не так давно. Вот с ней мы дружили до конца ее дней. Верный нам был человек, благодарный. Она вступила в партию еще до объединения рабочих партий в 1948 году²¹.

А. С.: *И обсуждали, наверное, что происходит в Польше? Или она старалась не касаться этих тем?*

А. Н.: Нет, не обсуждали, мы были молодые, в театр, кино бегали, книги неплохие читали. Хотя, когда в 1956 году Берут²² был в Москве, он встречался со студенчеством. Ассоциация польских студентов... она встречалась с ним здесь в Москве. Нетрудно предположить, что говорил Берут. Это же 1956 год, весна.

А. С.: *И он вскоре умер.*

А. Н.: Да, он умер здесь же²³. Но он с ними встречался, а мы-то этого не знали. Лена сначала была на нашей кафедре, а потом ее перевели на историю Италии.

А. С.: *А вот Гомулка приезжал уже в ноябре, вскоре после своего избрания. У нас вынуждены были принять Гомулку, хотя он еще совсем недавно считался правым оппортунистом, и с ним договаривались о том, как будем строить с поляками отношения дальше. Никаких разговоров не было об этом?*

А. Н.: Нет, ничего. Может быть, это не касалось меня, но я про это ничего не знаю, думаю, как и другие. Давно ли рассекретили документы этих встреч?! И мы тогда еще только начинали заниматься Польшей... Мне очень нравилось. Ой, как читала Ирина Михайловна!.. Студенческие годы — они у меня были все-таки не такие, как у всех. С одной стороны,

²¹ Речь идет об объединении Польской рабочей партии и Польской социалистической партии в декабре 1948 г. В результате объединения была образована ПОРП.

²² Болеслав Берут (1892–1956) — деятель польского коммунистического движения. Первый секретарь ЦК ПОРП в 1948–1956 гг. Президент Польши в 1947–1952 гг., председатель Совета министров в 1952–1954 гг.

²³ Б. Берут возглавлял делегацию ПОРП на XX съезде КПСС (февраль 1956 г.). Во время пребывания в Москве его здоровье резко ухудшилось. Так и не вернувшись на родину, он скончался в московской больнице 12 марта 1956 г.

мать, с другой стороны, в 1957 году заболел отец. Он лежал в госпитале, в Серебряном переулке, и я после лекций бежала к нему. В марте 1958 года он умер. Мы остались одни: у бабушки пенсии нет, у мамы пенсии нет. Отец не мог допустить, чтобы ее болезнь была оформлена как инвалидность. У меня была повышенная стипендия. Когда происходили венгерские события в 1956 году, он уже был болен, его машина привозила, утром часа в 3–4. Он спал до 7, и в 7.30 снова уже была машина. Он участвовал в разработке операции, но в Венгрии не был. Домá на Октябрьском поле были заселены во многом офицерскими семьями, многие были знакомы, и то, что в соседний двор привозили погибших, — это точно. В наш дом — нет.

А. С.: *Но вы подробности, конечно, не знаете?*

А. Н.: Конечно, нет. Отец курировал в Главном оперативном управлении Киевский округ...

А. С.: *Прикарпатский в основном работал на этом направлении... С командным пунктом во Львове.*

А. Н.: Я помню, что он с Киевом был связан, Венгрию и Австрию курировал. Отец ездил на заключение договора в Австрию в 1955 году²⁴ и привез мне подарки: два шарфика, они до сих пор у меня сохранились.

А. С.: *А в Венгрию, значит, он не ездил?*

А. Н.: Нет, не ездил. Остались мы с одной моей стипендией.

А. С.: *Да, работать надо было.*

А. Н.: Нет, не работали, потому что у отца был по тем временам очень большой оклад — 3900 рублей, это только оклад, а еще фронтовые, за звание, на домработницу, которой у нас не было никогда — это все маме принесли, деньги под расчет после его смерти. У нас деньги были. А потом маме и мне (пока я училась) дали за отца пенсию. Помню, что это была хорошая пенсия вместе с маминной. Бабушка у нас никогда не работала, то замужем жила, то у нас... но бабушка была великолепная хозяйка, веселая очень, прожила 86 с половиной лет. Растила моего сына.

А. С.: *Интересно. Что можете рассказать о своих однокурсниках? Кто-то из них стал известным историком?*

А. Н.: Я была в группе, в которой было 10 душ, из них один мужчина и тот югослав Гойко Десница. Он был капитан советской армии, у него вначале погоны были наши.

А. С.: *Коминформовец?²⁵ Тито еще не посылал к нам своих учиться.*

²⁴ Речь идет о заключенном в мае 1955 г. Государственном договоре о восстановлении независимой Австрии.

²⁵ Коминформовцами называли югославских коммунистов, которые во время советско-югославского конфликта 1948 г. заняли сторону Сталина и ВКП(б). Созданное в 1947 г. Коминформбюро (Информационное бюро коммунистических и рабочих партий) стало важнейшим инструментом осуществления антиюгославской кампании Сталина.

А. Н.: Возможно. Думаю, что Десница воевал у нас. Он уехал, когда с Югославией наладились отношения. В группе были я и Таня Григорьянц²⁶ — две москвички, все остальные — из общежития. В том числе были уже довольно взрослые люди. В науку пошли Таня и — не сразу — я.

А. С.: *Из группы нет, а с курса?*

А. Н.: Да, Саша Строганов, Гена Онищенко — доктора исторических наук, работали в МГУ. Талантлив был очень Строганов, но рано умер²⁷, о втором ничего не могу сказать, не знаю. Миша Мейер, он кончал восточное отделение факультета, занимался, кажется, историей Турции, доктор, директор Института стран Азии и Африки²⁸.

А. Л. *Практика у студентов-историков тогда была?*

А. Н.: Практика была. Была в школе. Кроме того, Ирина Михайловна, когда мы кончили 4-й курс, возила нас во Львов, Чернигов, Киев.

А. Л.: *Это было что-то вроде экскурсии?*

А. Н.: Нет, это была практика. Ирина Михайловна была с нами, впечатлений — море. Я впервые попала в храм во Львове — святого Юра.

А. Л.: *Какие у вас впечатления были о Львове?*

А. Н.: Какой город! Мы просто видели не наш город, совершенно другой город. В аспирантуре я ездила во Львов во второй раз и была там дней 10–12. Мне негде было жить, мама позвонила А. И. Грибкову. Он тогда был в Москве, в Главном оперативном управлении Генштаба, и во Львове меня встречал майор с машиной. Жила в офицерском общежитии... А последнее место его службы — начальник Генерального штаба Объединенных Вооруженных сил, генерал армии Грибков.

А. С.: *Да, у него мемуары даже есть²⁹.*

А. Н.: Я расскажу еще про нашу встречу в 1981 году... А вообще они у нас и в гостях часто были и после смерти отца, маму навещали...

А. С.: *Он ведь был младше отца?*

А. Н.: Да, он младше на восемь-девять лет. Отец остался жив благодаря ему. На фронте, кажется под Мелитополем, я уже об этом говорила... Но расскажу о нем еще, когда дойдем до 80-х. Тогда были как раз польские события. Он вообще ко мне относился всегда очень хорошо... После смерти отца,

²⁶ Т. Ю. Григорьянц позже работала в Институте славяноведения (славяноведения и балканистики) АН СССР. Кандидат исторических наук.

²⁷ Речь идет об А. И. Строганове (1937–2002).

²⁸ Михаил Серафимович Мейер (род. 1936) — известный тюрколог, доктор исторических наук, профессор, в 1994–2012 гг. был директором Института стран Азии и Африки при МГУ, а позже его президентом.

²⁹ А. И. Грибков оставил ряд книг: Судьба Варшавского договора. Воспоминания, документы, факты. М.: Русская книга, 1999; Исповедь лейтенанта. М.: Мысль, 1999; Записки офицера Генерального штаба. М.: Мысль, 2000.

в мае 1958 года на День Победы пришли офицеры и вручили маме очередной отцовский Орден Красной Звезды — теперь за Венгерские события. У отца было несколько боевых орденов, но его хоронили по воинскому обряду, нам ордена и кортик не вернули. Так поступали до 1974 года. У нас осталась одна Красная Звезда 1958 года за участие в венгерских «событиях».

А. С.: *То есть отцу дали за это...*

А. Н.: Это теперь можно сказать: «за это», а в ту пору было по-иному, и этих людей надо понимать. Тем более офицеров, прошедших не одну войну. Это наше прошлое, каким бы оно ни было, его нельзя переписать, его надо знать, уважать и не чернить все и всех. Нельзя мстить прошлому и людям, жившим тогда и честно выполнявшим свой долг каждый на своем месте. Самое полезное — делать выводы из прошлого в настоящем. Что касается Венгрии 1956 года, надо помнить, что еще 10 лет тому назад это была союзница гитлеровской Германии, что ее армия воевала против Красной армии, отметилась жестоким обращением с местным населением на оккупированной советской территории и была полностью разбита под Сталинградом. По словам отца, у них на работе возникал вопрос, как поведут себя наши солдаты во время венгерских «событий»?.. Опасения не оправдались, солдаты не подвели в смысле: «Венгры-фашисты... Вам советская власть не нравится?!» И дальше... известно, что... Мы же историки и знаем, что коллективная память о национальном унижении военным разгромом (с одной стороны) или чувство неблагодарности за освобождение от фашизма (с другой) сохраняются многие десятилетия, а может быть и столетия... Мне кажется, что в 1956 году с венгерской стороны это сказало особыми жестокостями и к своим, и к советским...

Когда в 1959 году я закончила университет, шансов попасть на работу в Инслав у меня не было, да, честно, и намерений тоже. У Тани [Григорьянц] было больше, хотя я училась лучше. Таня была «качественнее»: она была старше, замужем, прерывала обучение, растила дочку и к нам на кафедру пришла на 4-м курсе. В институте поговаривали, что поэтому ее выбрали для работы в наш институт без аспирантуры. А я пошла трудиться в Особый архив Главного архивного управления МВД СССР.

А. С.: *Это то, что РГВА³⁰ сейчас? То есть вас туда распределили?*

А. Н.: Да, распределили, и приняла это абсолютно спокойно. Зарплата 69 рублей плюс семь рублей за польский язык. Был в архиве польский сектор, в нем было четыре сотрудника. Бывший подпоручик Войска Польского Надя Петрова, молодой человек Эдик Барановский, выпускница нашей кафедры Аделина Гончарова, и я стала четвертой. Все с польским языком.

А. С.: *Вас именно на польскую тематику поставили, с языком?*

А. Н.: На польскую тематику. Не столько с языком, сколько с польской историей. Это было время массовой реабилитации. И в архив шли

³⁰ Российский государственный военный архив.

запросы КГБ для проверки людей на принадлежность к компартии Польши, Западной Украины, Западной Белоруссии. Дело в том, что в Особом архиве — там не только немецкие или французские, там были и румынские, и польские документы. Это наши трофеи. В нашем кабинете стоял шкаф-сейф железный. В нем 4–5 полок, заставленных книгами большого формата в синем переплете. Это были журналы польской полиции. Внутри каждой книги могло быть 5–6 тетрадей, фамилии в каждой тетради располагались в алфавитном порядке. Часть этой всей большой библиотеки была уже на карточках в каталоге. К нам приходил запрос: проверить конкретного человека на причастность к коммунистическому движению. Сначала работали в картотеке, если находили — прекрасно. Заказывали дела и описывали деятельность коммуниста или некоммуниста. Мне эта работа нравилась. Я, может быть, была очень наивной, но мне казалось, что я делаю благородное дело — освобождались люди. Если мы конкретного человека находили, то — пенсия, квартира, льготы, лечение, все получал человек. И честное имя! Мы это знали. Бывало, в запросах были некие наводки, хоть что-то, за что цепляться. И писали ответы, формулировали: «По данным польской полиции...». Но иногда по запросу — наш человек, но не находим по картотеке, а найти его нужно. И тогда четверо делили книги польской полиции и в каждой — тетрабочку за тетрабочкой по алфавиту искали этого человека. Если находили — день прошел даром. Я работала так два года. И об этом не жалею!

А. С.: *Обращения были с польской стороны?*

А. Н.: Нет, только наш КГБ. Я не знаю, как потом КГБ с этими материалами обходился. Тогда все было сугубо секретно... У меня была вторая форма допуска. Шло время, я вышла замуж, в 1961 году родила сына. С Таней мы дружили, и однажды она мне звонит и говорит: «Слушай, у нас открывается новое подразделение славяно-германских отношений. Поступай в аспирантуру». Я говорю: «Ты вообще с печки упала? У меня ребенку еще месяца нет!» Она: «Ничего, у тебя бабушка есть». Я ей: «Немецкого не знаю». Она мне: «Выучишь». Я пошла по своим людям. Мама: «Положишь его ко мне в ноги. Я лежу, и он будет лежать. Придешь — разберешься». Свекровь... Ну тут... Я к бабушке... И моя ярославская бабушка, она в газете «Правда» могла лишь заголовки по буквам прочитать, сказала: «Поди, учись, управимся». Так она решила мою судьбу. Я поступала в аспирантуру...

А. С.: *Кто принимал?*

А. Н.: По специальности было три вопроса. Это была не проблема, все они были подготовлены. Комиссия: Владимир Дорофеевич Королюк, Илья Соломонович Миллер и Александр Харитонович Клеванский³¹. В Институ-

³¹ Владимир Дорофеевич Королюк (1921–1981) — историк-медиевист, доктор исторических наук, специалист по средневековой истории Польши, других стран и народов Восточной Европы, возглавлял сектор в Институте славяноведения (славяноведения и балканистики) АН СССР.

те получила пятерку, но имела четверку по французскому. Так я поступила в аспирантуру. Училась в аспирантуре и на курсах немецкого языка. Мне сказали: ты должна два дня в неделю быть в институте. Правда, тут «нарисовался» Александр Иванович Рогов, который был ученым секретарем в нашем отделе (или тогда секторе) славяно-германских отношений³².

А. С.: *Хотя Рогов немножко старше вас.*

А. Н.: На год старше! Но он важный, а я — нет. И сказал: «Ты будешь ходить еще два дня». И я ходила еще два дня, а он звонил, меня проверял — хожу или нет. Но пришел научный руководитель и это дело пресек. Потом, когда узнали, что у меня ребенок крохотный, то мне благоприятный режим организовали.

А. С.: *Кто был научный руководитель?*

А. Н.: Владимир Михайлович Турок-Попов³³. Как мы познакомились... Я пришла первый раз — его нет. Он в отпуске, будет вот тогда-то. И вот однажды пришла... Институт размещался в особняке в Трубниковском переулке, а сектор славяно-германских отношений, которым руководил Владимир Дорофеевич Королюк, — в крохотной комнате, называвшейся «щелью», или «королюшником»: окно, два стола один за другим, больше, по-моему, ничего... и шкаф был стеной. Сидит человек, мне он показался таким старым!

А. С.: *Хотя ему еще шестидесяти не было в это время.*

А. Н.: Он 1904 года рождения. Седой, ярко-голубая рубашка, по-моему, без галстука, и синий, но не темно-синий костюм, в руках четки. Мне он понравился! Встал, когда я к нему подошла. Так было и потом, я ему всегда говорила: «Владимир Михайлович, сидите, я вас очень прошу». Вот так мы познакомились³⁴. За три года аспирантуры он всегда был рядом, контакты были постоянные, подсказки, но без особого вмешательства в мои тексты. Мне дали тему, которую определил он: «Мархлевский³⁵ — идеолог русско-

Илья Соломонович Миллер (1918–1978) — доктор исторических наук, специалист преимущественно по польской истории нового времени, возглавлял сектор в Институте славяноведения (славяноведения и балканистики) АН СССР.

Александр Харитонович Клеванский (1921–1985) — доктор исторических наук, автор работ по новейшей чехословацкой истории.

³² Александр Иванович Рогов (1935–1996) известен, прежде всего, своими работами по истории русской культуры, русско-польских и межславянских культурных связей в средние века. В последние годы жизни был главным редактором журнала «Славяноведение».

³³ Владимир Михайлович Турок-Попов (1904–1981) — историк, автор работ по новейшей истории Австрии, доктор исторических наук. Работал в Институте славяноведения РАН с 1961 по 1981 г.

³⁴ См. также воспоминания Альбины Фёдоровны о своем научном руководителе: Носкова А. Ф. Поворот в судьбе // Владимир Михайлович Турок — историк и его время / сост. Л. Б. Алаев, Т. Н. Загородникова. М.: Издатель Степаненко, 2013. С. 386–396.

³⁵ Юлиан Мархлевский (1866–1925) — деятель польского социалистического рабочего движения, публицист. Участвовал в создании Коминтерна. В последние годы жиз-

го, немецкого и польского рабочего движения». Идеолог! В это время мой муж Носков Юрий Викторович... у него было высшее военное образование, морская авиация, поступил в МАИ на вечернее отделение и работал на фирме МиГ. Мы организовали учебу по вечерам: я учила немецкий язык на кухне, он в ванной комнате на стиральной машине «рисовал» то, что ему было надо. Вот так мы с ним выучились оба. Он окончил институт и всю жизнь проработал на МиГе. Сейчас в строю самолеты, в создании которых муж принимал участие. Я учила упорно немецкий язык, но язык, конечно, непростой. Французский начала уже даже забывать... прошел год. Пришла однажды в институт и, поскольку девушка добросовестная, сказала: «Владимир Михайлович, я не выучу настолько язык, чтобы читать философские произведения Мархлевского». Он мне: «Альбина, я вас понял. Мы поменяем тему». И он предложил: «Экономическая политика гитлеровцев в оккупированной Польше».

А. С.: *По этой теме вы защитили диссертацию и потом написали свою первую монографию?*³⁶

А. Н.: Диссертация была даже пошире, оккупационный режим, я столько этого читалась...

А. С.: *То есть 1939–1944 годы?*

А. Н.: То есть это фактическое ограбление Польши и истребление поляков...

А. С.: *Но для этого же нужны архивы...*

А. Н.: Да, а я же была сотрудницей Особого архива, и меня туда пустили. Но, правда, ссылок в книге нет... вы практически не догадаетесь, откуда это. Кроме того, много работала с материалами фонда ТАСС в ЦГАОРе, теперь это ГА РФ.

А. С.: *Вас сразу же после аспирантуры приняли в штат?*

А. Н.: Меня зачислили в штат... у меня все происходило с какими-то препятствиями. Я кончила аспирантуру, мне о работе немедленно никто ничего не сказал. Мне сказали ждать. И вот 30 декабря звонит секретарь директора, Нонна Константиновна: «Альбин, давай в институт. Заявление писать». Вот так меня приняли с 20 декабря.

А. С.: *Ну это по окончании аспирантуры, 1964 год.*

А. Н.: Да, и дальше мне выдали время на доработку диссертации, у меня 486 страниц получилось. Когда я подготовила рукопись книги, была

ни был ректором Коммунистического университета национальных меньшинств Запада в Москве, который впоследствии стал носить его имя.

³⁶ Кандидатская диссертация А. Ф. Носковой «Экономическая политика гитлеровской Германии в оккупированной Польше (Генерал-губернаторство), 1939–1944» была защищена в Институте славяноведения АН СССР в 1967 г. В 1971 г. в издательстве «Наука» была опубликована монография «Разорение экономики Польши гитлеровской Германией, 1939–1944: Территория Генерал-губернаторства».

она обсуждена в отделе и рекомендована сначала к защите на Ученом совете, затем в печать. Как-то пришел Королюк и сказал: «Альбина, встали в очередь в издательство». Так в 1971 году у меня вышла книга.

А. С.: Да, долго. И мурыжили там с редактором, что можно сказать, а что нельзя.

А. Н.: Совершенно верно. Мы издавали серию книг по славяно-германским отношениям и издали семь или девять сборников в 1960-е годы³⁷. Все эти сборники отдала в библиотеку Казанского университета, потому что думала: с этим уже все, никогда заниматься больше не буду. Но из всех моих славяно-германских приключений... хочу рассказать, как я была в командировке в Польше.

А. С.: Вот! Когда вы в первый раз поехали в Польшу?

А. Н.: Первый раз выехала в Польшу в 1965 году. Это была группа полонистов не только из Института [славяноведения], ездили за свой счет, нас принимал Варшавский университет, где была школа молодого слависта.

А. С.: Сколько вы там были? Две-три недели?

А. Н.: Месяц. Впечатления были колоссальные. Второй раз я выехала в командировку в 1967 году в Институт истории ПАН. Тогда директором Института был академик Тадеуш Мантейфель, создатель этого института и один из соучредителей Польской академии наук, в годы гитлеровской оккупации преподавал в подпольном Варшавском университете³⁸. Это ему принадлежат мудрые слова, сказанные после освобождения Польши от гитлеровцев: «Мы не будем вести подпольную, партизанскую борьбу, мы будем строить университеты». Весьма значимой для меня была командировка в Варшаву и в Западный институт в Познани в 1971 году. Тогда директором Института истории ПАН в Варшаве был профессор и будущий академик ПАН Чеслав Мадайчик³⁹ — сын железнодорожника, пробивал дорогу в науке сам. В свое время был членом социалистической партии — ППС, затем в ПОРП. Стал одним из крупнейших исследователей истории фашизма, истории Польши в годы гитлеровской оккупации. Он пригласил меня

³⁷ См. информацию об этих трудах: Труды Института славяноведения и балканистики (1947–1995) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет / отв. редактор М. А. Робинсон. М.: Индрик, 1996. С. 283–370.

³⁸ Тадеуш Мантейфель-Шёре (*Manteuffel-Szoego Tadeusz*) (1902–1970) — польский историк-медиевист, действительный член Польской АН (1952). Во время фашистской оккупации Польши руководил исторической секцией подпольного Варшавского университета. С 1945 г. профессор Варшавского университета и организатор Исторического института (во главе которого находился до 1955 г.). В 1953–1970 гг. — директор Института истории Польской АН, который ныне носит его имя. Исследовал главным образом деятельность католических орденов XIX–XX вв. и происхождение средневековых ересей.

³⁹ Чеслав Мадайчик (*Czesław Madajczyk*) (1921–2008) — польский историк, член-корреспондент ПАН (1979), специализировался на новейшей истории Польши и Европы. Основатель и редактор научного журнала *Dzieje Najnowsze*.

на прием, поскольку наши научные интересы пересекались: Вторая мировая война, оккупационный режим в Польше. Его многие книги «работают» до сих пор. В 1970 году он издал фундаментальное научно-энциклопедическое исследование в двух томах «Политика III Рейха в оккупированной Польше»⁴⁰. Сейчас, работая над изданием документов, я частенько к нему обращаюсь. С тех пор мы периодически то в Варшаве, то в Москве встречались. Одним из первых он выпустил книгу о трагедии в Катыни⁴¹. Подарил мне. Мы дружили и последний раз встречались, есть у меня фотография (*показывает фотографию*), незадолго до его смерти.

Альбина Фёдоровна с Чеславом Мадайчиком

Во время этой командировки случилось еще одно важное для меня, но личное событие. Я работала в Центральном архиве ЦК ПОРП, вечер, сотрудники разошлись, осталась только дежурная в зале. Такая яркая, интересная молодая женщина. Подходит: «Можно вас на минутку?» Выходим вместе: «Сядем на минутку?» — «Сядем». Ничего не понимаю! Она говорит: «Ты меня узнаешь?» Серая мышка на истфаке в МГУ, худая, какая-то бесцветная женщина, а тут передо мной роскошная полька! Это что-то! Она училась вместе со мной. Она даже смутилась от моего беспамятства: «Твоя фамилия была Петухова Аля?» — «Да!»

⁴⁰ *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce. Warszawa: PWN, 1970. T. I-II.*

⁴¹ *Madajczyk Cz. Dramat katyński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1989.*

А. С.: *А вы ее и не узнали...*

А. Н.: Сразу не узнала, но с этого времени многие десятилетия мы переписывались и общались, она приезжала в Москву, я была у нее в доме как дома. Когда она уже умирала, я звонила, переговаривались через ее сестру. Это была трагедия...

А. С.: *Вы в третий раз, когда были в командировке, уже по другой теме в архиве работали?*

А. Н.: Я работала по теме... не помню какой, потому что сектор «Славяно-германские отношения» был закрыт.

А. С.: *Это когда произошла реформа в 1968 году, и Институт стал называться «славяноведения и балканистики», тогда влились новые сектора...*

А. Н.: Нет, не с этим было связано, это было связано с заключением договора с ФРГ в 1970 году и изменением характера наших отношений с ФРГ.

А. С.: *А, начало 1970-х!*

А. Н.: Да, и наше подразделение оказалось в это время политически ненужным. И его расформировали. Королюк потом возглавил сектор истории Средневековья. О Королюке скажу немного. Это фигура была необыкновенная, он талантлив был, как Господь Бог. Хотя пил. Добрейший для меня человек! Сижу на заседании сектора. Аспирантка. Все выступают. Мало что понимаю. Заключает Королюк — и всё по своим местам.

За время пребывания в этом секторе я стала кандидатом наук и выпустила первую книгу... Могу сказать, что нам всем тогда посчастливилось с ним и В. М. Турок-Поповым вместе работать, их слушать и у них учиться.

А. С.: *Турок рассказывал что-нибудь о своей революционной юности?*

А. Н.: Нет. Никогда. Все приходило со стороны. Знаю от других, что он был одним из секретарей Димитрова по Балканской федерации⁴². В Вене был связан с молодежным студенческим движением из стран Восточной и Юго-Восточной Европы, в 30-е годы работал в Крестьянском Интернационале. После войны был дружен с руководителем компартии Австрии И. Копленигом.

А. С.: *Турок даже опубликовал мемуары...*

А. Н.: Да, он назвал их «На улице Коминтерна».

А. С.: *Кое-что было опубликовано его вдовой уже после его кончины. А первый большой фрагмент — в институтском сборнике 1966 года⁴³.*

⁴² Георгий Михайлов(ич) Димитров (1882–1949) — деятель болгарского и международного коммунистического движения. Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна в 1935–1943 гг. Руководитель Международного отдела ЦК ВКП(б) в 1943–1945 гг. Речь идет о разработке и проведении в жизнь стратегии Коминтерна на балканском направлении.

⁴³ Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография / отв. ред. В. Д. Королюк. М.: Наука, 1966.

А. Н.: Сейчас книга мемуаров о нем вышла⁴⁴. Ценный источник для историка. А вообще существовал чемодан рукописей под названием «Улица Коминтерна», но когда Тофик⁴⁵ открыл этот чемодан и посмотрел, он пришел к выводу, что из этого ничего уже нельзя сделать. Часть все-таки опубликована.

А. С.: *Но это уже позже.*

А. Н.: Да, это уже позже было. Запомнилось заседание отдела, куда был приглашен Михаил Сергеевич Восленский⁴⁶, очень крупный германист. Он нам читал лекцию «Пакт Риббентроп — Молотов». Это было где-то на рубеже 1960–1970-х годов. И я помню, что он анализировал не так, как было принято в наших книгах, а так, как профессиональный историк это делает. Он рассказывал, в чем был интерес Германии и в чем был интерес Советского Союза, как два интереса на чем-то временно совпали, и появился документ, споры о котором не затихали в наше время. Но мое эмоциональное, однозначно негативное отношение к этому пакту постепенно начало выветриваться. Вскоре Восленский уехал в командировку в ФРГ и больше не вернулся.

А. С.: *Это уже в 1970-е годы. Он стал невозвращенцем в 1972 году.*

А. Н.: Да. И написал книгу «Номенклатура»⁴⁷. Когда наш сектор истории славяно-германских отношений разделили, то организовали Отдел истории международных отношений в регионе, куда я имела несчастье попасть. К этому времени закончилась работа по теме «Дранг нах Остен и страны Центральной и Восточной Европы» и моя работа по истории оккупационного режима в Польше. Надо было думать о дальнейшем, и я обратилась к руководителю отдела, доктору исторических наук Волкову⁴⁸: «Мне нужна новая проблема для разработки. Я должна делать что-то!» Не знаю, почему он тянул и не давал мне тему. В отделе меня всегда поддерживала моя коллега и специалист по истории Чехословакии Надежда Давыдовна Ратнер, которая была мне близким человеком⁴⁹.

А. С.: *Но она старше вас была.*

⁴⁴ Владимир Михайлович Турок — историк и его время / сост. Л. Б. Алаев, Т. Н. Загородникова. М.: Издатель Степаненко, 2013.

⁴⁵ Имеется в виду Тофик Муслимович Исламов (1927–2004) — доктор исторических наук, автор многих работ по истории Австрии, Венгрии и международных отношений в Средней Европе в новое и новейшее время.

⁴⁶ Михаил Сергеевич Восленский (1920–1997) — историк, социолог, философ. Доктор исторических наук, профессор. С 1972 г. работал в Западной Германии.

⁴⁷ Книга впервые вышла в самиздате в 1970 г.

⁴⁸ Владимир Константинович Волков (1930–2005) — историк-славист и балканист, специалист по истории международных отношений в новейшее время. Директор Института славяноведения и балканистики АН СССР (Института славяноведения РАН) в 1987–2004 гг. Член-корреспондент РАН (2000).

⁴⁹ Надежда Давыдовна Ратнер (1916–1995) — кандидат исторических наук, работала в Институте славяноведения в 1961–1980 гг.

А. Н.: Намного старше, она 1916 года, почти как моя мать.

А. С.: *И вот 1968 год, Чехословакия, а потом и Польша. Вы же следили за происходящим? В институте же это все обсуждалось, были определенные настроения, кое-кто письма с выражением несогласия писал.*

А. Н.: Это мы теперь «следим за происходящим». Вот из того, что было в 1968 году при мне, так это заседание в нашем зале на Трубниках, но народу пришло не так много. Лето. Время отпусков. Выступал с докладом Юрий Васильевич Богданов, тогда ученый секретарь Института⁵⁰.

А. С.: *До или после 21 августа?*⁵¹ *Не помните?*

А. Н.: Точно не помню, но думаю, что после ввода войск стран Варшавского договора... Юрий Васильевич нас ориентировал в нужном направлении. Большинство участников были люди партийные, я была беспартийная. Меня в партию принял позже, как секретарь парткома, Виктор Александрович Хорев⁵². Во время этого заседания поднялась женщина, лингвист, Елена Чешко⁵³. В нарастающей тишине она прошла через весь зал к выходу, открыла дверь и, выходя, многозначительно и как-то звонко захлопнула за собой дверь!

А. С.: *А кто-то что-то сказал?*

А. Н.: Нет, все промолчали, приняли к сведению и все.

А. С.: *Потому, что потом письма подписывали... [Вяч. Вс.] Иванов*⁵⁴ *там и компания.*

А. Н.: Все это было. И к чести нашего института — я не помню, кто был секретарем партбюро — или Г. Г. Литаврин⁵⁵, или Илья Соломонович [Миллер], никого не уволили. Подписал весь или почти весь сектор структурной лингвистики. Им перекрыли возможность защищать диссертации. И Вячеслав Всеволодович Иванов позже защищался, когда Галина Павловна [Мурашко] была председателем месткома⁵⁶.

⁵⁰ Юрий Васильевич Богданов (1932–2010) — кандидат филологических наук, основные его работы были посвящены словацкой литературе.

⁵¹ Речь идет о вторжении войск СССР и ряда его союзников по Варшавскому договору в Чехословакию 21 августа 1968 г.

⁵² Виктор Александрович Хорев (1932–2012) — литературовед, полонист. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Заместитель директора Института славяноведения и балканистики АН СССР в 1988–2005 гг.

⁵³ Елена Владимировна Чешко (1916–2011) — лингвист-болгарист, доктор филологических наук.

⁵⁴ Вячеслав Всеволодович Ива́нов (1929–2017) — всемирно известный лингвист-компаративист, семиотик, антрополог. Переводчик, литературовед, общественный деятель. Академик РАН (2000), член ряда иностранных академий.

⁵⁵ Геннадий Григорьевич Литаврин (1925–2009) — историк-византист. Академик РАН (1994).

⁵⁶ Галина Павловна Мурашко (1932–2018) — доктор исторических наук. Основные работы посвящены новейшей истории Чехословакии, роли советского фактора в новейшей истории Восточной Европы.

А. С.: *Он не у нас защищал докторскую. В Прибалтике.*

А. Н.: Я не могу сказать, что у нас были какие-то бурные события, обсуждения, связанные с событиями в Чехословакии. Может, у кого-то на кухне...

А. С.: *У них, у лингвистов, структуралистов, была своя тусовка, на отшибе, с вами не очень...*

А. Н.: Люди понимали, что вылететь с работы можно на раз-два. Как сейчас в Польше вылетают...

А. С.: *Мы про это еще поговорим. Хорошо, 1960-е годы прошли, пришли 1970-е, вы в отделе Волкова. В Польшу уже стали ездить?*

А. Н.: Я сейчас вам покажу наш отдел (*показывает фотографию*). Вот здесь справа налево Таня Григорьянц, Наташа Захарьина, Надежда Давыдовна [Ратнер] и я.

Альбина Фёдоровна с коллегами из сектора славяно-германских отношений

Еще в нашем отделе был замечательный человек Михаил Абрамович Бирман⁵⁷. Он занимался историей болгарского рабочего класса. В один важный для меня момент он сказал «за», и я это помню с благодарностью. А вот на этой фотографии справа Рита Леньшина (*следующая фотография*).

⁵⁷ Михаил Абрамович Бирман (1919–2020) — историк-болгарист, доктор исторических наук. С начала 1990-х гг. жил в Израиле.

Альбина Фёдоровна с коллегами

А. С.: Это 1970-е годы, все-таки Волков придумал для вас тему?

А. Н.: Нет. Он мне тему так и не придумал. В первой половине 1970-х годов я сидела не у дел фактически, без темы... какие-то статьи писала, но темы, большой проблемы для изучения он мне так и не дал.

А. Л.: Вы не могли себе сами выбрать тему?

А. Н. Я выбрала межвоенное время: «Национальные меньшинства в странах Восточной Европы». И пошла советоваться к Александру Харитоновичу Клеванскому. Не знаю, почему к Туроку не пошла, пошла к Клеванскому. Он межвоенным временем занимался, поэтому, вероятно. Когда поступала в аспирантуру, мои ответы на вопросы членов приемной комиссии пришлось по душе Королюку и Илье Соломоновичу [Миллеру], а Александр Харитонович сказал: «Из этой девочки ничего не выйдет». Теперь он на меня посмотрел очень выразительно и сказал: «Не надо. Очень тяжело». И был на ту пору прав. Клеванский меня тогда как бы уберег.

В это время на почве наших сыновей мы сблизилась с Мурашко. Дети одногодки, в один месяц родились. И болезни у них были одинаковые, и по врачам мы вместе их водили. Оба они были близорукие. И школьные дела. Как-то ей рассказала, что сижу не у дел. Волков все уходит от ответа, темы не дает, сколько можно тянуть. Она спросила: «К нам в отдел пойдешь?» Говорю: «Пойду куда угодно».

А. С.: Валев руководил отделом⁵⁸.

⁵⁸ Любомир Борисович Валев (1915–1981) — историк-болгарист, доктор исторических наук.

А. Н.: Да, Любомир Борисович Валев руководил Отделом истории Стран народной демократии. Александр Яковлевич Манусевич⁵⁹ придумал операцию «Б»: меня обменяли на Л. Я. Гибианского⁶⁰. Валентина Сергеевна Парсаданова⁶¹ мне посоветовала заняться историей польского крестьянского движения: «Займись! Никто не занимается, а надо».

А. С.: *Ага, вот так возникла эта книга*⁶².

А. Н.: Да, а как она проходила в издательстве!

А. С.: *И в аппарат ЦК ходили?*

А. Н.: Да, была там. Работал тогда в польском секторе Владимир Иванович Воронков, он дал положительный отзыв, сказав, что рад появлению у нас первой работы по истории крестьянского движения в Польше. Работа была отредактирована, но неожиданно для меня редактор издательства «Наука» (Иванова Татьяна, потом она была секретарем одного из райкомов в Москве) затребовала от меня список всех польских авторов, на работы которых я ссылаюсь в рукописи, исключив покойников. Написала список. Он ушел в Польшу. Позже я приехала в Польшу, а у меня в аппарате правления Объединенной крестьянской партии был знакомый сотрудник Марчин Скрок, его жена из Новых Черемушек. Очень симпатичная пара была. Меня уже знали в архиве этой партии, я там работала, когда готовила книгу, и мне давали то, что полякам не очень выдавали. Приехала в Польшу до выхода книги, виделась с семьей Скроков, и Марчин мне сказал: «Альбина, не волнуйся, список твой я утвердил». Вот так был дан зеленый свет моей докторской диссертации и второй книге.

А. С.: *В 1970-е годы в Польше происходили бурные события. Вы все 1970-е годы ездили?*

А. Н.: Я не ездила семь лет!

А. С.: *Вот как! Почему?*

А. Н.: Так сложились обстоятельства. Не пропускал УВС [Управление внешних связей АН СССР]. Одна дама постаралась, не хочу углубляться. Выехала только весной 1981 года и не по линии Академии наук СССР. Время в Польше было напряженное. Я была беспартийной. Секретарем партбюро в Институте был Михаил Николаевич Кузьмин⁶³, который неожиданно спро-

⁵⁹ Александр Яковлевич Манусевич (1913–1997) — историк-полонист, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР.

⁶⁰ Леонид Янович Гибианский (род. 1936) — историк, основные работы посвящены истории Югославии, внешней политике СССР и международным отношениям в Центральной и Юго-Восточной Европе в новейшее время.

⁶¹ Валентина Сергеевна Парсаданова (1928–2020) — историк-полонист, доктор исторических наук.

⁶² Носкова А. Ф. Крестьянское политическое движение в Польше, сентябрь 1939 — весна 1948 г. М.: Наука, 1987.

⁶³ Михаил Николаевич Кузьмин (род. 1931) — специалист по истории школьного образования в Восточной Европе. Член-корреспондент РАО.

сил: «В Польшу поедешь?» — «Как?» — «В составе делегации горкома» — «Я же беспартийная» — «Вот и надо беспартийную». Пригласили меня в Московский горком КПСС поговорить, разговор был ни о чем. Меня утвердили. Возглавлял делегацию второй секретарь горкома. Это — идеология. Принимал нас комитет ПОРП Варшавского воеводства. «Опекал» человек, с которым я разговаривала в Москве: «Альбина Федоровна, приедем в Варшаву, не подавайте виду, что вы знаете польский». Я сказала: «Пожалуйста».

А. С.: *Больше расскажут, а вы и услышите.*

А. Н.: Встречала нас очень большая делегация, вообще вокруг нас было как-то много женщин. Это был май месяц.

А. С.: *О, там уже что творилось! Уже десятиллионный профсоюз «Солидарность»!*

А. Н.: Я молчу как рыба. И только обратила внимание, что у женщин короткие ногти, нет маникюра. Польки и без маникюра. Я это заметила. И мне потом «опекун» говорит: «Альбина Федоровна, обратили внимание на их руки?» Я говорю: «Да, а что это?» — «Это охрана. Они каратистки». Такие крепкие бабки... Нас поселили на улице Фрета в особняке воеводского комитета, очень милый особнячок, накормили и в автобус на встречу в Политехнике. Зал, много народу, в том числе студенчество. Нас по очереди представляют, доходит дело до меня, говорят: «сотрудница Института славяноведения, занимается историей Польши, знает польский язык». И это на весь зал! В общем, мы были и на предприятиях...

А. С.: *Были две-три недели?*

А. Н.: Несколько дней. Спросила у моего «опекуна»: «Можно я к приятельнице отлучусь и с вами не пойду куда-нибудь?» Он говорит: «Давайте». А у них в это время была встреча на самом высоком уровне, но мне все равно, какой уровень. Во время этой поездки я виделась с Леной, она мне говорила, что ситуация очень плохая: «Родной брат собирается меня повесить». Она наукой не занималась, она работник Архива ЦК ПОРП. От нее я узнала, что на карточках в каталоге означает *Cim*.⁶⁴, она мне объяснила: это аналог вашего спецхрана. Я видела там книги Свяневича, Чапского⁶⁵. О Катynie уже знала.

⁶⁴ *Cimelia*, или *Cymelia*, — коллекции или предметы особой ценности, охраняемые и сохраняемые соответствующим образом, доступ с которым широкой публике закрыт. Например: ценные рукописи и редкие издания, а также литература, запрещенная по политическим или идеологическим мотивам.

⁶⁵ Станислав Свяневич (*Stanisław Swianiewicz*) (1899–1997) — польский экономист, социолог, советолог. После ликвидации польского государства в 1939 г. как офицер польской армии был интернирован в СССР и едва не был расстрелян в Катynie: его спасла поступившая о нем информация как о специалисте по экономике Германии, который может оказаться полезен СССР. Покинул СССР в 1942 г. вместе с польской армией генерала В. Андерса. После войны работал в эмиграции в Лондоне, его свидетельства использовались на Западе при расследовании катынского преступления.

По приезде в Москву, или это было раньше, меня вызвал директор Института Дмитрий Фёдорович Марков⁶⁶ и поручил подготовить для ЦК справку о Катыни. Срок — месяц.

А. С.: *А на каких материалах?*

А. Н.: Я написала эту справку, переверсив все, чтобы что-то найти! Хоть следы какие-то. Я не нашла ничего. 52 страницы — справка. Отдала Маркову, он меня вызывает: «Альбина Фёдоровна, хорошая справка, но ведь нет выводов».

А. С.: *Как же вы смогли сделать 52 страницы?*

А. Н.: Я написала на основе пропагандистской в основном литературы: на ТАССе, материалах комиссии Бурденко⁶⁷. Какие я могла сделать выводы? Ничего не могла! В архиве я видела неотправленные письма поляков, но это уже позже, после написания справки, тогда, когда у нас здесь «расцветала» демократия, и я была за демократию.

А. С.: *В Польшу тем не менее вы ездили в 1970-е и чуть позже. Хотя и не состояли в партии.*

А. Н.: Да, конечно. Помню поездку в Польшу где-то в 1975–1976 году, езжу в транспорте, хожу по улицам, чувствую какое-то неведомое напряжение. И потом кто-то мне из поляков передал анекдот, построенный на игре слов:

– *Co Pan pali?*

– *Fortunę.*

– *Jutro pan co będzie palił?*

– *Komitet*⁶⁸.

Но с Леной разговор о напряжении не было, она была убежденным, казалось, человеком.

А. С.: *Понятно, она и не могла. С другими поляками вы разговаривали?*

А. Н.: Поляки старались с советскими людьми об этом не говорить. Доверительных разговоров не было, потому что таких доверенных лиц

Юзеф Чапский (*Józef Czapski*) (1896–1993) — польский литератор, эссеист, художник. В 1939–1941 гг. как офицер польской армии интернирован в СССР, о чем оставил воспоминания. Покинул СССР в 1942 г. вместе с армией Андерса. После войны жил во Франции. Его рассказы послужили одним из источников для известного польского режиссера Анджея Вайды при его работе над фильмом «Катынь» (2007).

⁶⁶ Дмитрий Фёдорович Марков (1913–1990) — литературовед-славист. Академик АН СССР (1984). Директор Института славяноведения и балканистики АН СССР в 1969–1987 гг.

⁶⁷ Советская государственная комиссия во главе с медиком академиком Н. Н. Бурденко, которой было поручено подтвердить с помощью якобы научных аргументов официальную советскую версию о том, что катынский расстрел польских офицеров в 1940 г. был якобы делом рук германских нацистов. Комиссия работала в 1943–1944 гг., была создана после того как информация о катынском расстреле получила распространение на Западе.

⁶⁸ *Palić* — курить, жечь. *Fortuna* — марка сигарет.

не было. Насколько я знаю, в моем институте была очень узкая группа сотрудников, с которой кто-то из поляков вел доверительные беседы. Я к этой группе не принадлежала. Я же занималась послевоенной Польшей! В 1971 году, когда я приехала, в Институте истории Варшавского университета работал крупный историк, участник и один из создателей Бюро информации и пропаганды Главного штаба Армии Крайовой (АК) Александр Гейштор⁶⁹. Бюро контролировало и формировало настроения в польском обществе, но в нем было подразделение разведки и контрразведки. Я с ним встречалась. Кстати, в Институте истории ПАН работали несколько далеко не рядовых участников АК, ставших в ПНР историками. А Гейштор стал президентом Польской академии наук. Был ли он в свое время арестован? Не знаю, таких документов не видела.

А. С.: *В Польше же распространялась литература, которую у нас невозможно было получить, самиздат там всякий...*

А. Н.: Кто же мне ее даст? Я же была советская! Они боялись. Кстати, в Польше я прочитала «Архипелаг ГУЛАГ», но получила от соотечественника.

А. С.: *Я впервые взял в руки «Архипелаг ГУЛАГ» в кадаровской Венгрии в 1984 году во время четырехмесячной преддипломной студенческой практики. Там довольно легко было уже в это время получить допуск в спецхран библиотеки.*

А. Н.: Везде по-разному было. 1981 год. Это было ранней осенью... сентябрь, наверное. Грибков позвонил маме, сказал, что будет писать мемуары, и ему нужны фотографии отца, довоенные. У нас они были. Я отобрала, вот почему у меня нет их сейчас. И пошла к нему. Он участник Финской войны, отец там не был, но они дружили... Мемуары написал, но другие. Я пошла к нему в штаб, захожу в приемную, там стоит группа польских офицеров. Мы с Анатолием Ивановичем чай попили, побеседовали... Он поинтересовался, как мама, я отдала ему фотографии отца....

А. С.: *Где находился его кабинет?*

А. Н.: В штабе Объединенных вооруженных сил стран Варшавского договора, на Ленинградском шоссе. Он же был его начальником до роспуска этого договора. Я спросила: «Анатолий Иванович, введете войска? Поймите, если вы введете, это на века разрыв!» А он мне: «Аллочка (он так меня называл), не введем, сами разберутся, хватит на нас... Не волнуйся, будет Польша социалистической». Вот в последнем он ошибся. Поляки разобрались, и сегодня совсем другая Польша...

А. С.: *Что касается Грибкова, вот это интересно как раз, это показывает настроения генералитета... Они понимали, что вмешаться в Польшу*

⁶⁹ Александр Гейштор (*Aleksander Gieysztor*) (1916–1999) — польский историк-медиевист, президент ПАН в 1980–1984 и 1990–1992 гг.

шу... Вот так просто войска туда не введешь. Будут очень большие проблемы. Это они понимали. Это и Андропов понимал, и Суслов понимал.

А. Н.: Понимали... А вот об этом человеке я вам расскажу (*показывает фотографию*). Это член партии еще с момента образования во время войны польской рабочей партии (ППР), а до этого или польский комсомолец, или член КПП. Его фамилия Назаревич, Рышард Назаревич⁷⁰.

Альбина Фёдоровна с Рышардом Викторовичем Назаревичем

А. С.: *А я даже помню его, приезжал.*

А. Н.: Да, он приезжал, и не один раз.

А. С.: *Помню, в 90-е годы.*

А. Н.: И в 80-е... Я с ним очень давно была знакома. Милейший человек. Он был связан с советской разведкой. Во время войны принимал тех коммунистов, которых из СССР сбрасывали за линию фронта, на территорию Польши. Разведчиков, коммунистов, не обязательно польских. Он вел их до границы с Протекторатом [Богемии и Моравии], сопровождал и там передавал чешской стороне. Мне Рышард Викторович как-то сказал:

⁷⁰ Рышард Назаревич (*Ryszard Nazarewicz*) (1921–2008) — польский историк и общественный деятель. Был научным сотрудником Института истории рабочего движения при Академии общественных наук при ЦК ПОРП.

«На польской территории ни одного не выдали». Как только переходили на чешскую сторону, — выдавали чехи. Вот так... Во время восстания в Варшаве летом 1944 года он вел из района Ченстоховы бежавшего из плена капитана Красной армии Калугина в восставшую Варшаву и передал его партизанам Гвардии Людовой. Калугин установил контакт с командованием Армии Крайовой, о чем информация поступила в Москву⁷¹. После войны и до 1956 года он работал в польской безопасности, в Лодзи. Затем стал известным, высокопрофессиональным историком. Работу в госбезопасности оппозиционеры ему припомнили в 80-е годы. Он страшно переживал, был уже очень болен. Всегда, когда он приезжал в Москву, бывал у меня. Был членом партийной двусторонней комиссии по «белым пятнам», где работала и В. С. Парсаданова от нашего Института. Это был рубеж 1980–1990-х годов. И вот однажды Назаревич пришел ко мне, мы посидели, поели, попили, поговорили... он ушел. На следующий день, вторник, пришла домой, только вошла — звонок в дверь. Открываю: стоит Р. В. Первая мысль: а чем кормить? «О... проходите». — «Нет, Альбина, я пришел в ваш дом к генералу Никольскому, а к вам зашел, чтобы поздороваться». То есть он шел к генерал-лейтенанту Виталию Александровичу Никольскому, это ГРУ во время войны.

А. С.: *Понятно... Итак, вы в середине 1970-х были в Польше и потом в 1981 году...*

А. Н.: В начале 80-х годов мы с Мурашко были в Польше... Может быть, это был 82-й или 83-й год.

⁷¹ К. А. Калугин попал в плен в мае 1942 г., содержался в лагере для военнопленных, затем обучался на специальных курсах Министерства пропаганды Германии, по окончании которых носил форму капитана РОА, работал во власовских формированиях в г. Ченстохова, вошел в контакт с польскими коммунистами. По решению ЦК ППР был переправлен в Варшаву, где с ним беседовали члены подпольного руководства партии; затем — в рядах Гвардии Людовой; в июле 1944 г. в отрядах Армии Людовой на Люблинщине; в конце июля вновь в Варшаве, где 2 августа (во время начавшегося восстания) был задержан патрулем АК. Принятый за «офицера советской глубокой разведки», был допрошен командующим АК в городе, по просьбе которого написал телеграмму Сталину с просьбой о помощи восставшим. Телеграмма через Лондон поступила в Москву. Там фигура капитана была неизвестна, и реакция не последовала (или она нам неизвестна). 16 августа была организована встреча Калугина с польскими коммунистами, но в тот же день он возвратился в штаб АК, командование которой использовало имя Калугина как доказательство присутствия у них советского представителя. 20 сентября 1944 г. Калугин в группе офицеров АК и АЛ был переправлен на восточный берег Вислы, где с ним беседовал командующий 1-й Польской армии З. Берлинг, затем в Люблине советский представитель при ПКНО Н. А. Булганин. Калугина отправили в Москву, отдали под трибунал и осудили на 10 лет заключения. Как пишет Р. Назаревич, «вероятно, за службу в армии Власова». После смерти Сталина Калугин был реабилитирован, «в какой-то мере благодаря показаниям польских граждан», в том числе Р. Назаревича, в Генеральной прокуратуре СССР. Жил на Донбассе. (См. подр.: *Назаревич Р. Варшавское восстание. 1944 год. М.: Прогресс, 1989. С. 133–148.*)

А. С.: 82-й год — к этому времени уже было введено чрезвычайное положение. 13 декабря 1981 года.

А. Н.: Сейчас уже трудно восстановить полную хронологию моих поездок.

А. С.: Вас уже стали выпускать... Но я не уверен, что межакадемический обмен был после августа 1980 года, с начала забастовок. Я не уверен, что в Польшу посылали.

А. Н.: Помню: было очень плохо с продовольствием. Нас пригласили с Г. П. Мурашко в УВС и сказали: взять с собой масло, колбасу, сыр, консервы. И вот в Польше мы пошли по друзьям. Друзей у нас уже было тогда довольно много. Пошли к одному человеку. Это был друг Бориса Флори⁷². Такой... Русоцкий, когда представлялся, говорил так: бывший граф, ныне член ПОРП.

А. С.: Вообще после августа 80 года они уже не афишировали свое членство в ПОРП.

А. Н.: Трудно сказать. Мурашко до этого принимала его в Москве. Короче говоря, нас пригласили. Ну мы же люди широкие, правильно? Если мы едем, то мы всякие подарки везем. А тогда нам сказали: там кофе нет, шоколада нет. Мы с ней запаслись и пошли к Русоцкому. Входим. Стол: с две трети этой комнаты, такой длины. Приборы лежат. Ждут гостей. Что это такое? А мы-то здесь причем? Нас зовут в кабинет. Его жена (они разошлись потом по идейным соображениям) завозит столик, на столике лежит ветчинка, салатик и тортик. Она нам говорит: «Мы привыкли есть с колен» (по-польски). Ну, говорим, с колен, пожалуйста, правда, у нас «с колен» не бывает. Ветчинку и салатик мы попробовали, но вот дело дошло до торта... кусочки были нарезаны так, что взять их было почти невозможно, «Париж видно» через этот кусочек. Короче говоря, мы поняли, что нас как-то...

А. С.: Не особо хотят принять хорошо, да?

А. Н.: Что нас хотят просто выставить. Люди мы понятливые...

А. С.: Да, ну и, видимо, условия такие... толком угостить не могут.

А. Н.: Пошли на выход. Было видно, что Русоцкому самому все это не очень приятно. Оправдываясь, он сказал: «Сегодня в “Трибуне люду” информация о том, что я стал *professor zwyczajny*». Он ждал свою публику. Но, по-нашему, зачем совмещать... Мурашко была злая: я его красной рыбой не только кормила, но и с собой рыбину дала, понимаешь... Или, может быть, это по-польски? У нас было еще одно приглашение, к Бжезиньскому.

А. С.: Какому еще Бжезиньскому?

⁷² Борис Николаевич Флоря (род. 1937) — крупный историк-славист, медиевист. Член-корреспондент РАН (2000). Зав. отделом Института славяноведения РАН. Муж Г. П. Мурашко.

А. Н.: Такой был историк — Богдан Бжезинский. У него жена русская, думаем: уж винегрета мы там поедим. От Русоцкого мы вышли, конечно, голодные. Но разговоры на политические темы, как правило, не велись. Помню: перешли Маршалковскую и оказались у Бжезинских. И, естественно, там было мясо, и винегрет, и картошка, и собака с кошкой... Богдан работал в Институте, который назывался вроде Истории рабочего движения при ЦК ПОРП. Писал о Коминформе. Всегда, конечно, были у моей Лены точно, в семье Сыздек точно. На политические темы можно было разговаривать с ними, но главы семьи, Бронислава, бывшего заведующего Центральным архивом ЦК ПОРП, уже не было в живых. Элеонора еще раз вышла замуж, за бывшего командора, и тут мы спокойно разговаривали по всем сюжетам. Но это было уже другое время. С Элей мы до сих пор в контакте. Я ей звоню, но теперь она говорит крайне осторожно.

А. С.: *Интересно, как менялось материальное положение, было ли это в худшую сторону от одного вашего визита к другому?*

А. Н.: Положение материальное менялось, конечно, заметно и в лучшую сторону. Опять кредиты с Запада. Но не у всех... Вот мы были у Ежи Томашевского⁷³, был такой крупный специалист по экономической истории. Там было очень плохо. Конечно, привезли в подарок коробку шоколадных конфет и кофе в зернах. Жена Ежи была очень обрадована и крайне удивлена этим. Тяжело им было.

А. С.: *Они остерегались, конечно.*

А. Н.: Можно было разговаривать с людьми, с которыми у нас раньше сложились какие-то неформальные отношения. Как например, с Сыздками.

А. С.: *Да. А таких почти не было.*

А. Н.: А таких было не много. Я была в добрых отношениях с Дурачинским⁷⁴. Была у него в гостях в последнюю свою поездку в Польшу. Он был уже тяжело болен, но еще передвигался. Недавно умер.

А. С.: *Ну да, он и тут, у нас, успел поработать уже в конце 1990-х — начале 2000-х представителем Польской академии наук при РАН. Дурачинский тоже учился у нас в МГУ.*

А. Н.: Тоже у Ирины Михайловны.

А. С.: *Пораньше вас. Однокурсник Фалькович⁷⁵. 1955 года выпуска. Он ведь не был, насколько я знаю, официальным историком?*

⁷³ Ежи Томашевский (*Jerzy Tomaszewski*) (1930–2014) — польский историк, известен как работами по экономической истории Польши в XX в., так и исследованиями по истории польского еврейства.

⁷⁴ Эугениуш Дурачинский (*Eugeniusz Duraczyński*) (1931–2020) — польский историк, автор многочисленных работ по истории Второй мировой войны, новейшей истории Польши, истории советско-польских отношений.

⁷⁵ Светлана Михайловна Фалькович (1932–2018) — доктор исторических наук, специалист по новой истории польских земель. Работала в Институте славяноведения РАН с 1962 по 2018 г.

А. Н.: Да, совершенно верно. Он не был официальным, хотя был членом партии, он был высокопрофессиональным историком. Последняя его крупная работа о Сталине переведена у нас⁷⁶. Портрет, на мой взгляд, очень последовательно точный. И поэтому его работы актуальны сейчас.

А. С.: Конечно. С оппозиционными историками вы не общались?

А. Н.: Ну конечно, но общалась с теми, кто, работая в Институте истории ПАН, печатался и нелегально. Например, Кристина Керстен — автор очень вдумчивых книг о становлении народной власти и о конференции «Большой тройки» в Ялте, например⁷⁷. Вообще в исторической науке ПНР работали разные историки, в том числе и официальные, строго «по линии», как, например, В. Гура, занимавшийся советско-польскими отношениями, или Р. Халяба, писавший по истории крестьянского политического движения. Но были и другие, думающие люди, историки профессиональные. Например, когда я первый раз приехала в Польшу с темой по истории крестьянского движения и работала в Архиве Объединенной крестьянской партии, ко мне подошел Ян Борковский и сказал: «Уходите с этой темы — там кровь». Он писал отдельные статьи монографического типа, но отдельной книги по истории послевоенной крестьянской партии, партии Миколайчика⁷⁸, так и не издал. Думаю, слишком не ко времени были его работы для 70-х годов. Я позже писала свою работу, помня эти слова. Возьмите мою вышеупомянутую книгу о крестьянском движении, надеюсь, писала честно. Во-первых, так, как тогда я это понимала, как тогда думала, а я до сих пор уверена, что польские коммунисты сделали для Польши очень много. Уже то, что они дали землю крестьянам, подняли полуграмотную польскую крестьянскую массу, дали образование, дорогу к культуре и, коль крестьяне не захотели идти в колхозы, после 1956 года дали возможность и содействовали развитию индивидуального крестьянского хозяйства, которое кормило страну и кормит теперь.

А. С.: Среди нацменьшинств особенно велик был процент неграмотных. Да, коммунисты сделали, что могли. Учитывая к тому же и давление Москвы и так далее.

А. Н.: Это другой разговор уже. Кроме давления была существенная экономическая помощь, и не только экономическая...

⁷⁶ Дурачинский Э. Сталин — создатель и диктатор сверхдержавы. М.: РОССПЭН, 2015.

⁷⁷ Кристина Керстен (*Krystyna Kersten*) (1931–2008) — польский историк, профессор Института истории ПАН, специализировалась по новейшей истории Польши. В нелегальной польской прессе печаталась под псевдонимом Ян Буйновский.

⁷⁸ Станислав Миколайчик (*Stanisław Mikołajczyk*) (1901–1966) — польский политик, видный деятель крестьянской партии в межвоенной Польше. В 1943–1944 гг. глава польского эмигрантского правительства в Лондоне. С июня 1945 г. по февраль 1947 г. вице-премьер и министр сельского хозяйства правительства Польши. После вытеснения возглавляемой им крестьянской партии (ПКП, *Polskie Stronnictwo Ludowe, PSL*) из правящей коалиции осенью 1947 г. покинул Польшу под угрозой ареста. Умер в эмиграции.

А. С.: *Хорошо. Что-нибудь особенно запомнилось из поездок в Польшу? Ведь иногда можно было оказаться свидетелем бурных политических событий. Тем более в Польше 80-х. Ничего такого не было с вами? Может, позже?*

А. Н.: Не была никогда свидетельницей. При мне бурных событий не было. Нищих в центре Варшавы в 1981 году я увидела, когда «оторвалась» от делегации горкома партии и поехала в город...

А. С.: *Ну да, остерегались что-то такое показывать.*

А. Н.: Так вот, с делегацией мы ходили на какой-то завод или фабрику, я не помню, и ко мне подошел «опекун» и предложил посмотреть, есть ли кресты и иконы в цехах и рабочих помещениях. Не было... Не видела.

А. С.: *Особой активности церкви не наблюдали?*

А. Н.: Я всегда ходила по костелам. Первое, что я делала, приезжая в Польшу, а я обычно жила в Институте истории, наверху, в небольшом отеле, — шла по костелам на Краковском предместье.

А. С.: *И полно народу.*

А. Н.: Поляки верующие люди. Костелы традиционно посещают регулярно. Но, как правило, когда я ходила, это не было время службы.

А. С.: *И в 80-е? Даже мне запомнилось, что в Польше — в 90-е я был первый раз — в будний день в костелах людей столько же, сколько в любой другой стране на выходной или в праздник.*

А. Н.: Мы как-то с Леной гуляли... и пошел дождь, зашли в костел, и она говорит мне: «Обрати внимание, сегодня воскресенье, ты видишь: мало народу...»

А. С.: *Мало. Это, видимо, сразу после отмены чрезвычайного положения, это в первой половине 80-х. Это мог быть 83–84-й год, наверное. Просто им не разрешалось активно участвовать в церковных мероприятиях.*

А. Н.: Я последнего не знаю. Думаю, это 90-е годы, если уже не XXI век. Но это было много позже, а экономическое положение исправилось на вливаниях Евросоюза. Немного о другом. То, что я испытывала, видимо, в середине 1970-х годов, помню. Мой коллега по институту Ваня Поп⁷⁹ приехал в Варшаву, он был проездом по пути в Прагу. Мне нужно было ему позвонить. А у меня была очень неприятная хозяйка квартиры, которую снимала для таких, как я, Польская Академия наук. Решила: не буду я с ее телефона звонить, спущусь, в переходе из автомата позвоню. Ну я же не буду с Ваней

⁷⁹ Иван Иванович Поп (род. 1938) — доктор исторических наук, автор многих работ по истории Чехословакии, международным отношениям в 1930–1940-е годы. На рубеже 1980–1990-х годов был главным редактором журнала «Советское славяноведение». Позже возглавлял научный центр в Ужгороде (Украина). В первой половине 1990-х годов переселился в Чехию. Деятель, идеолог и историк русинских общественных движений.

по-польски разговаривать, разговаривала по-русски. И когда после разговора попросила по-польски у киоскера трамвайный билет, она мне в лицо его кинула и тем продемонстрировала «борьбу с советским присутствием». Так что поляки не всегда вежливые!

А. С.: *Это показывает настроения, конечно.*

А. Н.: Или когда мы с Мурашко были — купить можно было мало что.

А. С.: *Это, наверно, или самый конец 70-х, 79–80-й, или уже 1983–1984 годы.*

А. Н.: Думаю, последнее. Ей нужно было купить взрослому сыну туфли. Пошли на Маршалковскую в магазинчик. Я предупредила: не надо говорить по-русски. Стали выбирать, это не нравится, то не нравится, и Мурашко пару слов по-русски сказала. Продавец взяла у меня эти туфли и бросила их под стол со словами: не продается.

А. С.: *Наверно, середина 80-х. Бедность, пустые прилавки, а отсюда и настроение соответствующее.*

А. Н.: Ездил в Польшу и когда перешла в сектор Л. Б. Валева, и в 90-е годы, и позже. Еще один случай, это уже 2000-е годы. Мы с молодой коллегой А. Канарской в Варшаве. Были в Институте национальной памяти, где нам подарили очень много их книг, и мы возвращались автобусом. Она знает польский, но пару слов все-таки сказала по-русски, а рядом стояла группа молодых людей, и, слышу, тихонько: «*Rosja to kurwa*». Не среагировала. Повторили еще дважды, уже погромче и во весь голос! Вышли. Знали ли они, где находится эта *Rosja*? Видели ли ее когда-нибудь?! Сомневаюсь. Но были и другие поляки. Помню, покупала продукты. Ко мне обратился пожилой поляк, который, несомненно, прожил полжизни в ПНР, с просьбой что-то показать. Ответила по-польски. По моему мягкому акценту он понял, что я не полька. Стал спрашивать, откуда я, где выучила польский язык. Все было совершенно доброжелательно. Времена разные, и люди разные. Так, на каком-то заседании с поляками у нас в институте не так давно — по-моему, это была Комиссия историков Польши и России — меня, как всегда, уже по традиции, «разносила» коллега Яжборовская за то, что у нас в книге «Польша в XX веке»⁸⁰ в подстрочнике есть текст о существовании в нашей историографии, именно в историографии, сторонников иного толкования трагедии в Катыни. Кстати, такие подстрочники есть в книге по отдельным дискуссионным проблемам истории советско-польских отношений. Я отвечала: «Это факт, и не надо это скрывать. Надо работать». В перерыве ко мне подошел один из поляков, незнакомый, и шепотом на ухо сказал: «Вы правы». Этот факт говорит об атмосфере в современной Польше.

⁸⁰ Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012.

А. С.: Ну... это особый разговор... Работа в архивах активизировалась с конца 80-х. Даже скорее это уже 90-е.

А. Н.: Прежде чем мы пошли в архивы, здесь, у нас в институте, были бурные дискуссии.

А. С.: Да это я помню уже.

А. Н.: Я думаю, что Мурашке подсказал Борис [Б. Н. Флоря], она была инициатором нашего похода в архивы, как-то пришла и сказала: «Пусть дискутируют, давайте мы пойдем в архивы». И мы пошли... Так появились сборники документов и монографии по региону в 1944–1953 годах. Вот эта первая (показывает книгу: Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе, 1944–1948. М.: Наука, 1993).

А. С.: Эта книга была написана чуть раньше, как я помню, в конце 80-х в основном.

А. Н.: С конца 80-х, как помнится, давали многое. Мы работали усердно.

А. С.: Да, реально с 1991 года давали почти все, с августа. После известных событий.

А. Н.: Нам давали раньше, и это точно. Здесь, в институте, нас, как я помню, особенно В. С. Парсаданову, в стенгазете прорабатывали, устроили методсеминар, на котором должны были осудить за наш подход к народной демократии и переходному периоду вообще.

А. С.: Это начало 90-х.

А. Н.: Мы из-за этого очень переживали... Мурашко в свое время делала «Великий Октябрь»⁸¹. Его курировал Д. В. Кузнецов из ЦК КПСС. И вот позже, конец 80-х годов, может быть 1990–1992 годы (В. С. еще не ушла не по своей воле из Института). Методсеминар. Мурашко пригласила Кузнецова на этот методсеминар. Я не буду называть фамилии людей, которые это организовывали, кого-то уже нет.

А. С.: Важны не фамилии, а что имелось в виду.

А. Н.: Имелась в виду наша позиция.

А. С.: Позиция в чем? Кто-то критиковал вас с более радикальных позиций?

А. Н.: Мы писали, опираясь на документы, со сдержанных позиций, а кто-то с таких более, как бы сказать... Более радикальных, считавшихся демократическими.

А. С.: Ну это скорее 91-й год уже. Много было.

⁸¹ Речь идет о коллективном труде: Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. М.: Наука, 1977.

А. Н.: Мы были у Кузнецова. В институте активные дискуссии вовсю, критикуют, прежде всего, советскую внешнюю политику. Кузнецову сказали, что у нас задумали методсеминар, где будут нас критиковать; повторюсь, мы тогда отстаивали концепцию «народной демократии». Наша позиция была в том, что мы считали внутренний фактор в конечном счете определяющим для успеха коммунистов, за него они и боролись. Внешнеполитические условия, без сомнения, создавала Москва. Наши оппоненты считали, что сыграл первостепенную роль внешний фактор, только присутствие советских войск, только политическое давление. Сегодня, занимаясь 1943–1944 годами, я нередко встречаю документальные свидетельства правых польских политиков о расширении среди поляков влияния ППР и симпатий к Красной армии.

А. С.: *Я помню те споры. Ваша позиция и нашла отражение в этой книге 1993 года.*

А. Н.: Д. В. Кузнецов пришел на методсеминар, разговор еще шел тогда о переходном периоде к социализму.

А. С.: *Это еще до августа 91 года было. Ну да, ожидалось, что вас проработывают будут, а получилось иначе.*

А. Н.: По сути он нас спас, потому что выступления тогда уже пошли другие. Нас не ругали, даже как-то приободрили, а потом и конференция была, международная. Люди из многих стран. И вышла «Народная демократия». За нас наши оппоненты представили на конференции эту книгу.

А. С.: *Конференция — это уже 93-й год. После выхода книги. Несколько другая эпоха.*

А. Н.: В общем, громкой критикой нашей работы на этой конференции нам создали такую рекламу, что очередь из ученых-иностранцев выстроилась... и мы раздали «Народную демократию», все, что у нас было из тиража. До последнего экземпляра.

А. С.: *Сама тематика им крайне интересна. В это время у вас становится приоритетом уже работа в архивах.*

А. Н.: В архивах. Мы работали в РГАСПИ, мы работали в МИДе, мы работали в ГА РФ. И нам выдавали очень многое из того, что раньше не выдавали и сейчас, кстати, не всегда выдают.

А. С.: *Это 92 год был. Помню это время. До распада КПСС, при Горбачеве еще, не были так открыты архивы. Лишь после августа 1991 года открыли широко. Р. Г. Пихоя был тогда во главе Росархива. Вот в этой книге 1993 года еще не так много ссылок на новые архивы. Просто во время работы над ней еще не так много могли использовать, еще не столь широкий был доступ.*

А. Н.: Ошибаешься, когда готовили к печати «Народную демократию» и рукопись должны были представить в МИД, мы поработали в архивах

очень много материала. Получали уже отчеты послов и переписку с Москвой, записи бесед и другое. Мы включили в текст рукописи максимальное число ссылок, чтобы их, так сказать, «легализовать». Впоследствии нам дали и Архив Президента, мы все там побывали не по одному разу... В ГА РФ нам предоставили материалы НКВД о подавлении Армии Крайовой.

А. С.: *Результатом стали два двухтомника документов о советской политике и советском факторе в Восточной Европе⁸², сборники документов РОССПЭНа и других издательств об НКВД и польском подполье, о церкви и другие⁸³. А потом и ряд коллективных монографий.*

А. Н.: Мы сделали на основе нашей архивной работы в общей сложности 9 томов документов, 3 коллективные монографии⁸⁴, а Татьяна Викторовна Волокитина написала индивидуальную монографию⁸⁵ и защитила докторскую.

А. С.: *Да, это все известные труды, они все стоят и на ваших полках.*

А. Н.: В 2008 году начала работать группа по сложным вопросам общей истории с поляками. Там участвовало вначале несколько историков: И. С. Яжборовская, Н. С. Лебедева, Г. Ф. Матвеев, М. М. Наринский, Н. И. Бухарин и другие. Иногда и без споров не обходилось, но написать — каждый написал свое. Книга вышла — «Белые пятна»⁸⁶. Поляки написали

⁸² Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953: В 2 т. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998; «Советский фактор» в Восточной Европе: 1944–1953. Документы: В 2 т. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999–2002.

⁸³ НКВД и польское подполье 1944–1945 (по «Особым папкам» И. В. Сталина) / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994 (переведено и издано в Польше); Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест, 1944–1946: из истории советско-румынских отношений. Документы российских архивов / сост. Т. В. Волокитина и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД о польском подполье 1944–1945 гг. / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001; Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: В 2 т. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

⁸⁴ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М.: Наука, 1993; Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа: становление политических режимов советского типа, 1949–1953. Очерки истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002 (2-е издание: М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008); Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа: Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

⁸⁵ Волокитина Т. В. «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы, 1944–1948 гг.: Очерки истории. М.: Науч.-просвет. центр «Университет», 1998.

⁸⁶ Речь идет о книге: Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда; отв. ред. А. В. Мальгин, М. М. Наринский. М.: Аспект-Пресс, 2010.

свое, и наши каждый написал свое. Согласования позиций, что изначально задумывалось руководством этой группы, не получилось.

А. С.: *Вы в Польшу ездили в 90-е годы?*

А. Н.: Не так активно.

А. С.: *Никаких особых воспоминаний, впечатлений? И за политикой не следили особо? Только архивы?*

А. Н.: Ярких впечатлений нет. Да мне кажется, что в 2000-е годы уже и в Польше таких ярких событий не было.

А. С.: *Иногда остаются, конечно, какие-то яркие впечатления... Помните, как поляк Кароль Войтыла стал римским папой Иоанном Павлом II в 1978 году, а в его приезды на родину сотни тысяч поляков выходили послушать его проповеди?*

А. Н.: Мне не случалось быть свидетелем. Один раз я была в Рождество. Ходила в костел, действительно было очень много людей. Хочу упомянуть еще одного историка, с которым мы дружили. Это Рышард Тожецкий⁸⁷. Он занимался украинским национализмом и пришел к выводу: поляки виновны в том, что Галиция стала массовой базой украинского национализма, ибо им, полякам, принадлежала власть в стране. Его не пускали в Союз, он из-за этого очень переживал. Но не пускали, конечно, украинцы. Киев не пускал.

А. С.: *После развала СССР, когда советское давление отошло в прошлое, с поляками уже можно было вести разговор более откровенный: их мнение — ваше мнение?*

А. Н.: Поэтому мы и говорили: кукушка — одно, а петух — другое. Они свое, а мы свое. Поговорили на нескольких заседаниях Группы. Интересы наших стран и взгляды на историю были и остаются разными. Это факт.

А. С.: *Понятно, разные мнения, разные взгляды на одни проблемы.*

А. Н.: Я писала об этапе народной демократии в «Белых пятнах», [основываясь] на документах, а параллельно в ответ мне написал польский историк — чистая политическая публицистика.

А. С.: *Ну остались же все-таки в Польше историки, которые старались объективно работать.*

А. Н.: Есть разные точки зрения. Это обнадеживает. В 2019 году вышла книга об антикоммунистическом подполье в Польше (1945–1956), автор — М. Мазур⁸⁸. Я прочитала большое его интервью о *wyklętych*⁸⁹. Вывод

⁸⁷ Рышард Тожецкий (*Ryszard Torzecki*) (1925–2003) — польский историк, специалист по истории польско-украинских отношений.

⁸⁸ Mazur M. *Antykomunistycznego podziemia portret zbiorowy 1945–1956. Aspekty mentalno-psychologiczne*. Warszawa; Lublin: Bellona, UMCS, 2019.

⁸⁹ *Żołnierze wyklęci* («проклятые солдаты») — участники антикоммунистического подполья 1945–1956 гг.

звучит вот так грубо: это уже не были бойцы за идею, как АК в борьбе с гитлеровцами, это были каратели и бандиты, они зверствовали от бессилия из-за проигрыша власти, жестоко убивали простых польских крестьян, представителей власти, а не только коммунистов и советских солдат. А для политической власти сейчас в Польше они — герои, а Станислав Миколайчик — предатель в забвении. Правда, одна научная книга о нем все-таки вышла в наше время, автор — из оппозиции, но моего поколения. Однако существование любого подпольного движения вызывается к жизни определенным крупным историческим событием, его последствиями. И к нему оно «привязано» целью. Исчезает событие — вырождается подполье, что и происходило в Польше, или, напротив, легализуется.

А. С.: *Да, разные люди и партии, в конце концов, в разных странах по-разному смотрят на историю, настроения разные. Вы с кем-то из поляков испортили отношения на почве идеологических споров и так далее?*

А. Н.: До такого дело не доходило. Некоторые, с подачи некоторых наших историков, меня считают сталинисткой. Это их дело. Я пишу на основе разных документов.

А. С.: *Там свое восприятие всего этого.*

А. Н.: Конечно, и разное. Я один раз выступала очень резко по вопросу облика Армии Крайовой. В 2014 году у нас в Калининграде на заседании Группы по сложным вопросам. Ничего, жива осталась. Промолчали. Печально другое. У нас иногда люди, далекие от занятий историей Польши, позволяют себе категорические заявления по этой непростой истории.

А. С.: *Когда вы были в Польше последний раз?*

А. Н.: Наверное, в 2008 году и, может быть, еще раз попозже. Наша группа должна была в 2014 году поехать, но перенесли в Калининград.

А. С.: *Вы работаете сейчас над этим большим проектом «Советский Союз и польское военно-политическое подполье», но на российских документах, в Польшу не ездите.*

А. Н.: А мне хватает документов — польских, опубликованных в разные годы разными польскими историками, и доступных советских документов. Часть материалов по этому проекту рассекречивается специально. Кроме того, есть англоязычные издания польских, английских и американских документов. Картина создается, на мой взгляд, объективная. Документы польского правительственного подполья и правительства сами за себя, за свои цели и политику говорят. Толкование не требуется.

А. С.: *Понятно, что хватает. А с поляками общаетесь? С теми, кто сюда приезжает?*

А. Н.: Вы знаете, приезжают уже другие люди, в основном молодые, заточенные на современное польское видение отечественной истории... Ездить на конференции мне уже тяжело. Но вообще у меня пропал

интерес ездить. Мне интереснее работать с новыми документами здесь. А кроме того, мои друзья, с кем я всегда могла разговаривать, таких людей уже нет или осталось очень мало. Почти все из близких коллег ушли. Светлая им память...

А. С.: *В работе двусторонней комиссии историков, в конференциях вы же участвовали?*

А. Н.: Довольно мало. В Комиссии периоды доминируют другие, которыми я не занимаюсь. Да и вообще издание документов — это очень интересное, но тяжелое дело.

А. С.: *Да, конечно. Знаю по своему опыту.*

А. Н.: Тем более в условиях, когда источники еще и фальсифицированные.

А. С.: *Приоритетом стала для вас работа в архивах, конечно. С начала 90-х, по сути дела.*

А. Н.: Сейчас вот этот проект по войне.

А. С.: *«Советский Союз и польское военно-политическое подполье. 1943–1945». Сейчас работаете над последним томом? Три уже вышло.*

А. Н.: Четвертый том сейчас делаем, и очень большой, на 85 листов. Хронологически — это август–октябрь 1944 года. Нет, он не последний. Там начать и кончить. Это Росархив и ГА РФ делают, помогают все другие архивы, но за наше с Леной Лопатиной участие в издании, подборе документов, их комментировании Институт имеет гриф на издании.

А. С.: *Там особенно большая работа, конечно, прокомментировать это все.*

А. Н.: Моих комментариев в новом томе много. Много и у М. И. Мельтюхова. Он ведет большую научную и археографическую работу. Иногда, конечно, и споры с ним возникают, каждый отстаивает свое мнение. Его трудно бывает переубедить.

А. Л.: *У меня напоследок четыре вопроса. Не по какому-то конкретному периоду, а таких, общих. Первый вопрос, конечно, про польский язык. Вы учили в университете. А помните преподавателей? Насколько было сложно? Как вам нравится польский язык? Читаете ли вы художественную литературу на польском языке?*

А. Н.: Учила язык очень легко. Читаю постоянно то, что связано с моими научными интересами. Домашние обстоятельства долго складывались так, что на чтение польской художественной литературы просто времени не оставалось. А теперь — физических возможностей маловато. Читаю литературу по своей специальности, конечно, свободно. Но при работе с переводами документов не обхожусь без словаря, потому что иногда чувствую, что здесь не так или не совсем так перевели мои переводчики.

А. С.: *Изъясняетесь, конечно.*

А. Н.: Конечно, но поскольку я столько лет не была там, мне кажется, что я уже забываю разговорный язык. Дело практики. Помню преподавателей польского — Зоря Моисеевна. Помню еще Владимирскую, что нам преподавала польский язык немножко, и так далее. По-чешски читать — с трудом, но могу. Два языка учили по программе на кафедре — польский и чешский. Нам еще одно время преподавали сербский. Илья...

А. С.: *Илья Ильич Толстой, внук Льва Николаевича. Из эмиграции вернулся, из Югославии.*

А. Н.: Я видела в архиве въездное дело семьи Толстых за 1947 год. И. И. очень хорошо помню, хотя не помню сербского языка. Помню, на нем был сюртук вельветовый и деревянные пуговицы, я больше смотрела на них. Этот язык меня не интересовал. Польский полтора года всего преподавали.

А. Л.: *Сейчас два года преподают.*

А. Н.: И, кроме того, у вас была практика в Польше, у нас этого не было.

А. С.: *Вас не использовали в качестве переводчицы?*

А. Н.: Один раз было, но навыков больших в этом деле не было и нет. И вообще, как мне порой кажется, я не столько знаю польский, сколько чувствую его. Я же прочитываю все документы, переведенные с польского и английского языков.

А. Л.: *Второй вопрос. Когда вы стали заниматься Польшей, у вас сложился, наверное, какой-то образ поляка. Как он у вас менялся в течение длительного времени?*

А. Н.: Менялся. Порой не в лучшую сторону.

А. Л.: *А какой первичный образ был?*

А. Н.: Первичный образ — ну... это идеализм, поляки — элегантные, вежливые, приветливые. Польские коммунисты возрождали страну из руин.

А. С.: *С кем встречались — таких поляков и видели. С кем общаетесь — таков и образ.*

А. Н.: Это правильно, и из общения складывался образ, а общение было разным. Вот, например, был как-то случай очень неприятный, я жила на частной квартире на Маршалковской. В Москву не звонила ни разу, муж мне звонил, что было для хозяйки бесплатно. Но однажды ей пришел большой счет за телефон, и хозяйка решила, что это я тайно звонила в Москву, а звонил ее сын в Стокгольм. Он мне накануне похвастался. Перед отъездом рассказала в институте, ответили: «Надо было сразу сказать, мы бы вас переселили, а с ней прекратим отношения». Но осадок остался.

Вообще-то, люди разные, но из многих конкретных отдельных образов складывается некий общий национальный «портрет». У меня образ поля-

ков за 60 лет моих занятий историей Польши и поездок в страну изменялся: от идеализации к более трезвым оценкам, правда, основанным на личных, широко понимаемых контактах. Кто-то демонстрировал антисоветские настроения, а кто-то поступал совершенно по-иному, даже приветливо. Мне везло на друзей порядочных, честных, убежденных в позициях и простых в общении. Но на сегодняшний день общий образ несколько потускнел. Все чаще при общении со знакомыми и незнакомыми поляками мне приходило на ум: «не верю». Возможно, под влиянием моей теперешней работы с документами... Не исчезает ощущение — применительно к польским политикам первой половины XX века — отсутствия реализма в их замыслах и действиях, упорного следования желаемому, но уже в силу объективных условий невозможному. А политика, как известно, искусство возможного. Не могу понять другое. Как можно вместо того, чтобы вспоминать годовщину героического Варшавского восстания, окончившегося капитуляцией и унесшего жизни более 150 тысяч поляков, партизан и гражданских лиц, как большую национальную трагедию, устраивать на улицах Варшавы праздник. Недавно при работе в архиве мне встретилось высказывание Верховного главнокомандующего Польских Сил Збройных в годы войны генерала К. Соснковского, опубликованное в западной печати осенью 1944 года. Своими словами, но близко к оригиналу: если бы не героическое сопротивление поляков в сентябре 1939 года, могло не быть побед под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге. Мне кажется, что в этом высказывании заключена не лучшая черта национального «портрета» поляка — широко известный «польский гонор», идея некой национальной исключительности поляков, наделенных чертами особого героизма, представление о себе как особой нации в истории, по меньшей мере, Европы. Завышенная самооценка всегда порождает вопросы...

А. С.: *Да, а что касается непосредственного общения с ними, часто наблюдается взаимное недоверие.*

А. Н.: Может быть, хотя дело не в доверии, скорее в неуважении, даже пренебрежении к другим, в наше время иногда наблюдаем откровенное политическое хамство в адрес страны и людей... К счастью, мои польские друзья в таком никогда не были замечены. В общении с ними я себя чувствовала комфортно.

А. С.: *В какой мере вас воспринимали именно как представителя страны?*

А. Н.: Это политически, а по-человечески это немножко другое. Может быть, по пословице: «хорошее — лежит, а плохое — далеко бежит»...

А. С.: *Не всегда могут разделить. Для них это зачастую трудноотделимо. За вами стоит определенная держава. И они воспринимают вас в таком качестве.*

А. Н.: Та держава за мной уже не стоит. (*Общий смех*). Повторюсь, люди разные, и вот вам иной пример. Недавно мне было трудно. Требовались документы, опубликованные в Варшаве в 1965 году. Этой книги у нас нет ни в одной библиотеке Москвы, а мне она была очень нужна. Помогли Виктория Валентиновна Мочалова и память поляков о том, что обращается с просьбой та исследовательница, «которая первая выпустила документы по Армии Крайовой». Откликнулись трое незнакомых мне историков. И один из них взял на себя труд, сфотографировал и прислал мне 23–24 нужных документа, за что я ему премного благодарна. Прощаясь, мы договорились, что будем общаться и на связи. Но, спустя полгода, когда я его поздравила с Рождеством, он мне не ответил. Причина мне неизвестна. Думаю, она в сфере политики. Бывает и так.

А. С.: Да, непросто все.

А. Л.: Третий вопрос — про метод вашей научной работы. Вы выработали его?

А. С.: Скорее, система методов...

А. Н.: Метод?.. Надо, чтобы наука стала жизнью. Знания накапливать и пошире, по крупным проблемам работать. Они дают кругозор. Читать по 8 часов в библиотеке или за компьютером. Сейчас, конечно, по 8 часов без перерыва не могу, нужно прерваться на отдых в середине дня, чтобы потом, отдохнув, поработать еще 2–3 часа вечером. Работа с документами специфическая, требует гигантского времени и усилий. Но, вообще, конечно, головой нужно обязательно работать и, читая польскую и отечественную научную литературу, задаваться вопросом: а почему? Но для этого надо обладать знанием документов. С двух, по меньшей мере, сторон — и наших, и польских, и иных. Вот пакт [*речь идет о советско-германском пакте 23 августа 1939 года*]. О нем столько написано, и с разных позиций. Мое мнение — что это был один из многих подобных, временно нужных сторонам, но лежавших вне морали документов межвоенного времени, когда действовало так называемое договорное право... Поэтому шуму было много, а действий союзников в защиту Польши и против СССР? Вопрос в целесообразности этого документа с точки зрения советских интересов. Черчилль считал советскую политику времени пакта в высшей степени реалистичной... Порой можно слышать: поляки секретных протоколов не подписывали. Подписывали, через два дня после пакта, и с моралью, правда, у Великобритании там тоже не очень... да и «гонор польский» просвечивает... Почитайте работу доктора юридических и исторических наук Макаrchука⁹⁰.

⁹⁰ Имеется в виду книга В. С. Макаrchука «Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. Историко-правовое исследование» (2010).

А. Л.: *И последний вопрос: какое вы дадите напутствие подрастающим поколениям историков?*

А. Н.: Во-первых, надо, вопреки всему, любить страну — предмет ваших занятий. Все понимаю, и все равно Польша — это моя страна и поляки — близкие мне люди. Так больно сейчас... Звоню приятельнице: «Как дела?». А в ответ: «Тяжело, очень тяжело». Стараться понимать страну, обязательно думать и искать ответ, почему было так, а не иначе.

А. Л.: *Как вы думаете, чего новому поколению историков не хватает?*

А. Н.: На мой взгляд, трудолюбия, они очень часто отвлекаются на разные другие занятия. Читать надо ежедневно как в молодости, так и в зрелом возрасте. В нашей науке накопление знаний — решающее условие, а этот процесс у нас длительный... Не все будет просто на этом пути. Могут возникнуть большие, порой неожиданные, препятствия и трудности.

Возвращаясь к облику поляков, вопрос: а с нами все идеально?.. Ведь бывали и в моей институтской жизни очень тяжелые моменты. Довелось, увы, пережить и предательство, и подлость близких людей, с которыми связывали годы, а то и десятилетия дружбы. Удар в спину переносила тяжело, иногда казалось, что земля уходит из-под ног, а надо было продолжать работать, общаться... Подчас спрашиваю себя: простила ли? Наверное, да, тем более что некоторых коллег уже нет на этом свете. А все-таки иногда накатывают воспоминания, и боль нет-нет, да и возвращается. Я проработала в Институте 60 лет. Так или иначе, скоро его покину. Покину с чувством благодарности за то, что он был в моей судьбе, за интересно прожитую в его стенах жизнь!

А. С., А. Л.: *Благодарим вас за очень интересный разговор. Дай Бог здоровья и энергии вам еще на долгие годы.*

Список важнейших работ А. Ф. Носковой

Публикации документов

НКВД и польское подполье, 1944–1945 (по «Особым папкам» И. В. Сталина) / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. (*Отв. ред., один из составителей, автор вступления и комментариев*).

Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг.: В 2 т. / отв. ред. Г. П. Мурашко М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998. (*Член редколлегии, один из составителей и авторов комментариев*).

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: Документы НКВД о польском подполье, 1944–1945 гг. / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. (*Отв. ред., автор научного вступления и комментариев, один из составителей*).

- «Советский фактор» в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы. В 2 т. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999–2002. (*Член редколлегии, один из составителей и авторов комментариев*).
- Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: В 2 т. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. (*Ред., один из авторов комментариев и составителей*).
- Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г.: В 3 т. / под ред. А. Н. Артизова. М.: Международный фонд «Демократия» (МФД), 2016–2021. (*Ред., один из авторов комментариев и составителей*).

Сочинения

- Генеральный план Ост (К итогам изучения в советской и польской исторической литературе) // Советское славяноведение. 1965. № 3. С. 72–79.
- Разорение экономики Польши гитлеровской Германией, 1939–1944: (территория Генерал-губернаторства). М.: Наука, 1971.
- Крестьянское политическое движение в Польше, сентябрь 1939 — весна 1948 г. М.: Наука, 1987.
- Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М.: Наука, 1993. (*В соавт. с Т. В. Волокитиной и Г. П. Мурашко*).
- Migration of the Germans after the Second World war: political and psychological aspects // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2000. Vol. 16. № 1–2. Forced Migration in Central and Eastern Europe, 1939–1950. P. 96–114.
- Польша в политике Москвы. 1943–1945 гг. // Польша — СССР. 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого / отв. ред. Э. Дурачински, А. Н. Сахаров. М.: б. и., 2005. С. 94–109.
- Москва и Восточная Европа: Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. (*В соавт. с Т. В. Волокитиной и Г. П. Мурашко*).
- К истории Варшавского восстания 1944 г. // Славяноведение. 2009. № 3. С. 54–63.
- Послевоенное десятилетие. 1945–1955. Режим народной демократии для переходного общества. Польский вариант сталинизма // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда; отв. ред. А. В. Мальгин, М. М. Наринский. М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 394–449. (*В соавт. с В. Бородзей*).
- «Польские» украинцы: судьбы народа и греко-католической церкви (40-е годы XX века) // Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А. И. Филимонова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 331–362.
- Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012.

- Римско-католическая церковь и кризис 1956 года в Польше // Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века / отв. ред. Г. П. Мурашко, А. И. Филимонова. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 160–168.
- «Польские» украинцы: борьба за идею, судьба народа и территории в годы второй мировой войны (по некоторым новым публикациям) // Россия и Польша. История общая и разобщенная / под общ. ред. Е. И. Пивовара, О. В. Павленко. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 283–295.
- Изгнание немецкого населения из Польши: формирование и реализация замысла (1939–1947 гг.) // Москва и Восточная Европа. Национально-территориальные проблемы и положение меньшинств в странах региона. События. Факты. Оценки / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 115–145. <https://doi.org/10.31168/4469-1553-8.7>.
- К истории советско-польских переговоров осенью 1956 года: пролетарская солидарность и геополитическая обусловленность // Славяноведение. 2020. № 3. С. 43–63. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0009515-9>.

**«ИНСТИТУТ СТАЛ БОЛЬШОЙ УДАЧЕЙ МОЕЙ ЖИЗНИ,
МНЕ ОЧЕНЬ ПОВЕЗЛО».
ИНТЕРВЬЮ С ВИКТОРИЕЙ ВАЛЕНТИНОВНОЙ МОЧАЛОВОЙ.
26 ИЮЛЯ 2021 Г. МОСКВА, НЕСКУЧНЫЙ САД***

Аннотация

По просьбе редакции журнала «Славянский мир в третьем тысячелетии» о своей жизни рассказывает Виктория Валентиновна Мочалова, сотрудник Института славяноведения РАН с 1973 г., историк польской и чешской литературы, исследователь литературных связей и межкультурного диалога, специалист по иудаике, руководитель Центра славяно-иудаики, главный редактор *Judaic-Slavic Journal*, член редколлегии журнала «Славяноведение», ежегодников «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия», «Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике». Награждена медалью *Amicus Poloniae*, Золотым Крестом Заслуги (2013), Премией Российской академии наук и Польской академии наук за вклад в науку (2008). Удостоена звания лауреата премии ФЕОР «Скрипач на крыше 5773/2013» в номинации «Просветительская деятельность».

Ключевые слова

Институт славяноведения Российской академии наук, история славянских литератур, славяно-иудаика, межкультурный диалог

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2021 г.

Цитирование: *Мочалова В. В.* «Институт стал большой удачей моей жизни, мне очень повезло». Интервью с Викторией Валентиновной Мочаловой. 26 июля 2021 г. Москва, Нескучный сад // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 246–288. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.11>

**“JOINING THE INSTITUTE
TURNED OUT TO BE THE LUCKIEST CHOICE OF MY LIFE:
I CONSIDER MYSELF VERY FORTUNATE”
INTERVIEW WITH VICTORIA V. MOCHALOVA.
26 JULY 2021, MOSCOW, NESKUCHNY GARDEN**

Abstract

At the request of the editorial board of the journal *Slavic World* in the Third Millennium, Victoria Mochalova recounts her life. She has worked at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences since 1973. Currently, she is a leading researcher on the history of Polish and Czech literature, specializing in literature contacts and intercultural dialogue. She is also a specialist in Jewish studies, the editor-in-chief of the *Judaic-Slavic Journal*, and a member of the editorial boards of both the journal

* Запись, расшифровка беседы и комментарии — Ирина Владимировна Копченко (Институт славяноведения Российской академии наук). Все фотографии — из личного архива В. В. Мочаловой.

Slavianovedenie and the annuals Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences and Tirosh. Jewish, Slavic & Oriental Studies. Victoria was awarded the Amicus Poloniae medal in 1975, The Gold Cross of Merit in 2013, and The Prize of Russian Academy of Sciences and The Polish Academy of Sciences for her contribution to science in 2008. She also won the Fiddler on the Roof 5773/2013 award in the Educational activities category in 2013.

Keywords

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, history of Slavic literatures, Judaic-Slavic studies, intercultural dialogue

Received 30 September 2021

How to cite: Mochalova, V. V., 2021. "Institut stal bol'shoi udachei mojej zhizni, mne ochen' povezlo". Interv'iu s Viktoriei Valentinovnoi Mochalovoi. 26 iulia 2021 g. Moskva, Neskuchnyi sad ["Joining the Institute turned out to be the luckiest choice of my life: I consider myself very fortunate". Interview with Victoria V. Mochalova. 26 July 2021, Moscow, Neskuchny Garden]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 246–288. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.11>

И. В. Копченко: *Мы начинаем интервью на фоне здания Президиума РАН, с которым у вас связана значительная часть жизни и много воспоминаний.*

Ваше имя вам дали неслучайно...

В. В. Мочалова: Что же, будем раскрывать тайну моего рождения?

И. К.: *Ваши родители участвовали в Великой Отечественной войне?*

В. М.: Они оба участники войны, и поэтому, когда она кончилась и довольно скоро я родилась, они дали мне единственно возможное в такой победный момент имя — Виктория. Параллельно с моей мамой в роддоме имени Грауэрмана рожала американка Марксити, и это одновременное появление на свет двух «союзниц» по тогдашней антигитлеровской коалиции — американки и русской — стало поводом для вполне пропагандистской (в духе того времени) публикации в журнале «Огонек». Там так и было написано: «Под дружный рев союзниц мы их сфотографировали»¹.

Кстати, когда я сама пришла рожать в тот же роддом имени Грауэрмана, врач-акушерка меня «узнала» (я никогда не меняла свою девичью фамилию). Я спросила:

– Неужели я не изменилась с тех пор?

Она говорит:

– Так меня же сфотографировали с вами для «Огонька», вторая тоже Виктория!

У американской матери другой Виктории была сложная политико-романтическая история. Ее родители, американские коммунисты, приехали сюда, в страну победившего социализма, в тридцатые годы. Девочка до это-

¹ Огонек. 1945. № 20–21 (№ 939–940). С. 7.

го училась в Венской консерватории, была очень музыкальной. Но когда родители привезли ее в СССР тридцатых годов (ей было 17–18 лет), она просто перестала говорить, онемела от всего увиденного. Вскоре началась война. Она как музыкант ездила с агитбригадами на фронт. И туда приехал замечательный афроамериканский певец Вейланд Родд². Он был единственным человеком, с которым она могла говорить по-английски. И она заговорила. Ну и, понимаете, что между ними вспыхнуло чувство, в результате она родила дочь Викторию, с которой мы случайно одновременно родились. Я очень хотела, кстати, познакомиться с этой Викторией и просила об этом своего приятеля, который с ней очень близко дружил. Теперь она живет в Америке. Я, к сожалению, ее никогда не видела с момента нашего совместного рождения в роддоме имени Грауэрмана на Арбате. Я знаю, что когда она жила здесь, то была актрисой, выступала под именем Виктория Родд. Потом у нее родился брат, который снимался в фильме «Цирк», в сцене, где маленького симпатичного черного мальчика передают из рук в руки, там ему и Михоэлс поет. В каком-то смысле это как бы родственная мне семья. Она живет в Нью-Йорке, мне приятель показывал видео, как она играет на фортепиано, но встреч у нас не было.

И. К.: *А ваши родители прошли всю войну?*

В. М.: Да, конечно. Ну мама, думаю, последние месяцы беременности, наверное, провела как-то по-другому. Потом, после войны, мой папа работал в Славянском комитете, который находился на Кропоткинской³. И как таковой он был послан в дружественную Югославию, в Белград, и мы с мамой поехали с ним. У меня даже есть какие-то воспоминания того белградского периода, когда мне было два года. Я помню, например, большого разноцветного го-

Розеистцы Победы — американки Марксити и дочь гвардии полковника Мочалово. Одна из них родилась в минуту сообщений по радио о капитуляции Германии. Другая — под гром победного салюта. Обе девочки названы в честь Победы «Виктория». Дежурный врач родильного дома Н. Г. Судьбинина, под дружеский рыв «союзниц», помогла нам сфотографировать новорожденных.

Огонек. № 20–21 (№ 939–940),
воскресенье 25 мая 1945 года

² Вейланд Родд (рус. Вейланд Леонардович Родд; англ. *Wayland Rudd*; 1900–1952) — американский и советский актер театра и кино.

³ 27 марта 1947 года в Москве был создан Славянский комитет СССР, который занимался налаживанием связей со всеми общинами славянских народов многих стран. При этом формально Всеславянский комитет, появившийся в октябре 1941 г., упразднен не был, но к новой организации перешли его штаты и журнал «Славяне». Фактически это была реорганизация. Сотрудники Комитета работали в Москве в доме Антифашистских комитетов (Кропоткинская, 10).

ворящего попугая, пятнистого оленя на лужайке, то есть я помню главное (*смеется*). Хотя самые интересные сцены я знаю из рассказов родителей, но моя детская память их не сохранила. Родители рассказывали, что, когда были какие-то приемы в Славянском комитете, меня выносили к гостям в шелковом платье, мне давали бокал с шампанским, я его поднимала и произносила тост: «За Тито и за Сталина!» (*смеется*). Все очень умилились, и Тито брал меня на руки. Но потом наступил 1948 год, полный разрыв с Югославией, «фашистская клика Тито» и так далее. И всех советских работников в 24 часа выслали в Москву, ну и нас в том числе. Дальше уже начинается история московская.

Какие-то славянские веяния от папы в нашей семье были сильны. Поэтому и моя сестра Нина поступила на славянское отделение филологического факультета, а позже и я. Нина — на чешское отделение, в результате чего она вышла замуж за чеха и уехала в Прагу. Русским студентам-богемистам полагалось дружить с чешскими студентами, которые учились в Москве, крепить дружбу, такая народная дипломатия, «дети разных народов». Ну вы понимаете, во что обычно выливается такая дружба между студентами. И она в конце концов вылилась в какой-то бурный роман моей сестры Нины с совершенно очаровательным Рихардом Урксом⁴, которого я прекрасно помню, поскольку он приходил к нам домой, катал меня на шее. Рихард, закончив свое обучение в Москве, вернулся в Прагу, где ждал приезда Нины. А уезжая, он поручил ее попечению своего ближайшего друга, который, будучи на год младше, еще продолжал учиться в московском институте, чтобы он следил за его невестой. Друга звали Иржи Тыполт⁵. Он происходил из семьи известного чешского писателя Алоиза Ирасека (а моя сестра писала на филфаке дипломную работу о его романе «Псоглавцы»).

Ну, легко предугадать, чем могло закончиться такое поручение невесты попечительству друга. И через какое-то время Иржи пришел к моим родителям просить руки моей сестры. Моя мама надменно сказала:

— Я ничего не имею против вас лично, Иржи, но тот факт, что моя дочь должна будет уехать из нашей страны, не позволяет мне дать согласие, поэтому я вам говорю нет.

Как вы понимаете, у любви нет преград, и поэтому, когда родители со мной (мне было десять лет) уехали на дачу, Нина с Иржи подали заявление

⁴ Его отец, Эдуард Уркс, был известным чехословацким политиком, марксистским философом, журналистом, главным редактором коммунистических органов. Во время войны он был схвачен гестапо и погиб в Маутхаузене в 1942 г. в возрасте 39 лет.

⁵ Иржи Тыполт (чеш. *Jiří Tropol*; 1930–1976) — экономист, в 1954 г. закончил Московский государственный экономический институт, в 1965 г. там же защитил диссертацию. Член КПЧ с 1946 г., с 1955 г. работал в Госкомиссии по планированию. В 1968 г. — глава Комитета пенсионной политики в Министерстве экономического планирования ЧСР. В 1969 г. — министр-председатель Комитета по ценообразованию. Один из авторов проекта экономической реформы, которая разрабатывалась во время Пражской весны. Погиб в авиационной катастрофе.

в ЗАГС на Миусах. В общем, как это называется в популярных романах, «и они, окей, поженились».

Знакомство с этой прекрасной чешской семьей стало для нас ценным опытом близкого общения с представителями европейской интеллигенции — главным в этой среде были благородство, чувство достоинства, справедливости, порядочность, скромность. Замечу, что их увлеченность левой идеологией была связана с представлениями о социальной справедливости, а близость к коммунистической партии относилась отнюдь не к тому времени, когда она стала правящей, а к значительно более раннему периоду (например, лидер Пражской весны Александр Дубчек вступил в коммунистическую партию в 1939 году, в 18-летнем возрасте, а Иржи Тыполт, который был младше его на девять лет, — в 1946 году, в 16-летнем возрасте).

После свадьбы Нины и Иржи мы стали регулярно ездить в Чехословакию, то по поводу рождения первого сына Андрея, то по поводу рождения второго, Павла. Я помню, как я в 15 лет катала по Праге коляску с Андрюшей в районе Жижков, где они тогда жили, а в Праге топили углем, и поэтому в воздухе был угольный запах и лицо ребенка покрывалось черными угольными пятнышками. Я катала эту коляску, что было очень скучно, и читала «Войну и мир» — за время этих прогулок я прочла все тома.

Помню, как мама Иржи, чудесная Анна Ираскова, возила меня, пятнадцатилетнюю, в Гронов, родной город Ирасека, на носящий его имя ежегодный (с 1931 года без перерывов) фестиваль любительских театров...

Иржи Тыполт стал самым молодым министром в правительстве периода «Пражской весны»: ему было 39 лет, когда он стал министром ценообразования. Иржи, в силу семейных традиций, был человеком демократических убеждений и манер. Он, например, ездил в Пражский Кремль на мотороллере, пока ему не указали на неуместность того, чтобы министр приезжал на заседания правительства на таком транспортном средстве. Как известно, это правительство продержалось недолго, «недолго музыка играла» (с января по сентябрь 1969 года),

Ing. JIRÍ TYPOLT, CSc.,
ministr, předseda výboru pro ceny

Narodil se 20. června 1930. Po dokončení studia na reálném gymnasiu navštěvoval v letech 1949–1954 Státní ekonomický institut v Moskvě a v roce 1965 na tomto institutu dokončil externí aspiranturu (kandidát ekonomických věd). Od r. 1954 do r. 1968 zastával různé vedoucí funkce na Státní plánovací komisi v Praze. V r. 1968 se stal ředitelem odboru důchodové politiky ministerstva národohospodářského plánování. Členem KSČ je od roku 1948. Je členem ÚV Čs. ekonomické společnosti.

Иржи Тыполт
(фото из номера газеты *Rudé právo*
от 3 января 1969 года)⁶

⁶ Rudé právo. 1969. 3 I. S. 3.

всех их вышвырнули оттуда, и они имели право заниматься только ручным трудом, как и многие представители чешской интеллигенции. В Праге тогда ходили такие рассказы: трогается трамвай с конечной остановки, водитель говорит: «Доброе утро, желаю вам приятной поездки, водитель трамвая — доктор философских наук такой-то, кондуктор — кандидат искусствоведения такая-то». В итоге интеллигенции запретили работать в общественном транспорте и вообще занимать какие-то публичные должности — во избежание подобных эпизодов.

Наш Иржи решил пойти на курсы газосварщиков, но его не приняли, потому что для этого уже следовало иметь соответствующий опыт газосварки... Как-то мы с Иржи заехали на бензоколонку, заправщик наливает бензин, протирает стекла и тому подобное, и я говорю: «Странно, у нас человек с такой внешностью был бы университетским профессором — в пенсне, бородка клинышком». Иржи отвечает: «А он и есть профессор, просто он теперь не имеет права преподавать, а бензоколонка — очень выгодное место, все знают, что он профессор, сочувствуют ему, дают чаевые, и он очень хорошо здесь зарабатывает».

При этом благородное нежелание Иржи идти на компромиссы, совершать конъюнктурные поступки, несмотря на драматическое изменение ситуации в новых условиях так называемой «нормализации», наступившей после оккупации Чехословакии войсками стран Варшавского договора, очевидно, например, и в том, что, когда ему настойчиво рекомендовали выступить с критикой экономической концепции Оты Шика⁷, поскольку было известно, что ранее он в открытых дискуссиях был противником его реформ, Иржи наотрез отказался. В это время Ота Шик, объект критики со стороны официальной пропаганды, уже был в эмиграции...

Я помню — я же ездила к ним и в эти времена, после 1968 года, — очень часто моя сестра с мужем приходили домой в черном с очередных похорон, очень много было самоубийств среди чешской интеллигенции. Кого-то выдавили в эмиграцию... Репрессии распространялись и на детей — их не принимали в университеты... К сожалению, Иржи погиб в авиакатастрофе, когда ему было 46 лет. Моя сестра Нина осталась вдовой с двумя сыновьями, Андреем (1960 года рождения) и Павлом (1964). Такая грустная история...

В связи с этой «чешской» частью нашей семьи не могу не вспомнить пани Марию Шпундову, общение с которой позволило мне прикоснуться

⁷ Ота Шик (чеш. *Ota Šik*; 1919–2004) — чехословацкий экономист и политик, вице-премьер ЧССР в 1968 г., один из лидеров Пражской весны. Участник антинацистского Сопротивления, узник концлагеря Маутхаузен. Автор экономической программы чехословацких реформ в духе рыночного социализма, идеолог экономической демократии и социалистического «третьего пути». Экономический советник президента Чехословакии Вацлава Гавела в 1990 г. Профессор швейцарского Университета Санкт-Галлена.

к другой части чешского общества — пролетарской, к народной мудрости чехов. Она стала тем, что по-русски нескладно называется «домработницей», когда в семье моей сестры и ее мужа (в то время министра) появился второй ребенок, а сестра вышла на работу. Пани Шпундова родилась в 1910 году, еще в Австро-Венгрии (что объясняет ее умонастроение, привычки и кодекс поведения), в рабочей семье, и работала на фабрике. Придя в семью Тыполтов, пани Шпундова сразу же попросила у Иржи разрешения называть его не «господином министром» («сегодня вы — министр, а завтра уже им не будете», — так подсказывал ей здравый «чешский» смысл, и он не подвел), а тем научным титулом, который он получил в результате образования и которого уже не отнять (без титулов в Австро-Венгрии было нельзя обходиться! Кстати, мою сестру пани Шпундова неизменно называла «милостивой пани», меня — «молодой пани», а моего мужа — «молодым паном»). Пани Шпундова была для нас тем мостом, который соединял Австро-Венгрию с тогдашней Чехословакией, — даже и в кулинарной области (у меня нет слов для описания ее блюд, приготовлению которых она — безуспешно — пыталась обучить меня). Она не могла не сравнивать качество продуктов в прошлом и настоящем (не в пользу последних) и возмущенно восклицала: «Это — мясо (хлеб, масло)?!? Вот при Первой республике⁸ было мясо (хлеб, масло)!!!». Наши дети — сыновья сестры и мой — быстро усвоили эту формулу и всякий раз при подобных сопоставлениях радостно кричали: «Вот при Первой республике!..» Хотя обычно в семье Тыполтов говорили по-русски, в присутствии пани Шпундовой это считалось невежливым, и все переходило на чешский, включая моего маленького сына, который проводил у них лето и которого она учила чешским песенкам и детским стишкам. Пани Шпундова стала настоящим членом семьи (мужа и детей у нее не было), приезжала и к нам в Москву, а когда она заболела, все заботы по уходу за ней и, увы, последовавшим похоронам семья взяла на себя. Мария Шпундова похоронена в семейной могиле Тыполтов на пражском кладбище, светлая ей память!

Я поступила на славянское отделение филфака МГУ к тем же самым преподавателям, которые учили мою старшую сестру: и Елена Захаровна Цыбенко⁹ (у нее была потрясающая память: на экзамене она вспомнила студентку с такой же фамилией — мою сестру, которая была на 15 лет старше меня!), и Самуил Борисович Бернштейн¹⁰, глава нашей славистической

⁸ Первая Чехословацкая республика возникла после распада Австро-Венгрии и существовала с 1918 по 1938 г.

⁹ Елена Захаровна Цыбенко (1923–2011) — советский и российский литературовед-славист, доктор филологических наук, профессор. Специализировалась по польской литературе. С 1948 г. преподавала на филологическом факультете МГУ (с 1972 г. — профессор).

¹⁰ Самуил Борисович Бернштейн (1911–1997), писал также под псевдонимом Одинцов, — лингвист, исследователь болгарского и других славянских и балканских языков,

школы, и Раиса Романовна Кузнецова...¹¹ Царствие небесное им всем теперь. Это было счастье, что мы их застали, успели у них поучиться. Там были совершенно замечательные преподаватели: польский язык нам преподавала Адель Соломоновна Посвянская¹² (мы, естественно, за спиной говорили: «Играй, Адель, не знай печали»), которая была носителем языка, ибо родилась в Польше. Совершенно прелестная личность, тонкая, мудрая, мы ее очень любили. Я еще с благодарностью вспоминаю наших преподавателей-полонистов Татьяну Николаевну Бржевскую, Зорю Моисеевну Холонину, Татьяну Сергеевну Тихомирову¹³, Вивианну Владимировну Витт, Виктора Александровича Хорева¹⁴...

проблем сравнительной грамматики славянских языков, вопросов тюркологии, карпатистики, балтославянских языковых отношений, кирилло-мефодианы. Иностраный член Болгарской АН и македонской Академии наук и искусств, был награжден орденами и медалями СССР и Болгарии. Активно участвовал в создании кафедры славянского языкознания МГУ, в 1944–1947 гг. фактически руководил кафедрой (номинально ею заведовал Н. С. Державин). В 1947–1970 гг. Бернштейн возглавлял кафедру славянской филологии МГУ. В 1947–1997 гг. работал в Институте славяноведения: зав. сектором, группой, с 1986 г. — ведущий научный сотрудник-консультант.

- ¹¹ Раиса Романовна Кузнецова (1920–2001) — богемист, литературовед, доктор филологических наук, профессор. Закончила филологический факультет Московского государственного университета (1945). После окончания аспирантуры (1949) была принята в штат кафедры славянской филологии. Более 50 лет преподавала чешскую (и некоторое время словацкую) литературу, читала основной курс истории чешской литературы, руководила спецсеминарами, дипломными работами и диссертациями, заведовала кафедрой славянских литератур (1950–1951), в 1976 г. получила звание профессора.
- ¹² В августе 1943 г. Всесоюзный комитет по делам высшей школы принял решение об открытии кафедры славянской филологии и учебного отделения на филологическом факультете МГУ. Первым преподавателем польского языка на отделении славянской филологии была доц. Адель Соломоновна Посвянская (1903–1992), воспитавшая многие поколения московских полонистов, включая нынешних специалистов по польскому языку, работающих на кафедре.
- ¹³ Татьяна Сергеевна Тихомирова (род. 1931) — российский лингвист, специалист по полонистике. Кандидат филологических наук (1972), доцент филологического факультета МГУ (1975).
- ¹⁴ Виктор Александрович Хорев (1932–2012) — литературовед, исследователь польской литературы, заслуженный деятель науки Российской Федерации (2009). Окончил филологический факультет Московского государственного университета (1954) и аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР (1957). С 1957 г. работал в Институте славяноведения. В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Польская пролетарская поэзия 20–30-х гг.». Доктор филологических наук (1978; тема диссертации: «Становление социалистической литературы в Польше»), профессор (1993). В 1988–2005 гг. — заместитель директора Института славяноведения и заведующий отделом истории славянских литератур, затем главный научный сотрудник института. Председатель диссертационного совета института, член редколлегии журнала «Славяноведение». Заместитель председателя Национального Комитета славистов России, заместитель председателя общества «Россия — Польша», член Оргкомитета по празднованию Дня славянской письменности и культуры в России.

Борис Федорович Стахеев¹⁵ преподавал нам польский романтизм, вдохновенно читал стихи. И конечно, мы, девочки польской группы, считали (это был такой типичный *Übertragung*, перенос), что это он одинокий романтический герой, который стоит на скале, и волны бьются об эту скалу, а он подобен Мицкевичу на известной картине Валентия Ваньковича, то есть мы его романтизировали, как могли. И вдруг Елена Захаровна Цыбенко, которая преподавала нам историю польской литературы говорит нам:

– Мы хотели, чтобы к вашему экзамену был готов наш двухтомник «История польской литературы», но Борис Федорович задерживает свои главы, из-за этого мы выходим из всех графиков и сроков.

Мы были поражены:

– Как это возможно?!? Борис Федорович пишет бесконечно, все предисловия, все комментарии, ко всем изданиям. Борис Федорович везде!

Елена Захаровна сказала:

– Конечно, ему же надо кормить две семьи!

Это было для нас тогда крушением романтических иллюзий...

У Бориса Федоровича была первая семья, где было два сына, а во второй семье — с Ольгой Павловной Морозовой, историком Польши, сотрудницей нашего института, родилась дочь Наташа. Ольга Павловна была красива изысканной красотой, у нее был профиль, как с римской монеты. Они были изумительно красивой и симпатичной парой, а их дом славился гостеприимством.

Борис Федорович стал в институте моим научным руководителем по диссертации. А у Игоря Федоровича Бэлзы¹⁶ я писала диплом по польскому театру абсурда (театр «Зеленая гусыня» Галчиньского). На защите диплома мне поставили на вид «немарксистское отношение к модернистским явлениям в литературе и искусстве», но рекомендацию в аспирантуру все же дали. Илья Ильич Толстой¹⁷, отец нашего Никиты Ильича, вышел после защиты со мной в коридор и сказал: «Я вас понимаю, дитя. Я тоже всегда отстаивал свое мнение, даже в гестапо». Он был совершенно очаровательный, стилизовался под своего дедушку Льва Николаевича, ходил в такой же косоворотке, вервием подпоясанный. Он преподавал теорию перевода и

¹⁵ Борис Федорович Стахеев (1924–1993) — выдающийся отечественный филолог-полонист, крупнейший специалист по литературе польского романтизма. С 1954 по 1993 г. сотрудник Института славяноведения РАН. См.: «Путь романтический совершил...»: Сборник статей памяти Бориса Федоровича Стахеева / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996.

¹⁶ Игорь Федорович Бэлза (1904–1994) — музыковед, композитор и литературовед, заслуженный деятель искусств РСФСР (1974), доктор искусствоведения (1954). Был заведующим отделом культуры в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (с 1961 г.).

¹⁷ Илья Ильич Толстой (1897–1970) — кандидат педагогических наук, доцент Московского университета, специалист в области славянской лексикографии. Автор сербскохорватско-русского словаря.

говорил: «Перевод — как женщина: красива, но не верна, верна, но некрасива». Это я очень запомнила.

Вообще, какие-то вещи почему-то врезаются в память. Например, как Сергей Иванович Радциг¹⁸, похожий на бело-розовый зефир — из-под седых волос просвечивала розовая кожа, — который читал античную литературу с 1905 года, километрами цитировал каких-то римских лириков, естественно, на языке оригинала. Аудитория, хотя у нас была латынь, но, понятно, не была в состоянии воспринимать эти стихи, тем более — на слух, так что аудитория оцепенело ждала, что последует какой-то перевод. А он, закончив это чтение, говорил: «Так-то вот...».

Великому Николаю Ивановичу Либану¹⁹ я не сдала зачет по древнерусской литературе, и когда он спросил, почему я не готова, я сказала, что было некогда — ездила на могилу Бориса Леонидовича Пастернака в его годовщину. Николай Иванович тихо сказал: «Только этого вы никому не говорите», — и назначил пересдачу. К ней я очень хорошо готовилась, но когда пришла, Н. И. ни о чем меня не спрашивал, просто поставил зачет...

Сектор литературоведения
в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. 1962 год

Мое поступление в аспирантуру института произошло как-то плавно — многие мои университетские преподаватели были и сотрудниками института: и Самуил Борисович Бернштейн, и Игорь Федорович Бэлза, и Борис Федорович Стахеев, и Виктор Александрович Хорев, и Вивианна

¹⁸ Сергей Иванович Радциг (1882-1968) — российский и советский филолог-классик, переводчик, литературовед. Доктор филологических наук, профессор МГУ (с 1936 г.).

¹⁹ Николай Иванович Либан (1910-2007) — историк русской литературы и критики, педагог, составивший эпоху (65 лет) в филологическом образовании Московского государственного университета.

Владимировна Витт, и Александр Владимирович Липатов²⁰. Так удачно совпало в моей судьбе, что мои преподаватели университета стали потом и коллегами по институту, и у нас с годами сложились дружеские отношения: они нас пасли, заботились о нас, были очень добрыми, внимательными наставниками. Особое место — для нас, полонистов (для любимых его учениц — Ирины Адельгейм²¹, Наталии Филатовой²², для меня) — занимал Виктор Александрович Хорев, не только выдающийся литературовед, но и неутомимый руководитель международного проекта «Россия — Польша. Взаимное видение в литературе и культуре», в рамках которого проводились конференции, а материалы публиковались в коллективных трудах, где Виктор Александрович был не только автором, но и ответственным редактором: «Поляки и русские в глазах друг друга» (2000), «Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре» (2002), «Миф Европы в литературе и культуре России и Польши» (2004), «Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура» (2006), «Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре» (2007), «Творчество Болеслава Пруса и его связи с русской культурой» (2008), «Русская культура в польском сознании» (2009), «Юлиуш Словацкий и Россия» (2011), «Отзвуки Шопена в русской культуре» (2012). Эти многолетние усилия Виктора Алек-

Виктор Александрович Хорев
и Светлана Михайловна Толстая

²⁰ Александр Владимирович Липатов (род. 1937) — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории славянских литератур, работает в Институте славяноведения с 1965 г. (младший научный сотрудник, затем старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник).

²¹ Ирина Евгеньевна Адельгейм (род. 1971) — российский литературовед, переводчик. Доктор филологических наук. Ведущий научный сотрудник Центра по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, специалист по польской литературе XX–XXI вв., переводчик с польского и сербского языков. Член редколлегии журналов «Славяноведение», «Казанский лингвистический журнал», *Rocznik Przekładoznawczy*, *Studia Rossica*, *Studia Pigioniana*, *Tekstualia* (Польша).

²² Наталия Маратовна Филатова (род. 1969) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН, работает в институте с 1994 г.

сандровича были по достоинству оценены Президиумами как Российской, так и Польской академий наук и отмечены премией и медалью «За вклад в науку» (2008), которые получили и некоторые из нас, учеников Виктора Александровича, входивших в созданную им исследовательскую группу. Кажется, на всю эту премию мы закатили в институте большой банкет...

Виктор Александрович действительно был «полномочным послом» польской культуры в России, мостом, соединяющим наши культуры и страны, чему немало способствовали его профессиональные и дружеские связи с польскими коллегами. Интенсивное многолетнее сотрудничество Института славяноведения со многими польскими учеными и научными центрами, прежде всего с Институтом литературных исследований (*Instytut Badań Literackich*) ПАН, во многом результат личной инициативы и дружеских контактов Виктора Александровича. Он был тесно связан со многими выдающимися польскими литературоведами — Казимежем Выкой (1910–1975), Стефаном Треугуттом (1925–1991), Марией Янион (1926–2020), Алиной Витковской (1928–2011), Рышардом Пшибыльским (1928–2016), Рышардом Гурским (1931–2021), Юзефом Бахужем, Эльжебетой Сарновской-Темериуш, с коллегами нового поколения — Малгожатой Барановской (1945–2012), Збигневом Ярославским (1946–2000), Гражиной и Войчехом Павляками; его друзьями были польские филологи-русисты Базылий Бялокозович (1932–2010), Алиция Володзько-Буткевич, Анджея де Лазари, Антоний Семчук, Тадеуш Шишко и другие. С уходом Виктора Александровича из жизни (а это произошло в Гродно, где он открыл кафедру полонистики) наша полонистика осиротела, и польские коллеги это тоже ощутили...

Моим научным руководителем по диссертации был Борис Федорович Стахеев, чему я несказанно рада. Этот человек был чрезвычайно эрудированным и очень широко мыслящим. Хотя у него за спиной был фронт, участие в войне, и могла бы быть какая-то свойственная этому поколению стереотипность мышления, у него ничего подобного не было. Очень масштабно мыслил, был очень широко образован и не без творческих задатков. Например, он сам занимался переводами. И, в частности, он перевел поэму Словацкого «Бенёвский». Это очень интересная поэма, она построена в духе известного романтического жанра с лирическими отступлениями. Если хотеть получить краткое содержание, то оно сведется едва ли не к следующему: герой садится на коня... А все остальное — это лирические отступления, чрезвычайно интересные. И Борис Федорович увлеченно занимался ее переводом. Ранее ее перевел Святослав Свяцкий²³ в 1973 г., а Борис Федорович написал предисловие и комментарий к изданию этой поэмы. Однако Борис Федорович не был удовлетворен переводом Свяц-

²³ Святослав Павлович Свяцкий (1931–2017) — русский переводчик и драматург польского происхождения.

кого и сам взялся за ее перевод. Но по своей интеллигентской скромности он считал себя только литературоведом, а не поэтом, и в результате этот перевод остался в его бумагах. Мы с Виктором Александровичем Хоревым, его бывшим учеником и впоследствии близким другом, этот перевод опубликовали в 2002 году в нашем издательстве «Индрик»²⁴, я подготовила большой корпус примечаний, учитывая все комментарии Бориса Федоровича, потому что для русского читателя там надо было комментировать чуть ли не каждое слово: польские реалии, исторические обстоятельства. Он, к сожалению, конечно, уже этого издания не увидел, но мы считали, что выполнили долг перед нашим замечательным учителем, который ушел, к сожалению, слишком рано, он не был самым здоровым человеком на свете, но мог бы еще жить и жить.

И. К.: *Чему была посвящена ваша кандидатская?*

В. М.: Народно-городской литературе XVI–XVII веков, у нас в русистике это называется «демократической сатирой», о которой писала Адрианова-Перетц²⁵, а у поляков сюда относились очень разные жанры, стихотворные и прозаические, *Lügendichtungen*, лживые сказки, в целом это очень интересная ветвь низовой, плебейской, мещанской, городской литературы. Я очень была увлечена этой темой, а в книжном издании моя диссертация называлась «Мир наизнанку», ибо речь о такой картине мира, которая представлялась перевернутой.

И. К.: *С изданием этой книги у вас были связаны интересные истории.*

В. М.: Да, это было нечто! Книга готовилась к изданию в издательстве «Наука» как раз в те годы, когда в Польше возникло массовое антикоммунистическое движение, профсоюз «Солидарность», который объединил миллионы, в том числе польскую интеллигенцию. По цензурным правилам и обстоятельствам того времени я не могла цитировать труды тех польских коллег, которые были связаны с диссидентским движением, с «Солидарностью», но и не цитировать я их не могла. Так политика вступала в противоречие с научной этикой, и приходилось придумывать всякие уловки, какой-то хитрый камуфляж. Например, нельзя было цитировать подавляющее большинство польских исследователей, но у нас же выходил в ИНИОНе реферативный журнал, где публиковалась информация о вышедших книгах, и можно было сослаться на реферативный журнал ИНИОНа, указать год, номер, страницы — без упоминания запрещенного имени. Или, если цитировалась статья в сборнике, то тоже можно было избежать имени, ука-

²⁴ Словацкий Юлиуш. Бенёвский. Поэма / ред. О. П. Морозова, В. В. Мочалова, В. А. Хорев. М.: Индрик, 2002.

²⁵ Варвара Павловна Адрианова-Перетц (1888–1972) — советский литературовед, специалист в области исследования древнерусской сатиры, фольклора, поэзии, религиозных преданий XI–XVII веков. Член-корреспондент АН СССР (1943), член-корреспондент АН УССР (1926), заслуженный деятель науки РСФСР (1959).

зывая название сборника, год, номер, страницу. Мне очень хотелось поблагодарить моего старшего друга, профессора Александра Моисеевича Пятигорского²⁶, который эмигрировал в Англию и по моей просьбе прислал мне оттуда микрофильм из Бодлианской оксфордской библиотеки, содержащий не изданное тогда основное произведение этой литературы о похождениях и проделках некоего Совизжала, давшего свое имя всему этому направлению в польской литературе. Но как я могла поблагодарить эмигранта?! Тогда я сделала английскую кальку с фамилии Пятигорский и поблагодарила мистера А. Файфхилла за предоставление мне микрофильма этого памятника. Вот на такие уловки приходилось идти, но в результате книга все-таки вышла, хотя и в таком — в библиографическом смысле — нелепом виде. Теперь, пожалуй, она может служить документом эпохи, свидетельством того, как мы обходили цензуру, какие мы находили лазейки и как шифровали запретные имена. В цензурных кабинетах и комитетах составлялись огромные списки фамилий, которые нельзя было упоминать, а в них перечислялись практически все тогда здравствовавшие (покойных упоминать было можно, ведь они не могли участвовать в «Солидарности») серьезные польские ученые. Тех же, на кого можно было ссылаться, мне совершенно не было нужды или смысла упоминать. Таким образом, книжка о плутовской литературе, о веселых проделках и одурачиваниях сама стала чем-то в этом роде.

И. К.: *Совсем недавно эта книга была выложена на сайте Инслава²⁷, те, кто еще не ознакомился, могут это сделать.*

В. М.: Да, это произошло по инициативе Ольги Владимировны Хавановой, я совершенно не собиралась выкладывать свою кандидатскую, столь нелепо оформленную, на сайт, но она сказала, что ее цитируют и стоит выложить. Так что все могут посмотреть, к каким уловкам приходилось прибегать, чтобы всех достойных исследователей, несмотря ни на что, процитировать.

И. К.: *Во время вашей работы в Институте славяноведения вы сталкивались просто с титанами, с людьми, которые оказали огромное влияние на науку...*

В. М.: Да, нашему поколению очень повезло, что мы могли расти, развиваться и жить рядом с такими титанами гуманитарной мысли, общаться с ними, видеться с ними в присутственные дни и на наших заседаниях, слушать их доклады на конференциях. Это и рано ушедший семиотик, один

²⁶ Александр Моисеевич Пятигорский (1929–2009) — советский и британский философ, востоковед, индолог, буддолог, писатель, кандидат филологических наук. Один из основателей Тартуско-московской семиотической школы, автор текстовой модели коммуникации.

²⁷ Мочалова В. В. Мир наизнанку. Народно-городская литература Польши XVI–XVII вв. М.: Наука, 1985. URL: <https://inslav.ru/publication/mochalova-v-v-mir-naiznanku-narodno-gorodskaya-literatura-polshi-xvi-xvii-vv-m-1985> (дата обращения: 01.09.2021).

из основателей знаменитой Тартуской школы Исаак Иосифович Ревзин²⁸, и Татьяна Владимировна Цивьян²⁹, и Татьяна Михайловна Николаева³⁰, и Андрей Анатольевич Зализняк, много блистательных имен...

Владимир Николаевич Топоров³¹ был, как всем известно, совершенно замечательным ученым, при этом он был человеком чрезвычайно скромным, и, более того, у него даже была какая-то идиосинкразия: он не любил публично выступать. Его просто заставили сотрудники в их секторе, когда они считали необходимым присвоить Вячеславу Всеволодовичу Иванову³² звание доктора филологических наук, потому что сам он для этого ничего не делал и как-то считал, видимо, ниже своего достоинства. Тогда его коллеги решили, что можно это сделать по совокупности его работ. И они сказали Владимиру Николаевичу, что теперь-то он должен выступить, это моральный долг. Ну уж когда речь про моральный долг, нравственность, тут Владимир Николаевич не мог ни в чем отказать. Так вот, он взошел на трибуну и сказал: «Если Вячеслав Всеволодович не доктор, то какой же я штабс-капитан». Это была вся его речь. Короче говоря, присвоили. Считалось, что в секторе роли двух этих великих фигур разделены: один из них — это бог, сакральная фигура (Владимир Николаевич), а другой — царь, светская фигура (Вячеслав Всеволодович).

И. К.: *Вы рассказывали, что, когда Вячеслав Всеволодович был депутатом, вы были его шофером...*

²⁸ Исаак Иосифович Ревзин (1923–1974) — советский лингвист, семиотик, один из основателей Тартуской школы.

²⁹ Татьяна Владимировна Цивьян (род. 1937) — советский и российский лингвист-славист и переводчик. Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, руководитель Центра балто-славянских исследований, профессор.

³⁰ Татьяна Михайловна Николаева (1933–2015) — советский и российский лингвист, доктор филологических наук, профессор (1992), член-корреспондент РАН (2000), член-корреспондент Гёттингенской академии наук, работала в Институте славяноведения с 1960 г. младшим научным сотрудником, затем — старшим научным сотрудником, ведущим научным сотрудником, главным научным сотрудником, заведующей Отделом типологии и сравнительного языкознания и снова главным научным сотрудником. Автор трудов по русскому языку, славистике, акцентологии и теории интонации, языковым контактам, общим проблемам лингвистики и семиотики, литературоведению и др.

³¹ Владимир Николаевич Топоров (1928–2005) — советский и российский лингвист и филолог. Доктор филологических наук, действительный член АН СССР (1990). Занимался исследованиями в области славистики, индологии, балтистики и индоевропеистики. Один из основателей московско-тартуской семиотической школы. Создатель (совместно с Вяч. Вс. Ивановым) «теории основного мифа».

³² Вячеслав Всеволодович Иванов (1929–2017) — советский и российский лингвист, переводчик, семиотик и антрополог. Доктор филологических наук (1978), академик РАН по Отделению литературы и языка (2000). Директор Института мировой культуры МГУ и Русской антропологической школы РГГУ. Один из основателей Московской школы компаративистики. В 1961–1989 гг. заведующий Сектором структурной типологии Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне — Отдел типологии и сравнительного языкознания).

В. М.: Наш институт выдвинул на Съезд народных депутатов, тогда высший орган власти, своего кандидата — Вячеслава Всеволодовича. По нормам того времени организация, которая выдвигает депутата, предоставляет ему комнату для встреч с избирателями — ну, это мы могли в институте обеспечить, — и транспорт с шофером. Это была я.

И. К.: *А вы известный шофер.*

В. М.: А я к тому времени уже водила машину, причем это была «копейка», «Жигули» первой модели, абсолютно ржавая и старая. Но тогда же было просто невозможно купить машину. Я записалась в академии на очередь на получение машины, и уже вроде бы подходила эта очередь, но тут мне звонят из отдела снабжения академии и говорят: «Так вы еще, оказывается, не кандидат, а у нас доктора стоят! Вычеркиваем вас из очереди!»

И. К.: *Вот это было стимулирование!*

В. М.: И ничего из этого приобретения не вышло. Так что мы ездили на какой-то совершенно ржавой, старой модели «Жигулей».

И. К.: *На встречу с избирателями?*

В. М.: Нет, в Кремль. Я не была в Кремле, я была снаружи, а на заседании Вячеслав Всеволодович шел один. Шоферы не ходили на заседания Верховного совета. У меня был пропуск на машину. А потом вспыхнул ужасный грузино-абхазский конфликт. И мы, институт, поручили нашему избраннику, нашему депутату поехать туда и урегулировать этот конфликт. Почему мы это поручили ему? У нас для этого были веские основания. С одной стороны, он был соавтором Тамаза Валериановича Гамкрелидзе³³, они вместе написали двухтомный труд «Индоевропейский язык и индоевропейцы»³⁴, за который они получили государственную премию. И вообще, Вячеслав Всеволодович с Тамазом Валериановичем всю жизнь дружили, были не только соавторами. А с абхазской стороны президент Владислав Ардзинба был аспирантом Вячеслава Всеволодовича, писал под его руководством диссертацию по хеттскому языку³⁵. То есть все как бы сходилось, и наш расчет, как нам тогда казалось, был абсолютно верен: лучшей фигуры, которая была бы способна замирить две противоборствующие стороны, не могло быть в принципе. И вот Вячеслав Всеволодович поехал туда замирать, и оказалось, что мы страшно заблуждались: его прокляли

³³ Тамаз Валерианович Гамкрелидзе (груз. თამაზ ვალერიანის ძე გამყრელიძე, 1929–2021) — советский и грузинский лингвист, востоковед, индоевропеист, действительный член АН СССР (1984), академик РАН (1991), президент АН Грузии (2005–2013).

³⁴ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 т. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

³⁵ Владислав Григорьевич Ардзинба (абх. Владислав Григорий-иѣа Арзынба; 1945–2010) — советский и абхазский государственный и политический деятель, историк-востоковед, доктор исторических наук, занимался исследованием хеттской культуры и определением исторических связей между абхазо-адыгскими народами и древними народами Малой Азии, первый президент Абхазии (1994–2005).

обе стороны, он стал персоной нон-грата, до такой степени, что, когда ему в 1989 году исполнилось 60 лет, Тамаз Валерьянович, его друг и соавтор, даже не поздравил его. Когда Вячеслав Всеволодович вернулся, у нас было общее собрание, на котором наш депутат докладывал нам о выполнении задания, чуть ли не со слезами на глазах, говоря: «Они мне (мне!) рассказывали, что в абхазском языке нет слова “море”, и поэтому абхазов здесь быть не должно». Он был потрясен... Короче говоря, миссия не просто провалилась, но Вячеслав Всеволодович стал и в Грузии, и в Абхазии персоной нон-грата. Ужасно печально.

Но мы не могли этого предвидеть, как не могли предвидеть и армяно-азербайджанский конфликт. Мы по наивности написали письмо в академический Институт азербайджанской литературы и языка примерно такого содержания, что мы, российские гуманитарии, обращаемся к нашим азербайджанским коллегам с призывом повлиять на события, прекратить кровопролитие, которое имеет место. Суть ответного письма, которое я текстуально, конечно, не помню, сводилась к тому, что вы, российские коллеги, просто не знаете этих армян, а если бы знали, то сами бы резали их на каждом шагу (утрирую). Мы были, конечно, очень наивными.

И. К.: *Гуманитарии не спасли мир.*

В. М.: Мы не спасли, но мы хотя бы попытались. Когда наш депутат от РАН Андрей Дмитриевич Сахаров объявил всеобщую политическую забастовку в знак протеста против шестой статьи Конституции, часть института, наиболее активные члены и борцы за демократию, присоединились к этой забастовке. Тут врывается наша партийная власть в лице Ритты Петровны Гришиной³⁶ и говорит: «Почему это только вы бастуете? Вы не будете одни бастовать! Мы все бастуем как один человек!». Вообще наша парторганизация вела себя чрезвычайно достойно и активно, занимала такую нравственную позицию. Когда мы выстраивались цепочкой от Шереметьева до Кремля, держась за руки, в связи с прибалтийскими событиями, я стояла, держась за руки с Риттой Петровной Гришиной, секретарем нашей парторганизации. У нас в институте, как мне кажется (я ведь не была членом партии, наблюдала со стороны), была такая практика, что секретарем парторганизации следовало выбирать порядочного человека, и тогда не будет никаких зверств и кровопролитий. Поэтому в разное время этот пост занимали такие достойные люди, как полонист Борис Федорович Стахеев, мой научный руководитель, как византинист Геннадий Григорьевич Литаврин³⁷...

³⁶ Ритта Петровна Гришина (1930–2015) — советский и российский историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН, исследователь социально-экономических и политических проблем новой и новейшей истории Болгарии и стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

³⁷ Геннадий Григорьевич Литаврин (1925–2009) — советский и российский историк, специалист по средневековой истории южных славян, Византии и русско-византийских связей. Доктор исторических наук (1973), академик РАН (1994).

Вспоминаю, как меня в очередной раз гонят зимой на овощную базу в Очаково грузить тухлую мерзлую капусту. Кстати, я помню, как однажды на этой базе, куда нам приходилось регулярно ездить на барщину по распоряжению горкома партии, пока Ельцин не прекратил эту практику, отраженную и в фильме Рязанова «Гараж», записывали название нашего института, который тогда назывался Институтом славяноведения и балканистики. Работница базы с трудом написала «слоноведения и вулканистики» и удивленно спросила, как нам удастся сочетать слонов и вулканы.

И. К.: *Романтика.*

В. М.: Даа... Холод собачий, работа на улице.

И. К.: *Зато с культурными людьми...*

В. М.: В данном случае нас внезапно захватили прямо в институте — Геннадия Григорьевича, хорошо одетого, в пыжиковой шапке, что совсем не гармонировало с овощной базой, и меня. У меня вообще-то существовала специальная одежда для базы, да и у всех были какие-то переходящие из рук в руки телогрейки, но в этот раз меня застали в институте врасплох. Я пыталась отбиться, говорила, что не могу, как-то совсем не готова, и вообще, состояние моего организма не таково, чтобы заниматься погрузкой. На что мне было сказано: «Ты что, хочешь, чтобы Геннадия Григорьевича сняли с секретарей парторганизации?» Ну этого я, бесспорно, ему не желала, конечно, пусть остается секретарем. И вот мы с ним вдвоем (больше они никого в институте не изловили), он в этой пыжиковой шапке, я на каблуках, едем в Очаково, к черту на кулички, зима, мороз. Нужно выгрузить с грузовика эту капусту, я стою на верху машины, наклоняюсь, беру мерзлый кочан, передаю вниз Геннадию Григорьевичу, у меня болит поясница, все раскалывается, и я утешаю себя тем, что это когда-нибудь кончится, а вот если бы я сидела в концлагере, мне бы пришлось это делать все

Виктор Александрович Хорев, Татьяна Михайловна Николаева,
Виктория Валентиновна Мочалова. 1989 год

время. А у него только что вышла книга «Как жили византийцы»³⁸. Я ему говорю: «Геннадий Григорьевич, так ли жили византийцы?» Он отвечает: «Знаете, мне иной византиец понятнее иного современника».

И. К.: *В институте существовала традиция совместных празднований, встреч, личного общения...*

В. М.: Да, у нас была такая традиция, были записные весельчаки, мотоциклы. Историк-полонист Светлана Михайловна Фалькович³⁹ писала стихи для капустников — юмористические, сатирические, иронические, — вообще, она была очень яркой женщиной, царствие ей небесное. Тогда институт еще не переехал на Ленинский проспект и находился в Трубниковском переулке, в очаровательном, очень уютном особняке, архитектура и атмосфера которого и сами по себе способствовали единению, общению, к тому же у нас там была своя библиотека и читальный зал (по легенде, особняк некогда принадлежал Инессе Арманд). Помню карнавал в этом особняке, для чего были взяты в прокате театральные костюмы. Я выбрала костюм средневекового паж, Надя Костыгова — костюм цыганки, Владимир Константинович Волков⁴⁰ — что-то экзотическое (у хранительницы институтских традиций и архивов, историка-полониста Маргариты Ивановны Леньшиной⁴¹, которая вела у нас и фотокружок, есть фотографии таких праздников и новогодних елок для наших детей). Обаятельный Михаил Николаевич Кузьмин⁴², сын художника Николая Кузьмина, играл на гитаре любимые песни своего репертуара, например:

«А вы лежите пьяньский в сугробе,
И вам квитанции не надо ни на что».

Это были веселые праздники карнавального типа, потом мы от этого как-то отошли, повзрослели те люди, которые были заводилами. Светлана

³⁸ Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М.: Наука, 1974.

³⁹ Светлана Михайловна Фалькович (1932–2018) — доктор исторических наук, работала в Институте славяноведения РАН.

⁴⁰ Владимир Константинович Волков (1930–2005) — советский и российский историк-славист, специалист в области новейшей истории стран Восточной Европы, истории международных отношений и внешней политики России. Член-корреспондент РАН с 26 мая 2000 г. по Отделению истории (всеобщая история). Работал в Институте славяноведения с 1956 г. и до своей кончины (младший научный сотрудник, научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором, директор Института).

⁴¹ Маргарита Ивановна Леньшина (род. 1941). С 1967 г. работает в Институте славяноведения в качестве научно-технического сотрудника, ведущий специалист Научно-образовательного центра славистических исследований.

⁴² Михаил Николаевич Кузьмин (род. 1931) — член-корреспондент отделения философии образования и теоретической педагогики РАО (1992). Научный сотрудник (1958–1970, 1976–1985), заведующий сектором (1985–1991) Института славяноведения и балканистики АН СССР. Заведующий лабораторией Института общей педагогики АПН СССР (1970–1975). Директор (1991–2005), главный научный консультант (с 2005 по наст. вр.) Федерального государственного учреждения «Институт национальных проблем образования» Министерства образования и науки РФ.

Фалькович продолжала писать юмористические стихи, но уже не празднично-карнавального жанра, а к юбилеям коллег. Очень жалко, что ее нет... Вспоминаю, что, когда мы всей институтской мощью поехали в Югославию на Конгресс славистов и я поторапливала свою соседку по номеру, Руфину Смирнову, боясь опоздать на завтрак, она невозмутимо отвечала: «Не волнуйся, во сколько бы мы ни пришли, мы не придем позже Светы Фалькович». Действительно, Светлана была записная красотка, модница, ей нужно было много времени для подготовки к выходу.

Культурная, или вненаучная, жизнь в нашем институте была многообразна. Среди наших сотрудников было много любителей шахмат — и Виктор Александрович Хорев, и Юрий Ритчик, а возглавлял это сообщество Лев Валентинович Заборовский⁴³. Однажды он, как председатель шахматного клуба института, решил пригласить чемпиона мира Анатолия Карпова с его тренером в наш институт сыграть сеанс одновременной игры на 30 досках, причем чемпион играет, скажем, на 20 досках, а на 10 играет тренер. Лёва объявил, что только сотрудники института будут играть с Карповым, а приглашенные гости, друзья — с тренером. Я спросила Лёву Заборовского, кем будет считаться мой восьмилетний ребенок, если он придет, поскольку он очень хочет сыграть с чемпионом мира, точнее — выиграть у него (!), будет ли он играть с чемпионом или с тренером. Лёва сказал, что раз это мой ребенок, то он пройдет по категории сотрудников. И вот мой ребенок взял шахматы из дома, своего друга Пашу Пивоварова, и я повезла их в наш институт в Трубниковском. Некоторые привели детей: Руфина Смирнова привела своего сына Сашу, который тоже, видимо, хотел выиграть. Народу было очень много. Остальными игроками были серьезные взрослые люди типа Заборовского, Хорева, Стахеева, Ритчика, они и в институте часто просиживали за шахматной доской. Вскоре мой сын проиграл и должен был положить фигуру. Было заметно, что у него вся сила воли уходит на сдерживание слез, чтобы они не катились ручьем по лицу. Время уже было позднее, я попросила Виктора Александровича Хорева вынуть его из-за стола, вокруг которого люди стояли плотным кольцом. И только когда Виктор Александрович поднял его над столом, Карпов увидел, с кем он играл (он не смотрел на людей, только на доски), и что-то вроде ухмылки промелькнуло на его ледяном лице. Антон был очень огорчен, что его затея провалилась, а на чем была основана его идея выиграть, не помню, кажется, на каком-то литературном произведении.

Наш профком интенсивно работал над культурной программой, например, мы ездили и на дальние автобусные экскурсии. Одно время я отвечала за культурную программу в институте. Иногда это было очень смешно. Один раз я, исходя из того, что у нас в институте есть фольклористы и этно-

⁴³ Лев Валентинович Заборовский (1930–1998) — сотрудник сектора истории древнего мира и средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР.

графы, сдуру, не разбираясь в этом, пригласила Кола Бельды⁴⁴, полагая, что он — фольклорный якутский певец и представит публике традиционное якутское пение. Народ сбежался, конечно (институт тогда уже располагался на Ленинградском проспекте, и актовый зал был довольно большим). А певец устанавливает какие-то джазовые инструменты, электронику и начинает петь какую-то попсу, типа «Увезу тебя я в тундру», «Самолет хорошо, пароход хорошо, а олени лучше»... Наша публика просто окаменела. Мне было ужасно стыдно, я его раньше никогда не слышала, и получилось, что пригласила «кота в мешке». Кола Бельды продемонстрировал яркий пример искусства «национального по форме и социалистического по содержанию», как гласила популярная советская формулировка. Это был мой позор.

Но следующий эпизод моего культуртрегерства был совсем в ином духе. Идея принадлежала Вячеславу Всеволодовичу Иванову, который мне сказал: «Приближается день рождения Ленина, нам предстоит это как-то отмечать. А тут живет у нас в Москве при университете Лев Сергеевич Термен, изобретатель терменвокса⁴⁵. Вот вы с ним созвонитесь, договоритесь и попросите выступить у нас 22 апреля. Это очень интересная личность».

Я так и сделала, заезжаю на машине в университет, выходит великий изобретатель Лев Сергеевич Термен, и пока мы едем от университета в наш институт (на Ленинградский проспект), путь неблизкий, он мне так много рассказал, что я даже испугалась. Он говорил, например:

– У меня очень хорошая память, я ведь из гугенотов, я помню, как мы бежали в XVI веке в Варфоломеевскую ночь. Я помню, как я был сперматозоидом, я все помню...

Когда он стал развивать эту тему, я попробовала направить его воспоминания по другому руслу, упомянув, что сегодня день рождения Ленина. Лев Сергеевич оживился:

– А вы знаете, дитя, кто виноват в том, что этого человека сейчас нет с нами?

Я: Ну, Господь Бог, высшие силы...

Л. С.: Нет — я! Потому что я не успел, а ведь у меня уже было придумано это средство для бессмертия, знаете какое? Человека, который умер, надо сразу отвезти на Северный полюс и положить в вечную мерзлоту, заморозить. Потом я придумаю, как его оживить, а пока он будет лежать в этой заморозке. Поэтому я сразу поехал в Горки. Приезжаю — а они уже его распотрошили, мозг вынули, ну, я так не могу, понимаете? Если б я приехал раньше!..

⁴⁴ Николай Иванович Бельды (1929–1993), больше известный как Кола Бельды, — советский, российский певец, популярный артист эстрады 1950–1980-х гг., заслуженный артист РСФСР (1985), заслуженный артист Якутской АССР, заслуженный артист Бурятской АССР.

⁴⁵ Лев Сергеевич Термен (1896–1993) — советский изобретатель, инженер-электромеханик и музыкант.

Я спрашиваю:

– Лев Сергеевич, а вы никому не рассказывали про это ваше средство?

Он говорит:

– Как не рассказывал?! Ко мне в лабораторию приходили футуристы в желтых кофтах, Бурлюк, Маяковский, они все время у меня чай пили, я им все рассказывал.

Я знал этого Ленина, был с ним знаком. Но я вам должен сказать, что он даже «Соловья» Алябьева не мог на моем аппарате сыграть. Мне приходилось его сзади так обнимать и его руками водить. Он не был музыкальным, но был хорошим человеком, он мне помогал, моей лаборатории помогал. Он меня послал в Америку работать в лаборатории, он много для меня сделал. И поэтому я ему был очень благодарен, и когда этот человек умер, я быстро поехал в Горки... Ленин-то мне помогал, а вот с этим нынешним я не знаком, я его портреты в газетах видел (Брежнев называется), лицо хорошее, но он мне ничем не помогает. Я же не представлен...

Когда Ленин послал меня в Америку, где я работал в лаборатории и придумывал звуковые аппараты, ко мне туда приходила одна женщина, замечательная пианистка, прекрасно играла, мы с ней вместе в моей лаборатории работали, а с ней приходил ее муж, может быть, вы слышали, его звали Эйнштейн. Но он не был пианистом. К моей лаборатории он не имел отношения, он просто сопровождал жену. А потом меня оттуда отозвали. И даже велели оставить мою чернокожую жену, у меня была в Америке жена, мне велели вернуться в Москву, а ее оставить. Я вернулся, и меня послали на Колыму или куда-то там. Там было много наших: ну вот Королёв, он мне чертежи делал. А потом я завоевал там большой авторитет, потому что у бухгалтера сломался арифмометр, а я его починил. И вскоре меня вызывают: «Термен, на выход!» Кто-то дал мне теплый тулуп, и меня отправили куда-то, я приехал, там тоже лаборатория, мы там работали очень хорошо, нас ничего не отвлекало, нам давали масло, там были все, Королёв, вообще все. Мы так работали, ни на что не отвлекались. (Это шарашка в Марфино, то есть он там работал как раз с распознаванием звуков голоса. Вспоминает, как о счастливейших годах, когда ничто не отвлекало от работы, давали масло, кругом были все свои — Туполев, Королёв, конструкторы.) Мы очень хорошо работали.

И. К.: *Как он выступил в институте?*

В. М.: Он начинал рассказывать, как он был гугенотом, народ очень веселился, конечно. Я не знаю, как парторганизация реагировала. Я вам пересказывала разговор в машине. На публике ему было лень это повторять, поэтому он рассказывал что-то другое, не менее удивительное. Жалко, что не велась магнитофонная запись. Не так часто к нам приходили такие великие люди. Меня потом коллеги благодарили, благодарить же надо было Вячеслава Всеволодовича — это была его просветительская идея.

Приглашали еще каких-то экономистов, социологов — уже после перестройки, в которой мы принимали активное участие. У нас была активная группа, к которой присоединялись даже Владимир Николаевич Топоров и Владимир Антонович Дыбо⁴⁶, Сергей Аркадьевич Иванов⁴⁷, Леонид Янович Гибианский⁴⁸, Евгений Арнольдович Хелимский⁴⁹... Лингвист Женя Хелимский был совершенно замечательным человеком, он возглавил наше перестроечное движение. Это именно он меня призвал «вступить в партию». Я ответила, что никогда не была ни в какой партии, и теперь у меня нет такого желания. Женя настаивал, объяснял, что речь идет не о партии, а о движении — «Демократическая Россия», что нам следует бороться за демократические перемены, и убедил меня.

И вот мы в 1988 году пошли на первую демонстрацию в годовщину Красного террора. Мы шли по бульварам, сцепившись руками. А милиция останавливала машины, чтобы наша колонна прошла... Тогда это было так. Потом мы еще много раз ходили на разные демонстрации, выстраивались в колонны (команды были такие: «мужчины — по краям, женщины в центре, всем иметь с собой воду и шарфы, чтобы смачивать и через них дышать, если пустят газ»). Всякие были потом времена... Помню нашу колонну на Калининском проспекте — перед роддомом Грауэрмана ходил человек с плакатом «Бабы, не рожайте коммунистов!»...

Евгений Арнольдович Хелимский долго работал у нас в институте, потом уехал в Гамбург. К сожалению, у него обнаружилось онкологическое заболевание, и он там умер в 57 лет.

И. К.: *Вы много лет работаете в журнале «Славяноведение»...*

В. М.: Да, только когда я в него пришла, он назывался «Советское славяноведение», «Славяноведением» без эпитета он стал в 1992 году. Собственно, с журналом и связано мое зачисление в штат института: меня

⁴⁶ Владимир Антонович Дыбо (род. 1931) — доктор филологических наук, академик РАН, главный научный сотрудник Отдела славянского языкознания, работает в Институте славяноведения с 1958 г. (старший научно-технический сотрудник, затем младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, главный научный сотрудник).

⁴⁷ Сергей Аркадьевич Иванов (род. 1956) — советский и российский историк-византист, специалист в области истории средневековой культуры. Доктор исторических наук, профессор.

⁴⁸ Леонид Янович Гибианский (род. 1936) — старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн, работает в Институте славяноведения с 1966 г. (младший научный сотрудник, затем научный сотрудник, зав. сектором, старший научный сотрудник).

⁴⁹ Евгений Арнольдович Хелимский (1950–2007) — советский и российский лингвист; в последние годы жизни работал в Германии; доктор филологических наук (1988), профессор. Специалист по самодийским и финно-угорским языкам, проблемам уральского и ностратического языкового родства, языковым контактам, теории генетической классификации языков, культурной истории Северной Евразии и шаманизму. Представитель Московской школы компаративистики.

туда взяли сразу после аспирантуры, потому что освободилась должность заведующего отделом литературоведения и культуры — занимавший ее Александр Илюшин⁵⁰ ушел преподавать в университет. Согласно нашим порядкам, некоторые сотрудники института должны были выполнять и журнальные функции — не за дополнительную плату, а за ту же зарплату научного сотрудника нужно было еще и вести что-то в журнале. Таким образом я была зачислена в институтский штат младшим научным сотрудником в сектор истории славянских литератур, которым тогда руководил замечательный богемист Сергей Васильевич Никольский, светлой памяти, и одновременно — заведующей отделом литературоведения и культуры журнала «Советское славяноведение».

Первым главным редактором нашего журнала (с 1965 года — в течение 22 лет) был тогда человек с революционной польской фамилией — историк-полонист Иван Иванович Костюшко⁵¹. Когда я появилась в журнале, он спросил, какое у меня отчество. Мне было 23 года, и я не была привычна к отчеству, но Иван Иванович веско сказал: «У вас теперь такая должность, что у вас должно быть отчество!». И я стала Викторией Валентиновной, а не какой-то там несерьезной Викой...

Однажды Иван Иванович Костюшко вызвал к себе меня как редактора отдела и Никиту Ильича Толстого⁵² как члена редколлегии, который курировал весь этот отдел. Иван Иванович говорит:

– Вот статья пришла совершенно непозволительная, а вы подаете ее в номер. Там описан какой-то дикий обычай древних славян сажать на дерево своих стариков, оставлять их там и уходить, потому что старики — это обуза, их кормить надо.

Мы с Никитой Ильичом недоуменно спрашиваем:

– И что?

– Ну, как — что?!? Это же славяне, они же добрые! Они не могут так относиться к старикам! Так что это печатать нельзя.

Никита Ильич заметил:

⁵⁰ Александр Анатольевич Илюшин (1940–2016) — заслуженный профессор Московского университета, доктор филологических наук, историк и теоретик литературы, переводчик, поэт. Впервые перевел «Божественную комедию» Данте на русский язык размером подлинника. Награжден именной золотой медалью Дантовского общества, г. Флоренция (1996), медалью г. Равенна (1999), медалью Дантовского центра Равенны (1999). Ответственный редактор сборника «Дантовские чтения», выпускаемого Дантовской комиссией Научного совета РАН «История мировой культуры».

⁵¹ Иван Иванович Костюшко (1919–2018) — советский и российский историк-славист, доктор исторических наук, профессор, первый главный редактор журнала «Советское славяноведение».

⁵² Никита Ильич Толстой (1923–1996) — советский и российский лингвист-славист и фольклорист, доктор филологических наук, профессор. Академик АН СССР (1987; член-корреспондент 1984). Лауреат Демидовской премии (1994).

– Да, это как-то неуместно в условиях нашей геронтократии (правили тогда в стране старики). Вот умел Никита Ильич вставить потрясающе меткую реплику, ввернуть византийский нож!

Когда моя падчерица Галя Кабакова поступила в аспирантуру нашего института, владея несколькими европейскими языками, то Никита Ильич, в экспедиции с которым Галя много ездила, сказал: «Чтобы покрыть весь этнический регион, вы должны выучить еще и румынский язык». Галю очень расстроила такая перспектива, я пошла уговаривать Никиту Ильича пожалеть девочку, не нагружать ее еще и румынским, она уже и так надломилась, уча столько языков, ей трудно. Мудрый Никита Ильич сказал: «Вы понимаете, ваша девочка очень талантлива, она это сможет, я же не поручаю этого кому-то, кто бы не справился, а она сможет». Так Галя выучила и этот язык, «чтобы покрыть весь этнический регион».

Александр Илюшин, яркая личность и поэт по своей натуре, перед своим уходом из журнала меня напутствовал:

– Я научу тебя, как общаться с начальством. Вот периодически наш зам. главного редактора (Владимир Владимирович Зеленин⁵³) садился напротив меня и говорил: «Ну, Александр Анатольевич, чем вы можете объяснить ваше поведение?» Я неизменно ему отвечал: «Виноват, исправлюсь». Он спрашивал: «В чем же вы виноваты, Александр Анатольевич?» А я говорил: «Начальству виднее». Вот и ты так себя веди.

Мне не пришлось применять эти илюшинские уроки, потому что Владимир Владимирович, светлой памяти, с такими вопросами ко мне не обращался. Напротив, мне вспоминается такой эпизод: Владимир Владимирович был человеком с пышными буденновскими усами, которые составляли неотъемлемую часть его облика. И вот однажды в конце дня в институте он говорит мне:

– Виктория Валентиновна, большое вам спасибо!
 – За что, Владимир Владимирович?!?
 – Вы единственный человек в институте, который не спросил меня, зачем и почему я сбрил свои усы.

(А он-таки их сбрил по какой-то причине, но я же воспитанная девочка и не делаю *personal remarks*.)

К сожалению, Александр Илюшин тоже уже ушел в мир иной. Он был очень талантливым, творческим человеком, знатоком и любителем поэзии, а также и мистификации — мог публиковать какие-то переводы несуществующих стихов, приписывая оригиналы каким-то поэтам. Саша Илюшин очень дружил с Борисом Федоровичем Стахеевым, они постоянно обсуж-

⁵³ Владимир Владимирович Зеленин (1920–1998) — советский и российский историк, доктор исторических наук, заведующий сектором истории Центральной и Юго-Восточной Европы в период общего кризиса капитализма Института славяноведения РАН, исследователь истории народов бывшей Югославии и их связей с Россией в XVII–XX вв.

дали какие-то поэтические проблемы, читали друг другу стихи. Как жалко, что их обоих уже нет. Мы все очень горевали, когда в 2016 году Саши не стало. Я ездила в университет на прощание с ним и видела, как его оплакивали и студенты, и университетские коллеги.

У журнала за эти годы сменилось несколько главных редакторов. Когда же после Ивана Ивановича Костюшко главным редактором стал Иван Иванович Поп⁵⁴, дежурной шуткой в институте стало утверждение, что главным редактором журнала может стать только человек, которого зовут Иван Иванович. Однако это были очень разные Иваны Ивановичи, хотя и происходившие из восточнославянского региона (Костюшко из Белоруссии, Поп — из Карпатской Украины). Ваню Попа в советское время отчислили с истфака Ужгородского университета по весьма достойной статье — «за недоносительство», что, конечно, внушало уважение. Позже он окончил аспирантуру в нашем институте, защитил здесь и кандидатскую, и докторскую, но примечательно, что ему захотелось вернуться на родину, где он стал в своей *alma mater*, Ужгородском университете, откуда его некогда изгнали, профессором истории, а также директором Института карпатоведения.

Одно время главным редактором нашего журнала был Александр Иванович Рогов⁵⁵, к сожалению, ныне покойный, знаток средневекового искусства, невероятный эрудит. Он устраивал нам экскурсии по Москве. Я помню, например, церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Филях, построенную в XVII веке в стиле нарышкинского барокко: мы около нее стояли часа два, пока он рассказывал про закомары, «восьмерик на четверике», «русское узорочье», про все архитектурные детали. Он был просто невероятный знаток. Александр Иванович был глубоко верующим православным человеком. Вспоминая такой эпизод из жизни нашей редакции: 14 февраля мы накрыли небольшой столик, чтобы отпраздновать День всех влюбленных. Входит Александр Иванович и спрашивает, по какому случаю праздник. Мы отвечаем, что празднуем День святого Валентина. Возмущенный Александр Иванович восклицает: «Это не наш святой! У нас сегодня праздник святого Трифона!» — и демонстративно покидает наше опешившее редакционное сообщество.

У нас в институте были такие величины, как, например, Самуил Борисович Бернштейн (у него была кличка — «Сэм»⁵⁶), который нам читал

⁵⁴ Иван Иванович Поп (род. 1938) — историк-славист, публицист. В 1988–1992 гг. был главным редактором журнала «Советское славяноведение» («Славяноведение»).

⁵⁵ Александр Иванович Рогов (1935–1996) — советский и российский историк-славист, кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии СССР, в 1993–1996 гг. — главный редактор журнала «Славяноведение».

⁵⁶ Помню, как мы в институте выпустили стенгазету «Творчество наших детей», и там была помещена шарада, придуманная маленькой дочерью Светланы Михайловны и Никиты Ильича Толстых: «Мое первое — учитель моего папы, мое второе — то, что бывает в холодильнике, а мое целое летает в небе». Отгадка — самолет.

в университете введение в славянскую филологию. Моей университетской подруге, которая у него писала, он сказал: «Такие-то труды вы прочтете по-французски. Вы читаете на французском? — Нет. — Так вот, по-французски прочтите то-то и то-то... А по-английски — вот этот список... А по-немецки...» — и так далее. «Сэм» не принимал во внимание такие пустяковые для филолога отговорки, как отсутствие владения каким-то языком. Сядьте — и выучите.

Почему-то Самуилу Борисовичу было очень важно и хотелось быть старше своих лет: он ходил в академической ермолке, носил седую бороду... Когда я уже была в институте, кто-то из профкома предложил мне сдать деньги на юбилей Бернштейна. Я спросила: «Сколько ему исполняется? Восемьдесят?» — «Почему?!? Шестьдесят». Но выглядел он на восемьдесят. Он этого хотел, почему-то ему нравилось играть в такого академического ученого прошлого века. У него опубликованы (уже после его смерти, под редакцией Владимира Николаевича Топорова) очень хорошие, интересные воспоминания — «Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи»⁵⁷. Самуил Борисович мне рассказывал, как он студентом стоял со своим однокашником в Ленинке в курилке у окна, которое выходило на Храм Христа Спасителя. И вдруг они видят в это окно, как храм взрывается и взлетает на воздух (это было в 1931 году), а рядом стоит какой-то старичок академического вида, в пенсне, с бородкой клинышком, и у него из-под пенсне катятся слезы. А Самуил Борисович с товарищем совершенно не понимают, почему он плачет, ведь «Долой старый мир!»...

И. К.: *Только благодаря толерантности в Инславе мог возникнуть отдел иудео-славяки.*

В. М.: Ну, иудео-славяки, это уже 1994 год. Гораздо больший героизм и толерантность нашего института были проявлены по отношению к сектору структурной типологии славянских языков, где были Вячеслав Всеволодович Иванов, Владимир Николаевич Топоров, Маргарита Ивановна Лекомцева⁵⁸, Татьяна Владимировна Цивьян, кстати, там почему-то было много Татьян: Татьяна Михайловна Николаева, Татьяна Николаевна Молошная⁵⁹ — это было такое блистательное созвездие. Эти люди высочайшей научной пробы и высокой нравственности позволяли себе в советские времена писать всякие письма в защиту кого-то преследуемого, письма протеста и тому подобное. Вот это был героизм. Мой научный руководитель

⁵⁷ Бернштейн С. Б. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М.: Институт славяноведения РАН; Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2002.

⁵⁸ Маргарита Ивановна Лекомцева (1935-2018) — с 1960 и до выхода на пенсию в 1994 году проработала в Институте славяноведения и была одной из первых сотрудниц Отдела типологии и сравнительного языкознания.

⁵⁹ Татьяна Николаевна Молошная (1932-2010) — доктор филологических наук, проработала в Институте славяноведения 50 лет.

по диплому, Игорь Федорович Бэлза, наставлял меня: «Дитя, я вас научу, как жить. У нас было общее собрание института, на котором мы должны были осудить подписантов, тех, кто подписывал письма протеста или письма в защиту. Так вот, один наш коллега проголосовал вместе со всеми за осуждение этих подписантов, а после окончания собрания подошел к главному подписанту и крепко пожал его руку. Таким образом, дитя, он выполнил и свой гражданский, и свой человеческий долг». Я сказала, что не понимаю, какой из них был гражданским, а какой — человеческим. Так вот, никто из них не выгнан из института, понимаете, в советские времена никакой крови, никаких шекспировских страстей здесь не было. Здесь было совершенно вегетарианское, толерантное отношение к людям. Я помню, когда умер Брежнев, нас всех согнали на траурный митинг в институт, тогда находившийся на Ленинградке. Мы собрались в актовом зале, там произносились какие-то дежурные речи, а я вижу, что сектор структурной типологии славянских языков, рядом с этим залом, сидит у себя, не присоединяется к всеобщей официальной скорби. Я спрашиваю: «А что вы не в зале?». Ответ: «Блажен муж, иже не ходит в собрание нечестивых. А с другой стороны, придраться нельзя, мы все явились, нас собрали — мы явились». На все манера есть. Они были совершенно замечательные, и дух в этом секторе был прекрасный. К сожалению, старая гвардия ушла...

И. К.: *И все же расскажите, как появился центр славяно-иудаики?*

В. М.: Это уже были совершенно свободные времена, которые теперь принято называть «лихими девяностыми». Уже развалился Советский Союз, вообще не было цензуры. В институте постепенно открывались новые центры, ориентированные на славистические исследования в более широком региональном, национальном и культурном контексте: Центр по изучению истории многонациональной Австрийской империи, Центр балто-славянских исследований, Центр славяно-германских исследований, да и коллеги из Отдела истории средних веков проявляли интерес к теме, которую они формулировали как «Славяне и их соседи». А поскольку история проживания евреев на славянских землях насчитывает многие столетия, и материал для междисциплинарных исследований исключительно богат, мы с коллегами, интересовавшимися этой проблематикой в славянском регионе (я тут могу упомянуть, например, Ольгу Владиславовну Белову⁶⁰, Владимира Яковлевича Петрухина⁶¹), тоже обратились к ней, как и коллеги

⁶⁰ Ольга Владиславовна Белова (род. 1960) — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора, ученый секретарь Отдела этнолингвистики и фольклора, работает в Институте славяноведения с 1994 г. (младший научный сотрудник, затем — старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник).

⁶¹ Владимир Яковлевич Петрухин (род. 1950) — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории средних веков, работает в Институте славяноведения с 1991 г. (старший научный сотрудник, затем — ведущий научный сотрудник, главный научный сотрудник).

из Института всеобщей истории, и из Института этнологии и антропологии, и из Института востоковедения. Так сложилась неформальная группа исследователей, заинтересованных славяно-иудейскими межкультурными, межэтническими, межконфессиональными взаимодействиями. И когда я обратилась в дирекцию нашего института с предложением открыть Центр славяно-иудаики, прозвучал ответ: «Действительно, почему бы и нет?». И все — не было никаких ни возражений, ни противоречий, ни помех. Надо сказать, что к нашему начинанию с интересом отнесся академик Евгений Павлович Велихов⁶², чьи собственные научные исследования были далеки от нашего направления, однако он бывал на наших конференциях, возможно, из чистой любознательности. С тех давних пор — а в 2021 году нашему центру исполнилось 27 лет — мы провели множество ежегодных международных конференций, издали их многотомные материалы, сборники студенческих работ, а сейчас (с 2018 года) издаем и периодический научный *Judaic-Slavic Journal*. Кроме того, мы ежегодно проводим этнографические и эпиграфические экспедиции в разных регионах, летние и зимние школы для студентов и молодых ученых, организуем лекционную, образовательную программу (с приглашением лекторов из разных стран), в том числе — и в интернете, что позволяет расширить аудиторию. Наш центр объединяет усилия многих ученых как в нашей стране, так и за ее рубежами, что отражается и в растущем числе участников наших программ. По эпидемиологическим обстоятельствам последнего времени мы вынуждены были перенести часть программ в формат онлайн, однако нельзя сказать, что это снизило интерес к ним. Например, в нашей недавней (11–13 июля 2021 года) международной онлайн-конференции приняли участие 218 коллег из университетов и научных центров разных стран мира (Австрия, Аргентина, Белоруссия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Грузия, Израиль, Испания, Латвия, Литва, Польша, Россия, США, Судан, Украина, Франция, Чехия, Чили). Боюсь, что организовать такую масштабную конференцию в режиме офлайн нам было бы не под силу. Правда, в этом «очном» режиме мы ежегодно (с 1995 года) проводим более камерную конференцию в рамках международного проекта «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия»; очередная конференция этого цикла прошла в нашем институте 1–3 декабря 2021 года. Ее тема в этом году — «Профессионалы и маргиналы в славянской и еврейской культурной традиции» привлекла интерес исследователей, а материалы конференции будут изданы в ежегоднике.

Вспоминаю один смешной эпизод: когда в сектор структурной типологии славянских языков должен был приехать с докладом лингвист из Израиля, а у них было недостаточно народу, и кто-то, кажется, Татьяна Михай-

⁶² Евгений Павлович Велихов (род. 1935) — советский и российский физик-теоретик, общественный деятель. Доктор физико-математических наук (1964), профессор. Вице-президент АН СССР (1978–1991) и РАН (1991–1996).

ловна Николаева сказала, что надо пойти «евреев позвать». А Владимир Николаевич Топоров, который редко ходил в институт, появлялся только иногда, потому что писал свои шестьдесят листов дома, и не был привычен к тому, что один сектор просто для краткости называется феодалами, другой — евреями, возмутился: «Что?!? Так говорить нехорошо!». Его успокоили: «Ну что вы, что вы, Владимир Николаевич, мы так называем центр славяно-иудаики».

С Владимиром Николаевичем у меня была замечательная история, связанная с журналом. Владимир Николаевич писал очень много, но, сдав статью в журнал, он пятьсот раз вносил какие-то поправки, увеличивал библиографию еще на пятьдесят шесть позиций, в общем, дорабатывал. И вот я как редактор с ним договариваюсь, что он мне позвонит и мы с ним обсудим вопросы по статье. Он не звонит и не звонит. А мне надо было уходить из дома. Я на автоответчик записала: «Владимир Николаевич, если это вы, то я уйду, буду тогда-то, давайте встретимся в институте тогда-то». Возвращаюсь, нажимаю автоответчик, слышу щелчок, то есть кто-то соединился, а дальше дыхание в трубке, никакого текста, только дыхание. И все. И так на всю пленку. Встречаемся в институте. Я говорю: «Владимир Николаевич, вы так и не позвонили?». Он говорит: «Я позвонил. Вы понимаете, я уже готов к тому, что машина может говорить, но что она обращается лично ко мне, вот к этому я не готов, я просто онемел».

И. К.: *Старая гвардия...*

В. М.: Да, это была замечательная гвардия. Ко многим старшим коллегам я испытываю глубокую благодарность, многими — восхищаюсь. Вообще, говоря о нашем институте, вспоминаю прежде всего его людей — и ушедших, и живущих.

Когда я пришла в институт, его директором (в 1969–1987) был филолог-болгарист Дмитрий Федорович Марков⁶³. Он был — по тем временам — толерантным человеком, и, возможно, отсутствие какой-то гнетущей атмосферы в институте объяснялось тем, что он сам был репрессирован в 1937 году. Было впечатление, что и в своих трудах, например в «Генезисе социалистического реализма. Из опыта южнославянских и западнославянских литератур» (1970), переведенном на многие языки, он пытался расширить границы узких схем, стремился к чему-то вроде «реализма без берегов».

Мы постоянно писали какие-то справки — наверх, для наших правителей. Например, мы с моей подругой и коллегой Олей Медведевой писали для Ельцина перед его встречей с польскими представителями справку о польской литературе, поскольку полагалось блеснуть знанием — о Мицкевиче, Словацком, показать эрудицию. Когда мы сдали эту работу, то наш тогдашний директор, Владимир Константинович Волков (в 2001–2005

⁶³ Дмитрий Федорович Марков (1913–1990) — советский литературовед, славист. Действительный член АН СССР по Отделению литературы и языка (1984).

он был и главным редактором «Славяноведения») сказал: «Ваш труд пропал не напрасно». Он бесспорно обладал чувством юмора. А когда в институт пришло письмо из ГАИ, гласящее: «Ваш сотрудник, Мочалов Виктор Валентинович, нарушил правила дорожного движения, и мы просим осудить его на собрании коллектива», Владимир Константинович долго смеялся и просил меня объяснить, что я могла предъявить инспектору ГАИ, чтобы он меня так назвал. Разумеется, никакого осуждения на собрании коллектива не последовало, хотя соответствующее письмо в ГАИ было направлено.

Владимир Константинович Волков (слева)
и Виктор Александрович Хорев

Когда Владимир Константинович получил звание члена-корреспондента РАН (2000 год), он устроил пир для всего института, на котором шампанское лилось рекой. Его кабинет на Ленинградском проспекте имел два входа с разных сторон, и сотрудники длинной вереницей входили в одну дверь, поздравляли его и пили шампанское, а выходили через другую дверь, и этот поток казался нескончаемым (тогда в институте работало больше сотрудников, чем сейчас), как и всеобщая радость. Его милая жена Лилия, искусная кулинарка, способствовала дружественному объединению нашего коллектива за пиршественным столом по тем или иным праздничным поводам. К нашему глубочайшему сожалению, Владимир Константинович трагически погиб в автомобильной катастрофе, немного не дожив до 75 лет...

С самого образования нашего института (1948 год) в нем работал прекрасный богемист Сергей Васильевич Никольский⁶⁴, которого я уже упоми-

⁶⁴ Сергей Васильевич Никольский (1922–2015) — советский и российский филолог-славист, богемист, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, *doctor honoris causa* университета Ф. Палацкого.

«Капустник» в Институте славяноведения и балканистики АН СССР.
1950-е годы

нала, говоря о руководимом им (с 1954 по 1988 год) секторе истории славянских литератур, куда меня приняли на работу. Сергей Васильевич, сын репрессированного в 1937 году священника (позднее реабилитированного и причисленного к лику священномучеников), был человеком, я бы сказала, необычайным, при этом очень тихим и скромным. Я думаю, для его формирования как ученого существенно, что его научным руководителем по кандидатской диссертации (1949 год) был Петр Григорьевич Богатырев⁶⁵. В годы, которые трудно назвать лучезарными для гуманитарной науки вообще и для славистики в частности, Сергей Васильевич изучал творчество Иржи Волькера, Ярослава Гашека, Карела Чапека. Когда он в 1950 году написал предисловие к русскому переводу «Избранного» Чапека, случилось небывалое — это 34-страничное предисловие перевели на чешский язык и издали в Праге отдельной брошюрой (1952)⁶⁶. Работа советского исследователя послужила «реабилитации» отвергнутого чехословацкими коммунистическими властями Чапека (из-за его близости с президентом

⁶⁵ Петр Григорьевич Богатырёв (1893–1971) — советский фольклорист, этнограф, переводчик. Доктор филологических наук, профессор МГУ.

⁶⁶ *Nikolskij S. V. Karel Čapek. Praha: Československý spisovatel, 1952.*

Т. Г. Масариком), возвращению его в культурный контекст Чехословакии, и эту заслугу на родине Чапека высоко ценят. Докторская диссертация Сергея Васильевича была посвящена сатирическим утопиям Карела Чапека (1971), а его архивные изыскания привели к обнаружению реального прототипа бравого солдата Швейка, и эти работы были встречены с энтузиазмом на родине писателей.

Когда я после аспирантуры, еще не защитившись, пришла в его сектор, я ожидала чего угодно — заданий, поручений, предписаний, но только не тихого и какого-то уважительного вопроса: «Над чем вы предполагаете работать в этом году?», как будто перед ним сидел сложившийся ученый. Я очень благодарна Сергею Васильевичу за это подаренное мне чувство свободы, за отсутствие давления, за внимательное и какое-то бережное отношение к делающему свои первые шаги в науке человеку, не имеющему никаких заслуг. Разумеется, когда наш сектор готовил коллективные труды (а их было немало), то все сотрудники ставились «под ружье» и должны были сдавать свои главы, но это не носило характера подневольности и принудилки.

Вообще наш сектор, как мне кажется, представлял собой некий гибрид научного сообщества и теплого семейного круга, чему немало способствовала добрейшая и чуткая Людмила Норайровна Будагова⁶⁷, как и Сергей Васильевич, богемистка, сменившая его на посту руководителя. Самые теплые воспоминания сохранились у меня о наших ушедших коллегах — Анне Петровне Соловьевой, Регине Фридриховне Дорониной⁶⁸, Тамаре Петровне Агапкиной⁶⁹, Льве Сергеевиче Кишкине⁷⁰, Лидии Константиновне Гаврюшиной⁷¹. Некоторые — как полонисты Дина Серафимовна Прокофьева, Наталия Андреевна Богомолова, словакистка Наталия Шведова, романистка Надежда Осипова — покинули институт. Из гвардии, которую условно можно назвать «старой», с которой мы вместе проработали много лет, издали большой цикл трудов по славянским литературам и съели несколько пудов соли, сейчас в секторе, помимо Людмилы Норайровны, остались Александр Владимирович Липатов, Марина Геннадьевна Смолья-

⁶⁷ Людмила Норайровна Будагова (род. 1932) — советский и российский литературовед-богемист, доктор филологических наук, заведующая Отделом истории славянских литератур Института славяноведения РАН.

⁶⁸ Регина Фридриховна Доронина (1924–2019) — видный специалист по истории литературы сербов и других югославянских народов. В Институте славяноведения проработала около полувека, почти с самого момента его возникновения.

⁶⁹ Тамара Петровна Агапкина (1925–2015) — филолог, полонист, всю жизнь проработала в Институте славяноведения, в секторе славянских литератур.

⁷⁰ Лев Сергеевич Кишкин (1918–2000) — советский и российский филолог-славист, заслуженный деятель науки РФ (1998).

⁷¹ Лидия Константиновна Гаврюшина (1956–2020) — кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра истории славянских литератур, работала в Институте славяноведения с 1988 г. (младший научный сотрудник, затем научный сотрудник).

нинова⁷² и Игорь Иванович Калиганов⁷³, и их ряды, к счастью, пополнились коллегами следующего поколения, уже заявившими о себе интересными работами, — к ним относятся, например, Юлия Созина⁷⁴ и Ирина Герчикова⁷⁵.

В течение многих лет наш сектор славянских литератур существовал как единое целое, в него входили как исследователи исторического процесса, так и коллеги, занимающиеся современным состоянием литературы. В секторе были такие замечательные, ныне, увы, ушедшие исследователи, как Юрий Васильевич Богданов⁷⁶, Виктор Александрович Хорев, Галина Яковлевна Ильина⁷⁷, Светлана Александровна Шерлаимова⁷⁸, Михаил Владимирович Фридман⁷⁹. Однако со временем стала очевидной целесообразность отделения исторической части от современной, от XX века. Отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы теперь возглавляет Надежда Николаевна Старикова⁸⁰ (они ежегодно проводят Хо-

⁷² Марина Геннадьевна Смольянинова (род. 1937) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра истории славянских литератур, работает в Институте славяноведения с 1978 г. (младший научный сотрудник, затем научный сотрудник, старший научный сотрудник).

⁷³ Игорь Иванович Калиганов (род. 1946) — литературовед, доктор филологических наук, профессор. Работает в Институте славяноведения с 1975 г. (младший научный сотрудник, затем научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник).

⁷⁴ Юлия Анатольевна Созина (род. 1973) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра истории славянских литератур, работает в Институте славяноведения с 2001 г. (младший научный сотрудник, затем научный сотрудник, старший научный сотрудник).

⁷⁵ Ирина Александровна Герчикова (род. 1960) — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела истории славянских литератур, работает в Институте славяноведения с 2000 г.

⁷⁶ Юрий Васильевич Богданов (1932–2010) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, специалист по словацкой литературе.

⁷⁷ Галина Яковлевна Ильина (1930–2018) — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела современных литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы, работала в Институте славяноведения с 1956 г. до своей кончины (младший научный сотрудник, затем старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник).

⁷⁸ Светлана Александровна Шерлаимова (1927–2019) — советский и российский литературовед-богемист, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН.

⁷⁹ Михаил Владимирович Фридман (1922–2006) — советский и российский литературовед, прозаик, поэт и переводчик, специалист по румынской литературе. Доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения.

⁸⁰ Надежда Николаевна Старикова (род. 1962) — доктор филологических наук, заведующая Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, работает в Институте славяноведения с 1992 г. (младший научный сотрудник, затем научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, руководитель центра, зав. отделом).

Отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы,
Институт славяноведения РАН. 2007 год

ревские чтения, в которых я стараюсь принимать участие), Отдел истории славянских литератур — Людмила Норайровна Будагова.

У нас, мне кажется, существует традиция и практика межсекторских связей — совместных конференций и коллективных трудов. Мы много лет тесно сотрудничали с замечательным исследователем, к сожалению, ныне покойной, Людмилой Александровной Софроновой⁸¹, руководившей сектором культуры. Она занималась поэтикой славянского театра (упомяну лишь, что оппонентом на ее кандидатской диссертации в Тартуском университете был Юрий Михайлович Лотман, а оппонентом на защите докторской диссертации в Пушкинском доме — Дмитрий Сергеевич Лихачев). В широкий круг научных интересов Людмилы Александровны входила и эпоха Просвещения, и мифопоэтика раннего Гоголя, и личность Григория Сковороды. Мы вместе делали сборники по славянскому барокко, вместе участвовали в конференциях и устраивали эти конференции, полжизни совместной деятельности... Она ушла безвременно, оставив свои ценные исследования. Ее отсутствие очень ощущается, ее очень не хватает.

⁸¹ Людмила Александровна Софронова (1941–2013) — филолог, историк культуры, исследователь истории славянского театра XVII–XVIII вв. Доктор филологических наук (1983). Главный научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.

И. К.: Она была рецензентом вашей книги.

В. М.: Да, и благожелательным оппонентом на защите моей диссертации.

Не могу забыть, конечно, Наташу Захарьину, она была в замечательном секторе Геннадия Григорьевича Литаврина, светлая память им обоим. Ее высоко ценил академик Зимин⁸², о чем он пишет в своих воспоминаниях. Это была такая «могучая кучка»: специалист по средневековой истории и культуре южных славян, неутомимый организатор Королюковских чтений Ольга Акимова⁸³, полонисты Борис Флоря, Наташа Захарьина, Лёва Заборовский, блистательный византинист Сергей Иванов, знаток славянской книжности Анатолий Турилов, вообще, это прекрасный отдел, светлейшие головы. Я стараюсь участвовать в их конференциях — Королюковских чтениях.

И. К.: Может быть, вы хотите как-то резюмировать?

В. М.: Трудно резюмировать, когда говоришь практически про всю жизнь, ведь я почти всю жизнь в институте — пришла сюда после университета. Я не представляю себе, что можно было бы плохого сказать про наш институт за все эти годы. Понимаете, ни интриг, ни подсиживаний, ни клевет, доносов, атмосфера совершенно чистая. Прекраснейшее место, прекраснейший институт. И те, кто из него ушел, сохранили о нем самые лучшие воспоминания. И те, кто в нем находится, не находят слов критики. Институт стал большой удачей моей жизни, мне очень повезло. Прочитую Евгения Хелимского, с которым мы поддерживали связь и после его отъезда в Германию. Он мне как-то оттуда написал: «Знаешь, за все годы моих путешествий и работы за границей, я не встретил, не нашел, не увидел ничего лучше нашего института». Это же ценное признание от ученого с мировым именем и таким обширным международным опытом.

Список важнейших работ В. В. Мочаловой

Miejsce anonimowej prozy plebejskiej w rosyjsko-polskich związkach literackich XVII w. (“Сказание о роскошном житии и веселии” i “Nowy Świat”) // Tradycja i współczesność: Powinowactwa literackie polsko-rosyjskie / red. B. Galster et al. Wrocław [i i.]: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978. S. 7–20.

Гротескно-фантастический жанр новин польских совизжалов (истоки, традиции, значения) // Славянское барокко: историко-культурные проблемы эпохи / редкол. А. И. Рогов и др. М.: Наука, 1979. С. 231–263.

⁸² Александр Александрович Зимин (1920–1980) — советский историк, доктор исторических наук, исследователь русского средневековья, археограф.

⁸³ Ольга Анатольевна Акимова (род. 1952) — кандидат филологических наук, специалист по хорватской литературе.

«Низовое барокко» в Польше: драматургия и поэзия // Барокко в славянских культурах / редкол. А. В. Липатов, А. И. Рогов, Л. А. Софронова. М.: Наука, 1982. С. 102–169.

Мир наизнанку: Народно-городская литература Польши XVI–XVII вв. М.: Наука, 1985.

Русско-польские литературные связи XVII–XVIII вв. и становление личностного начала в русской литературе // Литературные связи и литературный процесс. Из опыта славянских литератур. Сб. статей / отв. ред. С. В. Никольский. М.: Наука, 1986. С. 211–234.

«Иррациональный гротеск» в польской и русской советской литературе 20–30-х годов // Сравнительное литературоведение и русско-польские литературные связи в XX веке / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Наука, 1989. С. 147–186.

Echa poezij Jana Kochanowskiego w literaturze rosyjskiej // Jan Kochanowski, 1584–1984: Epoka — Twórczość — Recepcja / pod red. nauk. J. Pelca. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1989. T. 2. S. 43–58.

Этапы развития повествовательных жанров в польской литературе XII–XVI вв. // Развитие прозаических жанров в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы / редкол. И. И. Калиганов, А. П. Соловьева, Б. Ф. Стахеев. М.: Наука, 1991. С. 38–57.

Nieznany egzemplarz siedemnastowiecznego wydania polskiego Sowizrzała odnaleziony w Moskwie a problem edycji naukowej tego utworu // Problemy edytorskie literatur słowiańskich / pod red. J. Pelca i P. Pelcowej. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1991. T. 1. S. 181–186.

Трансформация воспринимаемого в процессе литературных связей // Функции литературных связей: на материале славянских и балканских литератур / отв. ред. С. В. Никольский. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. С. 233–247.

Historia sub speciae litteraturae // Necessitas et ars: Studia Staropolskie, dedykowane Profesorowi Januszowi Pelcowi / pod red. B. Otwinowskiej. Warszawa: Semper, 1993. T. 2. S. 37–45.

Евреи в Польше: история в зеркале литературы // Славяне и их соседи / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1994. Вып. 5. С. 159–175.

Философия и поэтика: casus Станислава Игнатия Виткевича // История культуры и поэтика / отв. ред. Л. А. Софронова. М.: Наука, 1994. С. 134–146.

Тоталитарная идеология как суррогат религии // Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема / отв. ред. Н. М. Куренная. М.: Институт славяноведения РАН, 1995. С. 28–38.

Борис Федорович Стахеев (1924–1993) // «Путь романтический совершил...»: Сборник статей памяти Бориса Федоровича Стахеева / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. С. 3–22.

Демонические посредники между мирами // Миф в культуре: человек — не человек / ред. Л. А. Софронова, Л. Н. Титова. М.: Индрик, 2000. С. 193–202.

«Евреи» и «грех» в польской литературе XVI–XVII вв. // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2000. С. 130–153.

- Пушкин и польская тема // А. С. Пушкин и мир славянской культуры: к 200-летию со дня рождения поэта / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. С. 131–152.
- Век Александра Вага (I.V.1900–29.VII.1967) // Славянский альманах 2000 / ред. Т. И. Вендина, В. К. Волков, М. А. Робинсон, В. А. Хорев. М.: Индрик, 2001. С. 359–368.
- Еврейская демонология: фольклор и литературная традиция // Между двумя мирами: представления о демоническом и потустороннем в еврейской и славянской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2002. С. 101–135.
- Образ Марины Мнишек в историографии и литературе // *Studia polonica* II: К 70-летию Виктора Александровича Хорева / отв. ред. В. К. Волков. М.: Индрик, 2002. С. 372–397.
- Представления о России и их верификация в Польше XVI–XVII вв. // Россия — Польша: образы и стереотипы в литературе и культуре / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2002. С. 44–64.
- Иудеи между католиками и протестантами в Польше XVI–XVII вв. // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2003. С. 68–91.
- Время и вечность войны: галицийская перспектива // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 142–160.
- Миф Европы у польских романтиков // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России / редкол. М. В. Лескинен, В. А. Хорев. М.: Индрик, 2004. С. 129–146.
- Еврейские пищевые предписания и запреты глазами польских полемистов XVI–XVIII вв. // Пир — трапеза — застолье в еврейской и славянской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2005. С. 53–73.
- Кризис начала XX века глазами еврейских интеллектуалов: оценки, реакции, отражение в творчестве // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / отв. ред. О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2005. С. 385–409.
- Александр Ват: тринадцать тюрем // Деятели славянской культуры в неволе и о неволе: XX век / отв. ред. М. Г. Смольянинова. М.: Индрик, 2006. С. 165–182.
- «Мы будем как во сне...»: представление о сне и сновидце в еврейской традиции // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2006. С. 10–28.
- «Порнография» Витольда Гомбровича: штрихи к интерпретации // Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура / отв. ред. В. А. Хорев, М. В. Лескинен. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 50–69.

- «Славянская» тема у польских романтиков // Поэтический мир славянства: общие тенденции и творческие индивидуальности / отв. ред. С. В. Никольский. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 71–86.
- Юлиан Тувим, Александр Ват, Бруно Ясенский: драма русско-еврейско-польского пограничья культур // Русско-еврейская культура / отв. ред. О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2006. С. 127–157.
- Исцеление, спасение, избавление в еврейской традиции и магическая практика (еврейский обряд кладбищенской свадьбы и его славянские параллели) // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2007. С. 89–109.
- Петербургские поляки (Сенковский, Булгарин) и Мицкевич // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. С. 118–137.
- Представление поляков о русских в XVII в. // Россия в глазах славянского мира / отв. ред. А. В. Липатов. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. С. 39–71.
- Polski tekst literacki w perspektywie recepcji oraz polityki rosyjskiej XVII wieku // Literatura, kultura i język Polski w kontekstach i kontaktach światowych. III Kongres Polonistyki zagranicznej / pod red. M. Czerwińskiej, K. Meller, P. Ficińskiego. Poznań: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2007. S. 205–216.
- Представление о русских и образ Московии в «Истории Владислава, польского и шведского Королевича» (1655) Ст. Кобежицкого // Мелодии, краски, запахи «малой родины» Адама Мицкевича / редкол. С. Ф. Мусиенко и др. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2008. С. 202–209.
- Проблемы еврейской эмансипации и ассимиляции в прозе и публицистике Болеслава Пруса // Творчество Болеслава Пруса и его связи с русской культурой / отв. ред. М. В. Лескинен, В. А. Хорев. М.: Индрик, 2008. С. 189–210.
- Пути и способы перемещения в Святую Землю в еврейской традиции // Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2008. С. 33–46.
- Светская и церковная власти польско-литовского государства и еврейское меньшинство: политика и идеология // Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в средние века. К 70-летию Бориса Николаевича Флори / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Индрик, 2008. С. 285–304.
- Участие евреев в польских военных конфликтах XVII века // Jews & Slavs / ed. by W. Moskowich, S. Nikolova and M. Taube. Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem, Center for Slavic Languages and literature; Gdańsk: Gdańsk University of Slavic Philology, 2008. Vol. 21: Jews, Poles and Russians: Jewish-Polish and Jewish-Russian Contacts. P. 71–83.
- Еврейские легенды о «начальных временах» в Чехии и Польше // История — миф — фольклор в еврейской и славянской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2009. С. 324–344.

- Образ русского, русской власти, польско-русские отношения в польской политической публицистике 70-х годов XVI в. // Русская культура в польском сознании / отв. ред. Н. М. Филатова, В. А. Хорев. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 101–115.
- Вклад Меера Балабана в деятельность Еврейского историко-этнографического общества // *Parlamentaryzm — konserwatyzm — nacjonalizm. Sefer jowel. Studia ofiarowane Profesorowi Szymonowi Rudnickiemu / pod red. J. Żyndul.* Warszawa: Wydawnictwo. Sejmowe, 2010. S. 131–142.
- «Отцы и дети» по-еврейски // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2010. С. 356–378.
- Иудеи и христиане Восточной Европы: отношение к чужой мудрости // Мудрость — праведность — святость в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2011. С. 121–144.
- Политика — литература — цензура: эхо скандала XVII века // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты / отв. ред. С. Гжибовский, В. А. Хорев, М. Волос. М.: Квадрига, 2011. С. 140–155.
- Польский вопрос как славянский и европейский: русский взгляд (1863–1916) // Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 68–87.
- Польский «король-королевич» — русский царь: литературный портрет // Текст славянской культуры. К юбилею Л. А. Софроновой / редкол. Н. В. Злыднева, Н. М. Куренная, М. В. Лескинен. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 449–459.
- Русская тема в «Бенёвском» Ю. Словацкого // Юлиуш Словацкий и Россия / отв. ред. В. А. Хорев, Н. М. Филатова. М.: Индрик, 2011. С. 71–87.
- Jewish Studies in Russia in the Post-Communist Era // *Journal of Modern Jewish Studies.* 2011. Vol. 10. № 1. P. 119–133.
- Trzy spójrzania na Polskę z Rosji (1863–1916) // *Polonistyka bez granic. IV Kongres Polonistyki Zagranicznej.* UJ, 9-11.10.2008 / pod red. R. Nycza, W. T. Miodunki i T. Kunza. Krakow: Universitas, 2011. T. 1: Wiedza o literaturze i kulturze. S. 231–239.
- Новый государственный праздник России: 4 ноября versus 7 ноября // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2012. С. 103–119.
- Славянская тема у Гоголя // Н. В. Гоголь и славянские литературы / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Индрик, 2012. С. 44–63.
- Polacy i Rosjanie: współdziałanie na tle rosyjskiego Zamętu, czyli Smuty // *Studia Rossica XXII. Polska — Rosja: dialog kultur. Tom poświęcony pamięci Prof. Jeleńny Cybienko / red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Lucewicz.* Warszawa: Instytut Ruscystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2012. S. 55–65.

- Польский Гораций в московской тюрьме // *Amicus Poloniae*. Памяти Виктора Хорева / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Индрик, 2013. С. 249–258.
- Услышанное vs записанное (слухи о других народах в письменных литературных жанрах) // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2013. С. 66–85.
- Paradisus Judaeorum: еврейская элита в ренессансной Речи Посполитой // Евреи: другая история / сост., отв. ред. Г. Зеленина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 163–181.
- Иудеи и толерантность в Польско-Литовском государстве эпохи Ренессанса // Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы. Сборник материалов / отв. ред. Е. И. Аринин. Владимир: Аркаим, 2016. Т. 5. С. 129–149.
- «Не должно быть, чтобы сыны Высочайшего работали с противоположными целями» // Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2016. С. 97–112.
- Еврейский Орфей в аду XX века: Юзеф Виттлин // Труды по еврейской истории и культуре. Материалы XXIII Международной ежегодной конференции по иудаике / отв. ред. В. В. Мочалова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2017. С. 494–521.
- Предосудительные сексуальные контакты как источник конфликтов // Контакты и конфликты в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2017. С. 93–111.
- Konflikt — wyobcowanie — wrogość — obojętność w środowisku żydowskim w Europie Wschodniej w zwierciadle literatury, publicystyki, pamiętnikarstwa // Żydzi wschodniej Polski / red. J. Ławski, I. E. Rusek. Białystok: Prymat, 2017. Ser. V: W kręgu judaizmu. S. 81–96.
- Бартоломей Новодворский — идеал христианского рыцаря // Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Б. Н. Флори / отв. ред. А. А. Турилов. М.: Индрик, 2018. С. 423–440. <https://doi.org/10.31168/91674-483-5.32>.
- Еврейское меньшинство в польском правовом поле // Запреты и предписания в еврейской и славянской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2018. С. 76–91. <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2018.7>.
- Еврейская тема у «поджигателей столиц» — Поля Морана и Бруно Ясенского // *Judaic-Slavic Journal*. 2018. № 1. С. 59–84. <https://doi.org/10.31168/2658-3364.2018.1.2.1>.
- Gdy polityka chce rządzić historią // *Słowiańska Wieża Babel* / red. J. Czaja, I. Jermaszowa, M. Wójciak, B. Zieliński. Poznań: Wydawnictwo naukowe UAM, 2018. Т. II: Język i tożsamość. S. 147–160.
- Jewish Museums in Moscow (Грант РФФИ №15-18-00143) // *New Directions in the History of the Jews in the Polish Lands* / ed. by A. Polonsky, H. Węgrzynek, A. Żbikowski. Boston: Academic Studies Press; Warsaw: POLIN Museum of the History of Polish Jews, 2018. P. 150–169.

- «Археология памяти»: Петр Пазинский // Память vs история. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам II Хоревских чтений) / отв. ред. И. Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 261–275. <https://doi.org/10.31168/2618-8554.2019.4.1>.
- Вещь — символ: миграция и трансформация сюжета // Вещь — символ — знак в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2019. С. 149–156. <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2019.9>.
- Польская тема в русской литературе XVIII века // *Studia Polonica*: да юбилею професара Святланы Піліпаўны Мусіенка: зборнік артыкулаў / под нав. рэд. А. У. Бразгунова, М. М. Хмяльніцкага. Мінск: Кнігзбор, 2019. С. 248–258.
- Ilja Erenburg i Dymitr Fiłosofow: dwa spojrzenia na Polskę okresu międzywojennego // „Spojrzenie z ukosa”. Literatura i kultura rosyjska w Polsce międzywojennej / pod red. G. Pawlak, A. Sobieskiej. Warszawa: Instytut badań literackich PAN, 2019. S. 13–28.
- Temat żydowski u „podpalaczy stolic” // *Midrasz*. 2019. № 2 (208). S. 20–38.
- Польско-еврейская семейная сага // Семья и семейные ценности в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2020. С. 142–177. <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2020.9>.
- Полиэтничность как объект художественной рефлексии в творчестве писателей Австро-Венгрии // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений) / под общ. ред. И. Е. Адельгейм (отв. ред.), Н. А. Луньковой, Н. Н. Стариковой, Е. В. Шатько. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 195–217. (Сер. «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»). <https://doi.org/10.31168/2618-8554.2021.11>.
- Беллетристика из «полу-Азии»: Галиция, Подолия, Буковина в описаниях Карла Эмиля Францоа // Смех и юмор в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2021. С. 71–88 (Сер. «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия»). <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2021.5>.
- Wpis do sztambuchu Pani Profesor Wiktorii Śliwowskiej // *Wokół polskiej obecności w Rosji* / red. P. Gluszkowski et al. Warszawa: Neriton; CPRDiP, 2021. S. 199–200.
- Смутное время в России в польском и русском восприятии (очерки историографии и иконографии) // Польская художественная культура в историческом и современном контексте / отв. ред. И. Светлов, И. Люба. М.: Государственный институт искусствознания МК РФ; Институт истории искусств Варшавского университета; Польский институт литературы в Кракове, 2021. С. 76–88.

Литература

- Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М.: Институт славяноведения РАН; Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2002.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2 т. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
- Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы. М.: Наука, 1974.
- Мочалова В. В.* Борис Федорович Стахеев (1924–1993) // «Путь романтический совершил...»: Сборник статей памяти Бориса Федоровича Стахеева / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996.
- Словацкий Юлиуш.* Бенёвский. Поэма / редколл. О. П. Морозова, В. В. Мочалова, В. А. Хорев. М.: Индрик, 2002.
- Nikolskij S. V. Karel Čapek.* Praha: Československý spisovatel, 1952.

References

- Bernshtein, S. B., 2002. *Zigzagi pamiati: Vospominaniia. Dnevnikovye zapisi* [The Zigzags of Memory. Memoirs. Diaries]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Filologicheskii fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova.
- Gamkrelidze, T. V., Ivanov, V. V., 1984. *Indoevropskii iazyk i indoevropsy: rekonstruktsiia i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokul'tury. V 2 t.* [Indo-European and the Indo-Europeans: A Reconstruction and Historical Analysis of a Proto-Language and Proto-Culture]. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta.
- Litavrin, G. G., 1974. *Kak zhili vizantiitsy* [How the Byzantines Lived]. Moscow: Nauka.
- Mochalova, V. V., 1996. Boris Fedorovich Stakheev (1924–1993) [Boris Fedorovich Stakheev (1924–1993)]. In: V. A. Khorev, ed., 1996. "Put' romantichnyi sovershil...": *Sbornik statei pamiati Borisa Fedorovicha Stakheeva* ["He made a romantic path ...": Collection of Articles in Memory of Boris Fedorovich Stakheev]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN.
- Morozova, O. P., Mochalova, V. V., Khorev, V. A., eds., 2002. *Slovatskii Iuliush. Benevskii. Poema* [Juliusz Słowacki. Beniowski. The Poem]. Moscow: Indrik.
- Nikolskij, S. V., 1952. *Karel Čapek*. Prague: Československý spisovatel.

**TODOROVA M. THE LOST WORLD OF SOCIALISTS
AT EUROPE'S MARGINS: IMAGINING UTOPIA, 1870s — 1920s.
LONDON; NEW YORK: BLOOMSBURY, 2020. 384 P.
ISBN 978-1-3501-5033-1**

Ирина Сергеевна Путьятина

Кандидат исторических наук,
научный сотрудник,
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук
Почтовый адрес: ул. Кржижановского, д. 15, к. 2,
Москва, 117218, Россия
Электронный адрес: antze1984@mail.ru

Аннотация

Рецензируется монография М. Тодоровой «Затерянный мир социалистов на окраинах Европы: воображая утопию, 1870–1920-е гг.», посвященная становлению и взаимовосприятию международного социалистического движения и болгарской социал-демократии. Выделены основные особенности социалистического движения в Болгарии, представлен процесс проникновения социалистических идей в общественно-политическую среду страны. Рассмотрено отношение болгарских социалистов к национальному вопросу, вопросам войны и мира в период Балканских войн и Первой мировой войны. Болгарские социалисты представлены как последовательные интернационалисты и пацифисты, не изменившие своих позиций даже под влиянием начавшейся Первой мировой войны. Проанализирована проблема подражательности болгарского социализма как составная часть вопроса о русском или западноевропейском влиянии на него. Несмотря на то что Тодорова не отрицает распространенности и определенного культурного влияния идей русского народничества в Болгарии, она приходит к выводу о том, что как западноевропейская, так и национальная историография склонна преувеличивать русское влияние на формирование болгарской социалистической традиции. Представлены особенности двух выделяемых Тодоровой политических поколений, действовавших в Болгарии рассматриваемого периода. Выявлены типичные места получения образования болгарскими социалистами. При анализе большого объема исторических источников автор использует биографический метод для знакомства читателей с многочисленными социалистами, забытыми или обойденными национальной коммунистической историографией. Рассматривая индивидуальный опыт социалистов, Тодорова демонстрирует различные пути, приводившие людей в этот политический лагерь. Уделяется внимание женскому социалистическому движению в Болгарии и истории участия женщин в общественно-политической жизни страны.

Ключевые слова

Болгарская социал-демократия, II Интернационал, БРСДП (т. с.), Болгарская коммунистическая партия, марксизм, утопический социализм

Статья поступила в редакцию 29 августа 2021 г.

Цитирование: *Путьятина И. С.* [Рец.] Todorova M. The Lost World of Socialists at Europe's Margins: Imagining Utopia 1870s — 1920s. London; New York: Bloomsbury, 2020. 384 p. ISBN 978-1-3501-5033-1 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 289–300. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.13>

**TODOROVA M. THE LOST WORLD OF SOCIALISTS
AT EUROPE'S MARGINS: IMAGINING UTOPIA, 1870s — 1920s.
LONDON; NEW YORK: BLOOMSBURY, 2020. 384 P.
ISBN 978-1-3501-5033-1**

Irina S. Putyatina

Ph. D., Institute of Scientific Information
for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
Postal address: Krzhizhanovskogo, 15 Building 2,
Moscow, 117218, Russia
E-mail: antze1984@mail.ru

Abstract

This monograph by Maria Todorova discusses the establishment and mutual acceptance of the international socialist movement in Bulgarian social democracy. The main features of the socialist movement in Bulgaria are highlighted and the penetration of socialist ideas into the socio-political environment of the country is presented. The attitude of the Bulgarian socialists to the national question and the issues of war and peace during the Balkan Wars and the First World War are considered. Bulgarian socialists are presented as consistent internationalists and pacifists who did not change their positions even under the influence of the outbreak of the First World War. The problem of the imitativity of Bulgarian socialism is analyzed as an integral part of the issue of Russian or Western European influence upon Bulgaria. Despite the fact that Todorova does not deny the prevalence and cultural influence of the ideas of Russian populism in Bulgaria, she comes to the conclusion that both Western European and national historiography tend to exaggerate the Russian influence on the formation of the Bulgarian socialist tradition. Features of the two political generations identified by Todorova that operated in Bulgaria during the period under consideration are presented and the typical places of education of Bulgarian socialists are revealed. Analyzing a large volume of historical sources, the author uses the biographical method to acquaint readers with numerous socialists forgotten or bypassed by the national communist historiography. Considering the individual experience of socialists, Todorova demonstrates the various paths that led people to this political camp. Attention is paid to the women's socialist movement in Bulgaria and the history of women's participation in the social and political life of the country.

Keywords

Bulgarian social democracy, II International, BRSDP, Bulgarian Communist Party, Marxism;, utopian socialism, Narrow Socialists

Received 29 August 2021

How to cite: Putyatina, I. S., 2021. Todorova M. The Lost World of Socialists at Europe's Margins: Imagining Utopia, 1870s — 1920s. London; New York: Bloomsbury, 2020. 384 p. ISBN 978-1-3501-5033-1. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 289–300. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.13>

Автор рецензируемой монографии Мария Тодорова (род. 1949) — болгарский и американский историк, профессор Иллинойского университета, дочь болгарского историка, академика Николая Тодорова Тодорова (1921–2003), является крупным специалистом по истории Юго-Восточной Европы, Балкан, Османской империи и национализма. Широкую известность получили такие ее работы американского периода, как «Семейная структура населения Балкан и европейская модель. Демографические изменения в Османской Болгарии»¹, «Кости раздора: живой архив Васи́ла Левского и сотворение национального героя Болгарии»², «Воображая Балканы»³.

В своей новой работе «Затерянный мир социалистов на окраинах Европы: воображая утопию, 1870–1920-е гг.»⁴ Тодорова продолжает борьбу со свойственными западной историографии упрощением и стереотипизацией Балкан, а также недостаточным анализом региональной специфики. Назрела потребность в пересмотре отношения к изучению социал-демократического движения и в болгарской национальной историографии, поскольку как до 1990 г., так и после него оно отличалось политической ангажированностью, только с разными знаками полярности. Отсутствие идеологических ограничений позволило автору прекрасно справиться с задачей и показать нейтральную картину развития социалистического и коммунистического движения в Болгарии без демонизации сторон.

Хронологически монография охватывает половину столетия с 1870-х по 1920-е гг., период, когда социал-демократическое движение находилось на пике своего развития. Тодорова уделяет пристальное внимание деятельности II Интернационала и голосу болгарских представителей в нем. Заканчивает она свой труд рассмотрением первых лет после Октябрьской революции 1917 г. и анализом ее последствий для международного социалистического движения, не затрагивая межвоенный период.

Что касается географических рамок исследования, то выбор для анализа периферии Европы автор объясняет не только и не столько ее меньшей изученностью, сколько стремлением сломать сложившиеся в историографии стереотипы об эксклюзивной принадлежности социал-демократического движения западноевропейскому региону, а также о необходимости для его развития наличия в стране развитой промышленности и рабочего класса.

В качестве объекта изучения Тодорова избрала свою родную Болгарию, где социал-демократическое движение в указанный период было одним из самых влиятельных и многочисленных в Восточной Европе. Кроме того,

¹ *Todorova M. Balkan Family Structure and the European Pattern. Demographic Developments in Ottoman Bulgaria.* Washington, D. C.: American University Press, 1993.

² *Todorova M. Bones of Contention: The Living Archive of Vasil Levski and the Making of Bulgaria's National Hero.* Budapest; New York: Central European University Press, 2009.

³ *Todorova M. Imagining the Balkans.* New York; London: Oxford University Press, 1997.

⁴ *Todorova M. The Lost World of Socialists at Europe's Margins: Imagining Utopia, 1870s — 1920s.* London; New York: Bloomsbury, 2020.

как она справедливо отмечает, болгарский социализм уникален и интересен тем, что в период своего формирования испытал на себе влияния как немецкого, так и русского социализма (с. 8).

Не совсем ясно, однако, по какой причине автор не вынес Болгарию в заглавие книги. Социал-демократическое движение получило широкое развитие не только в Болгарии, но и в Сербии, о чем Тодорова упоминает лишь постольку, поскольку оно имело точки соприкосновения с болгарским.

Монография М. Тодоровой адресована в основном западным читателям, поэтому иногда она чересчур подробно останавливается на описании социально-экономической и политической ситуации в Болгарии описываемого периода.

Работа состоит из введения, трех частей, разбитых на восемь глав, и заключения. Автор сосредотачивается на том, как социал-демократические идеи воспринимались и преломлялись в разных регионах страны, разными поколениями и даже мужчинами и женщинами. Во введении Тодорова подробно останавливается на самом термине «утопия». В ее понимании утопизм — это стремление к идеальному политическому устройству. С этой точки зрения марксизм исследовательница также относит к категории утопического социализма.

В первой части работы, которая носит название «Центры и периферии», госпожа Тодорова знакомит читателей со способами адаптации болгарской социал-демократии внутри II Интернационала. Основные используемые ею приемы — это переход с макроисторического к микроисторическому уровню и обратно. Широкими мазками она набрасывает общую картину развития социал-демократического движения в Западной Европе. Особое внимание уделяется немецкой социал-демократической партии, которая к 1913 г. была самой многочисленной и организованной в Европе (насчитывала более 1 млн членов) и поэтому служила признанным образцом для подражания, особенно в Восточной Европе. Затем, вооружившись данными статистики, Тодорова обращается к критике современной западной историографии, которая продолжает придерживаться стереотипного мнения о том, что на Балканах не было условий для развития социалистического движения, так как индустриальный рабочий класс, необходимый для этого, был крайне малочислен (с. 18–19).

Один из центральных вопросов монографии — вопрос о том, какое влияние — русское или западноевропейское — было определяющим для формирования социалистического движения в Болгарии. Во-первых, автор считает безнадежно устаревшей до сих пор принятую в исторической науке биполярную схему разделения социалистического движения на социализм западного типа и русский. Нельзя не согласиться с Тодоровой в том, что экстраполяция произошедшего после Первой мировой войны раскола в социалистическом движении между коммунизмом и социализмом на период конца XIX — начала XX в. неправомерна. Она подчеркивает, что в рассма-

триваемый период русский социализм и его представители не считались на Западе «чужими», представителями другой цивилизации (с. 22).

Во-вторых, Тодорова полемизирует с утвердившейся в западной историографии точкой зрения, согласно которой болгарская социалистическая традиция берет свое начало исключительно в России. Основной причиной формирования данной точки зрения было утвердившееся мнение, что многие общественно-политические деятели, ставшие впоследствии основателями и лидерами Болгарской рабочей социал-демократической партии (далее — БРСДП) и Коммунистической партии Болгарии («тесных» социалистов) (далее — КПБ (т. с.)), получили образование в России. Тодорова аргументированно утверждает, что это не совсем так. При ближайшем рассмотрении оказывается, что некоторые из них, например Георгий Кирков (1867–1919) и Янко Саказов (1860–1941), получили в России только среднее гимназическое образование, а высшее — в Австро-Венгрии и Германии соответственно. В то время как другие — Васил Коларов (1877–1950), Георгий Бакалов (1873–1939), Христо Кабакчиев (1878–1940) — уже являлись членами болгарского социал-демократического движения до своего отъезда для продолжения образования за границей. И только про Димитра Благоева (1856–1924) и Николая Харлакова (1874–1927) можно говорить, что они были полностью сформированы в России (с. 26–29). Таким образом, вполне обоснованным представляется вывод Тодоровой о том, что об определяющем русском влиянии на болгарских социалистов правомерно говорить только применительно к межвоенному периоду.

Проблема русского влияния поднимается автором неоднократно в разных частях монографии. В частности, рассуждая о местах получения социалистами высшего образования, Тодорова указывает, что из 412 человек, про которых есть эта информация, 162 учились дома, 77 в Швейцарии, 31 в России, 28 в Германии, 20 в Австрии, 13 во Франции и 30 в других странах (с. 103). Таким образом, скромное число социалистов, получивших высшее образование в России, позволяет ей еще раз подчеркнуть несостоятельность мифа о том, что болгарские социалисты в массе своей были русскими учениками.

Тодорова называет и другие причины проведения параллелей между болгарским и русским социал-демократическим движением. Во-первых, это совпадение времени раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков и БРСДП на «тесных» и «широких» социалистов в 1903 г. с разницей в несколько месяцев. Тем не менее она правомерно подчеркивает, что внутрипартийные дискуссии, породившие раскол, в случае с РСДРП и БРСДП были абсолютно разными.

Еще одной причиной параллелизма был преимущественно аграрный характер экономического развития Болгарии и России. Однако Тодорова отмечает, что социальная структура этих стран была совершенно различной. Фундаментальное различие между РСДРП и БРСДП состояло в том, что последняя с самого своего основания в 1894 г. функционировала легально,

в рамках хоть и нестабильного, но все же демократического парламентского режима. Именно поэтому в болгарском социал-демократическом движении вплоть до 1920-х гг. отсутствовали разного рода конспиративные и боевые организации.

Автор справедливо приходит к выводу, что определение болгарского социализма как подражательного происходит из многих источников. При этом данная оценка не оспаривалась и национальной коммунистической историографией, которая после Второй мировой войны, наоборот, подчеркивала раннее восприятие болгарскими социалистами ленинских идей большевизма и решающую роль Октябрьской революции 1917 г. в становлении коммунистических партий в странах Восточной Европы, преуменьшая при этом значение ранних социал-демократических движений (с. 40–44).

Второй вопрос, поднимаемый Тодоровой в первой части монографии, касается точки зрения болгарских социалистов на способы достижения своих политических целей. Она подчеркивает, что в своем стремлении к достижению социализма обе болгарские социалистические партии — «тесных» и «широких» социалистов — придерживались революционной идеологии. Под революцией ими понималось фундаментальное изменение социального порядка, однако совершенно необязательно оно должно было произойти насильственным путем. С их точки зрения революция могла произойти и мирным, парламентским путем. Свою задачу они видели не в скорейшем приходе к власти любой ценой, а в легальной работе парламентскими методами с целью улучшения положения и развития сознательности рабочего класса.

Таким образом, автор убедительно доказывает, что обе ветви болгарской социал-демократии считали себя марксистскими революционными партиями. Разница была только в том, что именно они понимали под легальной политической борьбой. Тодорова подчеркивает важность этого различия, поскольку отмечает, что современная болгарская национальная историография унаследовала от историографии коммунистического периода стереотипное понимание «тесных» социалистов как революционеров, а «широких» — как неревolutionного, реформистского и ревизионистского крыла.

Во второй главе первой части, носящей название «Националисты метрополий и провинциальные космополиты», М. Тодорова касается важных проблем отношения к национальному вопросу и войне болгарских социалистов и видных представителей II Интернационала.

Одной из сильных сторон монографии является то, насколько внимательно автор прослеживает эволюцию взглядов болгарских социалистов касательно македонского вопроса и идеи Балканской федерации. Исследовательница подчеркивает, что европейские социалисты не поддерживали стремления к национальной независимости в своих славянских товарищах (поляках, чехах, болгарях, сербах). Они неоднократно оставляли без вни-

мания призывы болгарских и сербских коллег выступить с резолюцией по македонскому вопросу. Только после подавления турецкими властями Илинденского восстания в августе 1903 г. Международное социалистическое бюро выступило с краткой резолюцией о необходимости полной автономии Македонии.

Западноевропейские социалисты и II Интернационал поддерживали младотурецкий режим, несмотря на его возраставшую националистическую направленность и антисоциалистическую политику, так как считали сохранение территориальной целостности Турции гарантией мира на Балканах (с. 65).

Болгарские социалистические партии накануне Балканских войн разделяли пацифистскую позицию II Интернационала. Таким образом, как справедливо отмечает Тодорова, они недооценивали стремление правящих на Балканах режимов решить проблему военным путем и переоценивали их способность ограничить грядущий военный конфликт исключительно Балканами.

Когда 1 октября 1915 г. Болгария вступила в Первую мировую войну на стороне Тройственного союза, «тесные» социалисты проголосовали против предоставления военных кредитов.

Таким образом, они вошли в почетную четверку социал-демократических сил, которые последовательно выступали против войны. Среди них из числа воюющих стран — сербская социал-демократия и левое крыло IV Государственной Думы, состоявшее из меньшевиков и трудовиков; а из числа первоначально нейтральных стран — это итальянцы и болгары, которые не изменили свои позиции даже после того, как их правительства вступили в войну.

Тодорова убедительно критикует принятое в историографии квазиэкономическое объяснение того, почему именно отсталые аграрные страны не поддержали империалистическую войну. Эти страны якобы были недостаточно вовлечены в массовую индустриальную войну в связи со сложностями мобилизации сельского, неграмотного и политически пассивного населения. С другой стороны, исследовательница приводит и объяснение В. И. Ленина, который заявлял, что империализм, создавая так называемую рабочую аристократию в экономически развитых странах Запада, создал и причину для патриотизма среди местных социалистов (с. 70).

Нельзя не согласиться с Тодоровой в том, что, какими бы ни были попытки объяснений, факт остается фактом: почти все социалисты-интернационалисты происходили из Восточной Европы или были связаны с ней. И восточноевропейские социалисты, и их западные коллеги были продуктами своей среды. Западные представляли молодые и сильные национальные государства и колониальные империи, а восточноевропейские — Османскую, Габсбургскую и Российскую империи, находившиеся в заключительных фазах своего развития. Они были вынуждены действовать в много-

национальной среде, поэтому им приходилось на практике подтверждать свою приверженность интернационалистской риторике.

Интереснейшие авторские находки ожидают читателей в середине книги, а именно во второй части, озаглавленной «Поколения». Эта часть состоит из трех глав: «Просопография левых социалистов Болгарии», «Истории становления» и «Женщины-социалисты или жены социалистов».

М. Тодорова утверждает существование двух крупных политических поколений в пространственно-временных рамках своей работы. К первой группе она относит людей, выросших и получивших образование в первые несколько десятилетий существования де-факто независимой после 1878 г. Болгарии. Одной из главных особенностей политической атмосферы этого времени было мирное существование и интенсивная политическая жизнь, проходившая под знаком веры в возможность прогресса в рамках пусть и несовершенной, но вполне рабочей парламентской системы. Первое поколение Тодорова называет «поколением Благоева», независимо от того, к какому политическому лагерю принадлежали его представители (с. 85).

Ко второй группе автор причисляет тех, чье детство и юность пришлись на Балканские войны и Первую мировую войну. Тодорова выбрала 1900 г. как условную границу между двумя политическими поколениями левых. Тех, кто был рожден до 1900 г., она относит к первому поколению. Ко второму поколению автор относит рожденных между 1900 и 1930 гг. и предлагает называть его «большевизированным поколением». Именно второе поколение было радикализировано войнами, политически нетерпимо, воинственно и стремилось повторить русскую революцию. Его представители захватили лидерство в международном социалистическом движении с середины 1920-х гг. (с. 86). Многие из этого поколения оказались разочарованы в парламентской демократии и в межвоенный период стали отстаивать либо авторитарную монархию и правую диктатуру, либо революцию и диктатуру пролетариата.

В первой главе второй части — «Просопография левых социалистов Болгарии» — исследовательница сосредотачивается на просопографическом анализе первого поколения болгарских социалистов, то есть рожденных между 1850 и 1900 гг. Автором проведена титаническая работа по созданию базы данных, в которую включены сведения о примерно 3500 представителях болгарских левых, которых с той или иной долей условности можно отнести к социалистам. В частности, это те, кто сам определял себя как социалистов, а также анархисты, левые аграрии и члены некоторых (особенно македонских) националистических организаций. Сведения для базы данных были собраны из энциклопедических изданий, опубликованной литературы и архивов (с. 88).

В этой главе нашему вниманию представлены количественные данные, анализ которых позволяет выявить типичное социальное происхождение, профессии, уровень и места получения образования, а также степень вовле-

ченности в ключевые политические события, характерные для социалистов первого поколения. После этого автором представлен качественный анализ выделенных из общей массы данных, наиболее показательных для иллюстрации выявленных тенденций. Тодорова стремилась показать различный жизненный опыт, который приводил людей к тому, чтобы стать социалистами, и с этой целью она рассматривает несколько знаковых биографий.

В главе «Истории становления» исследовательница знакомит нас с процессом проникновения социалистических идей в общественно-политическую среду Болгарии. Тодорова дает краткий обзор первых публикаций в местной проправительственной, нейтральной и оппозиционной прессе, относящихся к периоду Парижской коммуны, о том, что же представляет собой социализм.

Она также выделяет следующие характерные особенности социалистического движения в Болгарии. Во-первых, второстепенную роль по сравнению с Россией у болгар и других балканских социалистов атеизма и антиклерикализма. Причину данной особенности автор видит, с одной стороны, в том, что как институт церковь в Болгарии была гораздо слабее, чем в России; а с другой стороны, в том, что она играла важную роль в поддержании национальной независимости в Османский период (с. 133). Эта особенность отделяет болгарских социалистов и Балканы в целом также и от Южной Европы — Испании и Италии, где социализм и анархизм имели ярко выраженную антиклерикальную направленность против могущественной католической церкви.

Во-вторых, говоря о распространении и преломлении на болгарской почве народнических идей, Тодорова дает краткий обзор деятельности получившего образование в России С. Гулабчева (1852–1918) и его учения сиромасомильства, представлявшего собой смесь анархизма, народничества, революционно-демократических идей и даже богомильства (с. 128). Касается она также деятельности в Болгарии эмигрантов из России — народников Н. К. Судзиловского (1850–1930) и В. К. Дебогория-Мокриевича (1848–1926).

Нельзя не согласиться с выводом исследовательницы о том, что в целом народничество в Болгарии было скорее культурным движением вовсе не потому, что болгары были как-то особенно устойчивы к вирусу русского народничества, а, видимо, потому, что оно добралось до Болгарии уже на излете своей популярности в 1870-е гг. В этот период болгары в основном были озабочены решением национального вопроса, а в 1880-е гг., когда способы, которыми этот вопрос был решен, вызвали разочарование в рядах интеллигенции, произошло переосмысление народнической тактики в целом и рост интереса к марксизму (с. 130). При этом, как подчеркивает Тодорова, болгарские народники, хоть и были социалистами, но практически никогда не переходили на марксистские позиции. Марксистами чаще становились именно бывшие участники национально-революционного движения после завышенных ожиданий, вызванных условиями Сан-Стефанского прелими-

нарного мирного договора в марте 1878 г. На деле же последовало фактическое расчленение страны на Берлинском конгрессе и навязывание Болгарии великими державами монархической формы правления с иностранным князем во главе.

Не обходит вниманием автор и вопрос о значительном влиянии идей Л. Н. Толстого на болгарских социалистов, причем характерной чертой болгарского толстовства, в отличие от русского, было его политическое присутствие в нескольких болгарских партиях, в том числе и в правящем Болгарском земледельческом народном союзе (БЗНС). Кроме того, Тодорова указывает на существование в Болгарии устойчивого мифа, к созданию которого, вероятно, была причастна дочь писателя, Александра, о том, что свое последнее путешествие в 1910 г. Толстой предпринял с целью окончательно поселиться в Болгарии (с. 126).

Тодорова в общих чертах рисует политические портреты большого числа представителей болгарской интеллигенции, подчеркивая, что многие известные политики, писатели и актеры исповедовали в юности социалистические идеи, как, например, писатель П. Тодоров (1879–1916) и актер М. Икономов (1871–1960) (с. 126).

Последняя глава второй части — «Женщины-социалисты или жены социалистов» — посвящена женскому социалистическому движению в Болгарии и в целом истории участия женщин в общественно-политической жизни страны. Тодорова подчеркивает прогрессивность программных требований БРСДП, касающихся женского вопроса, по сравнению с другими социалистическими партиями Европы, а также рассказывает биографии выдающихся и забытых женщин-социалистов, которые, как правило, были женами или другими родственницами мужчин — членов БРСДП. Среди них жена Д. Благоева — Вела Благоева (1859–1921), жена Г. Киркова — Тина Киркова (1872–1947), первая жена Я. Саказова — Анна Карима (1871–1949) и другие. При этом исследовательница справедливо отмечает, что женщины становились социалистками вовсе не под влиянием своих мужей. Будучи продуктами одной среды, они находили спутников жизни себе под стать. В основном эти женщины были учителями и писательницами, что оказывало бесспорное влияние на воспитание молодого поколения в социалистической системе координат (с. 156).

Третья часть монографии представляет собой анализ индивидуального опыта избранных Тодоровой социалистов по материалам опубликованных и неопубликованных источников личного происхождения. Продолжая тему женщин-социалистов, она открывает третью часть главой, повествующей о жизни учительницы Ангелины Боневой (1852–1958). Ее биография была избрана для анализа как пример жизненного пути обычного человека, совершенно неординарного в своей обычности. Бонева является женщиной, которая полностью сделала себя сама. Она происходила из бедной семьи и образование получила очень поздно, оставаясь неграмотной до двадцати лет.

Вторая глава третьей части посвящена социалисту Тодору Цекову (1882–1962), который оставил обширнейшие воспоминания-мемуары о своей жизни, хранящиеся в Центральном государственном архиве в Софии. Он привлек внимание исследовательницы стремлением задокументировать обстоятельства своей жизни, в воспоминаниях и дневниках он использовал копии писем и документов.

Последняя глава монографии рассказывает о становлении, а затем недолгом семейном союзе двух деятелей болгарского социалистического движения — племянницы Х. Раковского Койки Тиневой (1880–1964) и Николы Скарова (1881–1943). Их брак и последовавший затем развод избраны как свидетельства идеалистического отношения социалистов к любви и равноправию полов.

Проблема изучения национальных социал-демократических движений докоммунистической эпохи стала вновь актуальна в свете обновления теоретических концепций в исторической науке, расширения источниковой базы, переосмысления уже имеющегося научного наследия. Несомненно, что к выбору такой сложной и дискуссионной темы М. Тодорову подтолкнул историографический анализ научной литературы, оставивший у исследовательницы ощущение незавершенности и несогласия с предъявленной картиной.

Однако историографический раздел в работе Тодоровой отсутствует, поэтому ее полемика с предшественниками, как и богатая теоретическая база исследования, становятся очевидны только благодаря подробному изучению научно-справочного аппарата и раздела использованной литературы.

Использование автором биографического метода является несомненным плюсом монографии. При анализе большого объема архивных и других материалов это позволяет исследовательнице познакомить читателей с целой галереей портретов забытых социалистов. Кроме того, издание снабжено большим количеством фотографий людей, о которых идет речь, что создает дополнительный эффект личного знакомства с ними.

По распространенной среди западных историков практике автор построила книгу не просто как традиционное исследование, а снабдила свое повествование обширными отступлениями — рассказами о местах, где жили ее герои, и об их личных взаимоотношениях, что оживляет текст и делает его интересным для читателя.

Работа М. Тодоровой написана на стыке нескольких дисциплин — социологии, истории и философии — и представляет собой прекрасный образец мультидисциплинарного подхода. Она поднимает дискуссионные вопросы, на которые не может быть однозначного ответа. Несмотря на то что иногда обширные теоретические и биографические отступления, а также громоздкие цитаты кажутся лишними и уводящими далеко в сторону от заявленной темы, все вместе создает уникальный полифонический эффект, которого, без сомнения, и стремилась достичь автор.

Литература

Todorova M. Balkan Family Structure and the European Pattern. Demographic Developments in Ottoman Bulgaria. Washington, D. C.: American University Press, 1993.

Todorova M. Bones of Contention: The Living Archive of Vasil Levski and the Making of Bulgaria's National Hero. Budapest; New York: Central European University Press, 2009.

Todorova M. Imagining the Balkans. New York; London: Oxford University Press, 1997.

Todorova M. The Lost World of Socialists at Europe's Margins: Imagining Utopia, 1870s — 1920s. London; New York: Bloomsbury, 2020.

References

Todorova, M., 1993. *Balkan Family Structure and the European Pattern. Demographic Developments in Ottoman Bulgaria.* Washington, D. C.: American University Press.

Todorova, M., 2009. *Bones of Contention: The Living Archive of Vasil Levski and the Making of Bulgaria's National Hero.* Budapest; New York: Central European University Press.

Todorova, M., 1997. *Imagining the Balkans.* New York; London: Oxford University Press.

Todorova, M., 2020. *The Lost World of Socialists at Europe's Margins: Imagining Utopia, 1870s — 1920s.* London; New York: Bloomsbury.

**КОЖУХАРОВ А. ЛИЧНИТЕ АКАДЕМИЧНИ ДОКУМЕНТИ
НА БЪЛГАРСКАТА МОРСКА ОБРАЗОВАТЕЛНА СИСТЕМА
(1892–1946). ВАРНА: ВВМУ «Н. Й. ВАПЦАРОВ», 2021. 203 С.
ISBN 978-619-7428-55-1**

Никита Сергеевич Гусев

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: gusevns@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9573-7018

Аннотация

Рецензия посвящена монографии Асена Кожухарова, доктора военных наук, преподавателя Высшего военно-морского училища им. Н. Вапцарова (Болгария), сферой интересов которого является история болгарского военно-морского флота. Книга посвящена 140-летию создания Морского училища — событию, заложившему фундамент болгарского военно-морского образования. В ней осуществлен анализ документов, полученных выпускниками учреждений, связанных с системой подготовки кадров для морского флота. Документы получены из архивных фондов и личных коллекций и охватывают период 1892–1946 гг. На основании ряда факторов (связанных как с оформлением, так и с наполнением документов) автор создал собственную типологию выпущенных документов, указал на факторы, оказавшие влияние на изменения в делопроизводстве и образовательной системе в целом. В книге обосновывается значимость указанного типа исторических документов. Они не только позволяют изучить систему образования в Болгарии в указанное время, но и дают индивидуальные сведения о выпускниках и преподавателях. На основе проведенного анализа также возникает возможность выявления подложных документов.

Ключевые слова

Болгария, военно-морской флот, образование, вспомогательные исторические дисциплины, источниковедение

Статья поступила в редакцию 15 августа 2021 г.

Цитирование: *Гусев Н. С.* [Рец.] Кожухаров А. Личните академични документи на българската морска образователна система (1892–1946). Варна: ВВМУ «Н. Й. Вапцаров», 2021. 203 с. ISBN 978-619-7428-55-1 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 301–306. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.14>

**KOZHUKHAROV A. LICHNITE AKADEMICHNI DOKUMENTI
NA BULGARSKATA MORSKA OBRAZOVATELNA SISTEMA
(1892–1946). VARNA: VVMU “N. I. VAPTSAROV”, 2021. 203 S.
ISBN 978-619-7428-55-1**

**[KOZHUKHAROV A. PERSONAL ACADEMIC DOCUMENTS
OF THE BULGARIAN MARITIME EDUCATION SYSTEM (1892–1946).
VARNA: VVMU “N. I. VAPTSAROV”, 2021. 203 P.]**

Nikita S. Gusev

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: gusevns@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9573-7018

Abstract

This review is devoted to the monograph by Asen Kozhukharov, Doctor of Military Sciences, Head of the Naval Tactics Department of the Nikola Vaptsarov Naval Academy (Bulgaria). His area of interest is the history of the Bulgarian Navy. The book is dedicated to the 140th anniversary of the creation of the Naval School, which laid the foundation of Bulgarian naval education. Documents received by graduates of institutions related to the personnel training system of the navy were analyzed. The documents were obtained from archival funds and personal collections and cover the period 1892–1946. Based on a number of factors (both related to the design and content of the documents), the author created his own typology of the issued documents. He pointed out the factors that influenced the changes in the documents and in the educational system as a whole. The book substantiates the significance of this type of historical document. They allow not only the study of the education system in Bulgaria at a specified time, but also provide information about graduates and teachers. Also, by using these documents, there is an opportunity to identify forgeries.

Keywords

Bulgaria, navy, education, auxiliary sciences of history, source criticism

Received 15 August 2021

How to cite: Gusev, N. S., 2021. Kozhukharov A. Lichnite akademichni dokumenti na bulgarskata morska obrazovatelna sistema (1892–1946). Varna: VVMU “N. I. Vaptsarov”, 2021. 203 s. ISBN 978-619-7428-55-1 [Kozhukharov A. Personal Academic Documents of the Bulgarian Maritime Education System (1892–1946). Varna: VVMU “N. I. Vaptsarov”, 2021. 203 p.]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 301–306. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.14>

«**В**се, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения» — эти слова классика исторической науки М. Блока давно уже стали аксиомой¹. Заданный школой «Анналов» тренд на привлечение разноплановых и порой необычных исторических источников или их анализ в неожиданном ракурсе являются нормой для работ в области медиевистики или в сферах, связанных с изучением так называемой истории ментальностей. Однако для привлечения новых источников остается место и в позитивистском изучении Позднего Нового времени. К образцам такого подхода в болгарской исторической науке можно отнести обозреваемую в настоящей рецензии книгу. Ее автор Асен Кожухаров известен своими исследованиями в области истории болгарского военно-морского флота, в частности, недавно опубликовал книгу об обучении болгарских морских офицеров за рубежом². В рамках своих исследований он в 2007–2020 гг. собирал личные академические документы, подтверждающие, что их владелец прошел обучение по морским и военно-морским специальностям в Болгарии. А. Кожухаров смог обнаружить 164 документа в 18 архивах (в т.ч. архивах учебных заведений) и нескольких частных коллекциях (с. 152).

Автор утверждает, что данный вид источников «очень редко» используется в научных публикациях, с чем, конечно, нельзя согласиться, поскольку они регулярно задействуются при биографических изысканиях. Однако следующее заключение А. Кожухарова указывает на цель работы — документы «не систематизированы, а их продуктивность для исторической науки до сих пор не получила нужного признания» (с. 6).

Предметом анализа стали документы за период с основания Морского училища в 1881 г. и до упразднения монархии в Болгарии в 1947 г. В основу систематизации автор положил следующие критерии: печатное или рукописное исполнение, вид документа (аттестат, диплом или свидетельство), учебная программа, статус заведения; в качестве дополнительных критериев выступили размеры и полиграфические особенности документов, системы оценки успеваемости, печати и подписи, присутствующие на бланке, а также наличие фотографий (с. 8). Таким образом, в работе изучаются вопросы создания документов, а не их функционирования, благодаря чему монографию следует отнести не к документоведению, а более привычному источниковедению.

В книге автор исследовал документы, выпущенные разнообразными образовательными учреждениями — Морским и Машинным училищами, Морской учебной частью, Военно-морским его величества училищем, школами кочегаров, кормчих, рыболовным училищем и др. Собственно, классифика-

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1973. С. 38.

² Кожухаров А. Обучението на българските морски офицери зад граница (1882–1944). Варна: Тера Балканика, 2015.

ция учреждений и легла в основу структуры книги. В первой главе обозреваются аттестаты и свидетельства зрелости, выданные Морским училищем в 1892–1946 гг.; во второй — свидетельства, аттестаты и дипломы высшего военно-морского образования в Болгарии; в третьей же сведены данные о документах, свидетельствующих о квалификации в сфере мореплавания; разнообразие профессий обусловило подробный характер этой главы.

Самым старым документом, который удалось обнаружить, является выданное в ноябре 1892 г. свидетельство Г. Пантелеева об окончании Морского училища (с. 12). Оно, как отмечает автор, имеет особую ценность, поскольку не сохранилось учебной документации за этот период, а воспоминания об образовательной организации ее выпускники и преподаватели писали полвека спустя, а потому они отличаются неточностью и противоречивостью (с. 15). По документу же Г. Пантелеева можно реконструировать хотя бы набор преподававшихся предметов. Аналогичное значение свидетельства имеют и для ряда малоизученных образовательных учреждений. Например, для таких низших флотских образовательных структур, как Машинное училище, училища минеров и кочегаров (с. 102). Для более позднего времени, которому присуща лучшая сохранность документации образовательных учреждений, свидетельства об окончании позволяют выявить расхождение официальной и действительной программ обучения, а также дают сведения об официальных печатях структур флота, подписях должностных лиц и, главное, о внешнем облике тех или иных выпускников, поскольку для части документов характерно наличие портретной фотографии выпускника (с. 52, 121).

Документы А. Кожухаров классифицировал, разделив на 45 эмиссий (с. 153). Естественно, что предложенная типология, как и любая другая типология источников, может подвергаться корректировкам, к тому же отдельные типы весьма немногочисленны. Прделанная работа наверняка будет полезной при реконструкции новых источников, их датировке и атрибуции, что станет подспорьем прежде всего для биографов. Вдобавок она позволяет выявлять поддельные документы. Так, анализируя документы об окончании учебных заведений и опираясь на полученную информацию об их эмиссиях, А. Кожухаров выявил отдельную категорию дипломов и аттестатов, выданных после окончания Второй мировой войны и заверенных министерскими печатями, но не соответствующих оригиналам в тех или иных деталях (с. 144–145).

Как писал М. Блок, «хотя мы обречены знакомиться с ним (прошлым. — *Н.Г.*) лишь по его следам, нам все же удается узнать о нем значительно больше, чем ему угодно было нам открыть»³, — так и в нашем случае: собранные А. Кожухаровым сведения позволяют сделать интересные наблюдения над образовательной системой страны в целом.

³ Кожухаров А. Обучението на българските морски офицери зад граница (1882–1944). С. 192.

На первых порах количество людей узкой специальности было столь невелико, что Морское училище и вовсе не выдавало письменных документов о его окончании (с. 11). С другой стороны, такой подход заведомо ограничивал выпускников в смене профессии, но, видимо, и не предполагалось, что кадры военно-морского флота могут возжелать сменить стезю. Одной из причин этого являлось то, что для балканских государств рубежа XIX–XX вв. характерны более высокие темпы модернизации и внедрения инноваций в армии, нежели в мирной экономике. И в итоге военные специалисты попросту не были востребованы за пределами армии и флота. Подтверждает это и тот факт, что Электротехническая минная школа стала выдавать аттестаты лишь после Первой мировой войны, когда радиоаппаратура впервые стала применяться на невоенных кораблях (с. 123–124).

Личные академические документы позволяют заглянуть и за официальный фасад обучения, особенно в том, что касается межвоенного периода. По итогам Нейиского мирного договора Болгарии запрещалось иметь военный флот и, соответственно, вести подготовку военно-морских кадров. Фактическая программа обучения, которая отразилась в свидетельствах выпускников, дает возможность увидеть те хитрости, на которые шло руководство страны. Например, появляется категория «специальных» предметов, означаемых иногда как «Война на море в связи с торговым кораблеплаванием» (с. 90–91). Анализ этого списка показывает, что под такой личиной скрывались дисциплины, которым ранее учили военных моряков.

Третье же наблюдение касается образца, на который ориентировались в Болгарии при подготовке кадров для флота. Точнее, его отсутствия. Различные наименования одних и тех же предметов, применение шести- и двенадцатибалльной систем оценивания (иногда и с дробными) свидетельствуют, что поначалу каждое учебное заведение самостоятельно выбирало удобный для себя вариант и действовало во многом по своему разумению, а не по указу сверху. Это, конечно, говорит о творческой атмосфере в учебных заведениях, но, с другой стороны, указывает и на недостаточное планирование работы этих организаций. Но, как часто бывало на Балканах, многие институты современного государства создавались ради самого своего существования, и лишь пройдя не всегда прямой этап своего становления, они превращались в полноценно действующие...

«Исторические источники сами по себе не существуют, — в это достоинство памятники прошлого возводит лишь мысль историка», — писал известный отечественный историк А. Я. Гуревич⁴. А. Кожухаров укрепил достоинство личных академических документов как ценных исторических источников. Желая придать вес предлагаемому в книге подходу, автор даже предложил новую вспомогательную историческую дисциплину (ВИД) называть аттестатикой или аттестатологией (с. 7). Некоторые ее цели можно

⁴ Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 26.

считать частично схожими с дипломатикой — в частности, выявление достоверных и подложных документов. Собственно, монография А. Кожухарова благодаря своему охвату и детальности обзора прежде всего ценна как справочник для определения подлинности документов. В то же время предложенная аттестатология опирается на другие ВИДы — символику, эмблематику, сфрагистику, филигранологию и т. д., что превращает изучение аттестатов не в отдельный ВИД, а в комплексную задачу, которую автор может ставить перед собой. Вдобавок возведение ее на глобальный уровень вряд ли возможно. Если типология лишь в указанной узкой отрасли на чуть более чем полувековом периоде истории Болгарии предполагает 45 типов, то при переносе на более масштабные сферы прошлого она фактически рассыплется на мириады разновидностей. Вряд ли получится создать и универсальную для нескольких стран типологию — приходится учитывать слишком много критериев. Впрочем, весьма вероятно, что при ином отборе критериев и с учетом открывающихся возможностей применения методов анализа больших массивов данных нас могут ждать неожиданные открытия. В наш IT-век у историков возникают перспективы, которые еще толком не осознаны профессиональным сообществом, а построение систематик и типологий на новых принципах наверняка приведет к серьезным прорывам. Впрочем, для них нужен сбор данных, чем историкам предстоит заниматься, опираясь на существующие методы. В этом плане работа А. Кожухарова весьма полезна для науки и сохранит свою ценность в будущем.

Литература

- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1973.
- Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 21–36.
- Кожухаров А. Личните академични документи на българската морска образователна система (1892–1946). Варна: ВВМУ «Н. Й. Вапцаров», 2021.
- Кожухаров А. Обучението на българските морски офицери зад граница (1882–1944). Варна: Тера Балканика, 2015.

References

- Bloch, M., 1973. *Apologiia istorii, ili Remeslo istorika* [The Historian's Craft]. Moscow: Nauka.
- Gurevich, A. Ia., 1991. O krizise sovremennoi istoricheskoi nauki [On the Crisis of Modern Historical Science]. *Voprosy istorii*, 2–3, pp. 21–36.
- Kozhukharov, A., 2021. *Lichnite akademichni dokumenti na bulgarskata morskata obrazovatelna sistema (1892–1946)* [Personal Academic Documents of the Bulgarian Maritime Education System (1892–1946)]. Varna: VVMU “N. I. Vaptsarov”, 2021. 203 p.
- Kozhukharov, A., 2015. *Obuchenieto na bulgarskite morski ofitseri zad granitsa (1882–1944)*. [Training of Bulgarian Naval Officers Abroad (1882–1944)]. Varna: Tera Balkanika.

**BOROVNIK S. VEČKULTURNOST IN MEDKULTURNOST
V SLOVENSKI KNJIŽEVNOSTI.
MARIBOR: UNIVERZITETNA ZALOŽBA UNIVERZE, 2017. 172 s.
ISBN 13-978-961-286-093-6**

Александра Николаевна Красовец

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: aleksandrakrasovec@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9500-1767

Аннотация

Рецензия на научную монографию «Мультикультурность и межкультурность в словенской литературе» (словен. *Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti*; Марибор, 2017) словенского литературоведа, доктора филологических наук Сильвии Боровник раскрывает содержание и проблематику книги и сосредотачивается на главах, посвященных межкультурному взаимодействию между Словенией и республиками бывшей Югославии, в частности на анализе исследовательницей эссе Драго Янчара и Алеша Дебеляка, а также двуязычного творчества Йосипа Ости и Горана Войновича. Труд Боровник также через призму мультикультурности и межкультурности рассматривает опус каринтийских писателей Ф. Липуша, М. Хадерлап, П. Хандке, словенско-французской романистки Б. Свит, словенско-немецкой писательницы М. Кресе, американо-словенской писательницы Э. Джонсон-Дебеляк, словенско-австрийской романистки и поэтессы Альмы Карлин и др.

Ключевые слова

Мультикультурность, межкультурность, словенская литература, литературное двуязычие, Сильвия Боровник, Драго Янчар, Алеш Дебеляк, Йосип Ости, Горан Войнович

Статья поступила в редакцию 3 ноября 2021 г.

Цитирование: *Красовец А. Н.* [Рец.] Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. Maribor: Univerzitetna založba univerze, 2017. 172 str. ISBN 978-961-286-093-6 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 307–320. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.15>

**BOROVNIK S. VEČKULTURNOST IN MEDKULTURNOST
V SLOVENSKI KNJIŽEVNOSTI.
MARIBOR: UNIVERZITETNA ZALOŽBA UNIVERZE, 2017. 172 s.
ISBN 13-978-961-286-093-6
[BOROVNIK S. MULTICULTURALITY AND INTERCULTURALITY
IN SLOVENIAN LITERATURE. MARIBOR: UNIVERSITY PRESS,
2017. 172 P.]**

Aleksandra N. Krasovec

Ph. D., Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: aleksandrakrasovec@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9500-1767

Abstract

This review of the monograph “Multiculturalism and Interculturalism in Slovenian Literature” (Maribor, 2017), by Slovenian literary critic and Doctor of Philology Silvija Borovnik, discerns the content and problems of the book. We focus especially on the chapters that deal with intercultural interaction between Slovenia and the republics of the former Yugoslavia. We also consider in particular the analysis of the essays by Drago Jančar and Aleš Debeljak, as well as the bilingual works of Josip Osti and Goran Vojnović. Borovnik’s work also examines the opus of Carinthian writers F. Lipuš, M. Haderlap, P. Handke, the Slovenian-French novelist B. Svit, the Slovenian-German writer M. Krese, the American-Slovenian writer E. Johnson Debeljak, and the Slovenian-Austrian novelist and poet Alma Karlin, amongst others, through the prism of multiculturalism and interculturalism.

Keywords

Multiculturalism, interculturalism, Slovenian literature, literary bilingualism, Silvija Borovnik, Drago Jančar, Aleš Debeljak, Josip Osti, Goran Vojnović

Received 3 November 2021

How to cite: Krasovec, A. N., 2021. Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. ISBN-13 978-961-286-093-6. [Borovnik S. Multiculturalism and Interculturalism in Slovenian Literature. Maribor: University Press, 2017. 172 p.]. Maribor: Univerzitetna založba univerze, 2017. 172 str. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 307–320. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.15>

Профессор кафедры славянских языков и литературы философского факультета университета в Мариборе, доктор филологических наук Сильвия Боровник в 2017 г. выпустила научную монографию «Мультикультурность и межкультурность в словенской литературе». Книга состоит из двух частей: первая посвящена литературе (10 глав), а вторая — словенскому языку в Словении и в мире (3 главы). Нас прежде всего будет интересовать первая часть, в которой исследовательница рассматривает творчество различных авторов в призме мультикультурности и межкультурности, а также гибридной языковой и литературной идентичности. Составляющие эту часть главы носят следующие названия: «Словенский народ и страна в избранных эссе Драго Янчара», «Космополит Алеш Дебеляк», «Образы межкультурности в литературных произведениях Йосипа Ости», «Литературно-языковая полифония и языковой переход в литературе Брины Свит», «Двойные идентичности в современной словенской прозе», «Литературно-языковая многослойность в романе Майи Хадерлап “Ангел забвения”», «Словенская идентичность в литературном творчестве Петра Хандке», «Произведения Липуша “Полет Боштьяна” и “Расследование имени” как замыкание круга и подведение черты», «Альма Карлин — уникальная писательская личность», «Первая мировая война в романе “Добердоб” Прежихова Воранца». Вторую часть составляют три главы: «Интернационализация — новая особенность системы высшего образования с отказом от словенского языка?», «Верность словенскому — это национализм, ксенофобия, собственное продвижение?», «Наука — это то, что может немного подождать». Здесь Сильвия Боровник вступает в актуальную во время издания книги дискуссию о роли словенского языка в высшем образовании и науке в связи с политическими инициативами так называемой интернационализации словенских университетов и попытками их коммерциализации, в частности путем перехода на преподавание на английском языке.

Боровник изучает явление межкультурности в словенской литературе, на которое также обратили свое пристальное внимание три другие исследовательницы — Мета Гросман, Яня Житник-Серафин и Лидия Димковская¹; Боровник ссылается на их авторитетные работы, высветившие маргинализированный до начала 2000-х гг. аспект словенского культурного пространства. Одной из важных областей изысканий Боровник являются словенско-германские литературные связи. В монографии в данном аспекте она анализирует творчество словенских писателей из австрийской Каринтии и их двойные литературные и языковые идентичности — Флорьяна Липу-

¹ Grosman M. Književnost v medkulturnem položaju. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2004; Večkulturna Slovenija. Položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru (Migracije 15) / ur. J. Žitnik Serafin. Ljubljana: ZRC, ZRC SAZU, 2008; Iz jezika v jezik. Antologija sodobne manjšinske in priseljenke književnosti v Sloveniji / ur. L. Dimkovska. Ljubljana: Društvo slovenskih pisateljev, 2014.

ша (р. 1937), Майи Хадерлап (р. 1961), австрийского писателя словенских корней Петера Хандке (р. 1942), лауреата Нобелевской премии, также родившегося в Каринтии, в чьем творчестве значительное место занимает осмысление словенской составляющей собственной идентичности и сложной судьбы каринтийских словенцев во время Второй мировой войны и после нее. Организованное словенским национальным меньшинством партизанское сопротивление против гитлеровской армии на территории Каринтии спасло репутацию Австрии, о чем последняя позднее намеренно забыла; о данном травматическом эпизоде истории говорят произведения всех трех авторов. Серьезную полемику, однако, вызывает язык каринтийских словенских писателей: если Липуш последовательно и принципиально пишет исключительно на словенском, то Хадерлап создала роман «Ангел забвения» (2011) по-немецки, что, по мнению Липуша, вызывает большую досаду и способствует изживанию словенского языка². Для Хадерлап же немецкий послужил своего рода щитом, позволившим ей установить рациональную дистанцию и рассказать о наиболее ранящем и чувствительном³; о подобном психологическом механизме при переходе на французский язык говорит другая словенская писательница — Брина Свит (род. 1954), живущая и работающая в Париже⁴, чье творчество Боровник также изучает в призме отражения гибридной, кочующей идентичности. Хандке же исследовательница причисляет к словенским писателям и рассматривает как образцовый пример двойной германо-словенской межкультурной идентичности⁵. При этом она с большим огорчением отмечает непонимание им актуальной политической ситуации в Словении в период распада Югославии и разразившихся войн, желание писателя видеть в родине своих предков лишь метафорическую и мифическую страну⁶.

В ряду словенско-австрийских литераторов Боровник приводит писательницу, поэтессу, путешественницу, полиглота и теософа Альму Карлин (1989–1950), словенку по национальности, писавшую по-немецки; в ее случае литературовед обращает внимание на то, что центральное словенское пространство вплоть до середины XX в. было билингвальным и что в рамках словенского литературного канона следует также рассматривать творчество тех, кто на данной территории писал на иностранных языках. Словенская писательница, поэтесса и журналистка Маруша Кресе (1947–2013), жившая и работавшая в Берлине, посвятившая себя активной

² Borovnik S. Literarno-jezikovna večplastnost v romanu Maje Haderlap "Angel pozabe" // Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. Maribor: Univerzitetna založba univerze, 2017. <https://doi.org/10.18690/978-961-286-093-6.S.77-78>.

³ Ibid. S. 77.

⁴ Borovnik S. Literarno-jezikovna polifonija in jezikovni prestop v literaturi Brine Svit // Ibid. S. 57.

⁵ Borovnik S. Slovenska identiteta v literarnem delu Petra Handkeja // Ibid. S. 96.

⁶ Ibid. S. 101.

гуманитарной деятельности, в частности в Боснии и Герцеговине во время войны в начале 1990-х гг., представляет собой яркий и своеобразный пример писателя-космополита. Наряду с этими авторами исследовательница изучает межкультурное творчество поистине уникальной для словенского контекста писательницы — американки Эрики Джонсон-Дебеляк (р. 1961), живущей в Словении и пишущей по-английски.

Монография Сильвии Боровник, однако, начинается с обращения к проблематике межкультурного взаимодействия Словении с другими республиками Югославии. Данный вопрос получил наиболее острое и полемическое проявление в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда эта государственная структура начала трагическим образом рушиться. Этот процесс и так называемое «возвращение в Европу», значимость для словенцев культурного пространства Центральной Европы рефлексировал в своих эссе Драго Янчар (р. 1948), в частности в сборнике *Terra incognita* (1989). Драго Янчар был одним из тех писателей (наряду с Нико Графенауэром, Вено Тауфером, Руди Шелиго, Тоне Партличем и др.), которые заняли ангажированную политическую позицию и выступали за независимость Словении, ценности открытости, демократии и плюрализма. Обращаясь к истории словенского народа, Янчар размышляет о его идентичности и культурном своеобразии, которое всегда были вынуждены защищать именно литературные деятели. Бой за словенский язык, таким образом, был также борьбой за собственное существование ценой гонений, унижений, беженства и лишения свободы⁷. История словенцев — это также история миграций, что, однако, не помешало словенской идентичности активно сохраняться и в других странах (преимущественно в Северной Америке и Аргентине). В одном из эссе под названием «Центральная Европа между метеорологией и утопией» Янчар остро полемизирует с Петером Хандке, который после получения важной награды в области центральноевропейской литературы — словенской Виленицы за свой роман «Повторение» (1986), где он искренне размышляет о своей «словенскости» по материнской линии, — заявил, что для него Центральная Европа — это «метеорологическое явление». Словенские интеллектуалы резко отреагировали на столь высокомерное и пренебрежительное отношение Хандке к важной для них идентификационной модели, среди них был и Янчар, подчеркнувший, что Центральная Европа была для словенцев «видением, позволившим выйти из своей изолированности», стремлением и движением к свободе⁸. Вхождение в Европу, однако, подчеркивает писатель, должно происходить с опорой на разнообразие и его уважение, о чем он размышляет в сборнике эссе «Египетские кастрюли

⁷ Jančar D. Identiteta // Jančar D. *Terra incognita*. Celovec: Wieser, 1989. S. 9. Цит. по: Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 19.

⁸ Jančar D. Srednja Evropa med meteorologijo in utopijo // Jančar D. *Terra incognita*. S. 61, 65. Цит. по: Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 21-22.

мяса» (1994)⁹, написанном в период после провозглашения Словенией независимости и, как отмечает Боровник, во время войны в Боснии, где «Европа зачастую, к сожалению, слишком много наблюдала и слишком мало результативно помогала»¹⁰.

Несколько другой ракурс имеют эссе словенского поэта Алеша Дебеляка (1961–2016), которые Сильвия Боровник анализирует в следующей главе монографии. Исследовательница рассматривает четыре сборника эссе — «Сумрак идолов» (1994), «Темное небо Америки» (1994), «Прошлогодний снег» (2002), «Европа без европейцев» (2004) — и то, какие ракурсы и трансформации приобретает центральная для них проблематика межкультурности при меняющемся историческом и геополитическом контексте. Так, в эссе 1994 г. «Сумрак идолов» автор болезненно отзывается на распад Югославии, в которой он родился, вырос и которая навсегда сформировала его личную и литературную идентичность. Дебеляк упрекает Сербию в том, что она через парадную дверь изгнала присущий ей когда-то дух космополитизма. Автору представляется крайне опасным возвращение к одним и тем же архетипам, в частности к поражению сербов на Косовом поле в 1389 г., приводящему к возрождению этого архаичного «менталитета» и сегодняшнему их мщению боснийцам¹¹. Для Дебеляка же бывшая Югославия именно благодаря сосуществованию различных культур являлась исключительно богатой страной. Он подчеркивает, что нашу идентичность формирует «не то стихотворение, которое мы читаем, но то, к которому мы возвращаемся»¹². Именно эту цитату Боровник помещает в начало своей книги в качестве эпиграфа. Исследовательница также подчеркивает, что поэт написал свой текст в то время, когда на территории бывшей Югославии все еще шла война; рассуждать о положительных составляющих этого государства в период, когда все бывшие республики требовали независимости, было далеко не самым желаемым. Дебеляк осмелился выразить то, о чем многие не решались заговорить¹³. Он пишет, что до начала военных действий принадлежал к поколению, которое не очень задумывалось о давлении коммунизма, о чем так много писали литераторы более старшего поколения. Его же поколение располагало множеством свобод, не осознавая реального течения истории.

Накануне распада Югославии Алеш Дебеляк получил стипендию Фулбрайта и уехал в США. Его впечатления о жизни в этой стране вы-

⁹ Jančar D. Egiptovski lonci mesa. Ljubljana: Mihelač, 1995. S. 48.

¹⁰ Borovnik S. Slovenski narod in država v izbranih esejih Draga Jančarja // Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 22. Здесь и далее перевод со словенского мой. — А. К.

¹¹ Debeljak A. Somrak idolov. Esey. Celovec/Klagenfurt: Založba Wieser, 1994. S. 13. Цит. по: Borovnik S. Kozmopolit Aleš Debeljak // Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 26.

¹² Ibid. S. 27.

¹³ Ibidem.

лились в сборник эссе «Темное небо Америки» (1994), где его все так же интересуют формы межкультурного взаимодействия. Поэт рассуждает об американской академической системе, он настаивает, что в культурную и политическую историю Америки необходимо включить два понятия — расизм и геноцид, а также раскрыть студентам замолчанную историю об отношении американцев к темнокожим, индейцам и женщинам; культурный канон должен вбирать в себя произведения преследуемых социальных групп¹⁴.

Следующий сборник эссе Дебеляка «Прошлогодний снег» (2002) посвящен жизни в Словении после провозглашения независимости. Место и роль писателя, по словам автора, кардинально меняются после падения коммунизма, он становится лишь «частным открывателем путей в лабиринтах души»¹⁵, не обладая больше прежней мобилизационной общественной силой и моральным авторитетом. Дебеляк предупреждает о росте «нарциссизма частных интересов» в Словении, эгоистичной концентрации на всем своем, следствием которых становятся нехватка исторической памяти, высокомерие по отношению к иммигрантам из третьего мира и с Балкан, когда, по его мнению, проявилась «вся отвратительная подлость словенской ксенофобии»¹⁶.

В сборнике «Европа без европейцев» (2004) Дебеляк пытается осознать новую для Словении роль в Европейском Союзе, место словенского языка в глобальном мире; книга, по мнению Боровник, еще и сегодня остается поразительно актуальной. Идея ЕС о проходимости границ и объединении напоминает ему идею югославских «братства и единства». Дебеляк также выдвигает аргумент о том, что ЕС недостает естественного общего языка, которым вовсе не может быть английский. По его мнению, Европа не в состоянии пока предложить транснациональные идеи, которые бы функционировали объединяюще, что приводит к росту правых популистских идей, поиску козлов отпущения в лице иммигрантов, беженцев, жителей Восточной Европы¹⁷. В этой связи конструкция общеевропейской идентичности должна была бы, по мысли автора, опираться на все пространство культурных, лингвистических и этнических традиций, а не черпать лишь из самых крупных и наиболее узнаваемых. При этом он упоминает югославский урок: попытка оказалась неуспешной, поскольку наиболее многочисленные сербы стремились при помощи языка и культуры доминировать над всеми остальными. Если национализм, по его словам, очень легко пропагандировать, поскольку он не требует интеллектуальных усилий, то космопо-

¹⁴ *Debeljak A. Temno nebo Amerike. Celovec/Klagenfurt: Založba Wieser, 1994. S. 57–58. Цит. по: Borochnik S. Kozmopolit Aleš Debeljak. S. 30.*

¹⁵ *Debeljak A. Lanski sneg. Eseji o kulturi in tranziciji. Maribor: Založba Aristej, 2002. S. 26. Цит. по: Borochnik S. Kozmopolit Aleš Debeljak. S. 32.*

¹⁶ *Ibidem.*

¹⁷ *Ibid. S. 35.*

литизм является предметом индивидуального этического выбора, основываясь на сопереживании, межкультурной и межъязыковой компетенции¹⁸. Так, согласно Дебеляку, различие — это мать идентичности; не существует единой закрытой культуры. Это в равной степени касается и Словении: поэт упоминает немецкий язык, который до 1918 г. являлся здесь языком социальных элит, вторую же половину XX в. ознаменовало культурное своеобразие бывшей Югославии. Боровник, обращаясь к комплексности идей Дебеляка, отдает дань этому талантливому и яркому литератору, к сожалению, трагически погибшему за год до выхода ее монографии.

Анализ интеллектуальной позиции Дебеляка исследовательница продолжает и в следующей главе, посвященной творчеству боснийско-словенского поэта, писателя, эссеиста, переводчика, литературного критика Йосипа Ости (1945–2021), родившегося в Сараево, но с 1990 г. жившего и работавшего в Словении, а с 1997 г. перешедшего на написание художественных текстов на словенском языке. В книге эссе «Мостки через Балканы» (2010)¹⁹ Дебеляк погружается в историю региона, ставшего позднее Югославией, в события до Первой мировой войны. 1990-е гг. Дебеляк называет «великим наводнением и уничтожением цивилизации, в которой прошла наша молодость»²⁰. В это же время, как отмечает Боровник, в Словению окончательно переезжает другой поэт — сараевец Йосип Ости. Исследовательница ошибочно утверждает, что это произошло из-за войны²¹, сам Ости подчеркивал, что обосновался в Словении в конце 1980-х, встретив здесь любовь²². Боровник указывает на уникальную биографию Ости и его семьи: дед поэта, словенец, еще во времена Австро-Венгрии переехал жить из северной Италии в Боснию, там женился на боснийской польке, бабушке Йосипа. От себя добавим, что мама поэта была хорваткой по фамилии Мештрович и находилась в родстве с известным скульптором Иваном Мештровичем. Йосипа Ости отличает удивительно богатая литературная, переводческая, редакторская и даже спортивная деятельность (в молодости Ости — член сборной Югославии по легкой атлетике). Ости был директором международного литературного фестиваля «Сараевские дни поэзии», председателем Союза литературных переводчиков Боснии и Герцеговины; антивоенным активистом — помогал организовывать помощь писателям и поэтам в осажденном Сараево, руководил литературными ателье для детей

¹⁸ *Debeljak A.* Lanski sneg. Eseji o kulturi in tranziciji. S. 36–37.

¹⁹ *Debeljak A.* Balkanska brv. Eseji o književnosti jugoslovanske Atlantide. Ljubljana: Študentska založba, 2010.

²⁰ Ibid. S. 69. Цит. по: *Borovnik S.* Podobe medkulturnosti v literarnih delih Josipa Ostija // *Borovnik S.* Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 43.

²¹ Ibid. S. 43–44.

²² *Baltić A.* Josip Osti, tisti dobitnik največjih slovenskih literarnih priznanj, ki je bil izbrisan // RTV SLO. 08.05.2016. URL: <https://www.rtv slo.si/kultura/novice/josip-osti-tisti-dobitnik-najvecjih-slovenskih-literarnih-priznanj-ki-je-bil-izbrisan/391354> (дата обращения: 15.10.2021).

беженцев из Боснии и Герцеговины, издавал серию *Egzil-abc*, в которой с 1993 по 1996 г. вышло 160 книг, в частности произведения боснийских авторов, оставшихся в Сараево или ставших военными беженцами в других странах Европы. Ости — поэт международной значимости, многие его сборники переведены на иностранные языки и вошли в состав антологий. Как отмечает Боровник, космополитическое творчество Ости представляет собой знаковый пример двудомного литературного существования²³. Некоторые исследователи определяют последнее как «литературное творчество между культурами»²⁴, вносят в ряд успешных примеров так называемой «литературы иммигрантов»²⁵.

Боровник рассматривает несколько поэтических сборников Ости — те, которые были написаны им по-сербохорватски в Словении и вышли в виде двуязычных изданий с переводом на словенский, где он при этом рефлексировал трагедию своего родного города, думает о людях и близких, оставшихся в осажденном Сараево, среди которых и его мама («Сараевская книга мертвых», 1993; «Печать Соломона», 1995). Лирический герой Ости, преимущественно совпадающий с самим автором, говорит о том, что лишился дома, родины, языка, стал изгнанником, но пытается построить новый дом вместе со своей возлюбленной на словенском Красе, признавая при этом, что его истинный дом — это поэзия. Боровник анализирует сложный процесс перехода Ости на новый язык поэтического творчества — на словенский, ссылаясь также на референтные статьи поэта Бориса А. Новака²⁶. Последний подчеркивает, что «богатство владения двумя языками, двумя мирами означает в то же время и болезненную раздвоенность»²⁷. Первый сборник Ости по-словенски «Нарцисс с Краса» (1999) продолжает тему растерянности при переходе на новый язык, которую обогащает тема любви, описание идиллической природы Краса, а также всепроникающие мотивы смерти. Сборник «Скатерть Вероники» (2002) посвящен матери поэта, которая осталась в осажденном Сараево и продолжала «вязать свою скатерть», так же как ее сын продолжал ткать поэзию для своей мамы. Стихи пронизаны чувством тоски по родине, но и, как подчеркивает Боровник, критического отношения к ней:

²³ Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 45.

²⁴ Mugerli M. Pisanje med kulturami (Dvojezično pesništvo Josipa Ostija) // Večkulturnost v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi. 41. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture / ur. M. Stabej. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 2005. S. 190–194. Цит. по: Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 45.

²⁵ Večkulturna Slovenija. Položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru (Migracije 15) / ur. J. Žitnik Serafin. Ljubljana: ZRC, ZRC SAZU, 2008. Цит. по: Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 45.

²⁶ Novak B. A. Izgon v raj: dvojezični pesniški zemljevid Josipa Osti // Osti J. Izgon v raj. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2012. S. 371–421.

²⁷ Ibid. S. 383. Цит. по: Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 47.

*Я не верю,
что человек живет ради того, чтобы умереть за
родину. Особенно не за ту, которая беспрерывно
была местом битвы, истребления и пепелищем.
Которая, если и мать, то убийца собственных детей*²⁸.

Боровник обращается также к краткой прозе Ости — к сборникам «Исчезло ледяное волшебство» (1998) и «Учитель любви» (2004), в которых автор сперва на родном языке, а затем по-словенски возвращается к событиям своего детства в мультикультурном Сараево. Как и поэзия Ости, его проза также преимущественно автобиографическая. Исследовательница отмечает особую искренность и юмор прозаических произведений Ости, его словенский язык гибок и невероятно богат²⁹.

Боровник уделяет особое внимание Ости как литературному критику, в частности его книге эссе «Бег под радугой» (2008), где поэт проявляет себя и как уникальный знаток словенской литературы, написанной авторами-женщинами. Ости анализирует произведения поэтесс и писательниц как более старшего поколения, так и молодого, по всей видимости, с осознанием, что их творчество слишком мало известно и канонизировано³⁰.

Исследовательница в связи с фигурой Ости рассуждает о том, что словенское литературоведение, к сожалению, слишком долго изучало словенскую литературу как закрытую систему, определенную лишь одной национальностью, учитывая при этом лишь тех авторов и те произведения, которые были созданы в Словении и на словенском языке. Потребовалось немало времени, прежде чем вышли научные исследования, которые, например, учитывали также литературу словенцев, проживающих в других странах мира³¹, еще больше прошло времени перед тем, как увидели свет работы, указывающие на то, что к словенской литературе также следует относить тех авторов, которые переехали в Словению по личным и/или политическим причинам. Боровник подчеркивает, что лишь в последнее время исследователи, а иногда и сами авторы, отмечают, что национально-филологическая модель изучения литературы ввиду полифонии и плюрализма литературных систем на сегодняшний день не является больше удовлетворительной, что необходимо учитывать также литературное творчество мигрантов, всех тех, кто ввиду различных обстоятельств оказался в «пространстве между», где продолжает сохранять свою особую,

²⁸ *Osti J. Sonce povsod in vse enako greje // Osti J. Veronikin prt: tomajske ne himne ne elegije. Ljubljana: Študentska založba, 2002. S. 22. Цит. по: Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 45. S. 48.*

²⁹ *Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 49.*

³⁰ *Ibid. S. 50.*

³¹ *Slovenska izseljenska književnost 1-3 / ur. J. Žitnik Serafin, H. Glušič. Ljubljana: Založba ZRC SAZU; Rokus, 1999.*

изначальную культурную идентичность, но и заимствует многие элементы, полученные в новых культурных и национальных условиях³².

Боровник приводит также статью «Литературное творчество переселенцев в Словении»³³ писательницы и исследовательницы Лидии Димковской, македонки, переехавшей жить в Словению. Она пишет о том, что здесь проживает около 120 литераторов-иммигрантов, прибывших из республик бывшей Югославии, а за последние годы и из других стран. Их творчество она называет «ранимой структурой», но с присущим им новым качеством: «Они стали мостами между своей старой и новой родиной и культурой», многие из них также в роли литературных переводчиков³⁴. При этом она обращает внимание на тот факт, что речь, как правило, идет о литературе, с которой не считаются и которой пренебрегают.

Боровник отмечает исключительную важность коллективной монографии «Мультикультурная Словения» (2008), вышедшей под редакцией Житник-Серафин, которая увидела свет именно тогда, когда однопациональные государства начали уходить в прошлое. Последняя пишет, что идентичность писателей-иммигрантов и писательниц-иммигранток «несомненно двунациональная», но до этого таковым было признано лишь двуязычное литературное творчество Ости³⁵. Житник-Серафин указывает на сложности, с которыми приходится сталкиваться авторам-иммигрантам, на давление в выборе языка, нацеленном на языковую ассимиляцию и их изолированность. О словенском культурном пространстве исследовательница рассуждает как о находящемся в «переходном периоде формирования межкультурного сознания»³⁶. Авторы-иммигранты оказываются дискриминированными, в частности, их крайне редким появлением на престижных литературных фестивалях, невозможностью получения писательских стипендий и т. д., оставаясь, таким образом, геттоизированными. Житник-Серафин выступает за их право писать на своих родных языках, тогда как перевод их произведений должен быть их демократическим правом: «Историческая задача словенской национальной литературы — читать, утверждать и интегрировать литературу иммигрантов в общую литературу, которая не будет боль-

³² Grosman M. Književnost v medkulturnem položaju. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2004; Mugerli M. Pisanje med kulturami (Dvojezično pesništvo Josipa Ostija) // Večkulturnost v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi. 41. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture / ur. M. Stabej. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 2005. S. 190–194; Večkulturna Slovenija. Položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru.

³³ Dimkovska L. Književno delo priseljencev v Slovenijo // Večkulturna Slovenija... S. 75–101.

³⁴ Ibid. S. 78. Цит. по: Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 51.

³⁵ Žitnik Serafin J. Položaj priseljenskih avtorjev v slovenski kulturi // Večkulturna Slovenija... S. 103. Цит. по: Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 51.

³⁶ Ibidem.

ше только “словенской для словенцев”, но литературой мультикультурной Словении для всех, кто живет в Словении»³⁷. Боровник разделяет позицию исследовательницы и подчеркивает, что Йосип Ости благодаря своему монументальному литературному опусу помог проложить именно такой путь.

В главе «Двойные идентичности в современной словенской прозе» Боровник анализирует дебютный роман еще одного автора, представляющего двуязычную и межкультурную литературную идентичность, чьи родители являются первым поколением иммигрантов из республик бывшей Югославии. Речь идет о Горане Войновиче (р. 1980) и его книге «Чефуры вон!» (2008). Исследовательница рассматривает произведение об иммигрантах из южных республик бывшей Югославии как открытое обращение к теме национализма в его наиболее современной форме, так, как ее ощущает на своей коже молодое поколение. Боровник подчеркивает, что Войнович для повествования о жизни этой плохо ассимилированной, маргинальной социальной группы выбрал точку зрения подростка и его молодежный язык — смесь литературного и разговорного словенского языка, боснийского и уличного сленга; книга наполнена юмором, но в действительности обращается к печальным реалиям — бедности, отверженности обществом, бесперспективности, а также раздвоенности второго поколения иммигрантов с их ничейной идентичностью³⁸.

Хотелось бы особо отметить, что обо всех вышеупомянутых авторах и связанных с их творчеством явлениях межкультурности Сильвия Боровник пишет в исключительно положительном и мотивирующем ключе, подчеркивая космополитический характер литераторов и их усилия в соблюдении уважения в адрес как собственной, так и иностранных культур и языков. Ценным нам также кажутся отсылки к исследованию Меты Гросман о природе родного языка и явлении билингвизма. Последняя, подчеркивая уникальность и значимость каждого языка, отмечает, что носители различных языков живут в своих особенных мирах, так что данные интимные миры в определенной степени не поддаются полному сравнению с мирами других культур³⁹, родной язык и связанное с ним культурное наследие определяет восприятие человека вплоть до таких понятий, как время, пространство и человеческие отношения⁴⁰. Так и употребление нескольких языков и культур в литературном произведении не означает всегда лишь сожития различий, но предполагает и острые исторические и межкультурные конфликты. Каждый автор, обращающийся к этому полю наложения

³⁷ *Žitnik Serafin J.* Položaj priseljenskih avtorjev v slovenski kulturi // *Večkulturna Slovenija...* S. 103. Цит. по: *Borovnik S.* Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 52.

³⁸ *Borovnik S.* Dvojne identitete v sodobni slovenski prozi // *Borovnik S.* Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 73–74.

³⁹ *Grosman M.* Književnost v medkulturnem položaju. S. 17–19. Цит. по: *Borovnik S.* Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. S. 63.

⁴⁰ *Ibid.* S. 88.

и столкновения различных культурных пространств неминуемо занимает ангажированную позицию.

Главы монографии Боровник объединяют единые методологические рамки, проблематика и авторский интерпретационный подход. Большим плюсом является открытие новых точек зрения при анализе текстов, в частности внимание к маргинальным группам и формам насилия над ними, конститутивный феминистский подход. Исследование Сильвии Боровник, таким образом, систематически осветляет важную для современного литературоведения проблематику, служа основательной базой для дальнейших научных изысканий.

Литература

- Baltić A.* Josip Osti, tisti dobitnik največjih slovenskih literarnih priznanj, ki je bil izbrisan // RTV SLO. 08.05.2016. URL: <https://www.rtvlo.si/kultura/novice/josip-osti-tisti-dobitnik-najvecjih-slovenskih-literarnih-priznanj-ki-je-bil-izbrisan/391354> (дата обращения: 15.10.2021).
- Borovnik S.* Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. Maribor: Univerzitetna založba univerze, 2017. <https://doi.org/10.18690/978-961-286-093-6>.
- Debeljak A.* Balkanska brv. Eseji o književnosti jugoslovanske Atlantide. Ljubljana: Študentska založba, 2010.
- Debeljak A.* Evropa brez Evropejcev. Ljubljana: Založba Sophia, 2004.
- Debeljak A.* Lanski sneg. Eseji o kulturi in tranziciji. Maribor: Založba Aristej, 2002.
- Debeljak A.* Somrak idolov. Eseg. Celovec/Klagenfurt: Založba Wieser, 1994.
- Debeljak A.* Temno nebo Amerike. Celovec/Klagenfurt: Založba Wieser, 1994.
- Dimkovska L.* Književno delo priseljencev v Slovenijo // Večkulturna Slovenija. Položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru (Migracije 15) / ur. J. Žitnik Serafin. Ljubljana: ZRC, ZRC SAZU, 2008. S. 75–101.
- Grosman M.* Književnost v medkulturnem položaju. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2004.
- Iz jezika v jezik. Antologija sodobne manjšinske in priseljske književnosti v Sloveniji / ur. L. Dimkovska. Ljubljana: Društvo slovenskih pisateljev, 2014.
- Jančar D.* Egiptovski lonci mesa. Ljubljana: Mihelač, 1995.
- Jančar D.* Terra incognita. Celovec: Wieser, 1989.
- Mugerli M.* Pisanje med kulturami (Dvojezično pesništvo Josipa Ostija) // Večkulturnost v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi. 41. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture / ur. M. Stabej. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 2005. S. 190–194.
- Novak B. A.* Izgon v raj: dvojezični pesniški zemljevid Josipa Osti // *Osti J.* Izgon v raj. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2012. S. 371–421.
- Osti J.* Veronikin prt: tomajske ne himne ne elegije. Ljubljana: Študentska založba, 2002.
- Slovenska izseljenska književnost 1–3 / ur. J. Žitnik Serafin, H. Glušič. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, Rokus, 1999.
- Večkulturna Slovenija. Položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru (Migracije 15) / ur. J. Žitnik Serafin. Ljubljana: ZRC, ZRC SAZU, 2008.

References

- Baltić, A., 2016. Josip Osti, tisti dobitnik največjih slovenskih literarnih priznanj, ki je bil izbrisan [Online]. *RTV SLO*. 08.05.2016. Available at: <https://www.rtvlo.si/kultura/novice/josip-osti-tisti-dobitnik-najvecjih-slovenskih-literarnih-priznanj-ki-je-bil-izbrisan/391354> (accessed: 15.10.2021).
- Borovnik, S., 2017. *Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti*. Maribor: Univerzitetna založba univerze. <https://doi.org/10.18690/978-961-286-093-6>.
- Debeljak, A., 2010. *Balkanska brv. Eseji o književnosti jugoslovanske Atlantide*. Ljubljana: Študentska založba.
- Debeljak, A., 2004. *Evropa brez Evropejcev*. Ljubljana: Založba Sophia.
- Debeljak, A., 2002. *Lanski sneg. Eseji o kulturi in tranziciji*. Maribor: Založba Aristej.
- Debeljak, A., 1994. *Somrak idolov. Esej*. Klagenfurt: Založba Wieser.
- Debeljak, A., 1994. *Temno nebo Amerike*. Klagenfurt: Založba Wieser.
- Dimkowska, L., 2008. Književno delo priseljencev v Slovenijo. In: J. Žitnik Serafin, ed., 2008. *Večkulturna Slovenija. Položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru (Migracije 15)*. Ljubljana: ZRC, ZRC SAZU, pp. 75–101.
- Dimkowska, L., ed., 2014. *Iz jezika v jezik. Antologija sodobne manjšinske in prise-ljenske književnosti v Sloveniji*. Ljubljana: Društvo slovenskih pisateljev.
- Grosman, M., 2004. *Književnost v medkulturnem položaju*. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Znanstveni inštitut Filozofske fakultete.
- Jančar, D., 1989. *Terra incognita*. Klagenfurt: Wieser.
- Jančar, D., 1995. *Egiptovski lonci mesa*. Ljubljana: Mihelač.
- Mugerli, M., 2005. Pisanje med kulturami (Dvojezično pesništvo Josipa Ostija). In: M. Stabej, ed., 2005. *Večkulturnost v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi. 41. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, pp. 190–194.
- Novak, B. A., 2012. Izgon v raj: dvojezični pesniški zemljevid Josipa Osti. In: J. Osti, 2012. *Izgon v raj*. Ljubljana: Mladinska knjiga, pp. 371–421.
- Osti, J., 2002. *Veronikin prt: tomajske ne himne ne elegije*. Ljubljana: Študentska založba.
- Žitnik Serafin, J., ed., 2008. *Večkulturna Slovenija. Položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru (Migracije 15)*. Ljubljana: ZRC, ZRC SAZU.
- Žitnik Serafin, J., Glušič, H., eds, 1999. *Slovenska izseljenska književnost 1–3*. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, Rokus.

**ТРЕТЬЯКОВА М. МАКЕДОНИЯ-2001. НОВЫЙ ВИТОК КРИЗИСА:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ. М.: ИНДРИК, 2021. 376 С.
ISBN 978-5-91674-633-4**

Евгений Андреевич Колосков

Кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
Почтовый адрес: ул. Смольного, 1/3, подъезд № 8,
Санкт-Петербург, 191060, Россия
Электронный адрес: e.koloskov@spbu.ru

Аннотация

Рецензия посвящена разбору книги Марии Чедомировны Третьяковой «Македония-2001. Новый виток кризиса: Исторические предпосылки и политические последствия». Автор книги ставит перед собой задачу изучения значения албанского фактора для истории Македонии. Помимо вынесенного в заглавие вооруженного конфликта 2001 г., рассматривается период истории региона от середины XIX в. и до 2018 г. Наибольшее внимание автор уделяет демографическому вопросу и противопоставлению ему исторического права македонского народа на территорию страны. Монография написана в рамках право-македонского национального дискурса и обладает всеми плюсами и минусами примордиалистского подхода в исследовании межэтнической напряженности на Балканах. Книга представляет несомненный интерес для читателя, желающего ознакомиться с македонским видением албанского вопроса на Балканах. Иллюстративный материал и карты так называемой Объединенной Македонии подчеркивают трагизм ситуации, в которой, по мнению автора, оказался македонский народ.

Ключевые слова

Северная Македония, албанский вопрос, конфликт 2001 г., межэтническая напряженность

Статья поступила в редакцию 6 декабря 2021 г.

Цитирование: *Колосков Е. А.* [Рец.] Третьякова М. Македония-2001. Новый виток кризиса: Исторические предпосылки и политические последствия. М.: Индрик, 2021. 376 с. ISBN 978-5-91674-633-4 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 321–326. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.16>

TRETYAKOVA M. MAKEDONIIA-2001. NOVYI VITOK KRIZISA: ISTORICHESKIE PREDPOSYLKI I POLITICHESKIE POSLEDSTVIIA. M.: INDRIK, 2021. 376 S. ISBN 978-5-91674-633-4
[TRETYAKOVA M. MACEDONIA-2001. A NEW ROUND OF THE CRISIS: HISTORICAL BACKGROUND AND POLITICAL CONSEQUENCES. MOSCOW: INDRIK, 2021. 376 P.]

Evgenii A. Koloskov

Ph. D., Associate Professor,
Saint Petersburg State University
Postal address: Smolny street, 1/3, entrance VIII,
Saint Petersburg, 191060, Russia
E-mail: e.koloskov@spbu.ru

Abstract

This review is devoted to the book by Maria Chedomirovna Tretyakova *Macedonia-2001. A New Round of the Crisis: Historical Background and Political Consequences*. The author sets herself the task of studying the significance of the Albanian factor in the history of Macedonia. The author studies not just the 2001 insurgency in Macedonia, but the region's history from the middle of the nineteenth century until 2018. The author pays most attention to the demographic issue and argues the historical right of the Macedonian people to the territory of the country. The monograph was written according to the Right-Macedonian national discourse and therefore has all the pros and cons of the primordial approach in the study of interethnic tensions in the Balkans. The book is of undoubted interest for the reader who wants to get acquainted with the Macedonian vision of the Albanian question in the Balkans. Illustrative material and maps of the so-called "United Macedonia" emphasize the tragedy of the situation in which, according to the author, the Macedonian people found themselves.

Keywords

North Macedonia, Albanian question, 2001 conflict, interethnic tensions

Received 6 December 2021

How to cite: Koloskov, E. A., 2021. Tretyakova M. Makedoniia-2001. Novyi vitok krizisa: Istoricheskie predposylki i politicheskie posledstviia. M.: Indrik, 2021. 376 s. ISBN 978-5-91674-633-4 [Tretyakova M. Macedonia-2001. A New Round of the Crisis: Historical Background and Political Consequences. Moscow: Indrik, 2021. 376 p.]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 321–326. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.16>

Книга Марии Чедомировны Третьяковой, бывшей Марии Цветановской, «Македония-2001. Новый виток кризиса: Исторические предпосылки и политические последствия» посвящена изучению албанского фактора в истории современного македонского государства. Данная монография является существенно расширенной версией диссертационного исследования автора, защищенного в МГИМО в 2018 г. Помимо вынесенного в заглавие вооруженного конфликта 2001 г. и последствий его урегулирования в виде Охридских соглашений, автор рассматривает «общественно-политический контекст и межнациональные отношения в македонских землях позднеосманского периода, македонскую национальную идею конца XIX–XX в., а также зарождение и развитие албанского национального движения в конце XIX–XX в., возникновение идеи “Великой Албании” и вехи ее практической реализации в годы Второй мировой войны» (с. 15). Автор ставит перед собой задачу обосновать отрицательный ответ на два вопроса: «легитимны ли всё чаще звучащие призывы албанских лидеров об объединении албанских этнических территорий на Балканах» и «обоснованны ли современные требования албанских лидеров в Македонии о предоставлении албанцам статуса государствообразующего народа, что противоречит нормам международного права и конституционным основам македонского государства» (с. 16).

Важно отметить, что автор смотрит на проблемы албанского меньшинства в стране, как и на всю историю региона, с позиции македонского национализма в его классическом примордиалистском виде. Автор использует цивилизационный подход и неомальтузианские концепции «демографической угрозы» со стороны албанского меньшинства, про которое уже более 20 лет в работах македонских публицистов правого толка утверждается, что оно приблизительно через 15–20 лет станет в Македонии национальным большинством. Слово «демография» и его производные — «демографическая экспансия», «демографическое право» и т. п. — используются в книге более 80 раз. Никакие исследования балканского национализма автор в своем труде не рассматривает. Подход и аргументация автора исключают обращение к работам албанских исследователей и общественных деятелей, некоторые из которых, хотя и упомянуты в историографическом обзоре, в самом тексте монографии более не появляются. Интересно, что документы и значимые политические заявления албанских лидеров также даются со ссылкой не на албаноязычный оригинал, а, как правило, на македонских авторов, при том что, по мнению Третьяковой, «после обретения независимости в силу характера межнациональных отношений исследования на тему албанского национального движения в Македонии негласно зарезервированы за албанскими авторами» (с. 17).

Монография состоит из предисловия бывшего посла Сербии в России Славенко Терзича, введения, четырех глав, заключения, списка использо-

ванных источников и литературы, списков сокращений, иллюстраций и именного указателя. Первая глава «Исторические корни возникновения албанского вопроса в Македонии» (с. 59–100) описывает историю региона начиная со второй половины XIX в. и до конца Балканских войн с краткими экскурсами в более ранние временные периоды с целью доказать наличие у македонцев самоидентичности в XVIII в. (с. 67–68) и оспорить претензии на автохтонность албанцев (с. 76–81). Вторая глава «Албанское движение в Македонии после создания Республики Албания в 1912 г.» (с. 101–146) посвящена трагическим годам Первой мировой войны, сложностям в регионе в межвоенный период, Второй мировой войне на Балканах и социалистическому строительству в Македонии в 1945–1991 гг. Основное внимание уделено тяжелому положению македонцев, столкнувшихся сначала с национализацией и ассимиляцией в Королевстве СХС, а затем с «денационализацией» (с. 115), которую проводили «албанские власти и баллистская организация “Балы Комбетар”» в годы Второй мировой войны (с. 114). Послевоенный период описан автором как процесс «этнической и политической албанизации Западной Македонии» (с. 117). Интересно также отмеченное автором отсутствие «стремления албанцев стать членами СКМ» на фоне политики «широкого вовлечения албанцев и турок в общественную и политическую жизнь республики и страны» (с. 127). Третья глава, название которой — «Развитие албанского национального меньшинства в независимой Македонии в 1990-х гг.» — звучит несколько странно, посвящена македоно-албанским отношениям первой декады существования независимого македонского государства и завершается фотогалереей разрушенных православных храмов и других мрачных картин вооруженного конфликта 2001 г. (с. 147–208). В данной части своей монографии Третьякова развивает тезис о том, что в 1990-е гг. «македонское большинство вынуждено было нести на своих плечах финансовое бремя удовлетворения требований растущей албанской общины» (с. 187). В условиях политического плюрализма «несмотря на то, что албанцы входили в состав каждого правительства по факту не по итогам выборов, а в результате политической договоренности благодаря наличию политической воли со стороны македонских партнеров, они оставались недовольны» (с. 164). Интересно заявление автора о неожиданности албанского выступления 2001 г. для политической элиты страны и резкая критика автором правящей партии и оппозиции страны: «никто не был готов инициировать диалог по существенным и давно назревшим темам, таким как создание единой государственной образовательной платформы для всех, а также реформирование системы госфинансирования специфических прав национальных меньшинств в соответствии с европейскими стандартами» (с. 207–208).

Четвертая, самая объемная, глава «Эволюция и урегулирование военно-политического кризиса в Македонии 2001 г.» непосредственно затрагивает события вооруженного конфликта и его последствия для страны (с. 209–323).

По мнению автора, «события в Македонии — это результат реализации плана албанского движения на Балканах по юридическому и политическому закреплению этнических территориальных изменений в пользу албанцев. Самое главное, данные цели вписывались в американскую региональную политику, проводимую в 1990-х гг. на территории бывшей Югославии. После позитивного решения военного выступления албанцев в Косове в 1999 г. начали создаваться сестринские военизированные подразделения в соседней Македонии и на юге Сербии. Координатором движения выступало Косово» (с. 228). В данной главе вызывает интерес вопрос оценки конфликта 2001 г. в рамках внутриалбанской межпартийной борьбы (с. 238–241) — впрочем, позднее в духе право-македонского нарратива декларируется, что «албанская сторона выступала единым фронтом и активно проявляла инициативу» в ходе конфликта (с. 289). Любопытна также оценка автором внешнеполитического фактора конфликта (с. 276–300) и влияния Охридских соглашений на дальнейшее развитие Македонии (с. 301–323). В целом же автор выстраивает повествование на основе противоборства албанцев, как умеренных с экстремистами, так и в качестве монолитной группы с македонской государственностью, СДСМ с ВМРО-ДПМНЕ в рамках внутримакедонской борьбы, военных с политиками по вопросам принятия решений и персонально президента страны Б. Трайковского и министра обороны В. Бучковского с главой МВД Л. Бошкоским, а также государственной власти и недовольного уступками бунтовщикам македонского общества. Отметим, что в главе скрупулезно перечисляются преступления албанских инсургентов, однако полностью опускаются нелицеприятные свидетельства о действиях македонской стороны, поэтому упоминание требования «ресоциализации более чем 50 тыс. политических заключенных» албанского политика А. Джафери (с. 257) выглядит непонятно. В Заключении сделан вывод, что «современная ситуация на Балканах связана с растущей опасностью в лице албанского национализма и ирредентизма» (с. 325), а «вооруженное выступление албанцев в 2001 г. в Македонии — это часть общего плана по активизации албанского национального движения на Балканах» (с. 331).

Автор пишет черно-белую картину в соответствии со своими представлениями, идеализируя свою группу и обвиняя противоположную во всех бедах региона. Среди лидеров страны автор выделяет генерала П. Петровского, Л. Георгиевского и Л. Бошкоского — сторонников силового решения, что недвусмысленно свидетельствует о политической позиции автора. Таким образом, перед нами классический взгляд на «албанскую проблему» со стороны македонских правых, который тем не менее может представлять интерес для российского читателя, желающего понять претензии и аргументы македонских националистов.

Литература

Третьякова М. Македония-2001. Новый виток кризиса: Исторические предпосылки и политические последствия. М.: Индрик, 2021.

References

Tretyakova, M., 2021. *Makedoniia-2001. Novyi vitok krizisa: Istoricheskie predposylki i politicheskie posledstviia* [Macedonia-2001. A New Round of the Crisis: Historical Background and Political Consequences]. Moscow: Indrik.

К ЮБИЛЕЮ ТОДОРА БОЯДЖИЕВА

Ирина Александровна Седакова

Доктор филологических наук,
заведующая Отделом типологии
и сравнительного языкознания,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: irina.a.sedakova@gmail.com

Аннотация

К 90-летию члена-корреспондента Болгарской академии наук профессора Тодора Бояджиева, отмечаемому 11 ноября 2021 г., описывается его научный путь, связанный с Софийским университетом имени св. Климента Охридского. Характеризуются основные публикации, которые охватывают разные области лингвистической болгаристики – диалектологию, фонетику, грамматику, лексикологию, стилистику. Особенно ценными являются очерки грамматики фракийских диалектов и словари, среди которых основное место занимает монументальный труд «Идеографический диалектный словарь болгарского языка», подготовленный коллективом авторов, в том числе и Т. Бояджиевым. Он является автором классических учебников по фонетике, морфологии, стилистике и лексикологии болгарского языка для университетов, а также многочисленных пособий для школьников. Т. Бояджиев известен и как славист и балканист, изучающий болгарский язык в широком славянском и балканском контексте. Замечательный ученый, он отдает много сил и времени научно-организационной, а также популяризаторской работе. Т. Бояджиев – талантливый преподаватель, он читает лекции в университетах Софии, Велико-Тырново, Пловдива, Бургаса и др., а также в МГУ имени М. В. Ломоносова и готовит достойную смену болгаристов.

Ключевые слова

Болгарский язык, диалектология, лексикология, стилистика, фонетика

Статья поступила в редакцию 29 ноября 2021 г.

Цитирование: *Седакова И. А.* К юбилею Тодора Бояджиева // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 327–332. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.17>

TOWARDS THE JUBILEE OF TODOR BOIADZHIEV

Irina A. Sedakova

D. Sc., Head of Department
for Typology and Comparative Studies,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: irina.a.sedakova@gmail.com

Abstract

The article depicts the scientific path of the corresponding member of the Bulgarian Academy of Sciences, Professor Todor Boiadzhiev, who, on 11 November 2021, celebrated his 90th birthday. His academic life is mostly associated with Sofia University, “St Kliment Ohridski”. The major publications in dialectology, phonetics, grammar studies, lexicology, and stylistics by T. Boiadzhiev are outlined. Of special value are his books on the grammar of the Thracian dialects and his dialectal dictionaries. “The Ideographic Dialectal Dictionary of the Bulgarian Language”, which was compiled by T. Boiadzhiev with a team of Bulgarian linguists, was a monumental project of great significance. He authored several classical textbooks on the phonetics, morphology, stylistics, and lexicology of the Bulgarian language and many workbooks for school education. A prominent scholar, he gives his time and effort to academic and organizational activities, while also working to popularize science. T. Boiadzhiev is a gifted lecturer, teaching at the universities of Sofia, Veliko Tarnovo, Plovdiv, Burgas, and Lomonosov Moscow State University, amongst others, thus educating his successors in Bulgarian linguistics.

Keywords

Bulgarian language, dialectology, lexicology, stylistics, phonetics

Received 29 November 2021

How to cite: Sedakova, I. A., 2021. K iubileiu Todora Boiadzhieva [Towards the Jubilee of Todor Boiadzhiev]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 327–332. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.17>

11 ноября 2021 года член-корреспондент Болгарской Академии наук, профессор Тодор Бояджиев отметил свой 90-летний юбилей. Профессиональная биография видного болгарского лингвиста началась с филологического факультета в Софийском университете имени св. Климента Охридского. Получив высшее образование в 1955 г., он работал школьным учителем в своем родном городе Ивайловграде, а затем, в 1959 году, вернулся в родной университет, где прошел путь от ассистента до профессора (1984) и члена-корреспондента БАН (1989).

Т. Бояджиев — автор многочисленных книг, учебников и пособий для университетов, лексикографических трудов и статей, а также школьных учебников по болгарскому языку. Его труды по фонетике, лексикологии, стилистике, морфологии и грамматике, часть которых написана в соавтор-

стве с другими выдающимися болгарскими языковедами¹, стали классическими и вошли в золотой фонд лингвистической болгаристики.

Заметный вклад внес Т. Бояджиев в диалектологию, посвятив немало публикаций описанию фракийских диалектов, которые были родными для его семьи, переселившейся в Ивайловград из Фракии. Талантливый диалектолог, он исследовал и другие говоры на территории Болгарии, а также анализировал принципы классификации диалектов в широком славянском контексте². Опубликованные ученым словари и грамматические очерки³ имеют особое значение еще и потому, что фиксируют определенный временной срез быстро меняющихся и постепенно исчезающих говоров. Титанической можно считать работу Т. Бояджиева по подготовке и публикации первых двух томов Идеографического диалектного словаря болгарского языка, активным членом авторского коллектива которого он является с самого начала⁴.

Небольшие по объему, но регулярные публикации в лингвистических журналах «Родна реч», «Български език и литература», «Български език» и др. по культуре речи, правописанию и литературному произношению — часть важной научно-просветительской деятельности, которой он без устали отдает силы с самого начала профессионального пути. Уже в первых заметках внимание ученого привлекают незначительные, казалось бы, детали — йотация и ее отсутствие в суффиксах⁵, смягчение согласного в аффиксе⁶, — но именно такой анализ даже незначительных отклонений от нормы и способствует выстраиванию болгарского литературного языка. Правильное употребление слов — еще один аспект просветительской работы Бояджиева-лингвиста⁷.

¹ Бояджиев Т., Тилков Д. Българска фонетика. София: Наука и изкуство, 1977; Бояджиев Т. Ударение // Граматика на съвременния български книжовен език / гл. ред. Д. Тилков и др. София: БАН, 1982. Т. 1: Фонетика. С. 157-195; *Он же*. Редуване на фонеме // Там же. С. 196-256; *Он же*. Българска лексикология. София: Наука и изкуство, 1986.

² Бояджиев Т. Принципи и методи за класификация на диалектите в славянските езици // Славянска филология. Доклади и статии за X Международен конгрес на славистите / ред. И. Дуриданов и др. София: БАН, 1988. Т. 19: Езикознание. С. 208-215.

³ Бояджиев Т. Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско // Българска диалектология. Проучвания и материали / ред. комитет: К. Мирчев, М. Сл. Младенов, Хр. Топалова, Хр. Холиолчев. София: БАН, 1971. Кн. VI. С. 5-135; *Он же*. Говорът на с. Съчанли, Гюмюрджинско. София: БАН, 1972. (Трудове по българска диалектология; 7); *Он же*. Говорът на тракийските преселници в с. Орешник, Елховско // Българска диалектология. Проучвания и материали / ред. комитет: К. Мирчев, Хр. Топалова. София: БАН, 1979. Кн. 9. С. 3-78.

⁴ Идеографски диалектен речник на българския език / гл. ред. В. Радева. София: Български бестселър — Национален музей на българската книга и полиграфия, 2012. Т. 1: А-Д; Идеографски диалектен речник на българския език / Гл. ред. В. Радева. София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2021. Т. 2: Е-М.

⁵ Бояджиев Т. Софиянец и италианец // Български език. 1961. Год. 11. № 4. С. 356-357.

⁶ Бояджиев Т. Наставка -на или -ня // Български език. 1962. Год. 12. № 3. С. 240-241.

⁷ Бояджиев Т. Не обезценени, а преоценени стоки // Български език. 1966. Год. 16. № 1. С. 60-61.

Охватить подробно всю тематику исследований Т. Бояджиева невозможно; к вышеупомянутому добавим еще несколько направлений его работы: стилистика болгарского языка, поэтическая речь, сопоставление славянской и балканской фонетики, лексики и синтаксиса, этимология отдельных заимствованных лексем⁸.

Рецензии на труды по лингвистике, история языкознания, очерки об учителях и коллегах (Л. Андрейчине, Ст. Стойкове, М. Сл. Младенове и др.) — еще одна важная и значительная по объему часть публикаций Т. Бояджиева.

Кроме научно-исследовательской и просветительской работы, Т. Бояджиев уделяет много времени организационной деятельности. Он возглавлял кафедру болгарского языка в Софийском университете и был деканом факультета славянской филологии (1986–1989). Т. Бояджиев был ректором Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского, заведовал там кафедрой болгарского языка и сделал многое для становления и развития лингвистических дисциплин в этом учебном заведении⁹. Т. Бояджиев был директором Института болгарского языка БАН (1989–1991). Долгие годы он был председателем Национального комитета славистов Болгарии, представляя болгаристику в Международном комитете славистов и занимаясь подготовкой и проведением международных съездов славистов, в том числе и софийского (1988).

Всю свою жизнь Т. Бояджиев преподает. Помимо Софийского и Шуменского университетов, его лекции слушают в университетах и институтах Велико-Тырново, Бургаса, Пловдива и др. На его лекциях и публикациях выросло не одно поколение болгарских диалектологов, лексикологов, фонетистов, стилистов. Мне посчастливилось быть студенткой профессора в Московском университете им. М. В. Ломоносова, где Т. Бояджиев был приглашенным лектором в 1970-х годах. Практические занятия и лекции по болгарскому языку, изучение и исследование которого требуют особого внимания к отличиям от русского, всегда увлекали студентов как содержанием, так и формой подачи. Профессор Тодор Бояджиев во многом определил мой путь как болгариста и мою специализацию (диалектология, лексикология, славянская и балканская этнолингвистика).

И наконец, нельзя не сказать о Т. Бояджиеве как о человеке. Скромный, внимательный к коллегам и ученикам, сосредоточенный на обсуждении лингвистических проблем даже в личном общении, профессор Бояджиев являет собой пример служения науке, просвещению и образованию.

⁸ См. библиографию в юбилейном сборнике: Отговорността пред езика. Шумен: Унив. издателство «Епископ Константин Преславски», 2021. Кн. 7: Сборник, посветен на 90-годишнината на чл.-кор. проф. д-р Тодор Бояджиев / отг. ред. Д. Попов. С. 14–39.

⁹ См. об этом подробнее во вступительной статье к юбилейному сборнику в честь Т. Бояджиева: Попов Д., Ангелова А. Чл.-кор. проф. д-р Тодор Бояджиев на 90 години // Отговорността пред езика. Кн. 7. С. 9–13.

Российские болгаристы от души поздравляют профессора Тодора Бояджиева, благодарят его и выражают самые добрые пожелания.
Многая и благая лета!

Литература

- Бояджиев Т. Българска лексикология. София: Наука и изкуство, 1986.
- Бояджиев Т. Говорът на с. Съчанли, Гюмюрджинско. София: БАН, 1972. (Трудове по българска диалектология; 7).
- Бояджиев Т. Говорът на тракийските преселници в с. Орешник, Елховско // Българска диалектология. Проучвания и материали / ред. комитет: К. Мирчев, Хр. Топалова. София: БАН, 1979. Кн. 9. С. 3–78.
- Бояджиев Т. Наставка -на или -ня // Български език. 1962. Год. 12. № 3. С. 240–241.
- Бояджиев Т. Не обезценени, а преоценени стоки // Български език. 1966. Год. 16. № 1. С. 60–61.
- Бояджиев Т. Принципи и методи за класификация на диалектите в славянските езици // Славянска филология. Доклади и статии за X Международен конгрес на славистите / ред. И. Дуриданов и др. София: БАН, 1988. Т. 19: Езикознание. С. 208–215.
- Бояджиев Т. Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско // Българска диалектология. Проучвания и материали / ред. комитет: К. Мирчев, М. Сл. Младенов, Хр. Топалова, Хр. Холиолчев. София: БАН, 1971. Кн. 6. С. 5–135.
- Бояджиев Т. Софиянец и италианец // Български език. 1961. Год. 11. № 4. С. 356–357.
- Бояджиев Т., Тилков Д. Българска фонетика. София: Наука и изкуство, 1977.
- Граматика на съвременния български книжовен език / гл. ред. Д. Тилков и др. София: БАН, 1982. Т. 1: Фонетика.
- Идеографски диалектен речник на българския език / гл. ред. В. Радева. София: Български бестселър — Национален музей на българската книга и полиграфия, 2012. Т. 1: А–Д.
- Идеографски диалектен речник на българския език / гл. ред. В. Радева. София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2021. Т. 2: Е–М.
- Отговорността пред езика. Шумен: Унив. издателство «Епископ Константин Преславски», 2021. Кн. 7: Сборник, посветен на 90-годишнината на чл.-кор. проф. д-р Тодор Бояджиев / отг. ред. Д. Попов.

References

- Boiadzhiev, T., 1986. *Bulgarska leksikologija* [Bulgarian Lexicology]. Sofia: Nauka i izkustvo.
- Boiadzhiev, T., 1972. *Govorut na s. Suchanli, Giumiurdzhinsko* [Dialects of Village Suchanli, Giumiurdzhinsko]. Sofia: BAN. (*Trudove po bulgarska dialektologija* [Studies on Bulgarian Dialectology]; 7).
- Boiadzhiev, T., 1979. *Govorut na trakiiskite preselnitsi v s. Oreshnik, Elkhovsko* [Dialects of the Thracian Migrants to Millage Oreshnik, Elhovsko]. In: K. Mirchev, Khr. Topalova, eds. 1979. *Bulgarska dialektologija. Prouchvaniia i materialii* [Bulgarian Dialectology. Studies and Materials]. Sofia: BAN. Book IX, pp. 3–78.

- Boiadzhiev, T., 1962. Nastavka -na ili -nia [The Suffix -na or -nia]. *Bulgarski ezik*, 12 (3), pp. 240–241.
- Boiadzhiev, T., 1966. Ne obeztseneni, a preotseneni stoki [Not *obeztseneni*, but *preotseneni stoki*]. *Bulgarski ezik*, 16 (1), pp. 60–61.
- Boiadzhiev, T., 1988. Printsipi i metodi za klasifikatsiia na dialektite v slavianskite ezitsi [Principles and Methods of Classification of the Dialects in Slavic Languages]. In: I. Duridanov, et al., eds. 1988. *Slavianska filologija. Dokladi i statii za X Mezhdunaroden kongres na slavistite* [Slavic Philology. Papers and Articles of the X International Congress of Slavists]. Sofia: BAN. Vol. 19: *Ezikoznanie* [Linguistics], pp. 208–215.
- Boiadzhiev, T., 1971. Rechnik na govora na s. Suchanli, Giumiurdzhinsko [The Dictionary of Dialects of Village Suchanli, Giumiurdzhinsko]. In: K. Mirchev, M. Sl. Mladenov, Khr. Topalova, Khr. Kholiolchev, eds. 1971. *Bulgarska dialektologija. Prouchvaniia i materialii* [Bulgarian Dialectology. Studies and Materials]. Sofia: BAN. Book 6, pp. 5–135.
- Boiadzhiev, T., 1961. Sofianets i italianets [*Sofianets* and *italianets*]. *Bulgarski ezik*, 9 (4), pp. 356–357.
- Boiadzhiev, T., Tilkov, D., 1977. *Bulgarska fonetika* [Bulgarian Phonetics]. Sofia: Nauka i izkustvo.
- Popov, D., ed., 2021. *Otgovornostta pred ezika* [Responsibility to Language]. Shumen: Univ. izdatelstvo “Episkop Konstantin Prelsavski”. Book 7: *Sbornik, posveten na 90-godishninata na chl.-kor. prof. d-r Todor Boyadzhiev* [Proceedings Dedicated to the 90th Anniversary of Corresponding Member Prof. Dr. Todor Boyadzhiev].
- Radeva, V., ed., 2012. *Ideografski dialekten rechnik na bulgarskiia ezik* [Ideographic Dictionary of Bulgarian Language]. Sofia: Bulgarski bestselur — Natsionalen muzei na bulgarskata kniga i poligrafia. Vol. 1: A–D.
- Radeva, V., ed., 2021. *Ideografski dialekten rechnik na bulgarskiia ezik* [Ideographic Dictionary of Bulgarian Language]. Sofia: Univ. izd-vo “Sv. Kliment Okhridski”. Vol. 2: E–M.
- Tilkov, D., et al., eds. 1982. *Gramatika na suvremenniia bulgarski knizhoven ezik* [Grammar of the Modern Bulgarian Literary Language]. Sofia: BAN. Vol. 1: *Fonetika* [Phonetics].

**ИНСТИТУТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
(ИЗ ИСТОРИИ И В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК)**

Людмила Норайровна Будагова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
заведующая Отделом славянских литератур,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: ist.slav.lit_inslav@mail.ru

Аннотация

В статье представлен краткий очерк истории Института славяноведения Российской академии наук. Основное внимание уделено обстоятельствам, способствовавшим его учреждению в 1946–1947 гг. в рамках Академии наук СССР и исследованиям, которые вели представители первого поколения сотрудников Института, участники Великой Отечественной войны. Освещается в статье и текущая деятельность Института славяноведения.

Ключевые слова

Институт славяноведения Российской академии наук, страны Центральной и Юго-Восточной Европы, история, литературоведение, языкознание, культура

Статья поступила в редакцию 22 сентября 2021 г.

Цитирование: *Будагова Л. Н.* Институт победителей (Из истории и в честь юбилея Института славяноведения Российской академии наук) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 333–343. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.18>

**THE INSTITUTE OF VICTORS
(FROM THE HISTORY AND IN HONOUR
OF THE ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)**

Ljudmila N. Budagova

D. Sc., Lead Researcher,
Head of Department for Slavic literatures,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32 A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: ist.slav.lit_inslav@mail.ru

Abstract

This article is a short study of the history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. The main focus is both on the circumstances which contributed to its establishment within the Academy of Sciences of the Soviet Union in 1946 and 1947 and on the scientific activity of the representatives of the first generation of members of the Institute who were the veterans of the Great Patriotic War. The article also throws light upon the current activity of the Institute of Slavic Studies.

Keywords

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, countries of Central and South-Eastern Europe, history, literary studies, linguistics, culture

Received 22 September 2021

How to cite: Budagova, L. N., 2021. Institut pobeditelei (Iz istorii i v chest' iubileia Instituta slavianovedeniia RAN) [The Institute of Victors (From the History and in Honour of the Anniversary of the Institute of Slavic Studies of RAS)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 333–343. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.18>

Институт славяноведения АН СССР возник сразу же после Великой Отечественной войны, в период, когда возродилось характерное для дореволюционной России внимание к славянским народам. Оно померкло после Октября 1917 г. с его ориентацией на пролетарский интернационализм и призывами к «пролетариям всех стран» соединяться. Вспомним В. В. Маяковского, провозгласившего: «Не тратьте слова на братство славян. Братство рабочих и никаких прочих». Свою роковую роль в разрушении славяноведческих традиций в нашей стране сыграли и политические репрессии 1930-х годов.

Исторические события, ход Второй мировой, ставшей для советских народов Великой Отечественной, всколыхнули чувства родства со славянами, показали, что принципы пролетарского интернационализма и «славянской взаимности», а точнее «взаимопомощи», не противоречат друг другу. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы, по преимуществу славянские, оккупированные фашистской Германией или вынужденно ставшие ее союзниками (что тоже было формой оккупации), часто оказывались местами военных действий, полями кровопролитных сражений частей Красной армии с дивизиями Третьего Рейха за освобождение народов от коричневой чумы.

В результате послевоенного передела мира, подготовленного еще до победы лидерами СССР, Англии и США, страны ЦЮВЕ, то есть в основном славянские страны, оказываются в зоне советского влияния. И ход войны, и послевоенная ситуация прямо-таки требовали возрождения и развития в нашей стране славяноведения. В 1943 г. на филологическом факультете МГУ возникла кафедра славянской филологии под руководством профессора С. Б. Бернштейна. За год до этого при Президиуме Академии наук была создана Славянская комиссия, которую возглавил академик Н. С. Державин

вин. В 1946 г. вышло постановление Совета министров СССР о создании Института славяноведения, начавшего свою научную деятельность 1 января 1947 г. Важно было утверждать союз и братство со славянскими народами не на словах, а на деле, изучая и популяризируя их историю, культуру, литературу, языки, пробуждая к ним интерес в своей стране и в мире, распространяя полученные знания по всему свету. Этим целям вполне соответствовали создание и задачи нового академического Института, первым директором которого с 1946 по 1951 гг. был академик Б. Д. Греков.

Не претендуя даже на схематическое изложение плодотворной деятельности нового научного центра, продолжающейся и по сей день с перспективами на будущее, хотелось бы остановиться на некоторых его началах, а именно на пути ряда представителей первых поколений его сотрудников в избранную ими науку. Среди них было немало тех, кто начал этот путь уже на фронтах Великой Отечественной, освобождая славян и другие народы от немецко-фашистской оккупации. После демобилизации фронтовики везли домой не трофеи, а впечатления. Можно предположить, что именно победы в освобождении братьев-славян от германо-фашистского ига, от перспективы их физического уничтожения и превращения в отбросы человечества пробудили у некоторых участников войны интерес к славяноведению. Победители оказывались отнюдь не захватчиками, в которых их превращает современная политическая конъюнктура в ходе переоценок итогов Второй мировой (как, впрочем, и невинные жертвы установленных властями в этих странах режимов), а защитниками, исследователями, популяризаторами истории и культуры освобожденных ими народов.

По данным «Биобиблиографического словаря»¹ в числе сотрудников Института славяноведения было более трех десятков участников Великой Отечественной войны. Среди них — Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990), организатор науки и специалист по истории западных и южных славян; Иван Константинович Горский (1921–2011), исследователь польской литературы; Виктор Петрович Грачев (1926–2010), специалист по средневековой и новой истории южных славян; Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995), занимавшийся как польской проблематикой, так и методологией славяноведения; Владимир Михайлович Зайцев (1924–2010), специалист по проблемам польского национально-освободительного движения в XIX веке; Владимир Владимирович Зеленин (1920–1998), историк народов бывшей Югославии, в основном сербов и хорватов; Виталий Иванович Злыднев (1919–1999), специалист по истории болгарской литературы и славянских культур; Лев Сергеевич Кишкин (1918–2000), исследователь чешской и словацкой литератур и межславянских культурных связей; Александр Харитонович Клеванский (1921–1985), историк Чехословакии первой половины XX в.; Василий Дмитриевич Конобеев (1916–1978), занимавший-

¹ Сотрудники института славяноведения Российской академии наук. Биобиблиографический словарь / отв. ред. М. А. Робинсон, А. Н. Горяинов. М.: Индик, 2012.

ся русско-болгарскими отношениями в XIX в.; Иван Иванович Костюшко (1919–2018), участвовавший в Великой Отечественной в составе Красной армии и Войска Польского и ставший специалистом по широкому кругу социально-политических проблем истории Польши XIX–XX вв.; Александр Яковлевич Манусевич (1913–1987), изучавший историю Польши и деятельность зарубежных славян — участников Октябрьской революции; Илья Соломонович Миллер (1919–1978), историк польского и русского общественных движений и проблем перехода от феодализма к капитализму в восточноевропейском регионе; Александр Иванович Недорезов (1919–2001), исследователь новейшей истории Чехословакии и советско-чехословацких отношений; Сергей Иванович Прасолов (1918–1984), историк и дипломат, специалист по чехословацкой международной политике; Григорий Моисеевич Славин (1917–1994), исследователь новейшей истории Польши и Югославии; Борис Федорович Стахеев (1924–1993), специалист по польскому романтизму; Никита Ильич Толстой (1923–1996), историк и теоретик славянских литературных языков, автор многочисленных работ по славянской диалектологии и этнолингвистике, член семьи потомков Л. Н. Толстого, эмигрировавших после Октября 1917 г. в Сербию, югославский партизан, добровольцем вступивший в Красную армию; Акоп Арутюнович Улунян (1924–2003), исследователь борьбы болгарского народа против османского ига; Владимир Израилевич Фрейдзон (1922–2004), историк Хорватии и региона Центральной и Юго-Восточной Европы; Игорь Михайлович Шептунов (1918–1978), изучавший болгарский фольклор. Директорами Института в разное время становились тоже участники Великой Отечественной: Петр Николаевич Третьяков (1906–1976), археолог, много занимавшийся раскопками поселений древних славян, финнов и балтов; Иван Иванович Удальцов (1918–1995), воевавший в составе 1-го Чехословацкого армейского корпуса, созданного в СССР, исследователь новой и новейшей истории Чехословакии; Иван Александрович Хренов (1906–1975), специалист по советско-польским отношениям. В большинстве вышеупомянутых статей, которые далеко не исчерпывают список сотрудников Института, участников Великой Отечественной, указано, что они имеют боевые награды. О полученных ими ранах и увечьях не сказано ничего.

Словарь не дает сведений, какие славянские страны освобождали их будущие исследователи и всегда ли участие в освобождении той или иной из них определяло и научную специализацию бывшего фронтовика. Обращает на себя внимание многочисленность будущих полонистов. Скорее всего, это обусловлено не всегда и не столько местами сражений, сколько тесными связями Царской и Советской России с историей Речи Посполитой. Здесь и участие России в трех разделах Польши в XVIII в., и антирусские восстания поляков 1830–1831 и 1863 гг. под лозунгом «за нашу и вашу свободу», и многое другое. Отсюда — стремление разобраться в польско-русских отношениях: в деятельности «пленника национальной идеи»

Юзефа Пилсудского, отстаившего независимость своей родины, одержав победу в польско-советской войне 1919–1920 гг., Феликса Эдмундовича Дзержинского, безоговорочного сторонника Октябрьской революции и советской власти; отсюда и готовность осветить участие поляков в рабочих и других общественных движениях, и многое другое.

Однако среди представителей первых поколений сотрудников Института, бывших фронтовиков, есть и примеры непосредственного влияния на выбор специализации тех мест, где они воевали, откуда вынесли свои впечатления и переживания.

Хотелось бы в качестве примеров обратиться к судьбам литературоведов В. И. Злыднева и Л. С. Кишкина.

Известно, что Виталий Иванович Злыднев занимал в каком-то австрийском городке должность военного коменданта. В связи с одной из годовщин Победы, а эти праздники всегда отмечались в нашем Институте поздравлениями участников войны, автор этих строк, позаимствовав кое-что у Грибоедова, разразился в честь В. И. Злыднева такими заздравными виршами: «Виталь Иваныч, наш единственный, бесценный / Теперь в отставке, был военный / С боями он до Австрии дошел / В одном из городков там был он комендантом / Пленил всех красотой, выправкой, талантом // Теперь Культурой он руководит / Всегда при галстукe, причесан и побрит / Гуманно он и справедливо правит / Наш Институт ему всего хорошего желает».

Однако до Австрии он шел, освобождая другие страны, в том числе Болгарию, которой и посвятил свою жизнь. А ведь мог бы заниматься и Австрией, Венгрией, Румынией, окончив еще до войны филологический факультет МИФЛИ (Московского института истории, философии и литературы). Однако Наталия Витальевна Злыднева рассказывала, как потрясла ее отца славянская страна на Балканах, какое сильное воздействие оказала на него и как вспоминал он, что в одном болгарском селе простые крестьяне читали Льва Толстого.

На творческую судьбу Л. С. Кишкина повлияла Прага, где он оказался во время окончания войны. Он часто вспоминал пражские улицы и площади, особенно находящуюся в центре города небольшую площадь Йозефа Юнгмана (1773–1847) с памятником поэту и филологу, видному деятелю чешского национального возрождения. Возможно, именно пребывание в стобашенной Праге стало для Льва Сергеевича началом пути к исследованиям чешской и словацкой литератур и чехословацко-русских культурных связей.

Не беру на себя смелость судить, насколько сохранили свое значение работы послевоенных славяноведов, когда гуманитарная наука была под колпаком марксизма, который сейчас мало кто идеализирует, хотя игнорирование его тоже ведет к ограничению кругозора. Однако первопроходцы послевоенного славяноведения в нашей стране были в основном (при некотором количестве ястребов-догматиков) серьезными исследователями, чья

творческая одаренность оказывалась сильнее официальных требований, помогая вместо «борьбы с буржуазной идеологией» и «ревизионизмом» заниматься фундаментальными исследованиями. Этому, кстати, содействовала и сама довольно свободная атмосфера в нашем Институте, демократизм и широта взглядов его руководителей. В то время как в Чехословакии, к примеру, объектом гонения стал структурализм, в нашем Институте спокойно работал Сектор структурной лингвистики, принимавший участие в деятельности и публикациях московско-тартуской школы Ю. М. Лотмана. Нераскаившиеся подписанты протестов против суда над Даниэлем и Синявским не были уволены из Института (его добровольно покинул лишь один молодой сотрудник, уехавший в Израиль), а могли продолжать свои исследования, войдя в период «перестройки» с большими научными достижениями.

Оставляя в стороне историков и лингвистов, скажу лишь о литературоведах. Родимые пятна идеологизированного периода в развитии гуманитарных наук бесспорно проступали в их работах. Критерием прогрессивности и ценности творчества того или иного писателя была степень его близости к революционным движениям и взглядам. Процветала идеализация реализма и соцреализма, ниспровергались, как формалистические, модернистские и авангардные течения. Правда, все это было до поры до времени, изменивших эту ситуацию. Славистическое литературоведение развивалось вместе с творческим ростом его представителей, с потеплением политического климата в стране проникаясь свободомыслием, стараясь непредвзято исследовать самые разные, в том числе запретные или игнорируемые явления и факты. Свой вклад в этот процесс внесли и бывшие фронтовики. О научных инициативах некоторых из них хотелось бы сказать подробнее.

По возвращении к мирной жизни Б. Ф. Стахеев, решив заниматься польской литературой, выбрал объектом изучения творчество Адама Мицкевича (1798–1855), основоположника польского романтизма, ярчайшего явления национальной культуры, однако не получившего столь высокого мирового признания, как польский реализм. Представители последнего, Генрик Сенкевич и Владислав Реймонт, прославились раньше Мицкевича, стали первыми славянскими лауреатами Нобелевской премии, еще не замутненной вмешательством политики в ее присуждение. Правда, Адам Мицкевич не мог претендовать на нее, так как скончался задолго до ее основания (1901 г.). Но как бы то ни было, советские исследователи польской литературы занимались в основном творчеством реалистов. Б. Ф. Стахеев стал смело нарушать эту традицию. Его дипломная работа на филологическом факультете МГУ, посвященная основанной на автобиографических моментах третьей части поэмы Мицкевича «Дзяды», была опубликована в «Ученых записках» Института славяноведения². Он продолжил разработку той

² Стахеев Б. Ф. Третья часть «Дзядов» Мицкевича // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. 1954. Т. 8. С. 234–320.

же темы в кандидатской диссертации «Третья часть “Дзядов” Адама Мицкевича» (1959). Но еще прежде увидела свет его небольшая монография «Мицкевич и прогрессивная русская общественность» (1955)³. Расширяя со временем проблематику работ, охватывающих и другие явления польской литературы, Б. Ф. Стахеев уже в начале своей деятельности устранил все препоны на пути к российским исследованиям польского романтизма, став лидером этого процесса.

И еще об одном факте участия бывших фронтовиков в раскрепощении нашего славяноведения, в борьбе за его свободомыслие хотелось бы упомянуть. Я имею в виду заслуги Ивана Константиновича Горского, несколько отклонившегося от своего магистрального пути исследователя польской исторической прозы и обратившегося к своего рода апологии основоположника исторической поэтики, Александра Николаевича Веселовского (1838–1906). Помню, сколько сомнений и опасений вызывала рукопись монографии И. К. Горского «Александр Веселовский и современность», все же опубликованная после долгих колебаний в 1975 г. (Автору этих строк пришлось защищать ее в качестве внутреннего рецензента). Более поздние работы И. К. Горского на ту же тему публиковались уже без особых проблем: «Историческая поэтика в ее соотношении с другими историческими дисциплинами», «О Сенкевиче и Веселовском» (польск. *O Sienkiewiczu i Wieśolowskim*)⁴.

Жизнедеятельность института обеспечивали своими трудами представители как первых поколений его сотрудников, побывавшие и не побывавшие на фронте, так и поколений последующих. Можно сказать, что наше «учреждение» на протяжении всей своей истории функционирует как институт, сотрудникам которого и в мирное время пришлось одерживать разного рода победы. Начнем с важных, но не главных.

Например, институту удалось сохранить свою комплексность, плодотворное сосуществование славистов разного профиля, вопреки неоднократным попыткам (последняя была относительно недавно, уже в XXI веке) «растачить» его историков, лингвистов, литературоведов по разным научным учреждениям. Одних направить в Институт всеобщей истории, других в ИМЛИ, третьих в Институт языкознания. Были организованы письма протеста против этого, два из которых, одно коллективное, а другое от двух академиков РАН, пришли из Объединенного института ядерных исследований в Дубне, многонациональный контингент которого состоит в основном

³ Стахеев Б. Ф. Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1955.

⁴ Горский И. К. Историческая поэтика в ее соотношении с другими литературоведческими дисциплинами // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения / ред. М. Б. Храпченко, Г. П. Бердников, Н. К. Гей, С. Г. Бочаров, И. Ю. Подгаецкая. М.: Наука, 1986. С. 128–152; *Gorski I. O Sienkiewiczu i Wieśolowskim. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986.*

из представителей славянских стран, заинтересованных в комплексном изучении и популяризации их культуры.

Кроме того, наш Институт сумел защитить свою «жилплощадь» в здании на Ленинском проспекте, 32А, от рэкетирских замашек пресловутого ФАНО, требовавшего от нас в ультимативной форме переезда в облупленные строения с протекающими крышами, да к тому же несвободные от размещенных там контор. Потребовалось много времени и сил, чтобы победа осталась за нами. Теперь вместо ФАНО появилось Министерство науки и высшего образования. Однако давление на науку чиновничьей бюрократии, расплодившейся и лишь набирающей силу в результате так называемых реформ 2013 г., осталось, и приходится только ждать, какие сюрпризы еще преподнесет она научным работникам.

Вопреки всем трудностям Российская академия наук как была, так и осталась центром притяжения отечественных и зарубежных ученых. Основные же наши победы — это научные достижения, создание уникальных трудов, выводящих славяноведение из тени других гуманитарных направлений: публикация монографий, сборников, статей разного калибра и характера. Не погружаясь в библиографию и в книжные шкафы, назову лишь несколько работ, что приходят на ум. Среди них — этнолингвистический словарь «Славянская мифология»⁵; трехтомная «История литератур западных и южных славян»⁶, выдвигавшаяся на соискание Государственной премии России; сборник статей «1968 год. “Пражская весна”. Историческая ретроспектива»⁷; «Лексикон южнославянских литератур»⁸; «Роль России в распространении знаний о славянстве»⁹; коллективная монография «Чехословакия и Советская Россия на обломках империй»¹⁰.

К 60-летию Института славяноведения был выпущен сборник «Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения»¹¹. Его значение и суть, а заодно значение и суть нашей научной деятельности прекрасно показала одна из зарубежных рецензий: «В статьях авторов книги речь идет о живом воссоздании личных и профессиональных судеб интел-

⁵ Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Эллис Лак, 1995; Славянская мифология: энциклопедический словарь. Изд. 2-е, исправленное и дополненное / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 2002.

⁶ История литератур западных и южных славян. В 3 т. / ред. Л. Н. Будагова, А. В. Липатов, С. В. Никольский. М.: Индрик, 1997–2001.

⁷ 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010.

⁸ Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина. М.: Индрик, 2012.

⁹ Роль России в распространении знаний о славянстве / отв. ред. Ю. А. Созина. М.: Лингвистика, 2019. <https://doi.org/10.31168/91922-081-7>.

¹⁰ Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН; ПОЛИМЕДИА, 2020. <https://doi.org/10.31168/0442-8>.

¹¹ Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения / сост. и отв. ред. Е. П. Аксенова. М.: Институт славяноведения РАН, 2007.

лектуалов, которые в тяжелых политических и экономических условиях находили выход из экзистенциального кризиса и моральную поддержку в своей научной деятельности. Разные по жанру и уровню тексты объединяет сквозной мотив восхищения и уважения, чувство истинной гордости за свой Институт, который на протяжении всей своей истории, пользуясь моральным авторитетом, давал не только скромные средства к существованию, но в первую очередь поддержку и радость творческих открытий в поисках нового и неизведанного»¹².

Пожелаем же нашему «Институту победителей», всем его сотрудникам разных поколений и подразделений, его руководству — директору, доктору исторических наук, профессору Константину Владимировичу Никифорову, заместителям директора — кандидату филологических наук Елене Семеновне Узенёвой и доктору исторических наук Ольге Владимировне Хавановой, ученому секретарю института, кандидату исторических наук Никите Сергеевичу Гусеву — доброго здоровья и новых побед в жизни и в науке.

Литература

1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010.

Горский И. К. Историческая поэтика в ее соотношении с другими литературоведческими дисциплинами // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения / ред. М. Б. Храпченко, Г. П. Бердников, Н. К. Гей, С. Г. Бочаров, И. Ю. Подгаецкая. М.: Наука, 1986. С. 128–152.

История литератур западных и южных славян. В 3 т. / ред. Л. Н. Будагова, А. В. Липатов, С. В. Никольский. М.: Индрик, 1997–2001.

Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения / сост. и отв. ред. Е. П. Аксенова. М.: Институт славяноведения РАН, 2007.

Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина. М.: Индрик, 2012.

Роль России в распространении знаний о славянстве / отв. ред. Ю. А. Созина. М.: Лингвистика, 2019. <https://doi.org/10.31168/91922-081-7>.

Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Эллис Лак, 1995.

Славянская мифология: энциклопедический словарь. Издание 2-е, исправленное и дополненное / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 2002.

Сотрудники института славяноведения Российской академии наук. Биобиблиографический словарь / отв. ред. М. А. Робинсон, А. Н. Горяинов. М.: Индрик, 2012.

Стахеев Б. Ф. Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1955.

Стахеев Б. Ф. Третья часть «Дзядов» Мицкевича // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. 1954. Т. 8. С. 234–320.

¹² Zelenka M. Memoáry jako příspěvek k dějinám slasvistiky v Rusku // Slavica litteraria. X, Řada literárněvědné slavistiky. 2009. Roč. 12. Č. 1. S. 167–169.

- Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН; ПОЛИМЕДИА, 2020. <https://doi.org/10.31168/0442-8>.
- Gorski I. O Sienkiewiczu i Wieśolowskim. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986.
- Zelenka M. Memoáry jako příspěvek k dějinám slasvistiky v Rusku // Slavica litteraria. X, Rada literárněvědné slavistiky. 2009. Roč. 12. Č. 1. S. 167–169.

References

- Aksenova, E. P., ed., 2007. *Kak eto bylo... Vospominaniia sotrudnikov Instituta slaviano-vedeniia* [How It Was... Reminiscences of the Members of the Institute of Slavic Studies]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Budagova, L. N., Lipatov, A. V., Nikol'skii, S. V., eds., 1997–2001. *Istoriia literatur zapadnykh i iuzhnykh slavian: v 3 t.* [History of Literatures of Western and Southern Slavs: in 3 volumes]. Moscow: Indrik.
- Gorski, I., 1986. *O Sienkiewiczu i Wieśolowskim*. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Gorskii, I. K., 1986. Istoricheskaiia poetika v ee sootnoshenii s drugimi literaturovedcheskimi distsiplinami [Historical Poetics and Its Correlation with Other Fields of Literary Studies]. In: Khrapchenko, M. B., Berdnikov, G. P., Gei, N. K., Bocharov, S. G., Podgaetskaia, I. Iu., eds., 1986. *Istoricheskaiia poetika. Itogi i perspektivy izucheniia* [Historical Poetics. The Results and the Prospects of Study]. Moscow: Nauka, pp. 128–152.
- Il'ina, G. Ia., ed., 2012. *Leksikon iuzhnoslavianskikh literatur* [Lexicon of South Slavic Literatures]. Moscow: Indrik.
- Murashko, G. P., ed., 2010. *1968 god. "Prazhskaia vesna". Istoricheskaiia retrospektiva* [The Year 1968. The "Prague Spring". Historical Retrospective]. Moscow: ROSSPEN.
- Robinson, M. A., Goriainov, A. N., eds., 2012. *Sotrudniki instituta slavianovedeniia Rossiiskoi akademii nauk. Biobibliograficheskii slovar'* [The Members of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Indrik.
- Serapionova, E. P., ed., 2020. *Chekhoslovakiia i Sovetskaia Rossiia na oblomkakh imperii* [Czechoslovakia and Soviet Russia on the ruins of empires]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; POLIMEDIA. <https://doi.org/10.31168/0442-8>.
- Sozina, Iu. A., ed., 2019. *Rol' Rossii v rasprostraneniі znaniі o slavianstve* [Russia's Role in Spreading Knowledge about Slavic World]. Moscow: Lingvistika. <https://doi.org/10.31168/91922-081-7>.
- Stakheev, B. F., 1955. *Mitskevich i progressivnaia russkaia obshchestvennost'* [Mickiewicz and the Progressive Russian Public]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noi literatury.
- Stakheev, B. F., 1954. *Tret'ia chast' "Dziadov" Mitskevicha* [The Third Part of Mickiewicz's "Dziady"]. *Uchenye zapiski Instituta slavianovedeniia AN SSSR*, VIII, pp. 234–320.
- Tolstaia, S. M., ed., 1995. *Slavianskaia mifologiia: entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Ellis Lak.

- Tolstaia, S. M., ed., 2002. *Slavianskaia mifologiiia: entsiklopedicheskii slovar'. Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe* [Slavic Mythology: Encyclopaedic Dictionary. Second edition, corrected and supplemented]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Zelenka, M., 2009. Memoáry jako příspěvek k dějinám slasvistiky v Rusku. *Slavica litteraria. X, Řada literárněvědné slavistiky*, 12 (1), pp. 167–169.

**СЛАВЯНСКИЙ МИР
В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ
2021
Том 16
№ 3–4**

**SLAVIC WORLD
IN THE THIRD MILLENNIUM
2021
Volume 16
Issue 3–4**

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
DOI номера 10.31168/2412-6446.2021.16.3-4

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2021.16.3-4

Главный редактор:
Е. С. Узенёва

Editor-in-Chief:
Elena S. Uzeneva

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Layout design:
Pavel N. Morozov

Дизайн обложки:
П. К. Донской

Cover design:
Pavel K. Donskoy

На обложке фрагменты иллюстраций
из книги:

Живописная Россия. Отечество наше
в его земельном, историческом, племенном,
экономическом и бытовом значении / под общ.
ред. П. П. Семенова. СПб.; М.: Издание Т-ва
М. О. Вольф, 1896. Т. 4. Ч. 1, 2.

On the cover fragments
from the publication:

Zhivopisnaia Rossiia. Otechestvo nashe
v jeho zemel'nom, istoricheskom, plemennom,
ekonomicheskom i bytovom znachenii / pod
obshch. red. P. P. Semyonova. Saint Petersburg;
Moscow: Izdaniye T-va M. O. Vol'f, 1896. T. 4.
Ch. 1, 2 [Semyonov, P. P., 1896. *Picturesque
Russia. Our Fatherland in Its Geographical,
Historical, Tribal, Economic and Everyday
Significance*. Saint Petersburg; Moscow: Izdaniye
Tovarishchestva M. O. Vol'f. Vol. 4. Parts 1, 2].

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Ленинский просп., д. 32А, корп. «В», Москва, 119334, Россия

Адрес электронной почты:
slavmillen@yandex.ru

Сайт:
slavicworld.ru

Подписано в печать 08.02.2022. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 27,95.
Объем 21,5 печ. л.

Заказ № 11.

Тираж 500 экз.